

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**БАЛКАНСКИЕ
ВОЙНЫ
1912–1913 гг.**

**ДАЛЕКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
И ДОЛГОЕ ЭХО**

МОСКВА
2024

УДК 94
ББК 63.3(2)524
Б20

Издание подготовлено в рамках гранта
Российского научного фонда № 23-28-01062
«Балканская распря 1912–1913 гг. и русское общество»
<https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 7 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 25.11.2024)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кандидат исторических наук *А. А. Леонтьева*,
кандидат исторических наук *В. С. Путьатин*

**Балканские войны 1912–1913 гг.: далекие предпосылки и
Б20 долгое эхо.** Колл. монография / Отв. ред. Н. С. Гусев, Б. С. Котов. —
М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 388 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0508-1

DOI 10.31168/7576-0508-1

В книге представлены статьи восемнадцати ученых из России, Болгарии, Северной Македонии и Сербии, посвященные Балканским войнам 1912–1913 гг. Работы охватывают не только сам конфликт, но и подготовку к нему, его завершение, влияние на модернизационные процессы на полуострове и на историческую память балканских народов. Представлены военный и дипломатический аспекты этих событий, показано отношение к ним извне — российского, немецкого, словенского и чешского обществ.

Труд адресован специалистам, преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся международными отношениями на Балканах и в Европе, славянской идеей накануне Первой мировой войны.

УДК 94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-7576-0508-1

9 785757 605081

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Институт славяноведения РАН, 2024
© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИА», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Гусев Н.С., Котов Б.С.</i>)	5
<i>Агансон О.И.</i>	
Военные ресурсы Болгарии в 1912 году: секретная аналитическая записка Военного министерства Великобритании	12
<i>Алпеев О.Е.</i>	
Влияние балканских кризисов 1908–1909 и 1912–1913 гг. на русское стратегическое планирование	35
<i>Вишняков Я.В.</i>	
Сербское общество накануне Балканских войн	51
<i>Гусев Н.С.</i>	
«Очерк вооруженных сил Болгарии и заметки по поводу войны на Балканах 1912 года» Н.К. Самосеева	62
<i>Гусев Н.С.</i>	
Записная книжка П.Н. Милюкова о поездке на Балканы зимой 1912–1913 гг.	105
<i>Дамье В.В.</i>	
Социалистическая рабочая федерация Салоник 1909–1918: пример интернационалистской альтернативы на Балканах	142
<i>Кирилина Л.А.</i>	
Иван Хрибар и Балканские войны 1912–1913 гг.	160
<i>Константинова Ю.</i>	
Национальные идеалы и политический реализм: болгаро-греческий конфликт во время Балканских войн	177
<i>Кострикова Е.Г.</i>	
Народная дипломатия в условиях Балканских войн 1912–1913 гг.	200
<i>Котов Б.С.</i>	
Правительственное сообщение по балканскому вопросу от 29 марта (11 апреля) 1913 г. и его значение для разрешения Скутарийского кризиса	219

Котов В.В.

Чешский сокольский союз и Первая балканская война
1912–1913 гг.: националистическая благотворительность 235

Кузнецова С.В.

Карикатура, фотография и рисунок с места событий:
Балканские войны в изображениях журнала «Огонек» 259

Лубоцкая А.С.

Фонд Карнеги на Балканах: от отчета 1914 года по результатам
Балканских войн до финансирования журнала «Ле Балкан» —
печатного рупора Балканских конференций 276

Мулина А.А.

Балканские войны 1912–1913 гг. в современных национальных
СМИ Сербии как символ единения балканских народов 287

Панов М.

История как оружие в Балканских войнах (1912–1913):
восставшие призраки средневековья в борьбе за Македонию 298

Радивоевич М.

Конец жаркого лета 1913 г. на Балканах 310

Родин Д.В.

Вторая балканская война 1913 г.: взгляд из Берлина 331

Сорожкина Ю.О.

Белград накануне и в годы Балканских войн:
особенности модернизационных процессов 345

Стыкалин А.С.

Михаил Николаевич Гирс — посланник Российской империи
в Румынии (1902–1912 гг.) 357

Сведения об авторах 385

Предисловие

Настоящий сборник содержит статьи по итогам конференции «Балканские войны 1912–1913 гг.: далекие предпосылки и долгое эхо», прошедшей 19–20 сентября 2023 г. в Институте славяноведения РАН¹ и организованной в рамках реализации проекта Российского научного фонда². Мероприятие было приурочено к 111-летию с начала Первой балканской войны и 110-летию Второй балканской, сборник же выходит в год 110-летия начала Первой мировой. Столетие всех этих событий вызвало широкий интерес научной общественности, в том числе и в России, породило массу мероприятий. Так, в 2011 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция, приуроченная к вековой дате начала Балканских войн, а в 2012 г. вышел соответствующий сборник³.

За последовавшее «постюбилейное» десятилетие вышел ряд работ о Балканских войнах или уделяющих им значительное внимание. Здесь стоит отметить несколько больших трудов, посвященных изучению российского общественного мнения в тот период — монографии Е.Г. Костриковой⁴ и Н.С. Гусева⁵, статьи Б.С. Котова⁶,

---

¹ Программа конференции доступна на сайте Института (<https://inslav.ru/conference/19-20-sentyabrya-2023-g-balkanskie-voyny-1912-1913-gg-dalekie-predposylki-i-dolgoe-eho>), там же даны ссылки на видеозаписи докладов.

² Номер 23-28-01062 «Балканская распря 1912–1913 гг. и русское общество».

³ Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

⁴ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

⁵ Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

⁶ Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112; Он же. Оценка российским общественным мнением политики Румынии в преддверии Первой мировой войны (1912–1914 годы) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 85–101; Он же. Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 го-

сборник документов, подготовленный авторами настоящих строк⁷, а также монографии О.И. Агансон о британской политике в регионе в то время⁸ и П.А. Искендерова о сербско-албанском конфликте сразу после завершения Балканских войн⁹. Конечно, эти события широкими мазками рассматривались в рамках обзора или исследования внешней политики той или иной великой державы, но пожалуй, глубокий их анализ на монографическом уровне данным перечнем исчерпывается. Впрочем, здесь вряд ли стоит удивляться. Балканские войны всегда оставались в тени Первой мировой войны или же вписывались в ряд Русско-турецких как его завершение¹⁰.

Однако составители данного сборника всегда исходили из того, что эти события недооцениваются. Балканские войны 1912–1913 гг. были не просто этапным пунктом в истории международных отношений в Европе и на Балканах, в развитии стран полуострова, общественной мысли России и судьбе славянской идеи: по масштабу своего влияния на последующие события они заслуживают отдельного изучения. Это и обусловило наше желание реализовать научный проект, частью которого стала данная книга.

Преемственность ее по отношению к упомянутому сборнику 2012 г. искать не стоит. За прошедшие годы сменилось многое. Ушли из жизни и организаторы серии «Человек на Балканах» Р.П. Гри-

---

дов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4. С. 67–83, № 5. С. 81–98; *Он же*. Рождение Албанского государства и русское общество в 1912–1914 гг. (по материалам прессы) // Россия и Балканы: геополитика и общественные связи. М., 2022. С. 403–446; *Он же*. «Германия и балканская распря»: оценка российской прессой политики Германии в период двух Балканских войн, 1912–1913 годы // Новая и новейшая история. 2024. № 3. С. 107–126.

⁷ Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы / сост. Н.С. Гусев, Б.С. Котов. СПб., 2023.

⁸ Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022.

⁹ Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.

¹⁰ Например, в ЮФУ конференция к 110-летию Балканских войн была одновременно приурочена и к 145-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (В ЮФУ прошла Всероссийская научная конференция «Балканский соблазн Империи (к 145-летию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и 110-летию Первой Балканской войны)». URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/69686> (Дата обращения: 30.09.2024)).

шина и А.Л. Шемякин. К тому же в отличие от старших коллег, активно исследовавших проблему модернизации на Балканах, мы не ограничивали тематику статей и докладов. Это обеспечило полифоничность сборника, но не позволило нам четко выделить проблемные блоки (потому статьи расположены в алфавитном порядке), хотя дало возможность осветить весьма далекие друг от друга, но близкие к Балканским войнам вопросы.

Среди них приведены статьи о кануне Балканских войн, в частности о готовности сербского общества к военному конфликту (Я.В. Вишняков) и деятельности русского посланника в Румынии в 1902–1912 гг. М.Н. Гирса (А.С. Стыкалин). Осуществлен анализ того, как события 1912–1913 гг. повлияли на более длительные процессы — на модернизацию Белграда (Ю.О. Сорожкина) и существование интернациональной социалистической организации в Салониках (В.В. Дамье). Очень четко показано, что в Болгарии, в отличие от Греции, не сумели рационально подойти к реализации национального идеала (Ю. Константинова), а для Сербии окончание Второй балканской войны отнюдь не было однозначным и мира ей не принесло (М. Радивоевич). Обрисовано и то, как историческая политика и «мобилизация Средневековья» превратились в орудие борьбы за македонские земли (М. Панов). Несколько статей посвящены отношению русского общества к событиям на Балканах и их отражению в русской прессе (Н.С. Гусев, Е.Г. Кострикова, Б.С. Котов, С.В. Кузнецова), отношению славян Австро-Венгрии (В.В. Котов и Л.А. Кирилина) и активности американского Фонда Карнеги на полуострове (А.С. Лубоцкая). Представлен и военно-стратегический взгляд на происходившее из Великобритании (О.И. Агансон) и России (О.Е. Алпеев), а также мнение германских правящих кругов (Д.В. Родин). Хронологически завершает сборник статья об отражении Балканских войн в современных сербских СМИ (А.А. Мулина).

Для понимания того, как сейчас воспринимаются события 1912–1913 гг., мы попросили участников конференции из Сербии и Болгарии высказать свое мнение на этот счет¹¹. Их краткие ответы свидетельствуют — консенсуса по этому вопросу нет.

¹¹ Частично опубликованы в «Российской газете» (Борисов А. Болгарский историк: Балканские элиты часто являются лоббистами чужих интересов // Российская газета. 2023. 20 сентября. URL: <https://rg>.

Балканские войны имеют для Сербии ряд смысловых значений. Во-первых, это вопрос о присоединении к Сербии Македонии. На сегодняшний момент мечты о Македонии окончательно оставили Сербию. Недавно Сербской православной церковью была признана автокефалия Македонской, что стало символической точкой в этом вопросе. Воспоминания о множестве сил, средств и жизней, затраченных Сербией в борьбе за Македонию, оказались на маргинах актуальной исторической памяти. Во-вторых, это вопрос о сербо-болгарском противостоянии. Нарратив о «вероломной политике» Болгарии в годы Второй балканской войны, а также Первой и Второй мировых войн, жив. Однако в большей степени эта негативная часть исторического опыта жива на региональном уровне, на территориях, пострадавших от болгарской оккупации в годы мировых войн, оставляя за рамками вопрос о нападении Болгарии на вчерашнего союзника в начале Второй балканской войны. В общегосударственном и общенародном контексте эта тема менее заметна. В-третьих, Балканские войны представляют собой в Сербии вопрос об освобождении Старой Сербии в 1912 г. — так называемое отмщенное Косово. Эта тема актуальна и привлекает массовое внимание. Однако в нынешних условиях, когда официальная Сербия пытается максимально «облегчить» и «снизить градус общественного внимания» к вопросу о сербо-албанских отношениях, этот аспект истории Балканских войн, вероятно, был бы интересен для общества, но со стороны государства интереса к этому нет. Конференций или масштабных исследований о Балканских войнах в последние два года не было. В целом Балканские войны (как и Первая мировая война) были актуальны в период столетнего юбилея, однако в данный момент наступило определенное затишье. Может быть, причина этому и в том, что сербское общество уже достаточно насыщено воспоминаниями о минувших войнах и стремится к сохранению мира и удаленности от бывших и будущих конфликтов.

*Алексей Юрьевич Тимофеев,
профессор Белградского университета,
главный научный сотрудник Института
новейшей истории Сербии*

Я думаю, что Балканские войны по-прежнему занимают важное место в историческом сознании сербского народа. Великие победы и освобождение Старой Сербии и Македонии от турецкого владычества («после 500 лет ига») являются важным моментом в исторической памяти. Почти любой обычный житель Сербии знает об освобождении Косова и Метохии, Кумановской битве, Брегалнице и Межсоюзнической войне. У этого есть очень важный и актуальный аспект. Во время Первой балканской войны сербская армия спустя пять веков вошла в Косово и Метохию, которые сегодня являются оккупированной территорией и где сербский народ подвергается преследованиям. В эти дни также ходят слухи об опасности того, что памятник погибшим солдатам в Зебрняке, недалеко от Куманова, будет поврежден из-за взрывов для добычи камня, проводимых частной компанией из Северной Македонии. Эта новость с большим огорчением была встречена в Сербии, и была направлена комиссия для проверки последствий такой деятельности рядом с этой достопримечательностью. Говоря о Балканских войнах, можно добавить, что в сербском историческом сознании они связаны с памятью о Первой мировой войне и часто упоминаются вместе как единое целое — освободительные войны 1912–1918 годов. В народной памяти есть песня, которая связывает их: «Кто-то скажет, кто-то соврет, что Сербия мала, / Она не мала, она не мала, она трижды воевала»¹². К сожалению, нет преемственности в государственном отношении к Балканским войнам. В Сербии юбилеи часто используются в политических целях: в зависимости от повседневных задач, некоторые отмечаются, а через год предаются забвению.

*Мирослав Радивоевич,
научный сотрудник Белградского университета*

¹²

Ко то каже, ко то лаже, Србија је мала,
Није мала, није мала, трипут ратовала.
Дванаесте, дванаесте, Турке истерала,
Тринаесте, тринаесте, пред Бугаре стала.
Четрнаесте, четрнаесте, Шваба ударио,
Осамнаесте, осамнаесте, Србин победио.
Ко то каже, ко то лаже, Србија је мала,
Није мала, није мала, увек ратовала,
И опет ће, и опет ће, робовати неће.

Мне кажется, что Балканские войны не та тема, которая волнует общественное мнение в Болгарии. Больше века прошло с их завершения, они стали прежде всего событием в учебной программе по истории. И это, по моему мнению, правильно. Общество должно смотреть вперед, а не застревать в прошлом. Более важный вопрос, однако, заключается в том, сделало ли наше общество правильные выводы из Балканских войн, а это зависит главным образом от интерпретации, которая излагается в учебниках по истории. И в этом смысле мы, историки, в долгу перед болгарским обществом, поскольку корректно изложили факты, но не объяснили их должным образом. Мне кажется, что ошибочно акцентировать внимание на насилии военного времени и насаждать тезис, что кто-то другой виноват в результатах этой войны. Я убеждена, что нам нужно учить своих детей, что каждый человек, как и каждый народ, должен брать на себя ответственность и за успехи, и за поражения. Это превратит их в ответственных личностей, правильно оценивающих свои действия, и даст шанс диалогу вместо войны. В этом для меня и заключается смысл дискуссий между историками — профессионально представить различные точки зрения на прошлое, объединить около общих постулатов на благо будущего.

*Юра Константинова,
ученый секретарь Института балканистики
с центром фракологии Болгарской академии наук*

Они присутствуют в нашем сознании, семейных историях, учебниках. Они знаменуют крах идеи, которой руководилась нация с момента национального возрождения. Вдобавок надо отметить и рост национализма в публичной риторике в последние годы — реакция на «обязательную» любовь к «Европе», на обязательные так называемые «евроатлантические ценности». Тема нации, национальных идеалов идет рука об руку с 1878, 1903, 1912, 1913, 1918 гг., с неудачей восстания 1903 г., с неосуществленными надеждами 1912 г. и погромом 1913 г., с превратившимся в катастрофический выбором 1915 г. и общественными кризисами последовавшего 1918 г. Это акты драмы современной болгарской нации, утраченной веры в осуществление максимума национальной программы — объединения всех земель, которые мы считаем болгарскими. Таким образом, если необходимо от-

ветить на вопрос, актуальна ли тема Балканских войн, то однозначный ответ: да, актуальна! Она и актуальна, и политически эксплуатируется, при этом не всегда в соответствии с научной истиной, как и в случае с любой пропагандой.

И поскольку мой ответ для коллег из России, то добавлю: эта тема благодатна для использования сейчас, она позволяет преодолеть кризис, связанный с русофобской пропагандой в Болгарии. В 1913 г. созданный с русской помощью Балканский союз распался, и Болгария оказалась окружена врагами. Две Балканские войны далеко не содействовали реализации Сан-Стефанской Болгарии — национального идеала, а сейчас публично звучат призывы к тому, чтобы 3 марта¹³ перестало быть национальным праздником.

На Балканах в первые два десятилетия XX в. усилились национальные противоречия, содействовавшие постоянной конфронтации национальных программ. До сегодняшнего дня всякое событие можно оправдать чем-то недостигнутым или утраченным в первые десятилетия. Сегодня, к сожалению, эхо тех лет продолжает раздаваться. Регион — вновь центр чуждых интересов, местные политические элиты являются чужими лоббистами. Требуется время и серьезные трансформации в конфигурации политических факторов, оказывающих влияние в черноморском регионе и на Балканах.

*Румяна Михнева,
секретарь Болгарского общества русистов*

Как видим, Балканские войны в этих странах далеко не изжиты из исторической памяти. Это заметно и по статьям иностранных авторов в настоящем труде. Мы старались показать палитру различных взглядов и историографических школ. Стремясь представить полноту мнений и подходов, уважая авторскую точку зрения, и при переводе статей, и при редактировании их составители сборника считали невозможным корректировать оценки или эмоционально окрашенные высказывания авторов, независимо от того, разделяют их или нет.

Н.С. Гусев, Б.С. Котов

---

¹³ День подписания Сан-Стефанского договора.

Военные ресурсы Болгарии в 1912 году: секретная аналитическая записка Военного министерства Великобритании

В статье представлен перевод одной из глав аналитической записки «Военные ресурсы Болгарии», подготовленной в 1912 г. Военным министерством Великобритании и получившей гриф «секретно». Этот документ хранится в Национальном архиве Великобритании и прежде никогда не публиковался ни в отечественных, ни в зарубежных изданиях. Вниманию читателей предлагается третья глава записки «Стратегические аспекты», в которой рассмотрены факторы, формировавшие внешнюю политику Болгарского царства, его взаимоотношения со странами региона, а также возможные сценарии военных кампаний с участием Болгарии.

Ключевые слова: Болгария, война, Османская империя, македонский вопрос, внешняя политика, Балканы, Военное министерство Великобритании

Преображение Балканского полуострова в «пороховой Погреб Европы» явилось следствием наложения двух сложных процессов, имевших различный генезис: динамики соперничества великих держав в «эпоху империализма» и региональной турбулентности, порожденной более «долгоиграющими» факторами: задачами завершения национального освобождения балканских народов, строительством ими своей государственности, а также адаптацией к новым региональным границам и в связи с этим выработкой *modus vivendi* со своими соседями. Что же касается великих держав, то они стремились упрочить свои военно-стратегические, экономические и политические позиции в рамках существовавшей системы международных отношений, в том числе и посредством конструирования военно-политических союзов. Балканы с их имманентной нестабильностью становились регионом, на который проецировалось блоковое противостояние великих держав (Тройственный союз и Антанта), что наглядно

продемонстрировали вспыхивавшие в Юго-Восточной Европе кризисы — Боснийский кризис 1908–1909 гг. и Балканские войны 1912–1913 гг.¹

Интерес Великобритании к Балканам был продиктован преимущественно двумя обстоятельствами: 1) их геополитическим положением, которое приобретало особое значение в свете кризиса двух мультисубрегиональных империй — Австро-Венгрии и Османской империи; 2) местом этого региона во внешнеполитических калькуляциях других великих держав. Но существовал и третий немаловажный фактор, который обуславливал высокую степень внимания британских общественно-политических кругов к Юго-Восточной Европе: постепенная трансформация молодых балканских государств из объектов в субъекты международных отношений, выраженная в их желании проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Среди части британской интеллектуальной элиты были популярны воззрения лидера либеральной партии У. Гладстона, в годы Восточного кризиса 1875–1878 гг. призывавшего официальный Лондон выстраивать свой внешнеполитический курс в балкано-ближневосточном регионе с опорой на молодые, жизнеспособные, полные сил балканские народы, а не на дряхлеющую деспотичную Османскую империю. При этом среди всех балканских стран «Форин офис» и британское экспертное сообщество особым образом выделяли Болгарию как наиболее перспективное государство, готовое самоотверженно отстаивать свою национальную независимость перед лицом как Османской империи, так и великих держав². Это восприятие отчасти зиждилось на опыте Болгарского кризиса 1885–1886 гг., когда руководство Болгарского княжества осуществило воссоединение с Восточной Румелией вопреки позиции России. Именно Болгарию Лондон считал главным наследником Османской империи и ключевым игроком в македонском вопросе³. Соответственно,

¹ См. подробнее: *Агансон О.И.* В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. М., 2022.

² The National Archives, Kew, UK (далее — TNA). FO 881/8873. General Report on Bulgaria for the year 1906. Genesis of the Macedonian Insurrectionary Movement.

³ A letter from Sir Arthur J. Evans (1), Britain, to The Times, entitled “Who the Macedonians Are”, in which he states his views about Macedonia and

военный потенциал Болгарии становился фактором принципиальной важности в прогнозировании возникновения военных конфликтов на Балканах и их итогов.

Доказательством этого может служить аналитическая записка «Военные ресурсы Болгарии», подготовленная в Военном министерстве Великобритании. Нас интересует вторая часть этой записки, некогда помеченная грифом «секретно»⁴. Она была напечатана в 1912 году, и судя по содержанию документа, его составление пришлось на весну этого года, т.е. на период, когда между правительствами балканских государств, прежде всего Болгарии и Сербии, активно велись переговоры о заключении военно-политического союза⁵. Документ включает в себя пять глав: глава I «Политические аспекты», глава II «Болгарская армия», глава III «Стратегические аспекты», глава IV «Оборона», глава V «Общая эффективность болгарской армии».

Вниманию читателя предлагается перевод главы III «Стратегические аспекты». Выбор в пользу этого фрагмента был сделан, поскольку он отражает специфику восприятия британскими дипломатами и военными факторов, с одной стороны, формирующих внешнюю политику балканских государств, с другой — обуславливающих характер взаимодействия между ними. Неизвестные авторы записки, как, впрочем, и их российские коллеги демонстрировали оптимизм относительно способности Болгарии и Сербии выработать компромиссную формулу в решении македонского вопроса. На взгляд британских военных аналитиков, идеальным выходом стал бы автономный статус Македонии, которая была бы поделена на болгарскую и сербскую сферы влияния. Достижение этой договоренности позволило бы двум славянским государствам начать против Османской империи войну, в которой их шансы на успех были весьма высоки. Кроме того, всерьез рассматривалась возможность координации военных усилий Сербии и Болгарии в пресечении экспансионистских планов Австро-Венгрии

---

her population // Macedonia. Documents and Materials. Sofia, 1978; *Brailsford H.* The Macedonian Revolt // *The Fortnightly Review*. Vol. 74 (September 1903). P. 440.

⁴ TNA. FO 881/10110X. The Military Resources of Bulgaria. Part II (secret).

⁵ *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 92–99.

на Балканах (этот конфликт обозначался как «война за независимость»). На подобный расклад надеялись и в Санкт-Петербурге. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, эти расчеты оказались ошибочными.

Перевод дается с небольшими сокращениями⁶.

Во второй главе было показано, что мобилизация и концентрация болгарской армии в составе девяти дивизий и армейских соединений при наличии подкрепления из девяти резервных бригад может быть произведена в течение трех недель. В третьей главе речь пойдет о трех стратегических проблемах, которые могут дать о себе знать в будущем и определяют характер действий армии Болгарского царства.

Вопросы стратегии будут рассматриваться в рамках трех рубрик:

1. Внешняя политика, поскольку она определяется присущими болгарскому народу чертами и его национальными устремлениями, а также географическими условиями.

2. Политика соседних государств и общий ход событий на Балканах, обнаруживающий возможные причины конфликта.

3. Подготовленность болгарской армии для осуществления национальной политики с особой привязкой к трем стратегическим проблемам.

В целом: в рубрике **1** будет говориться о прошлом, дабы показать, как сочетание национальных особенностей, истории и географии породило политику, которая является естественным выражением болгарского общественного мнения; в рубрике **2** будет представлен настоящий момент и мы попробуем показать, какое воздействие на эту политику оказывает давление обстоятельств; в рубрике **3** мы преимущественно сосредоточимся на будущем, из огромного числа проблем отобрав три, которые, как все считают, потребуют разрешения, раньше или позже.

⁶ Из-за невозможности опубликовать карты, на которых отображено расположение конкретных дивизий, а также специальные таблицы, мы посчитали возможным опустить связанные с этим детали, дабы не перегружать ими текст в отсутствие необходимого визуального сопровождения.

1. Внешняя политика. Болгары по большей части являются нацией крестьян-собственников; у них не развит коммерческий инстинкт и нет аристократии в прямом смысле этого слова. Вряд ли такой народ будут посещать идеи территориального расширения: маловероятно, чтобы их прельщала перспектива приобретений, которая импонировала бы более предприимчивому народу, или же чтобы у них находили отклик шовинистские идеалы, которые иногда преобладают среди правящих классов других народов.

Вполне возможно, г-н Гешов (премьер-министр) выразил чувства большинства своих соотечественников в речи, произнесенной в [Народном] Собрании 14 декабря 1911 г., когда он заявил о том, что целью политики Болгарии являлись поддержание мира и защита независимости государства.

Не последнюю роль в формировании и развитии такого образа мысли сыграл географический фактор.

Как свидетельствует история, гористая местность не способствует образованию и росту крупных государств, и Балканский полуостров не является исключением из этого правила, на его долинах и холмах в течение долгого времени располагались независимые малые страны, глубоко там укоренившиеся и оберегающие свою государственность, несмотря на неоднократные [иноземные] вторжения. Среди этих независимых государств ни одно не находится в более выгодном положении, чем Болгария, географическая позиция которой вкупе с горным рельефом внутренних районов страны может только укрепить те основополагающие принципы ее политики, которые были обозначены выше.

Прежде всего, из ближайших соседей только Турция обладает заметным превосходством в военных и военно-морских ресурсах, и это превосходство скорее кажущееся, чем реальное, учитывая огромные размеры Турецкой империи и ее многочисленные и постоянные трудности, как внутренние, так и внешние.

Северный сосед Болгарии, Румыния, имеет небольшое преимущество в военных ресурсах, но этого недостаточно, чтобы представлять угрозу, в то время как Сербия на западе, после кампании 1885 года, завершившейся неожиданным и громким триумфом Болгарии, не проявляет никакого желания возобновлять военные действия, для которых в любом случае ее военного потенциала совершенно недостаточно.

Опять же сами границы Болгарии, даже при наличии у противника численно превосходящих сил, делают вторжение в страну трудным и опасным предприятием.

На севере Дунай в качестве реки является внушительным естественным препятствием, благодаря своей огромной ширине, отсутствию постоянных мостов и тому факту, что правый берег доминирует над левым между Видином и Силистрией. Слабым местом на этом отрезке границы является участок, обозначенный условной линией между Силистрией и Черным морем. Обладание Добруджей дает Румынии значительные преимущества, так как в этом районе находится постоянный мост в Чернаводэ, по которому железная дорога пересекает Дунай, но наступление на Болгарию из Добруджи было бы далеко не легкой военной операцией из-за отсутствия в округе хороших шоссе и железнодорожных коммуникаций.

На востоке Болгария омывается Черным морем. Береговая линия, с учетом изгибов, составляет около 75 миль в длину и имеет только две гавани, представляющие какое-либо значение: Варну и Бургас; одну из них или сразу обе придется занять, прежде чем произвести высадку большой армии вторжения. Обе гавани укреплены; характер фортификаций в настоящее время точно не известен, но можно с уверенностью сказать, что болгарское правительство предпринимает энергичные шаги по обеспечению обороны побережья, и в последние годы в качестве чрезвычайных расходов выделило почти 1,5 млн стерлингов, которые должны быть потрачены на тяжелую артиллерию, подводные мины и торпедные катера. Эти меры уменьшат уязвимость восточной границы и задержат, если не сорвут, десантные операции в акватории двух черноморских портов.

На всем своем протяжении южная граница Болгарии проходит по изрезанной и гористой местности.

Насколько подобная граница может быть эффективным препятствием для вторжения, свидетельствует тот факт, что существуют только четыре хорошие дороги, следующие из европейской Турции в Болгарию, хотя расстояние с востока на запад составляет каких-то 220 миль.

Беря начало в восточной точке границы, эти дороги проходят (см. карту 1)⁷.

⁷ Карта не воспроизводится.

- (i) От Адрианополя через долину Тунджи к Ямболу.
- (ii) От Адрианополя через долину Марицы к Филиппополю.
- (iii) Из Джумаи через долину Струмы к Дупнице.
- (iv) От Куманово через Эгри-Паланку к Кюстендилу.

Вдобавок рассматривается вопрос о строительстве двух стратегических дорог между Бургасом и турецкой границей, которые, вероятно, соединятся с двумя дорогами, идущими к северу от Кирк-Килиссе, одна из которых (западная) уже достигла болгарской границы в районе Кофчаза.

На уже существующих дорогах (i) и (ii) вблизи границы расположены оборонительные сооружения; что касается дороги (iii), то постоянный гарнизон размещен в Дупнице.

Линия Восточной железной дороги проходит параллельно дороге (ii) и пересекает ее на турецкой территории неподалёку от границы. Вплоть до границы направление Болгарской железной дороги совпадает с дорогой (iv), и турки согласились проложить ответвление от Куманово, чтобы соединиться с этой линией.

Примечательной особенностью этих коммуникаций является то, что они проходят через крайние точки границы. Между Адрианополем и Джумаей, расположенными на расстоянии 180 миль друг от друга, нет ничего, кроме пролегающих через горы тропинок.

Широкий разрыв между главными линиями продвижения увеличил бы трудности для армии вторжения, поскольку использование всех четырех дорог сопряжено с риском поражения отдельных групп армий, в то время как концентрация на двух дорогах, идущих через горные перевалы, создает серьезные неудобства для материально-технического обеспечения, даже если бы можно было эффективно задействовать большие силы.

Западная граница по своему характеру аналогична южной — 80 миль в длину, ее пересекают только три дороги, а именно (см. карту 1):

- (i). От Пирота (в Сербии) через Врабчу к Дупнице.
- (ii). От Пирота (в Сербии) через Цариброд в Софию.
- (iii). Из Парачина через Заечар в Видин.

Дорога (ii) прикрывается Восточной железной дорогой и укреплена оборонительными сооружениями в районе Сливницы.

О границах Болгарии было сказано достаточно, чтобы показать, что они образуют мощные естественные барьеры, защищающие от вторжения; и что в местах, где их пересекают железнодорожные линии, столь необходимые для содержания современной армии, были построены оборонительные сооружения.

В пределах этих границ Балканский хребет, простирающийся с востока на запад и делящий страну на две почти равные половины, представляет собой вторую линию обороны.

Опыт войны 1877 года показывает, сколько трудностей представляет эта область для движения крупных войсковых частей и какое упорное сопротивление может оказать вторгшимся силам численно уступающая обороняющаяся армия, хорошо знающая местность и привыкшая к суровому климату гор.

Географические условия влияют на политику государства в том случае, когда его границы либо не включают в себя то, что, как подсказывает национальное чувство, они должны включать, либо когда их конфигурация и расположение таковы, что подвергают территорию страны постоянной угрозе вторжения.

В таких обстоятельствах желание мира — это не более чем благочестивое стремление, а сохранение независимости во многом обуславливается доброй волей соседних государств.

Болгария не страдает от подобных изъянов. Присоединение Восточной Румелии в 1885 году удовлетворило амбиции большинства разумных болгар в отношении территориального расширения, а за исключением примыкающего к Добрудже небольшого участка северной границы, сомнительно, чтобы какое-либо исправление границ могло улучшить положение Болгарии с военной точки зрения.

Политика соседних государств. Австро-Венгрия — сильнейшая держава на Балканском полуострове и единственная из великих держав, чья политика должна быть рассмотрена в этой главе.

Россия, правда, с исторической и расовой точки зрения, заинтересована в южнославянском вопросе, но ее практические интересы распространяются на другие регионы, и существует немало признаков, указывающих на возможность достижения взаимопонимания между двумя великими державами, наиболее заинтересованными в будущем балканских государств.

Назначение г-на Гирса на пост посла в Константинополе вместо г-на Чарыкова является важным событием, учитывая явные

проавстрийские симпатии первого; одним из объяснений этого назначения может служить тот факт, что оно призвано содействовать продвижению Австрии на юг, не ставя при этом турок в неловкое положение, в то время как Россия в обмен на оказанные услуги сможет рассчитывать на поддержку Австрии, когда в следующий раз на повестку дня будет вынесен вопрос о Дарданеллах.

Что касается других великих держав, то Великобритания и Франция пока не проводят активной политики; Германия, естественно, поддержит своего главного союзника; Италия в данный момент занята другими делами, и ее амбиции ограничены западной частью полуострова.

Поэтому Болгария, как и другие христианские государства на Балканах, ждет, что предпримет Австро-Венгрия, и, вероятно, молится, чтобы она ничего не предпринимала, потому что пока сохраняется настоящее положение вещей, трудно представить, как между этими двумя государствами могут возникнуть какие-либо разногласия.

Их границы нигде не соприкасаются, интересы не сталкиваются, а торговые отношения находятся в удовлетворительном состоянии. Правда, болгарский экспорт в Австро-Венгрию в последнее время сократился, но Австро-Венгрия возглавляет список стран, импортирующих болгарскую продукцию: ее доля в общем импорте составляет около 25 процентов.

Все вышеперечисленное — это факторы, способствующие поддержанию мира, который потенциально может быть разрушен некоторыми пока не претворенными в жизнь обстоятельствами.

Одним из таких обстоятельств, несомненно, станет дальнейшая аннексия Австро-Венгрией балканских территорий, населенных южными славянами.

Соображения, влияющие на политику австрийских государственных деятелей в этом вопросе, разнообразны и противоречивы.

В течение многих лет двуединая монархия вынашивала далеко идущие планы в отношении Салоник, эти планы могли быть и в некотором роде были провозглашены лояльными [Габсбургам] историками и дипломатами как благочестивое желание спасти христианское население Македонии от господства турок; и это был бы не первый случай в мировой истории, когда интервенция

разворачивалась бы под знаменами крестового похода, а завоевательная кампания преподносилась бы как священная война.

Поэтому аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году рассматривалась многими осведомленными кругами лишь как прелюдия к более масштабному движению на юг, движению, которое, используя как предлог волнения в Сербии, поглотило бы эту страну, тем самым сделав следующий шаг [в направлении главной цели].

Австро-венгерскому руководству следовало учитывать расовые симпатии своих югославянских подданных. Следовало внедрить триализм и создать Югославянское королевство, включающее Сербию, Хорватию, Славонию, Далмацию и уже аннексированные провинции, присягнувшие на верность австрийской короне, тем самым трансформировав монархию из двуединой в триединую.

С точки зрения болгар, недостатки этой политики очевидны. Западная граница больше не будет прикрыта слабым буферным государством, каковым являлась Сербия, теперь над ней будет довлеть великая европейская держава, представляющая угрозу для болгарской независимости и вызывающая чувство горького негодования у своих югославянских подданных.

С другой стороны, Австро-Венгрия получила бы значительный выигрыш в престиже и территории; кроме того, она бы приобрела плацдарм, который существенно облегчил бы дальнейшее продвижение к Эгейскому морю.

Единственной пострадавшей стороной оказались бы Сербия и Болгария, которые ради сохранения своей независимости были бы вынуждены сражаться с превосходящими силами противника.

Дальновидный турецкий государственный деятель мог бы узреть необходимость решительных действий, но скорее всего турецкие провинции станут следующей добычей [Австро-Венгрии], ибо нейтралитет Порты обеспечит ей лишь временную неприкосновенность, а она сама окажется не способной разглядеть в этом движении Австрии начало конца Турции в Европе.

Вероятно, Румыния примкнула к Тройственному союзу. Если эта информация верна (а пока официального подтверждения нет), то перспективы Болгарии и Сербии становятся еще более мрачными, однако на это можно возразить тем, что в последнее время болгаро-румынские отношения становятся все более сердечными, и в любом вопросе, не затрагивающем Македонию, маловероят-

но, чтобы Румыния заняла враждебную позицию по отношению к Болгарии.

Все вышеприведенное относится к тем соображениям, которые могли бы повлиять на австрийских государственных деятелей в пользу наступательной политики на Балканском полуострове; как будет видно, вряд ли стоит ожидать сильного сопротивления империи со стороны внешних сил. Реальное неприятие такой линии поведения исходит изнутри империи, и обусловлено это тем, что Австро-Венгрия не является гомогенным государством: в ее пределах проживают австрийцы, мадьяры, румыны и славяне — народы, исповедующие разные религии, преследующие разные цели и зачастую руководствующиеся противоположными интересами. Например, венгры с неприязнью отнесутся к любому падению своего влияния в связи с образованием третьего королевства под властью австрийской короны, что будет чревато для Венгрии потерей Хорватии-Славонии. Опять же, многочисленный славянский элемент в империи вряд ли смирится с подчинением их собратьев в Сербии, хотя в настоящее время они могут жить в другой стране и иметь другое правительство.

Это и есть те два фактора, которые имеют сдерживающий эффект для австрийской экспансии на юг; их существование представляет жизненно важное значение как для Болгарии, так и для других балканских государств.

В настоящее время политический барометр показывает хорошую погоду: разногласия между Венгрией и Австрией острее, чем когда-либо, но всегда есть страх того, что в какой-то момент непримиримые, казалось бы, элементы внутри двуединой монархии сблизятся, и тогда будет сделан роковой шаг.

О влиянии этого страха на болгарскую национальную политику говорит численность армии, которая в пропорции к численности населения превышает любую армию в Европе.

Определенная часть прессы постоянно требует сокращения военного бремени страны, как несоразмерного с населением и ненужного для проведения национальной политики, но правительство и большинство сознательных граждан понимают опасность [этих мер] и то, насколько необходимыми являются большие вооруженные силы для сохранения болгарской независимости, в результате чего военный бюджет на 1911 год заметно увеличился по сравнению с бюджетом на 1910 год.

Отношения с Турцией и Сербией. Если отношение Болгарии к политике Австро-Венгрии в некотором смысле пассивное, то с Турцией все наоборот.

Отчасти это объясняется политикой, проводимой турецким правительством в европейских провинциях: оно выступает решительно против любого вмешательства в македонские или албанские дела и в то же время выказывает либо неспособность, либо нежелание проводить столь назревшие реформы. В результате во всей Болгарии разгорается недовольство по отношению к Турции, которое часто приводит к актам насилия и это недовольство настолько широко распространено, что предложение о создании Балканской конфедерации, озвученное недавно в Константинополе, не имеет шансов на поддержку со стороны болгарского народа, пока в турецких провинциях по-прежнему сохраняется дурное управление.

Подобные умонастроения обнаруживают семена активной и, если потребуется, агрессивной военной политики со стороны болгарского народа, которая по своей природе противоположна политике, описанной выше, но была навязана болгарам силой обстоятельств.

Возможны два варианта развития событий:

- а) включение Македонии в состав Болгарии;
- б) превращение Македонии в автономную провинцию.

Оба варианта неизбежно приведут к войне между Болгарией и Турцией.

Вариант «а» вызывает серьезные возражения: болгары, проживающие в Македонии, и население Болгарского царства — это не одно и то же; македонские болгары говорят на другом диалекте, они понимают, что их присоединение вызовет острую ревность со стороны других балканских государств, и не хотят играть роль яблока раздора.

Соответственно, следуя курсу «а», Болгария навлечет на себя враждебность не только со стороны Турции, но и Румынии и Сербии.

Курс «б» будет рассматриваться Сербией и южными славянами в целом как более приемлемое решение македонского вопроса. Действительно, Болгария могла бы с полным основанием рассчитывать на благожелательный нейтралитет, если не на активную

поддержку Сербии, проводя политику, беспристрастность которой не вызывала бы сомнений и которая гарантировала бы гражданские и религиозные свободы жителям Македонии.

Отношения с Румынией. Реакцию Румынии предсказать сложнее. Этот латинский народ не имеет никакого реального отношения к заселению Македонии; единственное возможное оправдание вмешательства румынского правительства заключается в том, что влахи (один из многочисленных народов Македонии), как утверждается, имеют румынское происхождение. Тем не менее, Румыния, чтобы было чем торговаться при окончательном дележе территорий, постаралась увеличить число своих так называемых собратьев (хотя они не говорят на румынском языке), финансируя церкви и школы по всей Македонии, тем самым она привнесла новый элемент в международное соперничество, развернувшееся в этом беспокойном регионе.

Турки всегда смотрели на румынские притязания в Македонии как на безобидную научную теорию, которая тем не менее была неприятна славянам, поэтому турецкое правительство в прошлом поддерживало румынскую пропаганду, и между двумя странами существовали дружеские отношения.

Недавние слухи о турецко-румынской конвенции были опровергнуты официальными кругами, но они могут иметь под собой некоторое основание, и вполне возможно, что Румыния сочтет целесообразным вмешаться в любой конфликт между Турцией и Болгарией, если появятся намеки на то, что последняя становится преобладающей державой на Балканах.

В случае открытой враждебности Румынии Болгария вряд ли смогла бы начать кампанию против Турции, предварительно не заручившись поддержкой Сербии.

Выше была предпринята попытка дать общее представление о политике Болгарии, показать, как эта политика меняется и как на нее влияют цели и конфликтующие друг с другом интересы соседних государств. При рассмотрении столь обширного и многоаспектного вопроса невозможно прийти к определенному выводу, претендующему на непогрешимость, но для целей военного исследования необходимо сосредоточить внимание на одной или нескольких конкретных проблемах, выводы из которых могут быть применимы к другим сюжетам, не обсуждаемым подроб-

но, и в любом случае этот труд должен расширить наше знание о предмете.

Военные проблемы, которые будут рассматриваться в третьей рубрике, указанной в начале этой главы, следующие:

Война за независимость: союз Болгарии и Сербии против Австро-Венгрии.

Война между сербо-болгарским союзом и Турцией, поддерживаемой Румынией.

Война между Болгарией и Турцией.

3. Степень готовности болгарской армии для проведения национальной политики

Война за независимость. При ведении войны за независимость против великой военной державы стратегические планы таких малых стран, как Болгария и Сербия, неизбежно будут основаны на ложном принципе — оборонительной форме войны. Очевидно, что для союзных армий Болгарии и Сербии было бы невозможно переправиться через Дунай или Саву и перенести войну на территорию противника, определив в качестве главной цели его действующую армию.

Курс, более соответствующий политике, лежащей в основе войны за независимость, заключался бы в максимально возможном использовании естественных препятствий для задержки вторжения и создании помех продвижению противника, после того как им будет пересечена граница. Такой курс не оттолкнул бы симпатии других держав, дал бы передышку, чтобы собрать все имеющиеся силы, и позволил бы выиграть время, что является важным фактором, поскольку каждый день промедления увеличивал бы шансы на иностранное вмешательство.

Австро-Венгрии открыты следующие пути:

- (i) Переправиться через Дунай между Белградом и Оршовой.
- (ii) Пересечь западную границу Сербии между Вишеградом и местом слияния Дрины с Савой.
- (iii) Сочетание пунктов (i) и (ii).
- (iv) Пройти через Румынию и форсировать Дунай где-то на северной границе Болгарии.

Из вышеперечисленных вариантов первый представляется наиболее вероятным. Этот путь наступления непосредственно

угрожает сербской столице; на него попадают две железнодорожные линии, пересекающие границу, и две ветки, заканчивающиеся на границе; он ведет в самые богатые и густонаселенные части сербского королевства.

Второй вариант уязвим для критики, поскольку линия наступления пройдет через австрийскую провинцию (Боснию), население которой в основном состоит из южных славян: если они по факту не поднимут восстания, то все равно потребуются постоянное наблюдение за ними и привлечение больших сил для защиты линий коммуникаций.

Вариант (iii), при наличии преимуществ (i) и слабых сторон (ii) пути, предполагает широкое первоначальное разделение сил, которое едва ли может быть осуществлено к западу от линии Восточной железной дороги, а задержка, вызванная неизбежно медленным продвижением западной армии вторжения, помешает быстрому нанесению сокрушительного удара, с помощью которого Австро-Венгрия могла бы наилучшим образом довести кампанию до успешного завершения.

Вариант (iv), как предполагается, повлечет за собой нарушение нейтралитета Румынии. Такой ход дела был бы очень опасным. Во-первых, он преждевременно раскрыл бы истинную природу австрийских замыслов, поскольку, при нанесении первого удара по Болгарии исчезло бы всякое оправдание кампании на том основании, что она была направлена на устранение беспорядков в Сербии. Во-вторых, румыны, даже если бы их правительство уступило форс-мажорным обстоятельствам, возмутились бы использованием их страны в качестве проходной дороги, поскольку в их памяти еще живы воспоминания о невыполненных обещаниях 1877 года. И, наконец, возрос бы риск иностранной интервенции.

Из вышесказанного следует, что, во всяком случае, на начальных этапах кампании театром военных действий будет северная граница Сербии, а роль болгарской военной политики будет заключаться в усилении сербской армии всеми доступными людскими ресурсами и оружием. <...>

В особых условиях кампании, когда прежде всего важно как можно быстрее усилить сербскую армию, целесообразность концентрации крупных сил в Болгарии до границы вызывает сомне-

ния. Концентрация сил перед базами, расположенными вблизи сербской границы, представляется более эффективным методом, и предполагается, что, действуя по этому принципу, можно достичь результатов, представленных в следующей таблице⁸. <...>

Эффективность болгарской армии подробно рассматривается в главе V, для настоящих же целей достаточно сказать, что проводимая в мирное время проверка в отношении высшего руководства не выявила ни одного генерала, обладающего исключительной квалификацией. Количество подготовленных штабных офицеров недостаточно, а те, кто получил образование за границей, могут иметь лишь небольшой практический опыт в управлении крупными военными соединениями и поддержании их в полевых условиях.

Основа армии превосходна, ибо она набрана из выносливого крестьянского сословия, привыкшего к тяжелому ручному труду и жизни под открытым небом.

Против описанных выше сил Австро-Венгрия может выставить армию, превосходящую их по численности, подготовке, руководству и оснащению.

Предполагается, что за 14–21 дней пять австрийских армейских корпусов, состоящих из 13 дивизий, окажутся на северной границе Сербии, а еще через 14 дней в качестве подкрепления будут доступны еще четыре армейских корпуса или 12 дивизий.

Одно только численное превосходство является подавляющим, и с этой точки зрения сразу же становится очевидной несостоятельность болгарской и сербской армий в отстаивании своей независимости. Однако есть и другие факторы, которые говорят в пользу малых государств.

Страна, через которую будут продвигаться захватчики, гориста и пересекается только одной железнодорожной линией, тогда как две трансграничные линии соединяются в 25 милях к югу от границы.

Продвижение неизбежно будет медленным, значительная часть австрийской армии будет задействована для обороны линии коммуникаций, а остальные войска, огромная громоздкая масса, будут привязана к долине Моравы и линии Восточной железной дороги.

⁸ Таблица не воспроизводится.

Если болгарская и сербская армии возьмут на вооружение русскую тактику 1812 года, Австрия столкнется с чрезвычайно сложной проблемой, каждый день кампании обернется огромными тратами финансовых и военных ресурсов империи и будет содействовать укреплению рядов ее противников. Время и приближение зимы могут оказаться более смертельными врагами, чем армия.

В таких условиях было бы неразумно предсказывать Австро-Венгрии легкую победу, история может повториться в виде болгарской Москвы или южнославянской язвы.

Македонский вопрос. Две другие стратегические проблемы связаны с македонским вопросом.

С географической и административной точек зрения Македонии не существует, это всего лишь термин, используемый европейскими дипломатами для обозначения находящейся под властью Турции территории в Европе; она населена болгарам, сербам, грекам, влахам, туркам и албанцами; там постоянно бурлит недовольство. Для турок и болгар Македония включает в себя вилайеты, или турецкие провинции, Салоники, Монастир и Косово; сербы, в свою очередь, не признают Косово частью Македонии, для них этот вилайет — «Старая Сербия». Греки называют Македонией исключительно Салоникский и Монастирский вилайеты, памятуя о своих древних традициях и прошлой империи. Все эти разнообразные национальности отождествляют себя с церквями, а церковные структуры используются в ходе межнациональных распрей.

Из этого расклада следует, что прежде чем Болгария и Сербия смогут предпринять совместные действия в Македонии, между ними должно быть достигнуто четкое понимание того, что на самом деле означает фраза «автономная Македония». Некоторые формулировки пользуются популярностью из-за своей расплывчатости: они неконкретны и, следовательно, удобны, но когда приходит время действовать, необходимо более точное представление об их сущностном содержании.

Автономия определяется как «способность или право на самоуправление». В настоящее время Македония является турецкой провинцией, т.е. находится под управлением Турции. На любое требование, озвученное другими государствами касательно автономии Македонии, Порты вполне резонно ответит: «Вы предлага-

ете отобразить у нас нашу собственность, и мы будем бороться за ее сохранение».

Война неизбежна, и прежде чем в нее вступать, Болгария и Сербия должны были бы, во-первых, договориться о точной протяженности территории, на которую они предполагают распространить сомнительный дар автономии, и, во-вторых, определить свои соответствующие «сферы влияния» в автономной провинции.

Известный писатель, занимающийся югославянским вопросом, говорит, что название «югославянин» в самом широком смысле является географическим термином и южную границу территории, населенной этим народом, он обозначает линией, проведенной через Ульцинь, Ипек, Монастир и Салоники.

Вилайеты Косово и Салоники непосредственно примыкают к территории Болгарии и Сербии и находятся в пределах упомянутой выше границы. Монастир (вилайет) простирается дальше к юго-западу, примыкает к Греции и по большей части находится за пределами этой границы.

Поэтому можно предположить, что между Болгарией и Сербией могло быть достигнуто соглашение, исключающее Монастирский вилайет из состава автономной провинции, которая в дальнейшем для удобства будет именоваться Македонией. Это ограничение обусловлено различными причинами.

Были бы удовлетворены национальные чувства, уменьшилась бы вероятность вмешательства Греции, а урегулирование вопроса о сферах влияния могло бы быть достигнуто на основе передачи Косово Сербии, а Салоник — Болгарии.

Признание Турцией этих договоренностей может быть достигнуто только силой оружия, и более чем вероятно, что Румыния поддержит турецкое правительство в сопротивлении акту агрессии, затрагивающему владшское население. <...>

Сербо-болгарский союз в борьбе против Турции, поддерживаемой Румынией. <...>

Для союзных армий Болгарии и Сербии открыты следующие пути

(i) Удерживать турецкую армию на востоке с помощью 2-й армии, румынскую армию на севере — 3-й армии и наступать на Косовский вилайет 1-й и 4-й армиями.

(ii) Удержать турецкую армию на западе с помощью 4-й армии, а румынскую армию на севере — 3-й армии, и наступать на Адрианополь 1-й и 2-й армиями.

Считается, что первый путь — лучший вариант: он позволяет нанести решающий удар в регионе, приобретение которого является целью кампании; линия продвижения не будет блокироваться такой твердыней, как Адрианополь, и болгарские, и сербские войска будут активно сотрудничать в процессе вторжения, тогда как в случае второго варианта единственное серьезное наступление будет производиться болгарскими войсками в области, удаленной от Македонии.

Можно возразить, что было оставлено недостаточно сил, чтобы справиться с румынской армией, или, другими словами, что значение Дуная как препятствия было переоценено. Однако Дунай — очень большая река, ширина которой в среднем достигает 700 ярдов, и для строительства полевого моста, пригодного для переправы крупных сил, потребуется не менее недели, а для сооружения пролетных строений такого моста — огромное количество материала.

Кроме того, прежде чем предпринимать попытки переправы через Дунай с помощью полевых мостов, необходимо уничтожить болгарскую речную флотилию, а в этом смысле Болгария и Румыния обладают примерно одинаковыми ресурсами, баланс склоняется, если о нем вообще можно говорить, в пользу первой.

Как уже отмечалось, слабое место на северной границе находится в направлении Добруджи, и, используя постоянный мост в Чернаводэ, где железная дорога из Бухареста в Констанцу пересекает Дунай, румыны могут перебросить 150 000 человек в северо-восточную часть Болгарии примерно за 35 дней. При предложенном распределении болгарской армии румынским войскам будут противостоять три болгарские дивизии 1-й линии и три резервные бригады, или в общей сложности около 87 000 человек, не считая 5-й сербской дивизии. С другой стороны, в стране, которую предстоит пересечь румынским войскам, мало хороших дорог и она холмистая, продвижение будет медленным, и они могут удерживаться на севере Балкан в течение нескольких месяцев, пока 1-я и 4-я армии будут вести наступление в Македонии. <...>

Учитывая возможные варианты действий Турции и прежде чем решить, какой курс будет позволено выбрать турецкому ко-

мандованию, необходимо принять во внимание не только стратегические факторы, но также, как показывает история, и специфические черты Турции и ее отношение к войне. Во всех войнах турки никогда не проявляли большой инициативы, в этой конкретной войне их целью будет защита своих провинций в Европе, а не приобретение территории; наконец, вследствие откладывания активных действий до прибытия подкреплений из Азии можно с некоторой долей правдоподобия утверждать, что после того как их силы достигнут численного превосходства, окончательная победа им будет обеспечена, а раннее наступление ничего не даст.

Эти моральные факторы в сочетании с уже упомянутыми стратегическими факторами, по-видимому, оправдывают вывод о том, что курс турок будет заключаться в обороне на востоке и западе в ожидании прибытия подкреплений из Азии. Следовательно, болгары и сербы, следуя первому из двух указанных им курсов, должны были бы закрепиться в Косовском и Салоникском вилайетах и, руководствуясь принципом *j'y suis, j'y resiste*⁹, иметь возможность торговаться, когда, как это, вероятно, и произошло бы, великие державы вмешались бы и настаивали на мирном урегулировании. <...>

Войны стали бы нечастым явлением, если бы результат был предрешен, но в отношении этой конкретной кампании можно сказать, что болгары и сербы имеют все шансы на успех.

Кампания между Болгарией и Турцией. Последняя проблема, которую осталось обсудить, — касается войны между Болгарией и Турцией, во время которой обе стороны будут лишены помощи союзников. <...>

Даже если бы Болгария не испытывала никаких опасений относительно безопасности своей северной границы и могла рассчитывать на благожелательный нейтралитет Сербии (оба эти предположения сомнительны), в долгосрочной перспективе Турция смогла бы задействовать вдвое больше войск и противостояние закончилось бы исчезновением Болгарии как самостоятельного царства. Вероятно, никто не оценил истинность этого утверждения лучше, чем сами болгары и их нынешний правитель — царь Фердинанд.

⁹ «Я нахожусь там, я оказываю сопротивление» (фр.).

С другой стороны, было бы непросто ограничить кампанию на Балканском полуострове противостоянием между Болгарией и Турцией, и чем больше рассматривается такое предположение, тем более невероятным оно кажется, поэтому, прежде чем приступить к детальному обсуждению этой проблемы с военной точки зрения, необходимо объяснить обстоятельства, при которых она может быть решена.

Урегулирование македонского вопроса — избитая тема для разговоров. В ней заинтересовано большинство великих держав и все балканские государства; и хотя существует общее согласие в том, что надо что-то предпринять, любое средство, предложенное одной стороной, кажется настолько хуже болезни для других заинтересованных сторон, что никто не спешит сделать первый шаг. Дипломатии, однако, не привыкать к таким чрезвычайным ситуациям, и в данном конкретном случае, когда Австрия, Россия, Болгария, Сербия и Румыния, не говоря уже о других европейских державах, исходят из того, что турецкое правление в Европе является анахронизмом, должна появиться возможность найти выход из затруднительного положения.

Например, признавая, что взаимный страх и недоверие не позволяют ни Австрии, ни России в настоящее время вмешиваться в дела Македонии, и исключая возможность их совместных действий и раздела добычи, остается более гибкий метод, который косвенно направлен на достижение поставленной цели и в качестве орудия использует третье лицо.

Существуют различные причины для того, чтобы сделать этим третьим лицом Болгарию.

Во-первых, Болгария больше, чем какое-либо другое государство, желает скорейшего урегулирования македонского вопроса; во-вторых, остающиеся неразрешенными противоречия, как религиозные, так и финансовые, между Турцией и Болгарией многочисленны и порой остры; наконец, географическое положение Болгарии указывает на то, что она естественным образом находится во главе движения, конечной целью которого является изгнание турок из Европы.

Необходимым условием, которое могло бы оправдать единоличное вторжение Болгарии в Македонию, является:

- (i) Австрия и Россия должны обеспечить спокойствие Сербии и Румынии во время военной операции.
- (ii) Обещание поддержки со стороны Австрии и России в случае первоначального успеха.
- (iii) Гарантия создания автономии в Македонии по окончании кампании вместе с точным определением территории, подпадающей под это понятие.

В данных обстоятельствах Болгария может быть сподвигнута сделать первый шаг, хотя он и кажется опасным.

Ранее были приведены подробные сведения о силе и диспозиции военных ресурсов Болгарии и Турции, на основании которых можно сделать вывод о готовности болгарской армии к проведению этой политики.

Как и в случае второй военной проблемы, обсуждаемой в этой рубрике, первый пункт, который необходимо рассмотреть, — это то, на каком фланге южной границы должна быть произведена основная концентрация. В данном случае можно не сомневаться, что концентрация шести дивизий на западе и смелое продвижение вперед в Косовский вилайет дадут наилучшие результаты в кратчайший срок.

Дивизиями, участвующими в этом наступлении, будут: 1-я, 2-я, 5-я, 6-я, 7-я и 9-я, которые, с резервными бригадами и армейскими взводами, будут насчитывать не менее 180 000 человек; 3-я, 4-я и 8-я дивизии будут удерживать долины Марицы и Тунджи.

На 28-й день болгарская армия в Косовском вилайете будет превосходить по численности турецкую в соотношении 2:1, и ранее и энергичное наступление болгарской армии в этом направлении должно обеспечить тот первоначальный успех, который позволит заручиться обещанной поддержкой Австрии и России.

Кампания такого рода предполагает тщательную и тайную подготовку в мирное время. Чтобы нанести быстрый и решительный удар, работа всех административных служб должна быть заранее налажена, а все части военной машины должны быть в исправном состоянии. Звучат опасения относительно того, что в болгарской армии обнаружится множество недостатков, когда она будет призвана предпринять столь значительные усилия.

Эти недостатки проявятся на тех этапах, которые приходится на период между мобилизацией и боевыми действиями и для ко-

---

торых в настоящее время не предусмотрено никаких адекватных механизмов.

Существующие службы слишком малы, чтобы справиться с многообразными мероприятиями, которые должны быть проведены на этих этапах, помимо командования мобилизованными войсками, а оперативный отдел при Военном министерстве не может удовлетворительно осуществлять централизованное руководство всеми оперативными задачами, связанными с этими этапами. Вряд ли можно представить себе, что необходимость таких мер, о которых идет речь, не была должным образом принята во внимание, и наиболее вероятно, что они должны быть осуществлены гражданскими властями под центральным военным контролем. Опыт войны с Сербией 1885 года показал, что болгары способны быстро импровизировать при решении организационных вопросов, и нет сомнений, что все население страны соберется и приложит для этого все силы и что болгарские войска рано или поздно «своего добьются». Но недостаток обученных кадров говорит о том, что организация армии в мирное время не обеспечивает в достаточной степени устранения тех трудностей, которые должны сопутствовать передвижению на приграничные позиции или пересечению границы войсками, численность которых увеличилась в случае пехоты в четыре раза по сравнению с мирным временем, и мобилизованными в сравнительно небольших районах, в которых не все коммуникации приспособлены для бесконтрольного передвижения войск и транспорта. Организация, основанная на гораздо более широком рассредоточении многих мобилизационных центров, возможно, более уверенно гарантировала бы способность различных войск быстро сосредоточиваться в любых наиболее угрожаемых пунктах на границе или собираться на своих позициях для подготовки к наступлению.

Эти соображения, в сочетании с отсутствием среди значительного большинства старших офицеров болгарской армии смелой инициативы как ведущей черты характера, вызывают определенный скептицизм в отношении ее способности успешно осуществить быструю переброску 180 000 человек через южную границу — задачу, которая, ввиду ограниченного количества железных дорог и шоссе, считалась бы исключительной для самых высокоподготовленных европейских армий.

Влияние балканских кризисов 1908–1909 и 1912–1913 гг. на русское стратегическое планирование

Статья посвящена влиянию Боснийского (1908–1909 гг.) и «мобилизационного» (1912–1913 гг.) кризисов на русское стратегическое планирование перед Первой мировой войной. В обоих случаях русский Генеральный штаб оказался неготов к отражению вероятного наступления со стороны Австро-Венгрии. Наиболее серьезные последствия для русского военного планирования имел «мобилизационный кризис», в ходе которого угроза нападения Австро-Венгрии привела к конфликту между Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) и Варшавским и Киевским военными округами. В его результате ГУГШ удалось отстранить окружные штабы от работ по стратегическому планированию. Делается вывод, что вследствие возникшего конфликта русский план войны против Германии и Австро-Венгрии стал излишне рискованным и не отвечающим действительной обстановке.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Генеральный штаб, Боснийский кризис, «мобилизационный кризис», Ф.Ф. Палицын, Я.Г. Жилинский, Ю.Н. Данилов

В силу различных факторов, прежде всего, географического, Балканское направление в русском стратегическом планировании в конце XIX — начале XX в. практически не фигурировало. Из-за отсутствия возможности ведения военных действий на сухопутном фронте против главного противника России в регионе — Османской империи, подготовка к войне на Балканах военным ведомством Российской империи не осуществлялась, обстановка в регионе почти не влияла на процессы выработки военно-стратегических решений. Исключением являлась разработка планов десантной экспедиции на берега пролива Босфор¹. В каче-

¹ О подготовке десантной экспедиции на Босфор см., например: Айрапетов О.Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции

стве другого исключения можно назвать подготовку русско-болгарской военной конвенции 1902 г., оказавшей определенное влияние на стратегическое планирование России, подробно изученную В.Б. Кашириным². Ситуация изменилась непосредственно накануне Первой мировой войны, когда два крупных международных кризиса, произошедших на Балканах, — Боснийский 1908–1909 гг. и «мобилизационный» 1912–1913 гг. кардинально повлияли на изменение русских военных планов.

В конце XIX в. и до начала русско-японской войны 1904–1905 гг. действовала стройная система обороны Российской империи, разработанная начальником Главного штаба Военного министерства генералом от инфантерии Н.Н. Обручевым. Главная идея его стратегии заключалась в обороне против Германии и наступлении против Австро-Венгрии. Важным фактором достижения успеха в борьбе с Тройственным союзом считалось удержание Царства Польского, или, как его называли в официальных документах, Привислинского края — стратегического плацдарма, глубоко вдававшегося во владения центральноевропейских империй. Кроме подготовки к наступлению в Галицию, главной целью вооруженных сил России Обручев видел осуществление десантной операции на Босфоре с целью вывода из войны Османской империи.

в правление императора Николая II // Последняя война императорской России / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2002. С. 158–261; *Он же*. Предположение атаки Царьграда: Русские проекты десанта на Босфор первой половины XIX века // Родина. 2008. № 3. С. 60–63; *Бакулин В.М.* Военная подготовка Россией Босфорской экспедиции в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

² *Kaşirin V.B.* Circumstanțele pregătirii convenției militare ruso-bulgare, din 1902, în contextul planificării strategice a Rusiei // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credință / îngrijire de ed. Laurențiu Constantiniu. București, 2013. P. 340–370; *Каширин В.Б.* Военные планы русского Генштаба по обороне Бессарабии в начале XX века // *Basarabia – 1812. Problemă națională, implicații internaționale. Materialele Conferinței Științifice Internaționale. 14–16 mai 2012, Chișinău — Iași / Coord. Gh. Cliveti, Gh. Cojocaru.* București, Editura Academiei Române, 2014. P. 713–726; *Он же*. «Мозг армии» о задачах Российской империи на Балканах: доклад Главного штаба 1902 г. // *Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С.И. Данченко.* М., 2017. С. 229–252.

Схема 1. Стратегическое развёртывание по «мобилизационному расписанию № 18» (1903 г.)

Русское стратегическое планирование после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. стало характеризоваться тяготением руководства Генерального штаба к оборонительной стратегии, что объяснялось катастрофическим состоянием армии и флота. В этот период разработка планов войны Российской империи претерпела кардинальные изменения и порвала с наследием Н.Н. Обручева.

Новый план войны, принятый в 1906 г. и уточненный в 1907 г. («мобилизационное расписание № 18 восстановленное»), задумывался начальником Генштаба генерал-лейтенантом (с 1907 г. — генералом от инфантерии) Ф.Ф. Палицыным и 1-м обер-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) — вновь созданного центрального планирующего органа военного ведомства Российской империи, генерал-майором М.В. Алексеевым как универсальный, отвечающий любой политической и военно-стратегической обстановке. Но прежде всего он предназначался для отражения наступления германских войск в случае нанесения армией Второго Рейха главного удара по России, а не по ее союзнице Франции³.

Произошедший в 1908–1909 гг. Боснийский (Аннексионный) кризис наглядно показал несостоятельность «мобилизационного расписания № 18 восстановленного», т.к. фактически Россия оказалась без плана применения сухопутных вооруженных сил на случай войны с одной Австро-Венгрией. Это обстоятельство, вместе с незавершенностью реформ в русской армии, послужило причиной капитуляции русской дипломатии по итогам кризиса на Балканах, а также привело к пересмотру стратегического планирования в Генеральном штабе Российской империи.

Еще до начала кризиса на Балканах руководство Генерального штаба пришло к заключению о необходимости подготовить планы войны на случай противоборства только с одной из стран Тройственного союза. С этой целью в части 2-го обер-квартирмейстера под руководством генерал-майора В.Е. Борисова были разработаны и 30 апреля 1908 г. представлены начальнику Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну соображения на случай войны России с Германией при условии нейтралитета Австро-Венгрии. В развитие этого проекта

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 492. Л. 70–72 об., 78–79 об.

Схема 2. Стратегическое развёртывание по «мобилизационному расписанию № 18 восстановленному» (1907 г.)

сотрудники Борисова подготовили план наступления в пределы Германии в случае нанесения ею главного удара против Франции. Его содержание было доложено Палицыну 3 октября⁴.

15 января 1908 г. начальник Генерального штаба представил будущему главнокомандующему Северо-Западными армиями главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа генералу от кавалерии великому князю Николаю Николаевичу доклад, где обосновал необходимость подготовить план развертывания на случай борьбы с одной монархией Габсбургов. К 8 марта сотрудники 2-го обер-квартирмейстерства разработали общие основания для подготовки проекта сосредоточения главных сил русской армии против Австро-Венгрии при условии оставления Германией на восточной границе 5–6 корпусов⁵.

После официального заявления Вены об аннексии Боснии и Герцеговины 24 сентября 1908 г. экстренная подготовка плана войны с одной Австро-Венгрией стала приоритетной задачей работников ГУГШ. Ко 2 декабря сотрудники части 2-го обер-квартирмейстера подготовили 6 вариантов плана войны против Австрии под литерами «А», «Б», «В», «Г», «Д» и «Е»⁶. Наиболее простым и исполняемым признавался вариант «Е», не вносивший значительных изменений в текущее мобилизационное расписание. Он и был выбран для дальнейшей детальной разработки. По этому плану сосредоточение русских войск против Австро-Венгрии проводилось в двух группах — на южном фронте Варшавского военного округа (3-я и Центральная армии) и на западной границе Киевского (Киевская армия). Всего на галицийской границе Россия могла выставить 49 пехотных дивизий, 5 стрелковых бригад и 19,5 кавалерийских дивизий, что позволяло добиться некоторого перевеса над силами противника, которые оценивались в 44 пехотные и 9,5 кавалерийской дивизии. 3-я и Центральная армии получали задачу наступать на Перемышль. Киевская армия должна была двигаться на линию Львов — Миколаев. После разгрома галицийской группировки противника предполагалось перейти Карпаты между реками Попрад и Ослава и развить наступление на Вену и Будапешт⁷.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. Л. 102 об.

⁵ Там же. Л. 72–79 об.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 8.

Схема 3. Стратегическое развертывание на случай войны с Австро-Венгрией по «мобилизационному расписанию № 18 восстановленному» (1908 г.). Вариант «Е»

Борисову и его сотрудникам не удалось закончить разработку варианта «Е» к моменту признания аннексии Боснии и Герцеговины Сербией, Великобританией и Францией. К концу апреля 1909 г. работы над ним прекращаются. Таким образом, в самый острый момент Боснийского кризиса русская армия оказалась без плана войны с Двуетиной монархией.

Неготовность вооруженных сил империи к столкновению с Австро-Венгрией стала одной из причин падения военного министра генерала от инфантерии А.Ф. Редигера, смещенного после инцидента на закрытом заседании Государственной Думы 23 февраля 1909 г.⁸ Радикальные кадровые перестановки произошли и в Генеральном штабе. К началу 1909 г. эксперимент по созданию независимого Генштаба был признан неудачным, и вскоре последовала его полная реорганизация. Из ГУГШ удаляются все ключевые сотрудники — начальник Генштаба генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын, генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Н.В. Дубасов, обер-квартирмейстеры генерал-майоры М.В. Алексеев и В.Е. Борисов, делопроизводитель по оперативной части полковник С.К. Доброгольский. После того как военное ведомство возглавил бывший командующий войсками Киевского военного округа генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов, перед этим несколько месяцев занимавший пост начальника Генерального штаба, управление было включено в состав министерства. Кадровые и институциональные перемены внутри «мозга армии» Российской империи вызвали серьезные перемены и в стратегическом планировании.

В основу нового плана войны взамен негибкого «мобилизационного расписания № 18 восстановленного» легла принятая во Франции система стратегических «распределительных станций». Суть этой системы заключалась в том, чтобы назначать железным дорогам в мирное время не конечные станции высадок войск, как в России, «а лишь некоторые узловые станции (подчеркнуто в документе. — О. А.) вблизи района сосредоточения, из которых войска свободно могут быть поданы в район сосредоточения в любом направлении»⁹. Это открывало путь к созданию гибкого

⁸ Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000. С. 135–136.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 514. Л. 77 об.

плана войны, позволяющего вносить в него изменения в процессе развертывания.

Под руководством нового генерал-квартирмейстера Генштаба генерал-майора Ю.Н. Данилова сотрудники ГУГШ разработали план развертывания по «мобилизационному расписанию 1910 года», утвержденный императором Николаем II 26 июня 1910 г.¹⁰ Он носил оборонительный характер и предназначался прежде всего для противодействия Германии, но благодаря упомянутой системе стратегических «распределительных станций» и созданию стратегических резервов в составе 4-й и 5-й армий он легко модернизировался для ведения наступательных действий, что было реализовано путем введения в том же году дополнительных планов перевозки.

В 1912 г. на основе предыдущего плана был принят последний военный план России, введенный в действие в начале Первой мировой войны. Он носил наступательный характер. Но теперь руководство ГУГШ рассматривало в качестве главного противника Австро-Венгрию, разгром которой стал первостепенной задачей русской стратегии. Вместе с тем начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер Генштаба генерал-майор Ю.Н. Данилов не собирались отказываться от активных действий на границе с Восточной Пруссией. План войны 1912 г. содержал два варианта развертывания — основной «А» (нанесение главного удара по Австро-Венгрии) и дополнительный «Г» (нанесение главного удара по Германии). Он был утвержден 1 мая 1912 г.¹¹ Здесь нужно подчеркнуть, что руководство штабов западных военных округов — генерал-лейтенант Н.А. Клюев (начальник штаба Варшавского военного округа) и генерал-лейтенант М.В. Алексеев (начальник штаба Киевского военного округа) — возражали против концепции огульного наступления сразу на двух стратегических направлениях.

В конце 1912 г. внутри русского Генерального штаба произошел конфликт, приведший к отстранению окружных штабов от работ по стратегическому планированию. Его возникновение было связано с началом Первой балканской войны осенью 1912 г. Вой-

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7140. Л. 36–39 об.

¹¹ Там же. Д. 2236. Л. 2–7 об.

Схема 4. Стратегическое развертывание по «мобилизационному расписанию 1910 года» (26 июня 1910 г.)

на стран Балканского союза против Османской империи привела к серьезнейшему международному кризису, куда оказались вовлечены Россия и Австро-Венгрия. Причиной обострения ситуации на Балканах стал конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, стремившейся получить выход к Адриатическому морю¹².

Боевые действия на Балканах открыла Черногория 26 сентября (9 октября). 5 (18) октября к ней присоединились Сербия, Болгария и Греция. В октябре в ГУГШ начали поступать разведывательные данные о начале частичной мобилизации австро-венгерской армии и перевозках войск на границу с Россией и Сербией. По оценкам ГУГШ к 6 (19) декабря Дунайская монархия сумела полностью отмобилизовать все три галицийских корпуса — I, X и XI, расквартированный в непосредственной близости от них VI корпус, а также XV и XVI корпуса на границе с Сербией. По данным русской разведки к этому времени в Галицию были перевезены 51 батальон пехоты, 57 эскадронов конницы и 18 батарей. Всего австро-венгерские войска в Галиции насчитывали 173 батальона, 165 эскадронов и 85 батарей¹³.

Предположение о том, что Австро-Венгрии удалось скрытно мобилизовать свою армию, вызвало сильнейшую панику у военного руководства Российской империи. В начале декабря в Киеве состоялось совещание командующих войсками Варшавского и Киевского военных округов генерала от кавалерии Г.А. Скалона и генерала от артиллерии Н.И. Иванова, проводившееся без ведома ГУГШ, с целью выработать новый план развертывания на случай войны с Австро-Венгрией. Его участники признали невозможным сосредоточить войска на фронте Люблин – Холм – Ковель – Луцк – Дубно – Ямполь, что предусматривалось текущим планом войны¹⁴. Принимая во внимание высокую степень готовности

¹² О дипломатической истории «мобилизационного кризиса» см. подробнее: *Жогов П.В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912–1913 гг. М., 1969. С. 161–237; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века: От русско-французского союза до Октябрьской революции / отв. ред. А.В. Игнатъев. М., 1997. С. 327–340; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 102–160.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2856. Л. 80–80 об.

¹⁴ Там же. Д. 7140. Л. 53.

австро-венгерской армии, руководство Киевского и Варшавского военных округов попыталось разработать новый план развертывания, который полностью отвечал бы неблагоприятной обстановке на галицийской границе. Участники совещания санкционировали перенесение линии сосредоточения 4-й и 5-й армий в район Брест-Литовска, чтобы выиграть время для подготовки удара по наступающим австрийцам. Также было решено перебросить XIII корпус из 2-й армии в 5-ю, а XXIV корпус передать из состава 4-й армии в 3-ю. Развертывание 3-й армии участники совещания посчитали необходимым также несколько отодвинуть от границы. Кроме того, решили усилить 3-ю армию VIII корпусом Одесского военного округа, по «мобилизационному расписанию 1910 года» назначавшимся в состав 7-й армии в Бессарабии. Результаты работы совещания излагались в записке, подписанной участниками 6 декабря¹⁵.

Факт проведения совещания командующих войсками Варшавского и Киевского округов без санкции свыше вызвал недовольство руководства ГУГШ. Тем не менее, авторитет участников этого съезда вынуждал Жилинского и его сотрудников считаться с мнением оппозиции. 11 декабря 1912 г. в Петербурге под личным председательством Николая II состоялось совещание по вопросам изменения плана развертывания. Несмотря на сопротивление ГУГШ, предложенная киевским съездом передача XXIV армейского корпуса в состав 3-й армии была одобрена. Хотя XIII корпус оставлялся во 2-й армии, совещание приняло компромиссное решение — составить для частей этого корпуса дополнительные планы перевозки в Ковель, где он мог быть включен в состав 5-й армии. Было достигнуто согласие и в определении районов сосредоточения армий: признавалось, что при неблагоприятной обстановке они переносились в глубь страны. Эти изменения в план развертывания вступили в силу 20 декабря 1912 г. (2 января 1913 г.)¹⁶. Таким образом, план стратегического развертывания русских армий принял окончательную форму, сохранившуюся вплоть до начала Первой мировой войны.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7140. Л. 51–56.

¹⁶ Там же. Д. 1819. Л. 38–39, 44 об.

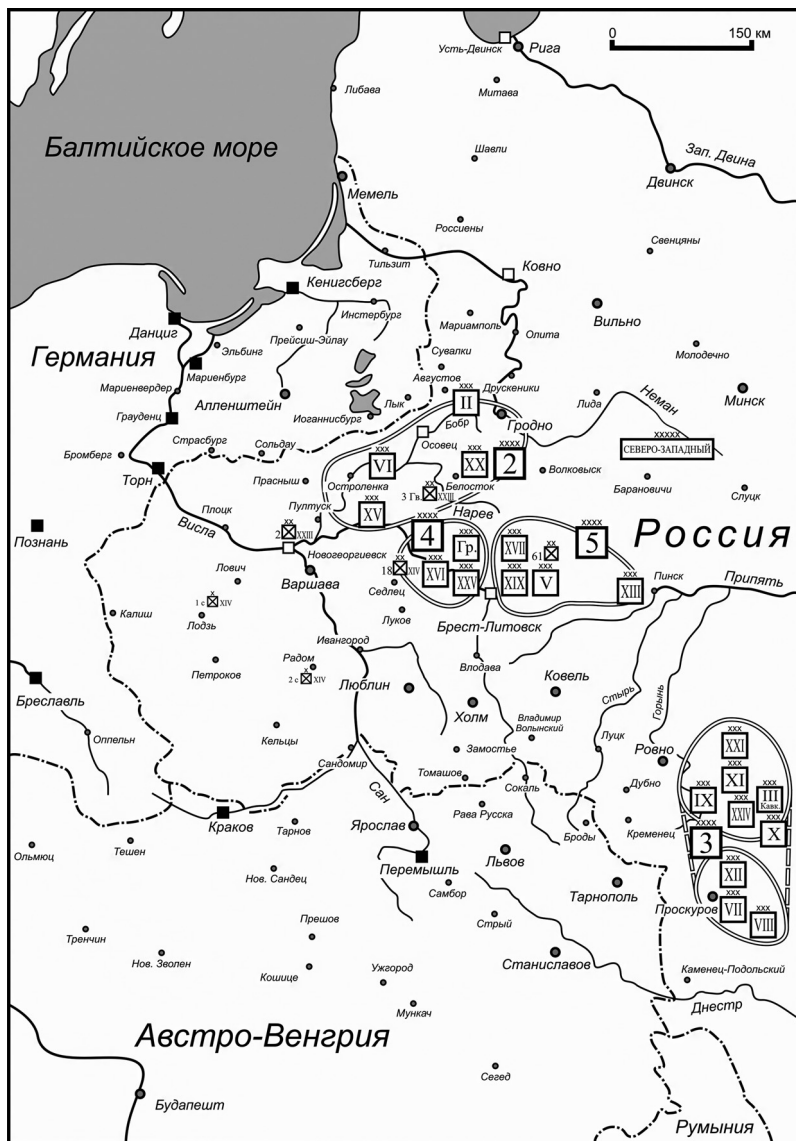

Схема 5. Проект стратегического развертывания, разработанного на совещании командующих войсками Варшавского и Киевского военных округов на случай войны с Австро-Венгрией (6 декабря 1912 г.)

Схема 6. Стратегическое развертывание по «мобилизационному расписанию 1910 года» (20 декабря 1912 г.). План «А»

Ко времени проведения совещания обстановка на Балканах заметно разрядилась. 1 (14) декабря сербское правительство пошло на уступки требованиям Австро-Венгрии и объявило, что вопрос о порте на Адриатике передается на рассмотрение великих держав. 28 февраля (13 марта) 1913 г. австро-венгерское правительство объявило о демобилизации всех корпусов, кроме XV и XVI¹⁷. Разработанный Киевским совещанием план развертывания на случай войны с Австро-Венгрией оказался невостребованным.

Воспользовавшись мирным разрешением «мобилизационного кризиса», руководство ГУГШ обвинило сотрудников штабов Варшавского и Киевского военных округов в неверной оценке ситуации на Балканском полуострове, чтобы использовать этот аргумент для сосредоточения всей работы по военному планированию в своих руках. 19 января 1913 г. Жилинский представил Сухомлинову доклад «По вопросу о порядке разработки подготовительных к войне соображений», в котором потребовал отстранить штабы округов от участия в разработке военных планов¹⁸. Примером негативного влияния коллективного творчества на составление планов развертывания Жилинский называл принятое под давлением окружного руководства решение об изменении сосредоточения XIII и XXIV корпусов, не отвечавшее целям стратегического развертывания как по варианту «А», так и по варианту «Г». Сухомлинов полностью поддержал начальника Генштаба и 22 января утвердил его предложения.

Справившись с окружной фрондой, руководство Генерального штаба развязало себе руки в области стратегического планирования. Уже в середине 1912 г. началась подготовка к введению в действие «Мобилизационного расписания № 20». Окончательный вариант проекта излагался в докладе № 329 от 22 сентября 1913 г. «О развертывании наших вооруженных сил при войне на Западном фронте, ко вводу в действие “мобилизационного расписания № 20”»¹⁹. 25 сентября доклад получил одобрение Николая II, и на его основе ГУГШ подготовило «Основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами

¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2852. Л. 199–199 об.

¹⁸ Там же. Д. 1819. Л. 49–53.

¹⁹ Там же. Д. 7140. Л. 107–122.

Тройственного союза (к введению в действие “мобилизационного расписания № 20”)), которым предстояло стать фундаментом всех дальнейших работ по стратегическому планированию²⁰.

Несмотря на то, что «мобилизационное расписание № 20» и соответствующий план развертывания не были утверждены к началу Первой мировой войны и развертывание русской армии происходило по плану 1912 г. (по варианту «А»), в ходе его реализации Я.Г. Жилинский и Ю.Н. Данилов, сторонники наступления одновременно против Германии и Австро-Венгрии, занявшие высокие должности в действующей армии, воплотили свои взгляды на ведение первых операций, печальными результатами которых стали провал вторжения в Восточную Пруссию и нерешительный итог Галицийской операции. Не было достигнуто превосходства ни на одном из стратегических направлений. Таким образом, конфликт в русском Генштабе, возникший в ходе «мобилизационного кризиса», в результате которого окончательно восторжествовала рискованная концепция наступления на двух стратегических направлениях, оказал самое негативное влияние на русское стратегическое планирование. Другим результатом «мобилизационного кризиса» для процесса принятия решений на высшем уровне стал беспочвенный страх русского военно-политического руководства пропустить скрытую мобилизацию противника, который в результате и привел к поспешному решению об объявлении общей мобилизации во время июльского кризиса 1914 г.

---

²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1833. Л. 1–16 об.

Сербское общество накануне Балканских войн

Статья раскрывает особенности состояния сербского общества накануне Балканских войн. Показано, что в начале XX в. установки на войну стали одним из важных элементов функционирования государственных и общественных структур королевства. Внешнеполитические приоритеты сербского королевства отразились на методах их осуществления. К началу XX в. именно война стала — как для Сербии, так и для других стран региона — главным способом решения собственных межгосударственных противоречий, что происходило на фоне внешнего фактора — воздействия великих держав на политические процессы Балкан.

Ключевые слова: Н. Пашич, М. Милованович, Народная оборона, Словенский юг, Черная рука, Д. Димитриевич

В начале XX века характерное для сербского общества на протяжении всего предшествующего столетия ощущение неизбежности войны с более могучими соседями Сербии под влиянием обострения международной обстановки в Европе получило особое преломление, тесно связанное с «мессианским» пониманием панславистской концепции «Балканы для балканских народов» и возрождением идеи об объединении разделенного между двумя империями (Австро-Венгерской и Османской) «сербского племени» в единое государство. Сербское королевство и его столица Белград должны были стать своеобразным югославянским «Пьемонтом»¹. Идея возвращения «утраченных

¹ В конце 1844 г. министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин разработал программу «Начертание», которая провозглашала создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счет Боснии и Герцеговины, Черногории, северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. О программе «Начертание» см. подробнее: Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958; Љушич Р. Књига о На-

сербских земель», некогда входивших в средневековое царство Душана, стала краеугольным камнем государственного развития сербского королевства. Вместе с тем, лежащая в основе интегрального национализма «воображаемая Сербия», включавшая в свое основание интерпретацию исторического мифа о былом величии обширной средневековой сербской империи, а следовательно и жившего на ее территории «сербского народа», никак не соотносилась не только с политическими реалиями Балкан начала XX века, но и с общей концепцией современного национального государства, основанного на политическом, экономическом, культурном и языковом единстве. На Балканах же ввиду специфики их развития просто не могло сложиться условий для реализации программы построения государства на принципе «народ — территория — государство», хотя с начала XIX века политические лидеры формирующегося сербского государства интуитивно стремились именно к этому, внедряя в сознание крестьянского сербского социума враждебный образ «другого». К началу XX века именно «милитаризация повседневности», фактор постоянного ожидания «священной войны» стали одним из главных способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в Сербии особый базовый консенсус. В 1912 году, перед самым началом Первой балканской войны, российский дипломат В.Н. Штрэндтман отмечал, что сербы абсолютно уверены в том, что их будущее зависит от мудрости их политических деятелей и храбрости их малочисленного войска, тех десяти пехотных дивизий и одной кавалерийской, которые сербы могут противопоставить несметным неприятельским силам².

Практическим воплощением этой идеи стало то, что в государственной жизни Сербии начала XX века наблюдался удивительный феномен: тесное, подчас неразрывное переплетение поли-

---

чертанију. Београд, 1993; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX века. Начало деятельности по объединению земель. М., 1995; *Он же.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. М., 2015. *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–211.

² *Штрэндтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 116

тических, управленческих и военных структур, тайных обществ, частных инициатив, связанных с этой общей концепцией. Четническое движение таким образом приобрело свои законченные формы, став при этом отличительной особенностью не только для Сербии, но и для остальных стран Балканского региона — комитов в болгарской армии и андартов — в греческой. В ходе развернувшейся борьбы за Македонию в Первой и Второй балканских войнах и подавления албанского восстания 1913 г., которое отдельные современники называли Третьей балканской войной³, сербские четники выступали, по словам исследователя А.Ю. Тимофеева, в триединой роли «диверсантов — разведчиков — военной полиции»⁴. В свою очередь, руководители этих отрядов, многие из которых являлись действующими офицерами сербской армии, превратились в сильный политический механизм, существенно влиявший на политические ориентиры страны⁵.

Ключевым предметом острых политических дискуссий стал резко обострившийся к началу XX века пресловутый македонский вопрос. В 1886 г. в Белграде было учреждено «Общество святого Саввы», издававшее журнал «Братство», целью которого была просветительская деятельность в Старой Сербии и Македонии. В 1902 г. в Сербии возникла четническая организация, одним из руководителей которой был С. Симич. Одновременно в Греции появилась организация «Этники Этерия», занимавшаяся аналогичной деятельностью, т.е. не только пропагандой, но и засылкой на территорию Македонии греческих добровольцев и созданием на ее территории вооруженных отрядов из числа местных греков.

³ В сентябре 1913 г. албанские четы численностью более 10 000 человек под руководством И. Болетинца совершили нападение на недавно присоединенные к Сербии земли западной Македонии. Началась новая, теперь уже необъявленная война на Балканах. В этом вторжении активное участие приняли и болгарские четнические отряды. Это вторжение с трудом было отбито силами сербской армии, а албанское население подверглось жестоким репрессиям со стороны сербских военных властей.

⁴ *Тимофеев А.* Српска герила у Балканским ратовима: културне, друштвене и политичке традиције четничког рата у Србији // Балкански ратови 1912/1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 93–110.

⁵ См. подробнее: *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII — середина 30-х гг. XIX в. СПб., 2007. *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2016.

Незадолго до свержения Обреновичей, в начале мая 1903 г., в Белграде была основана организация «Словенский юг», формально как студенческое культурно-просветительское общество, целью которого являлось содействие объединению всех южнославянских народностей. Основатели этой организации находились в тесной связи с членами белградской масонской ложи «Препоход» («Возрождение»). После майского переворота 1903 года общество значительно укрепило свои позиции, активизировав свою деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Одним из главных основателей общества был Милан Прибичевич — брат известного сербского политика Светозара Прибичевича, в те времена редактора загребской газеты «Србобран»⁶, впоследствии ставшего лидером Демократической партии и одно время бывшего министром внутренних дел в межвоенной Югославии. Среди других деятелей можно выделить капитана Я. Ненадовича, поручика А. Срба, полковника Ч. Поповича, соратника Н. Пашича Л. Йовановича, капитана М. Наумовича, чиновника Министерства иностранных дел Л. Нешича, майора М. Васича, Л. Йовановича-Чупу, написавшего проект устава этой организации, и, конечно, доктора М. Годжевца, который наряду с С. Симичем был видной фигурой в организации сербского четнического движения в Македонии и Старой Сербии. В тесных контактах с этой организацией находились хорошо известные в сербской политике люди — лидеры «младорадикалов» Л. Давидович, Я. Проданович, Л. Стоянович, Ж. Живанович, а также офицеры — участники майского переворота 1903 г. генерал Й. Атанацкович, майор П. Пешич, поручик Ж. Рафаилович и, наконец, один из будущих лидеров организации «Объединение или смерть» («Черная рука») Д. Димитриевич-Апис⁷.

29 июня 1903 г. лидер либеральной партии страны Й. Авакумович произнес во дворце речь, в которой великосербские тенденции были обозначены вполне четко. «Разные сербские газеты, говоря об этой речи, дают понять, что Сербия под властью нового короля

⁶ Дословно — «Защитник сербства».

⁷ *Пејчић П.* Четнички покрет у Краљевини Србији 1903–1908. Крагујевац, 2007. С. 34, 35; *Симић С.* Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македоније 1903–1912. Београд, 1998. С. 75–80.

должна выступить на поприще активной деятельности в македонском вопросе», — отмечалось в аналитическом обзоре сербской прессы, составленном российским МИД⁸. Именно поэтому начавшееся в том же 1903 г. восстание в Македонии вызвало новое бурление общественных страстей в Белграде, в которых значительное место играли слухи о возможном объединении с Болгарией с целью взаимовыгодного решения македонского вопроса. В отчетах российского МИД прямо говорилось о том, что «в сербской печати ведется крайне волнующая общественное мнение пропаганда, имеющая целью доказать политические выгоды союза. По мнению надв[орного] сов[етника] Муравьева, есть основания предполагать, что мысль о балканской федерации делает большой успех в сербской армии; ходит даже слух, что вскоре между двумя государствами будет заключена военная конвенция»⁹. 21 августа 1903 г. в Белграде прошел многолюдный митинг в поддержку сербского населения Старой Сербии и Македонии, после завершения которого была основана женская патриотическая организация «Коло сербских сестер» под руководством Славки Суботич, Милицы Добрич и Надежды Петрович¹⁰.

Подливала масла в огонь бурлящего общественного мнения и сербская пресса, на страницах которой шла активная полемика по вопросам текущей политической повестки. Укажем, что к 1912 г. в стране издавалось 20 журналов самого разного толка и 82 газеты с общим тиражом почти 50 млн экземпляров! В одном только Белграде, численность жителей которого не превышала 80 тыс. человек, выходило 15 ежедневных газет. Если прибавить к этим цифрам факт того, что 80% крестьянского населения страны было неграмотным, то становится ясным, что выразителями сербских национальных устремлений, по словам Л.Д. Троцкого, который, бу-

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 503. Л. 2 об.

⁹ Там же. Д. 2868. Л. 200.

¹⁰ *Пејчић П.* Указ. соч. С. 32. Это общество пользовалось некоторой популярностью и в России. По крайней мере, российский журналист И. Табурно передал весь доход от продажи своей книги «О сербских битвах», написанной по горячим следам Первой балканской войны, в пользу этого общества, о чем не преминул сообщить в предисловии к этому изданию. См.: *Табурно И.* О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.

дучи корреспондентом газеты «Киевская мысль», был свидетелем событий Балканских войн, стали не только политические партии или офицерский корпус страны, но и слой городской полунинтеллигенции, «полуголодные газетные люмпены», которые, по его словам, мало чему учились и не имели идейных заслуг, но были проникнуты уверенностью, что им принадлежит будущее Сербии. Будущий большевистский лидер весьма верно подметил, что «они плохо знают историю Сербии и еще хуже — географию Балканского полуострова, но они недовольны династией и особенно старорадикальным правительством, которое не создало для них до сих пор более широкой арены действий. Им прежде всего нужна Великая Сербия»¹¹. Такое положение вещей не было секретом и для нового сербского короля Петра Карагеоргиевича. В беседе с российским посланником К.А. Губастовым в конце 1904 г. он сказал: «У нас нет ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изощряются только в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами. За полуторагодовое пребывание мое в Сербии я убедился, что от нынешнего поколения ничего нельзя ожидать хорошего»¹².

Знаменитый аннексионный кризис 1908 г. дал новый импульс развитию великосербского мифа. Председатель народной Скупщины Л. Йованович в речи на заседании 29 сентября 1908 г. показательно очертил границы той самой, «воображаемой» страны: «Национальному праву сербского народа угрожает опасность. Кто такие эти люди, живущие в Боснии, и какие они должны иметь права, как народ, это братья, известно. Ныне нет в мире никакого другого, кроме сербов, народа, который бы ранее или в настоящее время жил в Боснии. <...> Сербы там находились до возникновения государства Карла Великого и, следовательно, тем более до возникновения тех государств, которые образовались из державы Карла Великого»¹³.

Буквально сразу после объявления аннексии Боснии и Герцеговины, в начале октября 1908 г., на базе общества «Словен-

¹¹ Русские о Сербии и сербах. Т. 1.: Письма, статьи мемуары / Сост. А.Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2006. С. 523–524.

¹² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 133

¹³ Босния и Герцеговина в народной Скупщине королевства Сербии на заседаниях 29 сентября, 20 и 21 декабря 1908 года. Белград, 1909. С. 3–4.

ский юг», в Белграде, не без участия высших государственных чиновников страны, была основана организация «Народная оборона», целью которой была организация четнического движения в Боснии и Герцеговине. Британский историк С. Фей писал, что на совещании у министра иностранных дел М. Миловановича, на котором и было основано данное общество, присутствовали в том числе Н. Пашич, Л. Йованович и Л. Стоянович¹⁴. Помимо них, в состав новой организации вошли и офицеры армии, прежде всего Д. Димитриевич-Апис, В. Танкосич, М. Васич и бывший военный министр генерал Б. Янкович, ставший председателем этого общества. Секретарем организации стал М. Прибичевич — в те годы майор сербской армии. В нее также вошел Ж. Дачич — директор правительственной типографии, в которой одно время работал Габринович, один из будущих участников покушения на австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда. Членами организации были также некоторые офицеры пограничной стражи — К. Тодорович в Лознице, Д. Павлович в Шабце, Ч. Попович в Ужице, Б. Симич во Вранье. «Народная оборона» насчитывала до 5000 человек, делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом¹⁵. Поскольку сербское правительство, согласно соглашению с Веней 1909 г., было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона», формально трансформируясь в культурно-просветительское общество, вынуждена была перейти «от тактики ближнего прицела к тактике прицела дальнего — непосредственную подготовку к войне заменить длительной и упорной “культурно-просветительной работой” по идейной подготовке войны»¹⁶.

В феврале 1910 г. тот же М. Милованович в беседе с корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене В.П. Сватковским отметил: «Полагаю, что вообще нечего опасаться, чтобы Австро-Венгрия собиралась нарушить нынешнее status quo

¹⁴ Фей С. Происхождение мировой войны: в 2-х т. Т. 2. М.—Л., 1934. С. 51.

¹⁵ Ђоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 584.

¹⁶ Полетика Н.П. Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. 120–121.

на Балканах. Намерений у нее нет. Весь вопрос в том, что будет делать Австро-Венгрия, если *status quo*, тщательно сохраняемое державами, будет нарушено внутренними силами Балканского полуострова. Желательно было бы, чтобы Австро-Венгрия лишена была возможности вмешаться в этом случае. Другими словами, желательно, чтобы Россия и дружественные ей державы побудили Австро-Венгрию сделать *une declaration de disinterment complet*¹⁷ на основании принципа «Балканы для балканских народов, или, что то же — «свободное развитие балканских государств»¹⁸. Министр при этом четко обозначил приоритеты внешней политики сербского королевства: «Наша формулировка *du desinterment des puissances*¹⁹ ставит вопрос несколько шире — для мира и войны. Мы признаем права Европы вмешиваться в балканские дела для сохранения европейского мира: пусть Европа и вмешивается в тот момент, когда балканские дела будут грозить принять хаотический вид. И пусть это вмешательство совершится не иначе как по предварительному уговору между державами. Пусть, в частности, Австро-Венгрия действует по не своему произволу, а по сообща установленному плану. Уговор в том смысле между Россией и дружественными ей державами, с одной стороны, и Австро-Венгрией — с другой, будет очень полезен для прочности балканских отношений вообще. Но было бы желательно, чтобы вообще вмешательство держав последовало только в крайнем случае для предупреждения катастрофы»²⁰.

Вопрос состоял лишь в том, какая конкретная внутренняя сила страны станет решающим фактором при осуществлении планов, весьма четко обозначенных сербским министром. Заметим, что контекст его слов четко обозначает не только внешнеполитические приоритеты сербского королевства, но и способ их осуществления — создание в стране единого сплоченного лагеря, пронизанного общей ирредентистской идеей, особо отметим, более похожей на неосуществимый идеал. В канун Балканских войн, весной 1911 г., сербскими офицерами была создана тайная организация «Объединение или смерть», более известная как «Черная рука».

¹⁷ Заявление о полном отказе от участия (фр.) (прим. ред.).

¹⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3415. Л. 126 об.

¹⁹ Незаинтересованность держав (фр.) (прим. ред.).

²⁰ Там же. Л. 126 об.

Не пытались ли в этой связи сербские политики в поиске путей решения задачи «освобождения всех частей сербства» вновь, как в 1903 году, использовать собственные вооруженные силы в качестве новой преторианской силы, только теперь под своим контролем, направив их вектор на реализацию внешних устремлений королевства — решения в пользу Сербии общеславянского вопроса? Неслучайно сам Милованович после образования «Черной руки» установил с ней тесные контакты и был посвящен в ее планы²¹. Причем с программой организации его познакомил Воислав Танкосич²². Сотрудничество «Черной руки» с Миловановичем продолжалось до скоропостижной смерти последнего летом 1912 года.

Заметим, что уже тогда, за два года до оформления Балканского союза, сербский министр увязывал свое сотрудничество с «Черной рукой» с намерением взять реванш за 1908 год за счет решения в пользу Сербии македонского вопроса. Он прямо указывал, что соглашение о разделе Македонии в случае возможного распада Османской империи могло бы иметь только позитивные результаты. Он полагал, что «не представляется трудным добиться соглашения насчет наделения не только Сербии, Болгарии и Черногории, но и Греции землями, которые тяготеют к каждой из них в силу племенного родства»²³. А вот что писал министр иностранных дел России А.П. Извольский послу в Белграде Н.Г. Гартвигу в ноябре 1909 г.: «У некоторых болгарских деятелей, не лишенных политического значения, по-видимому, существует и другое мнение о способах решения македонского вопроса. <...> Македония продолжала бы оставаться в составе Турции до тех пор, пока по-

²¹ Милованович вступил в контакт с «Черной рукой» в конце 1911 года в связи с началом переговоров о формировании сербо-болгарского военного союза. Поддержка его политики армией не только соответствовала национальным задачам Сербии, как их понимал министр, но и усиливала позиции Миловановича во властных структурах страны. С другой стороны, поддержка Миловановича была важна и для Аписа, поскольку для содержания агентов и ведения пропаганды нужны были значительные денежные средства, получить которые «Черная рука» могла через посредничество министра, контролировавшего различные неправительственные фонды (*Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење*. Београд, 2010. С. 45).

²² *Вучковић В. Унутрашње кризе Србије и први светски рат // Отисак из историјског часописа XIV–XV, Београд, 1966. С. 179.*

²³ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 25. Л. 1.

следняя не распадется, а в этом случае, который считается весьма возможным даже в недалеком будущем, Македония должна стать автономным государством в пределах Сан-Стефанского договора, с присоединением Салоник. До того же времени Македония служила бы буфером и даже объединяющим звеном между государствами, которые ныне стремятся к ее разделу. Вместе с тем при таких условиях Македония уже ныне послужила бы и для России, и для Италии точкой опоры для их деятельности и осуществления девиза “Балканы для балканских народов”. При осуществлении такого плана немецкому натиску были бы положены три препоны: первая — славянские государства; вторая — Россия и Италия, третья — Франция и Англия. Турция могла бы присоединиться к любой из этих держав»²⁴.

Эта же мысль сквозит в донесениях российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига. В донесении заместителю главы МИД А.А. Нератову 25 сентября 1911 г. он писал: «Перед Сербией, как отчасти и перед прочими малыми государствами, сама собой возникла трудноразрешимая дилемма: соблюдать ли наперекор всем грозным предзнаменованиям выжидательное положение и, таким образом, подвергнуть себя риску быть захваченной событиями врасплох, либо заранее принять все необходимые меры к защите своих интересов и тем самым неосторожно создать благовидный предлог для той державы, которая, как здесь хорошо известно, только и ждет случая, чтобы хоть с некоторым основанием выступить для поддержания нарушенного status quo на Балканах?»²⁵

В мае 1912 г. между Сербией и Болгарией была подписана военная конвенция. Аналогичные соглашения в октябре того же года были заключены между Болгарией и Грецией. Попытки великих держав сохранить на Балканах статус-кво не увенчались успехом. В ответ на коллективную ноту правительств России и Австро-Венгрии о недопустимости эскалации военного конфликта, зачитанную в Белграде посланниками Гартвигом и Угроном, Н. Пашич прямо заявил, что «балканские государства решили добиться осуществления реформ в европейской Турции с оружием в руках»²⁶.

²⁴ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 584. Д. 25. Л. 3 об–4.

²⁵ Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Т. XVIII (ч. II). Серия II 1900–1913. С. 110.

²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 528. Л. 194–194 об.

Шанс нанести еще один удар по агонизирующей Османской империи, по общему мнению, упустить было нельзя. Как заметил российский историк В.Н. Виноградов, «все было вновь: не подданные собирались восставать против тиранического правления, а независимые христианские государства готовились освободить еще находившиеся под турецким господством славянские и греческие земли с намерением присоединить их к себе»²⁷. Трудно в этой связи не согласиться с мнением популярного в начале XX в. российского беллетриста Е.Н. Чирикова, побывавшего на фронте Первой балканской войны и весьма четко подметившего: «Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать ее поэтическими эпитетами “борьбы за освобождение братьев”»²⁸.

---

²⁷ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010. С. 445.

²⁸ Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 142.

«Очерк вооруженных сил Болгарии и заметки по поводу войны на Балканах 1912 года» Н.К. Самосеева*

В данной работе приводится неопубликованная рукопись русского добровольца в болгарской армии во время Первой балканской войны. Автор уделяет внимание ходу боевых действий под Чаталджой, достоинствам и недостаткам болгарской армии. В предисловии реконструируется биография автора очерка.

Ключевые слова: Самосеев, Первая балканская война, Чаталджа, Болгария, русские добровольцы

Первая балканская война всколыхнула русское общество¹. Одним из проявлений этого стало добровольческое движение. Больше всего было желающих сражаться в болгарской армии, поскольку все понимали, что основная тяжесть решающих сражений во Фракии ляжет именно на нее². Количество их сложно оценить, о многих из них сохранившаяся информация — лишь фотографии в журналах³. Несколько проще ситуация с кадровыми военными, поскольку они принимались на офицерские должно-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

¹ См.: *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020; а также статья Е.Г. Костриковой и др. в настоящем издании.

² Частично тема рассмотрена в: *Гинчев Г.* Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник (далее — ВИС). 1982. № 4; *Королева Е., Черкезова-Савова М.* На помощ братята българи // ВИС. 1983. № 6; *Кулумджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София, 1968; *Петкова М., Геновска М.* Чужденци доброволци, участници в Балканската война // Исторически преглед. 1962. № 5.

³ Нива. 1912. № 50. С. 997

сти и их учет велся тщательнее. По нашим подсчетам, таковых в болгарской армии было как минимум четыре десятка⁴. Трое из них — В.С. Везенков, И.Д. Чинтулов и Й.Г. Пехливанов — в 1913 г. опубликовали свои впечатления и замечания от войны в «Известиях Николаевской академии Генерального штаба» и «Военном сборнике». Биографии первых двух известны в общих чертах⁵, судьбу третьего же в последние годы отечественные историки довольно подробно проследили⁶.

Все трое являлись этническими болгарами, поступившими на русскую службу по тем или иным причинам. Однако сохранилась рукопись еще одного труда, написанного добровольцем по горячим следам, но так и оставшаяся неопубликованной. О биографии ее автора Н.К. Самосеева мы уже писали⁷, но стоит ее вкратце осветить вновь.

Николай Карпович Самосеев родился 10 декабря 1877 г. в семье сына коллежского асессора в Херсонской губернии. Окончив полный курс Александровского реального училища в Николаеве, в 1895 г. он поступил вольноопределяющимся на службу в 58-й Прагский полк, откуда через несколько месяцев был командирован

⁴ См.: Гусев Н.С. «Никогда не наблюдался такой прилив желающих идти добровольцами на защиту славянства»: Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн 1912–1913 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 12.

⁵ Ганин А.В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 459–460; Станчев М.Г. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016. С. 86.

⁶ Ганин А.В. И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой Балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012; Он же. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012; Он же. Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014; Он же. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 84–145; Пехливанова К. Биография Йордана Георгиева Пехливанова / Публ. Гусев Н.С. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2.

⁷ Гусев Н.С. Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Vulgarica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О.А. Дубовик, П.Е. Лукин (Серия «Историки-слависты МГУ»). Кн. 12). СПб.: Алетейя, 2019.

на обучение в Киевское пехотное юнкерское училище. В 1897 г. Самосеев завершил обучение по 1 разряду, был произведен в подпоручики и отправлен на службу в 45 артиллерийскую бригаду, расквартированную в Пензе. Вместе с ней он принял участие в русско-японской войне, был удостоен орденов св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом⁸. Далее его служба протекала без особых событий вплоть до осени 1912 г., когда Балканский союз начал войну с Турцией.

Общее воодушевление моментом, которое он упоминает в предисловии, видимо, и сподвигло его на поездку в качестве добровольца в Болгарию. Согласно приказу по армии, 9 ноября он был принят на службу во 2-й артиллерийский скорострельный полк вместе с еще двумя русскими добровольцами. То, где служил автор, очевидно и по тексту — боевому пути этого подразделения уделено наибольшее внимание. В этот же день в ряды болгарской армии вступил подполковник В.С. Стоянов-Горанов, а несколько ранее — подпоручик Е.С. Дрон⁹, в России числившиеся в той же части, что и Самосеев¹⁰. Стоит отметить, что Первая балканская война на своем первом этапе была весьма скоротечна, и к 9 ноября активная фаза боевых действий окончилась — болгарские войска уже осадили Адрианополь и после неудачного штурма уперлись в неприступные укрепления Чаталджинской линии. Впрочем, можно предположить и то, что приказ лишь формализовал уже существовавшее положение.

Когда Самосеев покинул болгарскую армию — неизвестно. Приказа об увольнении найти не удалось, а его послужной список составлен в 1911 г. Но можно уверенно предположить, что к апрелю 1913 г. он уже был в России, поскольку 27 апреля болгарское военное министерство через дипломатическое представительство в Петербурге отправило ему орден св. Александра с мечами 5-й степени в Пензу¹¹. Стоит отметить, что и свое описание он завер-

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 39400. П/с 5182. Л. 1–6.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 41, 51.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35188. Л. 91–92.

¹¹ Централен държавен архив на България. Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1482. Л. 10.

шает объявлением перемирия в ноябре 1912 г., не касаясь возобновления боевых действий в январе 1913 г., видимо, потому что уже покинул Болгарию.

Вероятно, весной 1913 г. он готовил свой труд, который завершил уже во время Второй балканской войны, что становится понятно из предисловия. Рукопись его он отправил лидеру октябристов А.И. Гучкову, с которым был лично знаком¹².

Книга Самосеева так и не вышла в свет, хотя по «горячим следам» Балканских войн появился ворох литературы различного качества и направления. Как правило, она основывалась на газетных публикациях и официальной информации об участниках войн, Николай Карпович же видел реальную картину событий своими глазами. Причина того, что очерк так и остался рукописью, скорее всего заключается в несвоевременности работы — во время Второй балканской войны и после нее доказательства силы и важности болгарской армии в будущем столкновении с немцами воспринимались обществом без одобрения.

Вскоре, однако, разразилась Первая мировая война, и Болгария, которой Самосеев отводил столь значимое место в будущей борьбе славян и немцев, оказалась сначала нейтральной, а затем — врагом России. Сам же Николай Карпович в связи с развертыванием штатов военного времени был переведен в 80-ю артиллерийскую бригаду во второочередные части 80-й пехотной дивизии¹³ и уже 4 ноября при польской деревушке Вержбны своей храбростью заслужил представление к ордену Св. Анны с мечами. За бои весны 1915 г. получил орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и мечи к ордену Станислава. 4 сентября 1915 г. при взятии деревни Карпиловки он со своей батареей совершил обходной маневр и под ружейным огнем встал на открытой позиции посреди пехотных цепей. Метким огнем его соединение подавило пехотные гнезда и обратило противника в бегство. За это он получил орден Св. Георгия 4-й степени¹⁴. Уже через восемь

¹² ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 1088. Л. 1–4.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35188. Л. 91.

¹⁴ Там же. Оп. 12. Д. 26992. Л. 25–30. Также см.: РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. № 14836. С. 30–31. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/50000010/?page_id=50011311 (Дата обращения: 30.09.2024).

дней он был ранен¹⁵, но не покинул позиции и два дня оставался в окопах на передовой, корректируя огонь батарей, чем сорвал план противника по окружению части и обеспечил время для подхода подкреплений. Это послужило поводом для представления Самосеева к Георгиевскому оружию¹⁶. В последующем он 26 июля 1916 г. получил контузию в боях около села Рудки-Мириной¹⁷. Дальнейшую его судьбу документально проследить не удастся. Он не отмечен ни в одной из баз участников Гражданской войны или эмиграции. По одной из версий, он остался на родине, в Херсонской губернии, и умер в начале 50-х годов¹⁸. Однако существует опубликованная метрика Захарие-Елизаветинской Морской Госпитальной (Александро-Невской Морской Госпитальной) церкви Николаева, в которой упоминается, что 8–10 декабря 1918 г. от тифа скончался начальник гарнизона Николаева «полковник Николай Карпово Самосеев» 41 года¹⁹. Звание и возраст вполне соответствуют герою настоящей публикации. Да и слабо верится в то, что столь храбрый и предприимчивый офицер мог остаться в стороне от Гражданской войны. Как бы то ни было, но достоверно судить о его жизненном пути после ранения 1916 г. пока не удастся.

Рукопись хранится в фонде А.И. Гучкова в ГАРФ (Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473). Она представляет собой машинописный текст с правками от руки. По всей видимости, текст набирал не автор, поскольку поправлены некоторые опечатки, вероятно, появившиеся при неверном прочтении рукописи (напр., «Кушинчев» вместо «Кутинчев»), нередко слова вписаны в пропуски, специально для того оставленные, что может свидетельствовать о том, что набравший текст не все смог разобрать в рукописи (напр., на одной

¹⁵ РГВИА. Карточка бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 7516-Р. С. 126–127. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/1168/?page_id=2457798 (Дата обращения: 30.09.2024).

¹⁶ РГВИА. Оп. 12. Д. 26991. Л. 86–93. Также см.: РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. № 14834. С. 28. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/50000011/?page_id=50013540 (Дата обращения: 30.09.2024).

¹⁷ РГВИА. Карточка бюро учета потерь...

¹⁸ Письмо З. Самосеевой автору 8.04.2018 (архив автора).

¹⁹ Выписки из метрических книг города Николаева 1918–1920 гг. // Генеалогический форум ВГД. URL: <https://forum.vgd.ru/post/4249/110601/r3381043.htm> (Дата обращения: 30.09.2024).

из страниц был пропуск, в который от руки было вписано шесть слов). На первой странице рукописи сверху указано, что автор — 45 артиллерийской бригады капитан Самосеев, фамилия автора указана и на последней странице. Публикуемый текст приведен в соответствие с современной орфографией, некоторые несущественные очевидные опечатки исправлены, более заметные — отдельно оговорены в примечаниях, для крупнейших населенных пунктов даны современные названия, о высокопоставленных командующих сделаны пояснения. Также текст дополнительно разбит на абзацы для удобства чтения, поскольку ближе к концу рукописи абзацы могут простираться на несколько страниц.

При этом опущена часть, содержащая статистические и технические детали информации о болгарской армии. Автор подробно перечисляет места расквартировывания пехотных, кавалерийских и артиллерийских полков, количественный состав войск, особенности их развертывания в военное время, дает обзор болгарских флота и авиации. Приводит сведения о командующих армиями (командующий 1-й С. Кутинчев ошибочно назван «Кутчинов»), описывает соответствие должностей воинским званиям. Крайне подробно рассказывает о состоящих на вооружении винтовках, пулеметах, артиллерийских орудиях и различных видах снарядов к ним, приводит сведения не только об их тактико-технических характеристиках, но и о выявленных в ходе применения на войне плюсах и минусах. Вкратце представлена аналогичная информация о турецком вооружении. Кроме того, автор описывает и довольствие болгарских солдат и офицеров, их обмундирование, организацию медицинской службы, военно-полевых судов, прохождения срочной службы и обучения офицеров. Данная информация носит сугубо военно-технический характер и не относится к личному опыту русского добровольца Н.К. Самосеева.

Очерк вооруженных сил Болгарии и заметки по поводу войны на Балканах 1912 года

Предлагаемый очерк есть сводка отрывочных впечатлений, полученных автором во время пребывания его на Балканах. Он представляет скорее общий интерес, почему и не может претендовать на роль самостоятельного пособия при изучении войны, и лишь служит дополнением к таковому. Автором были приложены все усилия для проверки фактических данных и собрания нужного материала, и тем не менее, задачу свою в этом отношении он считает далеко не выполненной; главная причина тому, как будет видно также при изложении событий, заключается в той скрытности, которой болгары обставили все, что так или иначе имело отношение к войне.

Как известно, ни русское правительство в лице своих дипломатических и военных представителей, ни общественные круги, ни периодическая печать не были осведомлены с достаточной полнотой о войне на Балканах. Если в настоящее время сведения наши о ней рисуются с достаточной полнотой и достоверностью, то того же нельзя сказать об освещении событий. Последнее не выяснено до сих пор, порой крайне одностороннее, а подчас даже диаметрально противоположное.

Война, как известно, увлекла всех, быстрые, решительные и красивые победы близких нам славян привели нас в восхищение и наполнили сердца наши справедливой гордостью. Подъем был необыкновенный. Не будет ошибки, если мы скажем, что русское общество во время войны не знало других интересов, кроме связанных с этой войной. С другой стороны, вековая политика России на Ближнем Востоке настойчиво требовала вооруженного вмешательства. Момент был исторический, и не подлежит сомнению, что никакие последствия такого вмешательства не могли бы заставить раскаяться в этом русское общество. Все это в связи с неизвестностью о действительно происходящем на Балканах обусловило соответствующую литературу, отвечающую настроению масс. Освещение было ярким, но краски были одного тона. Прошло немного времени, окончилась блестящая страница героической войны за свободу и человеческое существование угнетенных

народов — и началась новая война, не менее кровопролитная, чем первая, война между братьями из-за дележа оставшегося наследства. В этой борьбе погибла высокая идея, вдохновлявшая на геройские подвиги, погибли плоды нечеловеческих усилий всего народа, погибло все... Унижение, голод и смерть принесла она измученной стране. Русское общество как бы отрезвело и былой энтузиазм сменило резкое осуждение. Как всегда бывает в таких случаях, за Болгарией и болгарам не признавалось даже того, что было сделано в первую кампанию, а за победами их — крупного значения с военной и исторической точек зрения. Литература отразила настроение этого периода, краски по-прежнему были ярки, но тон их был уже совершенно иной.

Предлагаемый труд, кроме общего интереса, ставит своей целью разобраться в сложном вопросе о том, где же надо искать истину и в этом отношении все указания и поправки будут приняты автором с благодарностью.

Автор. <...>

Война 1912 года

17 сентября 1912 года в 12 часов дня в Болгарии была объявлена мобилизация. Первый день считался с 18 сентября, с 12 час[ов] дня. 23-го вечером мобилизация была окончена, полки распечатывали конверты, имевшиеся у них уже давно, и выступили на границу в назначенные для них места. Количество войск определилось внушительной цифрой около 400 т[ысяч]. Это был максимум военной активности, доступной такой маленькой стране, как Болгария — цифра, превзошедшая самые смелые ожидания военных специалистов. Как известно, сформировано было три армии — генералов Кутинчева²⁰, Иванова²¹ и Дмитриева²², однако ни один офицер не знал этого. Точно так же войскам неизвестно было, кто будет назначен главнокомандующим, об этом узнали лишь на границе. Кроме трех армий на главном театре войны, в Адрианопольском вилайете, сформированы были еще три отряда для действия в Македонии.

---

²⁰ Кутинчев Васил (1859–1941).

²¹ Иванов Никола (1861–1940).

²² Димитриев Радко (Радко-Дмитриев Радко) (1859–1918).

Турки располагались в это время двумя армиями: 1-я в Македонии, численностью около 150 т[ысяч], и 2-я во Фракии. Определенного плана у турок не было выработано заранее и боевые действия их носили случайный характер. Незадолго до начала войны был распущен запас. Турецкое военное министерство совершенно не считалось с возможностью войны и обнаружило в своих действиях полную растерянность. Сообщение македонской армии с Малой Азией и Константинополем было возможно либо морем, либо железной дорогой: Салоники, Демотика, Константинополь. Господство на море было утрачено с самого начала. Железнодорожное сообщение также было прервано и, таким образом, македонская армия была совершенно изолирована и подкреплений доставить ей нельзя было. Турки должны были сделать одно из двух: или сразу усилить македонскую армию, или же сразу вывести оттуда все войска кроме гарнизона крепостей с целью усилить Фракийскую армию. Однако они не сделали ни того, ни другого, что можно только объяснить отсутствием плана и растерянностью. При наличии прочих причин, о которых я скажу ниже, а также при той ненависти местного населения к туркам, при которой это население являлось в роли добровольного разведчика, потеря македонской армии, где турки были гораздо слабее союзников, была неизбежной. Компромиссное решение, принятое турками, могло быть только гибельным для них. Потеря же македонской армии заранее исключала возможность изменить в будущем ход кампании, так как прибывших подкреплений из Малой Азии не могло хватить на восполнение ее и, кроме того, эти подкрепления были низкого боевого качества. Разбросав все свои силы, с восточной покорностью пассивно ожидая наступления противника, турки всюду оказывались слабее и везде терпели поражения, хотя, вообще говоря, сражались очень храбро. Отступали они до тех пор, пока уже было некуда и, не считая гарнизона Шкодры²³, на западном театре войны у них уцелели лишь 27 т[ысяч], которые благополучно сдались грекам в Салониках и 13 т[ысяч] Явер-паши, сдавшихся болгарам у Эноса. Остальные погибли в боях, или же просто разбежались. Спассти положение турок в Македонии могли лишь их успехи во Фракии, но, однако, и тут, как увидим ниже, турки потерпели одни лишь поражения.

---

²³ Шкодер.

Возвращаюсь к болгарам. 5 октября был обнародован манифест о войне. Войска собирались к границе по ужаснейшей дороге в неблагоприятное время года. Автору пришлось на себе испытать все прелести дорог в Турции. Нужно поражаться, как в этих местах, от Ямбола через Гулем-Дервент, Кизил-Агач до Лозенграда²⁴ могли пройти войска с артиллерией и обозом. Вернее, здесь не было никакой дороги, равно как и во всей Турции. Турки аккуратно взымали подати на сооружение и поддержание дорог, но продажные турецкие чиновники клали их в карман. От Демотики до Сименли на протяжении 70 верст и от Адрианополя²⁵ до Лозенграда можно беспрепятственно ехать на автомобиле, все же остальные дороги никуда не годны. Знаменитое адрианопольское шоссе, от Одрина до Царьграда, представляет собой, по крайней мере осенью, сплошное поле, покрытое зеленой травкой. Одни только телеграфные столбы указывают, что здесь проходит самая важная стратегическая дорога. Мосты, встречающиеся на дороге, — римского типа, оставшиеся еще с древних времен без всякого ремонта, обыкновенно без перил, с провалившимися местами камнями.

И все же армия без особых затруднений прошла этими дорогами. Этому способствовал дух армии настолько высокий, что солдаты бросали лишнее белье, наинужнейшие вещи с целью захватить лишних патронов сверх 150.

Первый бой был у Мустафа-паши²⁶ 5-го же октября. В сущности, это была незначительная стычка, так как Мустафа-пашу турки не обороняли. У Адрианополя 1-я и 2-я армии остались и окружили его, искусно маневрируя. 3-я же армия двинулась дальше и 8 октября имела бой у Селиоглу, к северу от Лозенграда, 10-го с 4 часов утра начался бой у Лозенграда, бой исключительно артиллерийский. К 5 час[ам] вечера того же дня турки бежали, оставив город. Турки не ожидали такого стремительного нападения и были совершенно ошеломлены, к тому же полагая, что имеют перед собой всю болгарскую армию. Перед тем как очистить город, турки, чтобы обмануть противника, открыли сильный огонь.

---

²⁴ Кыркларели, в тексте также встречается старое турецкое название Кирк-Килиссе.

²⁵ Эдирне, встречается также болгарское название Одрин.

²⁶ Свиленград.

Бой под Лозенградом решили частные начальники, проявив собственную инициативу в широких размерах. Была критическая минута, когда болгарская пехота остановилась и попала под перекрестный огонь с превосходных естественных позиций, окружавших Лозенград. Особенно сильно доставалось болгарской пехоте от одной турецкой батареи, которой командовал немецкий майор. Болгарские артиллеристы хорошо помнят эту батарею. По их отзывам, она принесла болгарам огромный урон, но вместе с тем покрыла себя неувядаемой славой. Командир этой батареи стоял совершенно открыто с биноклем в руках и в таком положении был убит стаканом шрапнели. После его смерти батарея фактически перестала существовать и не выпустила уже ни одного патрона. Артиллерия болгар действовала безукоризненно, особенно отличилась 6-я батарея 2-го скорострельного полка. Она два раза выезжала вперед и притом первая, сначала на дистанцию около 3 верст, а второй раз около 1,5 версты. Оба раза позиции были открытые. Вообще же говоря, в этом бою у болгар были как закрытые, так и открытые позиции, но преобладали открытые. У турок же были только открытые — закрытых в это время они еще не умели занимать.

Командующий 3-й армией Радко Дмитриев, находившийся в 5 верстах от линии турецкого расположения, узнавши, что 6-я батарея собирается переезжать вперед, приказал передать ее командиру майору Сеизову: «С Богом, желаю успеха». Впоследствии он выражался, что 6-я батарея рисковала сильно, но зато она решила исход боя. Командир ее был представлен к ордену «За храбрость». Нужно отметить, что переезды болгарской артиллерии затруднялись еще тем, что конский состав артиллерии был неважный. Только в корнях были русские или венгерские крупные лошади, а в выносах²⁷ — малорослые, мелкие породы. Хомуты на них были настолько велики, что их пришлось бросить и заменить шлеями, которые перевернули и кое-как приспособили.

В 5 часов вечера турки отступили, но им все же удалось обмануть болгар и удержать их на всю ночь. Связи с турками не было, что подтверждается многими фактами. Болгарская кавалерия, бывшая на правом фланге, ничем не помогла общему делу и турки спокойно отошли по пути своей линии отступления через Бу-

²⁷ Речь идет о коренных и выносных лошадях в упряжке.

нар-Гиссар²⁸ к Визе. На протяжении 15 верст дорога была усеяна повозками, ящиками, орудиями и всевозможными предметами домашнего обихода, которыми болгарские солдаты пользовались до конца войны. Особенно приходится отметить пристрастие турок к шелковым вещам и к всевозможным косметическим средствам. Всего болгарам досталось 58 орудий, большое количество зарядных ящиков, обоза, огромное количество снарядов (около миллиона) и большие склады снаряжения и обмундирования.

В то время как 3-я армия имела дело у Лозенграда, 2-я армия, находившаяся у Адрианополя, оставила заслон у Селиоглу в размере одной дивизии, назначение которого было помогать операциям у Одрина и Кирклиссе, смотря по тому, где положение будет опаснее. Болгары одинаково опасались и за Одрин и за Лозенград, между тем и Шукри-паша²⁹, и Абук-паша не предприняли ничего решительного в уверенности, что перед ними вся болгарская армия. Действия под Адрианополем после неудачной попытки овладеть крепостью штурмом свелись к нерешительным действиям. Причина — недостаток материальных средств. В этом отношении особенно резко сказался недостаток крепостной артиллерии, пополненный впоследствии, но и то лишь отчасти, сербской артиллерией. Взятие Одрина составляет бесспорную заслугу болгар, но главная причина падения крепости вызвана истощением средств обороны и упадком духа осажденных.

Возвращаясь к дальнейшему изложению событий после 10 октября. В ночь с 10 на 11 октября 3-я армия стояла под Лозенградом, а утром на рассвете была произведена рекогносцировка, которая выяснила, что в городе никого нет. В 12 ч [асов] дня войска 3-й армии без боя вошли в город и прошли церемониальным маршем перед генералом Радко Дмитриевым. Вечером, часов около девяти, по направлению к Бунар-Гиссару показались неприятельские огни, по которым с неизвестным результатом несколько болгарских батарей открыли огонь. По-видимому, это был турецкий арьергард.

Состав армии к этому времени был следующий: 1-я армия — 1 и 10 див[изии], 2-я — 2, 3, 8 и 9 див[изии] и 3-я армия — 4, 5 и 6 див[изии], кроме того 7 див[изия] находилась в Македонии.

²⁸ Пынархисар.

²⁹ Шюкрю Мехмед (1857–1916).

11-го вечером 3-я армия обошла город с юга на восток и до 16[-го] простояла в виду города, ожидая 1 армию, которая должна была появиться на левом фланге у турок, совершив при этом очень искусный маневр, дабы сделать незаметным свое отсутствие у Одрина. Маневр этот основывался на превосходном знании морального состояния турецкой армии, а также ее разведывательных частей. Первая армия, уходя, оставила сторожевые огни, ее место частью было занято 2-й армией и, таким образом, гарнизон Адрианополя даже и не подозревал, что целая армия ушла. Большой опасности подвергалась также и 3-я армия до соединения с 1-й. Если бы у турок была бы кавалерия, а тем более хорошая, нет сомнения, что разведка выяснила бы слабости болгар, и 3-я армия, имевшая перед собой сильнейшего противника, могла быть разбита по частям, тем более что, желая скрыть свою слабость, болгары растянулись на большем пространстве и наступление свое вели широким фронтом. На правом фланге шла 6-я дивизия, в середине 4-я и на левом 5-я. Чтобы обмануть турок, 3-я армия шла и днем, и ночью, то возвращаясь назад, то вновь идя вперед, причем 12-го и 13-го держась в районе дер[евень] Кавакли, Лефедже, Караманли, Чифик, Мандра и Кавак-Дере.

К 15 октября 3-я [армия] стояла уже на Татар-Киой, Иван-Киой, Ени-Киой в том же самом порядке. Численный состав 3-й армии определялся к этому времени в 64 т[ысяч], так как 6 дивизия состояла только из 2 бригад, 1-я армия насчитывала 40 т[ысяч], 2-я — 30 т[ысяч].

16-го утром с рассветом 6 дивизия пошла на Люле-Бургас, имея 1-ю бригаду — 3 и 15 полки — собственно против Люле-Бургаса и 2-ю, направленную на Тюрк-бей. 4 и 5 дивизии шли перед своими фронтами, причем 5 дивизия упиралась в Бунар-Гиссар. 1-я армия, которую ожидали 16-го утром, опоздала и прибыла на левый фланг турок только к 4 часам дня.

Бой 16-го дня преимущественно артиллерийский. Вообще в эту кампанию артиллерии пришлось играть главную, иногда решительную роль. Нужно поэтому пожалеть, что руководство артиллерией было слабое и батареи вели бой самостоятельно. Командиры полков и отделений были лишь простыми зрителями происходящего, да и то не всегда. Дело управления артиллерийским огнем, как говорится, не налажено. Бой разыгрался следующим образом.

В 2 ½ ч[аса] дня на правом фланге 1-я бригада 6-й дивизии взяла город, где турки не оказали серьезного сопротивления. Полки бригады перемешались. Жители вынесли солдатам вино, то прекрасное вино, которым славится Турция. Утомленные солдаты сразу опьянели и это едва не кончилось печально. Тотчас же по занятии города около 3-х часов турки открыли сильнейший огонь по городу и по всей линии произвели контратаку, причем болгары, а в особенности 1-я бригада 6-й дивизии, понесли сильные потери. Всего при Люле-Бургасе во всех трех дивизиях потери болгар определяются в 16 т[ысяч] человек, а со стороны турок в 49 т[ысяч]. Данные эти совершенно официальные и опубликованы были в свое время болгарским военным министерством. Во время контратаки турок пехотные болгарские батареи, т.е. назначенные специально для действия против пехоты неприятеля, выкатили орудия на руках и около 4 час[ов] дня открыли огонь по пехоте турок, большими массами спускавшейся к реке. Артиллерия действовала выше всяких похвал и справедливость требует признания за всеми батареями одинаковой отличной работы. Упоминаю вновь о 6-й батарее 2 с[корострельного] полка как об отличившейся только потому, что этот факт мне более известен. Эта батарея в 20 м[инут] выпустила 560 шрапнелей при прицеле от 30 до 11 и обратно, когда турки вновь стали отступать. Орудия были направлены расходящимся веером, так как приходилось наблюдать за очень широким фронтом. Этот прием вообще часто практиковался, в особенности в дальнейших операциях под Чаталджой.

Несмотря на губительный огонь, турки, дрогнувшие вначале, вновь оправались и снова продолжили наступление. В этот критический момент командир пионерной роты, приданной 6-й дивизии, капитан Иванов выпросил разрешения у начальника 6-й дивизии атаковать турок на правом фланге. Поддержанный 8-й ротой 3-го полка, имея всего по 40 патронов на солдата и притом никуда не годные карабины, он бросился вперед, перешел речку и заставил турок отступить снова. Однако, расстреляв все патроны, будучи дважды ранен в грудь и плечо, он принужден был отступить назад. Увидев отступающих болгар, турецкая артиллерия открыла сильный огонь по артиллерии болгар, пехота их вновь повернула и стала наступать. Положение стало крити-

ческим. Тогда начальник 6-й Бдинской дивизии генерал Тенев³⁰ собрал уже устроившиеся 3 и 15 полки, ободрил их несколькими энергичными словами и лично повел их в атаку. Лошадь под ним была убита, он переменял ее на другую, но та же участь постигла и ее, после чего он пошел пешком. Этого стремительного удара, поддержанного с редким воодушевлением всеми, было достаточно, чтобы турки отступили и на этот раз уже окончательно. Артиллерия болгар преследовала их, пока это было возможно. Стало темнеть, и действия прекратились.

Возможно, что на отступление турок повлияло также и полученное ими известие об обходе их левого фланга войсками 1-й армии, которая в походной колонне отошла наконец к Люле-Бургасу и левому флангу турок. Впрочем, 1-я армия не тронулась с места, и только артиллерия ее открыла слабый огонь с расстояния около 5 1/2 в[ерст], т.е. на пределе. Причину такого бездействия 1-й армии видят в неустановившихся отношениях между генералом Кутинчевым и Радко Дмитриевым. После боя у Лозенграда генерал Радко Дмитриев был назначен командующим сводными армиями, а между тем генерал Кутинчев был старше Дмитриева. Дабы наладить отношения между ними, понадобился приказ царя Фердинанда, коим закреплялось положение вещей. Как бы то ни было, стало известно официально, что генерал Кутинчев отдал приказание командирам бригад 10-й дивизии полковникам Братастанову и Петову наступать на турок и атаковать их, но приказание это последними не было исполнено по неизвестной причине. Из 1-й дивизии только 1-й Софийский полк вошел в соприкосновение с 6-й дивизией и занял позицию у реки, однако серьезного участия принять за прекращением боя не успел.

Ночью с 16-го на 17-е 1-я бригада 6-й дивизии перешла на левый фланг и поменялась местами с 3-й бригадой 1-й дивизии (37-й, 38-й и 1-й Софийский полк), таким образом, что первая очутилась против Тюрк-Бея, а вторая — Люле-Бургаса. Маневр этот, как говорят, имел целью обмануть турок.

17-го утром артиллерия болгар открыла огонь, пехота окопалась и стала выжидать. Турки также не трогались с места. Артиллерия с левого фланга заняла позицию у Тюрк-Бея, в 5,5 верстах.

³⁰ Тенев Православ (1862–1942).

Около 2 ч[асов] дня болгары бросились в атаку, перешли речку Манастыр-Дере³¹, прогнали турок и захватили турецкие траншеи, расположенные на первом гребне, и тотчас перестроили их фронтом к туркам. Темнота прекратила дальнейшие действия.

18-го на рассвете пехота болгар открыла огонь и бросилась в атаку с 1600 м[етров] «наперед на нож»³² на второй гребень. Взявши его, болгары стали венчать его³³ и с этой целью выслали вперед три батареи, которые открыли огонь по цепям, отступающим к востоку. Оказалось, что это были лишь редкие цепи арьберггарда, так как турки еще ночью бежали — и настолько поспешно, что их штаб-квартира была захвачена болгарами. Донесение командующего турецкими войсками Абдуллах-паши³⁴ великому визирю, перехваченное болгарами, гласит: «Наша армия позорно бежала, забыв свой долг и честь. Твердо уверен, однако, что мне удастся остановить ее на Чаталджинских позициях, где я надеюсь дать отпор врагу и поддержать славу нашей, еще не битой армии». Это была действительно правда. Путь вдоль железной дороги, усеянной трупами животных и людей, убеждает нас в этом. Турки бежали в паническом бегстве, захватывая своих и истребляя чужих. «Спасайтесь, черный-неверный идет», — кричали они по-турецки, проходя села и деревни. Так разыгрались действия под Люле-Бургасом. Не менее кровопролитны были действия 4-й и в особенности 5-й дивизии, где болгарам пришлось выдерживать превосходящие силы турок с переменным успехом. Только к 23 октября окончились бои у Бунар-Гиссара, а между тем 6-я дивизия ничем не помогла 4-й и 5-й дивизиям, хотя, по-видимому, могла это сделать. Вместо этого 18 октября 6-я дивизия продвигается вперед и доходит до Сады-Киой, всего 12 километров, где накануне был штаб Абдуллах-паши.

После ночлега у Сады-Киой 6-я дивизия 19 октября дошла до Татар-Киой, далеко оторвавшись вперед от остальных войск 3-й и 1-й армий, всего приблизительно на 25 километров, однако вечером поспешно вернулась в Сады-Киой обратно, сделав, таким

³¹ Удалось идентифицировать лишь селение Манастирдере (Чайырдере).

³² Искаженное болгарское «Напред, на нож!» — «Вперед, в штыки!».

³³ Так в тексте.

³⁴ Колемен Абдуллах (1865–1937).

образом, крайне тяжелый форсированный переход и потеряв при этом целый день. В Сады-Киой слышна была канонада с восточной и северной стороны — то 5-я дивизия дралась у Бунар-Гиссара. Однако 6-я дивизия огня не открывала, хотя цели и имела. Здесь же 6-я дивизия и заночевала, после чего 20-го почти не тронулась с места, находясь все время в окрестностях Сады-Киой. Здесь заняли позицию и ждали противника, которого, однако, не было.

21-го провели в том же положении.

22-го перешли в Имранли, всего в 5 верстах к востоку от Люле-Бургаса. Здесь войска впервые заразились холерой, у турок же она была и раньше, так как в Имранли у них были уже изоляционные бараки для холерных.

23-го оставались в том же положении.

К этому времени окончился бой у Бунар-Гиссара 4-й и 5-й дивизий.

Из сказанного видно, что в боях при Люле-Бургасе произошло что-то непонятное. В то время как на левом фланге напрягали большие усилия против превосходящих сил неприятеля, у которого при Люле-Бургасе было в общей сложности до 150 т [тысяч], войска 6-й дивизии стояли на месте, хотя и слышали канонаду. Главную причину этого видят в плохой разведке.

24 октября ничто уже не удерживало движения вперед, и обе армии медленно двинулись на восток, имея на правом фланге армию генерала Кутинчева, а на левом — Радко Дмитриева. Шли походом через дер[евни] Софолар, Гекенер, Кучук-Чвуш, Бей-Жилер, Синекли, Аврен.

Аврена достигли только 28-го. Поход был крайне тяжелый, без дороги, под дождем. Грязь была непроходимая и к тому же липкая, так что войска не могли ходить в цеврулях³⁵, а между тем, сапог не было. Старые износились, а новые, ожидаемые из России, еще не были получены.

В Аврене была небольшая задержка, ибо турки выставили в Инжесе одну батарею, которая оказалась лишь арьергардной и скоро снялась с позиции.

³⁵ Искаженное болгарское «царвули» — традиционная крестьянская обувь.

В Инжес пришли 29-го вечером, не встретив никаких войск. Все деревни, которые приходилось проходить, были сожжены турками и представляли из себя одни развалины. Греческие и редкие болгарские деревни были также пусты, однако дома кое-где еще сохранились. Жители были перебиты или же бежали к морям — большей частью к Мраморному морю, где турок почти не было и преобладало греческое население. Скот турки угнали с собой.

30-го 6-я дивизия стояла на позиции в Инжесе, прочие — на этой же линии.

31 [октября] и 1 ноября перешли чаталджинские горы, три очень высоких последовательных гребня, находящиеся в вечном тумане, прозванных Балканами. Окопалась 6-я дивизия у г[орода] Чаталджи — окруженного горами места управления Чаталджинского санджаката³⁶, прочие дивизии — приблизительно на той же линии.

2 ноября 1-я армия находилась уже восточнее и севернее Чаталджи, в 3 километрах от д[еревни] Езетин, а 3-я армия стала разворачиваться влево и заняла очень широкий фронт до самого Черного моря.

3 ноября 1-я армия осталась впереди д[еревни] Езетин и стала окапываться, так как имелся уже приказ о наступлении с рассветом следующего дня. 3-я армия также окопалась, что было закончено только поздней ночью. К этому времени состав обеих армий изменился. Из Одрина, куда пришли две сербских дивизии, к армии успели подойти две дивизии: 3-я Балканская и 9-я Плевненская. Обе они вошли в состав 3-й армии, откуда 6-я дивизия отошла к 1-й армии, так как находилась на правом фланге 3-й армии.

4-го получен был приказ о наступлении. Обе армии не знали, самостоятельно ли они будут наступать или же обе вместе³⁷. Между прочим, это очень характерная черта болгар, и против этого почти никто ничего не имеет. «Мы должны идти куда прикажут, — говорят обыкновенно офицеры, — нам незачем знать, пойдут ли другие части с нами или нет, это дело высших начальников, которые только одни ответят за все».

---

³⁶ Верно — «санджак», административная единица в Османской империи.

³⁷ Шесть слов в тексте вымарано.

Атака чаталджинских позиций назначена была на 4 ноября в 4 часа утра и должна была быть общей, причем каждая бригада должна была наступать [на]против себя. При этом, в отмену общего порядка, по которому бой могли³⁸ вести самостоятельно только дивизия, объявлялось, что отныне такой боевой единицей будет бригада, так как она равняется турецкой дивизии. Это было действительно почти так.

Прежде чем перейти к описанию боевых действий у Чаталджи, нужно сказать несколько слов о самой Чаталджинской позиции.

Турки укрепились на этой позиции от Буюк-Чекмедже на юге до Деркоса на севере, т.е. от Мраморного моря до Черного. Залив Буюк-Чекмедже очень глубоко вдавался в материк и сокращал эту и без того не широкую позицию до 25–28 километров. Буюк-Чекмедже был настолько глубок, что турецкий флот в составе трех броненосцев, двух крейсеров и четырех миноносок мог свободно в нем крейсировать и подходить к берегу километров на 5. Позиция турок представляла из себя на всем протяжении фронта много довольно больших возвышенностей, местами на очень незначительную величину прерывающихся. За этой линией находилась другая, за ней третья и четвертая. Последние были сравнительно не высоки и переходили у самого Царьграда в низменную равнину. Глубина позиции от Чаталджи до Константинополя не превосходила 35–38 верст, так что канонада на Чаталдже отчетливо была слышна в Константинополе. Перед фронтом позиций турок у подножия гор протекала река — левый приток Кара-су, того же имени, шириной всего в 2–3 сажени, но местами очень глубокая. На ней восточнее и севернее Чаталджи приблизительно посередине ее находился единственный мост, каменный, римского типа, но турки взорвали его. Точно так же турки взорвали несколько пролетов на большом мосту через Буюк-Чекмедже, по которому проходит железная дорога на Царьград.

Турки на Чаталджинских позициях имели до 40 больших и малых укреплений, из них около 25 старых и около 15 новых. Последние все полудолговременного типа, наподобие Плевненских. Все вообще укрепления — сооружения после войны 77-го года³⁹ и

³⁸ Так в тексте.

³⁹ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

направлены против России. Многие укрепления только в последнее время отреставрированы, вооружены же только непосредственно перед самой войной, по настоянию фон дер Гольц-паши. Всего у турок на Чаталдже к началу боя было около 150 орудий. Калибр их был различный, преобладали 75-миллиметровые, но были и гаубицы 12 и 15 сант[иметров]. Было даже несколько крепостных орудий. Кроме того, приходится еще считать морскую артиллерию на Буюк-Чекмедже, которая также помогла туркам на левом фланге. Укрепления Чаталджинских позиций расположены были в 4 линии, из них первые две сильной профили⁴⁰, а 3 и 4 — слабой. Крепостные орудия, тяжелые гаубицы стояли на 2 линии. Укрепления были выстроены таким образом, чтобы из одного можно было фланкировать другое.

Наиболее сильными укреплениями на фронте 3-й армии были №№ 2, 5 и 7, а на правом фланге — те, которые находились на фронте 6-й дивизии, из последних же наиболее сильным был Каракол-Нокта, что в переводе значит «сторожевая точка». Название это Каракол-Нокта оправдал, ибо до конца оставался зорким часовым на своем посту и парализовал все⁴¹ частные успехи болгар. По форме это был редут сильной профили⁴², причем видны были только амбразуры для орудий. Кроме Каракол-Нокта на фронте 6-й дивизии находились еще: Безымянное укрепление, Махмудие, Махмуд-паша с минаретом, великолепно вырисовавшиеся на горизонте, а еще дальше на фронте 1 и 10 дивизий у самого моря — Хамидие I и Хамидие II. Позиции противников, как уже сказано, разделяла река. От этой реки болгарские позиции начинались всего в 2 верстах, и благодаря тому, что находились на склоне, обращенном к неприятелю, мало были защищены от некоторых укреплений турок. В тылу у болгар находились в расстоянии 4–5 верст Чаталджинские горы, расположенные в несколько рядов, и таким образом, у болгар путь отступления при малой проходимости гор был фактически отрезан.

Войска на 4 ноября были расположены следующим образом. На Каракол-Нокта было три батареи в 12 орудий, однако впослед-

---

⁴⁰ Так в тексте.

⁴¹ Одно слово вымарано.

⁴² Так в тексте.

ствии выяснилось, что одна из батарей была фальшивая. По-видимому, у турок с начала боя было недостаточно артиллерии и им необходимо было обмануть противника до получения новой артиллерии из Германии, а также до подвоза крепостной с Босфора. Кроме 2-й батареи на Каракол-Нокта у турок на Махмудие было две батареи в восемь орудий, на Хамидие — четыре орудия и на Махмуд-паша восемь орудий. Махмуд-паша представляло укрепление 2-й линии, орудия его были крепостные. Остальные же батареи были вооружены полевой артиллерией, за исключением одной батареи на Махмудие, которая была горной. На фронте 3-й армии турки имели также артиллерию, разбросанную также по отдельным укреплениям. Пехота турок доходила до 150 т[ысяч]. Эта цифра, хотя и медленно, но все же увеличивалась притоком свежих сил из Малой Азии.

Армия болгар расположилась следующим образом. На правом фланге у самого Мраморного моря находился небольшой отряд из 1-й дружины 10-й дивизии и скорострельной батареи 4-го полка. Задача этого отряда была охранять побережье и не давать туркам высаживать десант. Отряду этому пришлось действовать два раза, когда турецкий флот пытался приблизиться к берегу. В остальное время отряд, дабы не выдавать себя, занимал закрытую позицию. К юго-востоку от Чаталджи располагалась на высотах 1-я дивизия, к северу от нее — 1-я бригада 10-й дивизии и почти против Чаталджи 6-я дивизия. Таким образом, 1-я армия стояла довольно открыто, и между частями войск было мало промежутка.

2я бригада 10-й дивизии, из состава которой одна дружина была выделена на Мраморное море, составляла резерв 1-й армии, другими силами резерва почти не было⁴³. Кроме того, вся скорострельная артиллерия за неимением места, а также вследствие худшей материальной части и отсутствия щитовых прикрытий, находилась также в резерве и занимала позиции во второй линии. Участия в боях она мало принимала. Скорострельные полки находились при своих дивизиях, и все занимали боевые позиции, приблизительно на линии д[еревни] Езетин. Кавалерийская дивизия стояла в Аврене и участия в боях не принимала, неся

⁴³ Так в тексте.

лишь службу связи. К северу от 6-й дивизии с довольно большим промежутком начиналась 3-я армия, дивизии которой со своими скорострельными полками расположились следующим образом. 9-я Плевненская, затем 3-я Балканская — на самом левом фланге на Черном море, у Деркоса на высоте стояла 5-я дивизия, имея против себя сильнейшие укрепления, расположенные на горном, почти неприступном массиве. 4-я дивизия была в резерве.

Штаб 1-й армии был в Кады-Киой, верстах в 15–18 от боевых позиций, а штаб 3-й армии — в Ермени-Киой приблизительно в таком же расстоянии. По болгарскому полевому уставу не только командующий армией, но и начальники дивизий должны быть вне сферы морального влияния во время боя. Между прочим, вследствие удаления начальников вытекали недоразумения, особенно когда начались дожди и поддерживать сообщение стало затруднительно. Всего под Чаталджой болгары располагали до 150 т[ысяч], т.е. приблизительно одинаковыми с турками силами.

Из краткого обзора противников, а также из рассмотрения условий обстановки, видно, что положение болгар было значительно хуже, чем турок. Едва ли военная история знает позицию, подобную Чаталджинской. Болгарам кроме превосходных сил противника (с первых же дней к туркам стали прибывать подкрепления) приходилось еще считаться с превосходством турецкой артиллерии, ибо у турок была еще столь необходимая в Чаталджинских боях крепостная артиллерия. Затем, турецкий флот, хотя и наносил ничтожное поражение, стреляя с больших дистанций, но все же затруднял проход позиций, кроме того, освещая прожекторами неприятельские позиции, делал невозможным скрытные передвижения. Нужно еще было считаться с тем, что фланги были обеспечены морями и приходилось наступать фронтом, между тем задача эта была крайне рискованная, почти невозможная, так как при наступлении приходилось иметь дело с многочисленными укреплениями, представлявшими из себя хорошо укрепленные как естественно, так и искусственно позиции, из которых каждая могла поддерживать и фланкировать другую. У болгар в этом отношении было значительно хуже. Естественные укрепления были довольно слабые, а искусственных они не создали, крепостных орудий у них не было, и только 12-го и 17 ноября прибыли из Одринна две батареи — 12- и 15-сантиметровые.

Также не было и флота на Мраморном море, Черноморский был недостаточно силен и мало влиял на Чатаалджинские операции. Наконец, у болгар не было никаких резервов⁴⁴. Болгары главным образом надеялись на дух своих войск и на моральное преимущество победителей над побежденными⁴⁵.

План овладения Чатаалджой, выработанный главнокомандующим генералом Савовым⁴⁶, заключался в следующем. 3-я армия генерала Радко Дмитриева должна была взять горный массив на правом фланге, массив, командующий над остальными вершинами, овладеть укреплениями №№ 2, 5 и 7 и выставить на них артиллерию, сначала горную, а потом и полевую. Под прикрытием огня артиллерии болгар левый фланг 1-й армии должен был прорвать центр и захватить сильные укрепления Каракол-Нокта и Махмудие. На левом фланге турок им предоставлялся свободный выход. Главнокомандующий совершенно правильно рассчитал, что разбитые на своем правом фланге и центре турки не решатся оставить свои укрепления на левом фланге и перейти на нем в наступление. В случае успеха для довершения удара кавалерийская дивизия должна была устремиться в прорыв, образовавшийся в центре, и произвести среди турок возможно большую панику. Это и было причиной, почему кавалерия находилась так долго без всякого дела в Аврене. Когда штурм Чатаалджи не удался, большая часть кавалерии была отправлена в Галлиполи наблюдать за правым флангом. План, выработанный генералом Савовым, хотя и был не совсем удачным, все же был лучшим, какой только можно было избрать.

В исполнение этого плана 4-го на рассвете по всему фронту началась атака турецких позиций, кроме правого фланга, где для отвлечения внимания демонстративно был открыт сильный огонь. А на левом фланге для боевых действий и захвата горного массива была назначена 5-я дивизия, а в центре для прорыва — 6-я.

На левом фланге действия разыгрались так. 29-й Ямбольский полк 5-й дивизии уже к вечеру 4-го подошел к деревне Лазар-Кий, которая находилась между редутами № 2 и № 7. Эти редуты

⁴⁴ В начале следующего предложения вымарано 3 слова.

⁴⁵ Далее в предложении вымарано 8 слов.

⁴⁶ Савов Михаил (1857–1928).

без подготовки взять было очень трудно. У самой деревни полк провел ночь на боевых позициях, а 5-го с рассветом ворвались в деревню, которая была занята небольшими частями турок. Турки отошли назад и одновременно с этим с турецких батарей с укреплений № 2 и № 7 был открыт сильный огонь по деревне. Однако болгары держались в деревне целый день, а 6-го даже перешли в наступление и заняли редуты № 2 и № 7 и пытались овладеть и № 5, но здесь понесли большие потери и должны были отказаться от своего плана. Редуты № 2 и № 7 защищались только пехотой, так как артиллерия заблаговременно снялась и перешла на вторую линию, откуда с отходом своей пехоты обстреливала свои же укрепления и не дала возможности болгарам установить на них свои батареи и закрепить их за собой. Укрепление № 5 также фланкировало № 2 и № 7 и выбивало из них болгар. К вечеру держаться стало невозможно, потери были огромны, и генерал Радко Дмитриев приказал очистить занятые позиции и отступить на прежние. Операция 3-й армии, таким образом, не удалась, что в свою очередь повлияло на связанный с ней успех операций 3 армии⁴⁷.

Боевые действия 3-й армии разыгрались следующим образом. 1-я бригада 6-й дивизии, а именно 3-й и 15-й полки с рассветом 4-го перешли в наступление против своего фронта. Пехота двигалась крайне медленно. Сделав бегом несколько шагов, отдельные звенья ложились и делали так называемые «копки», т.е. крайне слабое закрытие, всего в несколько лопат земли. Местность, как я уже говорил, была совершенно открытая, и турки в этот день по болгарским батареям стреляли весьма мало, сосредоточив главное внимание на пехоте. Двигаясь таким образом, пехота к вечеру 4-го прошла, не открывая огня, всего 4 километра, где и окопалась довольно хорошо, проработав всю ночь. Артиллерия 6-й бригады, а именно 2-й отделение 2-го с[корострельного] полка в составе 4-й, 5-й и 6-й батарей стояло перед д[еревней] Езетин по порядку №№ батарей, начиная от мельницы у с[еверо]-в[осточной] окраины деревни, причем 4-я батарея была пехотная, а 5-я и 6-я — контрбатареи. 1-е отделение 2-го с[корострельного] стояло на одной линии со 2-м и соседствовало со 2-й бригадой.

---

⁴⁷ Так в тексте.

3-е отделение того же полка и весь не скорострельный полк были в резерве. Таким образом стояла артиллерия 6-й дивизии. Артиллерия остальных дивизий обеих армий была притянута к боевым действиям 4, 5 и 6 ноября в такой же пропорции, и вследствие этого в резерве оставалось больше артиллерии, чем на боевых позициях. Причина этому, кроме несовершенства материальной части нескорострельной артиллерии, заключалась в недостатке позиции, вернее, места. Это было главное препятствие для введения в бой всей артиллерии. Возможно также, что играло роль также и соображение о питании патронами, каковое затруднялось тяжелыми условиями доставки их.

Положение⁴⁸ на правом фланге было таково. От Каракол-Нокта и Махмудие пехота болгар стояла в расстоянии около одного километра. Безымянное укрепление было в руках болгар. Наибольшие потери причиняли болгарам батареи с Каракол-Нокта. Так, одна только 1-я бригада 6-й дивизии потеряла около 1500 человек. Всего же потери болгар за 3 дня боя определяются в 20 000 ч[еловек] и падают почти исключительно на пехоту, ибо потери в артиллерии были совершенно незначительны. 5 и 6-го ноября пехота на правом фланге не тронулась из своих окопов, так как это было совершенно невозможно, вследствие сильного огня турок. Но и при этом пехота сильно страдала от артиллерийского огня с Каракол-Нокта и Хамидие, т.е. с флангов. Турки по-прежнему не обращали никакого внимания на огонь болгарских батарей и вели стрельбу исключительно по цепям. В наступление они не переходили, и бой этих дней был чисто артиллерийский. Для отвлечения внимания турки прибегли опять к излюбленному способу. Они поставили на Махмуд-паша фальшивую колонну, которую в продолжение целого дня 5-го числа принимали за настоящую.

Вечером⁴⁹, когда обнаружилось, что план овладения 3-й армией горным массивом у Деркоса не удался и ожидаемого бегства турок с севера на юг не последовало, отдан был приказ об отступлении по всей линии. Держаться⁵⁰ более на занятых позициях стало невозможно, так как пехота несла очень большие потери —

⁴⁸ Слово вставлено, изначальное первое слово предложения вымарано.

⁴⁹ В начале предложения зачеркнуто «6-го».

⁵⁰ Перед этим словом пропуск для нескольких слов.

ее положительно расстреливали. Раненные лежали в окопах целый день и только поздней ночью переносились на передовые перевязочные пункты. Смены войскам не было, да не могло быть, люди были крайне истощены дурным питанием; развившиеся болезни, как-то: холера, тиф, дизентерия, дифтерит также со своей стороны довольно косили ряды бойцов. Все это, конечно, резко отразилось на духе войск. Во исполнение приказа об отступлении 6 ноября ночью пехота болгар отошла на речку, оставив своих убитых. В особенности много их было в Безымянном укреплении, где еще 17-го числа их можно было наблюдать лежащими в беспорядке, в одном белье и сильно распухшими. Также много трупов находилось в речке и вблизи ее. Отойдя назад, пехота заняла первоначальное исходное положение и расположилась в боевом порядке. По-прежнему смены не было. Артиллерия имела полную возможность смениться, так как в резерве ее было достаточно, но так как это была в большей части нескорострельная артиллерия, а главное не знакомая с обстановкой, то ее уже не трогали до конца боя. Однако в виду того, что канонада стала реже, решено было оставить на линии полковых поддержек одну батарею на бригаду пехоты, а остальные две держать в 2–3 верстах позади, в резерве.

С этого момента наступает как бы перелом в характере кампании, и война становится позиционной. Неудача последних дней, по-видимому, заронила сомнение в успехе Чаталджинской операции, и если последнее не высказывалось наружу, что лишь благодаря колоссальной выдержке болгар. Дежурная батарея, например, оставлялась и на ночь, хотя и не могла принести никакой пользы и только рисковала собой, как это было в ночном деле с 9-го на 10-е. По выражению одного из начальников, артиллерия нужна была ночью «для куража пехоты, которая чувствует себя спокойнее, когда с ней есть артиллерия, хотя бы последняя и не могла действовать».

Дальнейшие боевые действия представляли из себя лишь незначительные стычки пехоты, а главное — это был, так сказать, артиллерийский поединок. Единственное более или менее крупное столкновение произошло на фронте 6-й дивизии, которое разыгралось так. 7-го и 8 ноября, во исполнение приказа по армии, заступила на дежурство по 1-й бригаде 6-й дивизии одна батарея — это была 5-я 2-го с[корострельного] полка. Огонь велся

сравнительно вяло, как со стороны болгар, так и турок. Стрельба велась по турецким пехотным окопам и по Каракол-Нокта. Прицел был 30–60, т.е. от 3 до 6 километров. 8-го же в 6 ½ ч[асов] вечера, когда совершенно стемнело, к 5-й батарее в полной тишине подошла 6-я того же полка и сменила ее. Батарея, опасаясь прожекторов с Буюк-Чекмедже, быстро заняла окопы 5-й батареи, устроенные сравнительно очень прочно при помощи материала, добытого в д[еревне] Езетин. Позиция батареи допускала лишь укрытие материальной части, да и то не по отношению крайних флангов турецких позиций, а именно: Каракол-Нокта и Хамидие II. Позиция была слабая, ибо находилась непосредственно за деревней, что крайне облегчало пристрелку, однако другой не было, да и кроме того пришлось бы рыть новые окопы. На правом фланге батареи, в 40–50 ш[агах] рос табак, довольно густой и высокий, что могло, в особенности ночью, облегчить туркам скрытый подход к батарее. Мертвое пространство было очень большое, и по целям в опасной близости стрелять было невозможно. Передки батареи находились на линии батареи в 300 шагах за крайним левым флангом деревни. Наблюдательный пункт тот же, что и 5-й батареи впереди деревни в канаве за виноградником, и от него был проведен телефон на батарею. Пехота находилась впереди фронта батареи и правее верстах в 1,5, 15-й полк стоял правее 3-го. Связь с пехотой была такова. Обыкновенно каждый вечер кто-либо из пехотных начальников приходил на батарею для взаимной ориентировки и согласованных действий. Наиболее энергичные батарейные командиры сами ходили для этой цели как в роту прикрытия, так и в полковые поддержки. Между прочим, так поступил и командир 6-й батареи, вернувшийся на батарею лишь в 10 часов вечера. Было совершенно темно, тишина прерывалась жалобными криками сов, которых здесь множество, да воем голодных собак из опустевшей и брошенной деревни. Изредка над батареей с шумом пролетали стаями голуби, так как в деревне Езетин была почтовая станция.

В 11 ч[асов] ночи на правом фланге бригады, верст в 10 против положения 15-го полка послышались редкие, одиночные выстрелы, а затем крики «Аллах, Аллах», смешанные с криками «Ура». Через 3–4 минуты все снова стихло. В такой короткий промежуток произошло маленькое, но блестящее дело. Оказывается, что бол-

гары от перебежчиков знали о предстоящей ночной разведке турок и великолепно к ней подготовились. Еще с вечера они вырыли окоп в 100 ш[агов] перед линией цепей и, оставив в нем одного человека, владеющего турецким языком, сами отошли на вторую линию окопов. Когда турки в количестве 200 человек в полной тишине подошли к окопам первой линии, имея винтовки с надетыми ножами, болгарин, который оставался в ложных окопах, крикнул им: «Гель-бурай, йок болгар», что в переводе значит: «Идите сюда, болгар нет». Турки, приняв болгарина за своего, бросились вперед и, убедившись, что в окопах действительно нет никакого, перешли их. Болгары сидели в своих окопах в мертвой тишине, и только когда турки были от них в шагах в 50, две роты по команде своих командиров «Наперед, на нож», без выстрела стремительно бросились вперед. Турки не ожидали встретить болгар, и одна эта команда произвела на них ошеломляющее впечатление. В паническом страхе побежали они назад, причем в темноте многие из них попадали в ров, на что, собственно, рассчитывали болгары. Зная хорошо расположение своих окопов, они стали сверху вниз колоть турок, которые не могли защищаться, так как по дороге побросали свои ружья. Те, которые избежали предательского рва, счастливо убежали; болгары их не преследовали.

Это дело обошлось болгарам очень дешево. Потери их всего: трое убитых и 13 раненых. Возможно даже, что эти потери были причинены своими же, что было вполне естественно в ночном бою. Турки оставили на месте 48 трупов. Число раненых неизвестно, так как турки их унесли с собой, но, конечно, их было не меньше, чем убитых. Все почти убитые находились в окопах. После стычки турецкие прожектора, не работавшие с вечера, вновь осветили местность и даже нащупали дежурную батарею, так что пришлось маскировать табакон правый взвод. Стычке с 8-го на 9-е болгары не придали никакого значения, а между тем это была, по-видимому, только разведка со стороны турок. Весьма вероятно, что при помощи греков они знали о разрыве между армиями, и цель ночной разведки была лишь выяснить точнее его направление. Уклонившись влево вследствие темноты, они, очевидно, заблудились, попали в ловушку, которую им устроили болгары. План же турок, по-видимому, был серьезнее. Ободренные успехами боев 4, 5 и 6 ноября — успехами первыми за всю кампа-

нию, давши, как они говорили, отпор болгарам по всему фронту, убежденные в несокрушимости своих позиций, возбужденные к тому же фанатиками муллами, призвавшими всех по случаю праздника Байрама на священную борьбу с неверными, и побуждаемые силой, турки решили не дать болгарам оправиться и самим перейти в наступление. Считая совершенно справедливым⁵¹ наиболее важным для себя серединное направление, близкое к направлению магистрали на Одрин, зная, вероятно, и об отсутствии надлежащей связи между армиями, они решили в ночном бою прорвать расположение болгар именно в этом месте. Успех этой атаки должен был быть сигналом к общей атаке на рассвете следующего дня. Сама атака назначена была в ночь с 9-го на 10-е, а накануне ей должна была предшествовать разведка.

Действия разыгрались следующим образом.

9-го утром в 6 ч[асов] 50 м[инут] еще было довольно темно, когда из Хамидие II раздался первый, очевидно сигнальный, выстрел, после чего все турецкие батареи открыли огонь. Огонь был настолько силен, что 6-я батарея 2-го с[корострельного] полка принуждена была замолчать. Состав ее укрылся по приказанию командира батареи в окопах. Стрельба велась шрапнелью, за исключением батареи Каракол-Нокта, которая стреляла бризантными гранатами и в общем была очень меткой, так как вся местность вокруг батареи была изрытой. Через ½ часа огонь стал редким, и батарея стала отвечать, однако довольно вяло. Патронов хотя и было много, но их, по-видимому, берегли. Стреляли бризантными гранатами по Каракол-Нокта и шрапнелью по колоннам в том же направлении. Орудия батареи были направлены расходящимся веером, каждое в какое-нибудь направление, причем, если требовалось соединить огонь, то командовалось: «Установка по такому-то орудью». Команда эта принималась блестяще и исполнялась всегда в 3–4 секунды. Часа в 3 дня канонада с турецкой стороны снова усилилась и продолжалась до 4-х, когда совершенно прекратилась. Когда все необходимые приготовления на случай ночного боя, которого, между прочим, никто не ожидал, были окончены, оставлено было на дежурстве лишь по одному орудью на батарею, а прочие приготовились отдыхать.

⁵¹ Так в тексте.

Было холодно, ветрено, темно и шел мелкий дождь. Сначала никто не спал, но после 2-х часов ночи, когда опасности никакой уже не предвиделось, заснула дежурная батарея, а также пехота, утомленная бессонными ночами, и, наконец, заснула и связь, назначенная для заполнения промежутка между двумя армиями. Эта связь состояла из полуроты 8-й роты 3-го полка, всего человек 50, вместо прежних 140. Людей этих, конечно, было весьма недостаточно, и, главное, это были люди настолько утомленные, что выполнить свою ответственную задачу, конечно, не могли. Ничто не предвещало близкой опасности.

У турок же, как оказалось, происходило следующее. Уже с вечера были вызваны охотники, которых набралось около 500 человек. Это были отборные люди, к тому же фанатики. В 12 ч[асов] ночи они были построены перед дивизией, находящейся на позиции против 6-й болгарской. После молитвы каждый из них получил чистое белье, фески с надписью «Софья или смерть», небольшой Коран, а передние ряды были снабжены еще шведскими парашютными бомбами. Эти бомбы имелись и раньше у турок, однако они не брали их накануне, может быть, чтобы не вызвать подозрения. Между прочим, болгары получили бомбы уже после заключения перемирия, да и те часто отказывали. Около часу ночи охотники, разделенные на две колонны, спустились с гор и, несмотря на полную темноту, им удалось хорошо ориентироваться и взять надлежащее направление между 2-[м]я армиями. Прожектора с Махмуд-паши и броненосцев Буюк-Чекмедже в эту ночь, очевидно, с намерением не светили. В такую ночь не требовалось соблюдать особенной тишины, и не удивительно, что левый фланг турок почти коснулся левого фланга болгарских цепей. Перейдя речку в броды, которые имелись во многих местах и были, очевидно, хорошо известны туркам, последние совершенно незаметно прошли мимо линии передовых цепей, батальонных поддержек и, наконец, полковых резервов 6-й дивизии. Достигнув линии расположения батареи и немного пройдя ее, турки, очевидно имея в виду захватить батарею, повернули на нее, но в сильной темноте сбились с направления и повернули в сторону передков, по которым и открыли огонь с криками: «Аллах, Аллах».

На мгновение вспыхивали огни от разрывавшихся бомб, которые разбрасывали турки, и освещали какую-то серую массу саже-

ней в 300 от батареи. Произведя среди передков большой переполох, турки по чьим-то громким командам изменили направление и на этот раз пошли на батарею. Положение батареи стало очень серьезным, пули свистели кругом и барабанили по щитам орудий, которые по приказанию командира батареи выкатили из окопов и повернули кругом. Когда турки только еще миновали полковые поддержки, к командиру 3-го полка прибежал нижний чин с сообщением, что видел турок. Командир полка полковник Тенев⁵², спокойный, бесстрашный и редкий по своим способностям человек, не поверил этому донесению, так как подобные случаи бывали и ранее, как следствие крайне напряженных нервов у солдат. Считая, что нижнему чину турки «померещились спросонья», он не принял никаких мер. Когда же его на левом фланге и в тылу слышались крики и частая залповая стрельба, он в несколько минут лично разбудил офицеров и, собрав кучку нижних чинов, бросился с ними на турок. Остальным людям было приказано собираться и немедленно спешить к нему на помощь. Полковнику Теневу удалось перерезать дорогу туркам и спасти батарею, однако геройской смертью заплатил он за спасение других. Одна из первых бомб нанесла ему огромную резанную рану в грудь и шею, задев также и сердце. Весть, что командир полка убит, облетела ряды болгар и произвела на них тяжелое впечатление. Произошло временное замешательство, которым воспользовались турки. С криками «Предохранитель⁵³, свой, не стреляй» они стали приближаться к болгарам и открыли по ним почти залповый огонь. Потеряв многих офицеров, болгары прекратили наступление и остановились. В темноте мимо батареи пробежали люди за поиском патронов, за подкреплениям и пр.

Командир 6-й батареи 2 с[корострельного] полка проявил изумительное хладнокровие. Спокойно отдавал он приказание о последнем залпе, когда турки будут уже на батарее, чтобы хотя бы известить своих, если ничего другого нельзя будет сделать. Впоследствии он сознавался, что в этом ночном бою он испытал самое тяжелое переживание за все бои. Турки находились в саж[енях] 150–200 от батарей. К этому времени подоспели все

⁵² Тенев Георги (1864–1912).

⁵³ Так в тексте.

остальные части полка, и болгары остановились. Несколько раз слышалась команда «наперед на нож» и недружные крики «ура», однако болгары не трогались с места. Стояли и турки, и в таком положении обе стороны простояли около $\frac{1}{2}$ часа, расстреливая в темноте друг друга. Наконец, команда «на нож» была принята, «ура» раздалось дружнее и могучее. Сразу стало ясно, что этот удар будет решительными. Действительно, хотя турки штыковой удар и приняли, но как-то вяло и крики «Аллах» стали редкими. Турки не выдержали и отступили на свою дивизию, которая, по-видимому, успела спуститься со своих позиций вниз к речке и открыла редкий огонь по всему фронту позиции, очевидно, в надежде на успех ночного боя. Нельзя сомневаться, что если бы это было так, частный успех турок был бы возможен, и, во всяком случае, потери болгар были велики. Когда же цель ночного боя не была достигнута, турки поспешно отступили на свои позиции, в свою очередь боясь, чтобы болгары на их плечах не ворвались в укрепления. Что опасность была велика, видно еще из того, что генерал Радко Дмитриев уже отдал приказ фланговой 9-й дивизии своей армии взять турок во фланг.

В 6 $\frac{1}{2}$ часов утра все было кончено. Успех этой ночи был куплен дорогой ценой. В то время когда у турок было около 50 [человек] убитых, не считая раненых, которых турки унесли, потери болгар выразились в следующих цифрах. Убиты: командир 3-го Бдинского полка полковник Тенев, один батальонный командир, несколько офицеров и всего убито и ранено около 70 н[ижних] чинов. Преобладающие раны турок были ножевые, болгар же — от пуль и бомб. Место кровавого столкновения даже после того, как были убраны последние турецкие трупы, что было сделано лишь к 15 ноября, представляло как бы два брошенных лагеря, разделенных 50–60 шаг[ами]. Земля была почти сплошь покрыта кровью, густой и липкой, не просохшей до самого ухода войска. Кроме массы патронов, разбросанных повсюду в турецком лагере, было много снаряжения, верхней одежды, фесок с приставшими к ним волосами и масса пузырьков с ядом, которым отравляли себя турки, не желавшие сдаваться в плен.

10 ноября⁵⁴ перемен не произошло. В 7 $\frac{1}{2}$ часа, едва только рассвело, как бы желая отомстить за свою неудачу, турки открыли

---

⁵⁴ В начале предложения слово вымарано.

сильнейший огонь по всему фронту; болгары почти не отвечали. В 12 часов огонь стих и до 3 часов дня были лишь редкие очереди. Турки всегда стреляли батарейными очередями, в противоположность болгарам, которые предпочитали стрельбу взводами и даже одиночными выстрелами. В 3 часа канонада снова началась и до 5 часов продолжалась с прежней силой. Потери артиллерии были весьма незначительные, благодаря хорошему укрытию прислуги, хотя многие батареи были совершенно засыпаны землей. Поставки не работали от массы грязи, попавшей в них, щиты, ящики и колеса также частью были испорчены.

В 6 часов вечера, когда уже стемнело, к 6-й батарее 2-го с[корострельного] полка стали собираться нижние чины, добровольцы-охотники от 3-го полка. Сюда в 7 часов вечера должен был прибыть командир 1-й бригады 6-й дивизии и дать им указание о направлении и о задачах разведки этой ночи. Это были настоящие герои, с горящими глазами и мрачной решимостью, вид их был оборванный, грязный. Цель их разведки заключалась в подготовке данных для ночной атаки, которая предполагалась для овладения наиболее грозным укреплением Каракол-Нокта. Нельзя было насмотреться на этих людей, так просто и так беззаветно выполнявших свой долг в то время, когда внешние условия складывались так неблагоприятно.

11-го стрельба велась с обеих сторон крайне вяло и безрезультатно, так как уже начались переговоры о мире.

12-го с рассветом стрельба продолжалась, но около 7 ½ часа утра неожиданно прекратилась согласно полученного приказа по армии, по⁵⁵ которому военные действия с 12-го ноября приостанавливались для выработки условий о перемирии, а в ночь с 21-го на 22-е, в 3 ½ час[а] ночи по всему фронту позиций раздались крики «ура», которыми солдаты приветствовали объявление официального перемирия. Между прочим, «ура» кричали даже турки, до того сильна была и неподдельная радость при известии о скором прекращении войны, которая одинаково уже надоела обеим сторонам⁵⁶.

⁵⁵ «По» вписано поверх затертого «согласно».

⁵⁶ «Сторонам» вписано от руки, последнее слово предложения вымарано.

В промежуток с 12-го по 22 ноября турки не теряли времени. Ежедневно, как мухи, усеивали они свои укрепления, усиливались, неумолимо рыли новые окопы, рыли ямы для фугасов, по всему фронту своих позиций сделали проволочные заграждения шириной до 50 метров, а также местами нарыли волчьих ям. По всей линии были проведены телефоны, а в передовые цепи — даже электрические звонки. Болгары за это время почти ничего не сделали для укрепления своих позиций и только 21-го вечером привезли фугасные бомбы и проволоку для заграждений. Зато многое сделано было болгарам для оздоровления местности. До самой реки, назначенной согласительной смешанной комиссией демаркационной линией, были убраны и зарыты трупы, как свои, так и турецкие. Устроены отхожие места и произведена кое-какая дезинфекция. Болезни в это время, а в особенности холера, достигли максимума своего напряжения, и эти санитарные меры были весьма кстати⁵⁷.

Здесь придется отвлечься в сторону, так как еще 18 ноября произошло маленькое дело на другом театре войны, недалеко от Энуса. Взят был в плен целый корпус Явер-паши. Для хода операций, конечно, это был очень крупный успех, маленьким делом он является только потому, что болгарам не пришлось приложить больших усилий для пленения Явер-паши⁵⁸. История этого корпуса и самое дело рисуется приблизительно так. Корпус Явер-паши в составе около 30 т[ысяч] составлял отряд, назначение которого заключалось в том, чтобы с началом кампании действовать на Филиппополь⁵⁹, т.е. на сообщения Болгарии. Если бы этот план удался, болгары были бы отрезаны от Софии, главной базы болгарской армии. Из Македонии, из Кырджали, по имени которого он стал называться Кырджалийским, отряд этот двинулся на Филиппополь, однако по дороге узнав об обложении Одрина и победе болгар у Кирк-Килиссе, повернул обратно, опасаясь быть отрезанным. Цель его была пробиться в Галлиполи, где бы он мог или оставаться, или переправляться морем в Буюк-Чекмедже или Константинополь. Болгары узнали о его движении, однако для

---

⁵⁷ Последние три слова вписаны от руки, другие три последние слова предложения вымараны.

⁵⁸ «Явер-паши» вписано, причем зачеркнуто напечатанное «Явер-паши».

⁵⁹ Пловдив.

преследования его могли выслать только одну дружину легкой пехоты, т.е. один батальон, и одну бригаду кавалерии в восемь эскадронов, под начальством полковника Генева. Кроме того, за этими регулярными войсками тащились две дружины Македонско-Одринского ополчения.

Отряд, посланный для преследования Явер-паши, насчитывал даже с ополчением всего около 4 т[ысяч] человек. Болгары не скрывали того, что когда турки начали переговоры о сдаче, а затем и начался самый процесс сдачи, то с каждой новой тысячей сдающихся войск они приходили в ужас, боясь, чтобы турки, узнавши о действительном количестве болгарских войск, вновь не расхватали бы своих ружей и не перекололи бы их. Турки, однако, не могли этого сделать при всем желании. Ко времени сдачи из 30-тысячного корпуса осталось немногим более 12 т[ысяч] н[ижних] чинов при 260 офицерах. Затем они располагали батареями в 18 орудий, двумя картечницами и 1500 лошадей. Около 18 т[ысяч] н[ижних] ч[инов] погибло от болезней и голода. Затем, оставшиеся уже 5 дней не ели, блуждая в горах и не решаясь спуститься вниз в населенные места. Для большей иллюстрации картины можно добавить, что партию в 300–400 человек при отправлении внутрь страны конвоировали обыкновенно трое болгар, причем каждая партия на месте ночлега оставляла 20–30 трупов нижних чинов, умерших от истощения или холеры и других болезней. На «транзитных» станциях — местах ночлегов — пленники или вовсе не получали хлеба, или же в самой незначительной пропорции. Это было понятно, так как доставка провианта даже в армию при дурном состоянии дорог была почти прекращена. Характерно, что турки умирали безропотно с чисто восточной покорностью судьбе. По отзывам коменданта одной из станций недалеко от Мустафа-паша, к моменту прохода корпуса Явер-паши через его станцию, последний насчитывал уже не более 7 т[ысяч], и нет сомнений, что к концу перехода эта цифра сократилась еще более.

Из расспросов турецких офицеров корпуса Явер-паши обнаружилось, что кроме голода вопрос о сдаче решили еще раздоры между офицерами в их отряде. Вообще эти офицеры нарисовали неприглядную картину состояния их армии. Самого Явер-пашу они рисуют талантливым и энергичным генералом, заслужива-

ющим полного уважения за свой искусный маневр в крайне тяжелой обстановке — маневр, который он довел почти до конца и который не удался ему по независящим от него причинам. Это мнение разделяется болгарамии. Возвращаюсь к событиям на Чаталджинском театре.

С 22-го по 26 ноября дежурство прекратилось, войска жили в окопах, которые немного углубили и приспособили для жилья наподобие землянок. Но все же они не были годны для этой цели, так как подпочвенная вода просачивалась настолько, что ежедневно к утру приходилось ее выгрывать. Люди понемногу чинились⁶⁰, но в общем ничего не делали. Дождь лил без перерыва, грязь стояла невылазная, чисто турецкая. Ветер временами был настолько сильный и порывистый, что нельзя было выйти из землянки без того, чтобы не упасть несколько раз.

Выработался⁶¹ дальнейший план кампании, совершенно новый, так как несмотря на наружное стремление идти вперед, редко в ком уже оставалась уверенность, что Чаталджинские позиции можно будет взять. Генералы Савов и Дмитриев это сознали, а последнему из них принадлежит честь с истинным величием духа первому открыто заявить об этом в то время, когда малейший намек на это вызывал среди болгар целую бурю и виновный считался чуть ли не изменником. Серьезное и вполне отвечающее обстановке мнение генерала Дмитриева в конце концов одержало верх, и новый план главнокомандующего вылился в следующее. Чаталджинская позиция должна быть оставлена и войска должны отойти на 30–40 верст назад. Главные операции должны быть направлены на скорейшее падение Адрианополя, который к тому же естественно слабел уже с каждым днем от болезней и недостатка пищевых продуктов. Кроме того, предполагалось развить операции в Галлиполийском полуострове с целью овладеть крепостью, защищавшей Дарданеллы. О том, что последняя операция не только не была несбыточной фантазией, но и могла принести богатые последствия, ясно всем из дальнейших событий под Булаиром.

Новый план главнокомандующего нельзя не признать удачным и естественно возможным. Войска, обреченные на голодное

---

⁶⁰ Слово вымарано.

⁶¹ Зачеркнуто в начале предложения «В это время»

существование на Чаталджинских позициях, истощенные до последней степени ужасными болезнями, бессонными холодными ночами, не могли не нуждаться в отдыхе, как физическом, так и моральном. Дух войск упал, так как впереди не видно было ничего хорошего. Стоянка же в тылу на широких квартирах несла с собой и тепло, и пищу и снова вселяла бодрое и уверенное настроение. К тому времени ряды болгар должны были пополниться двумя призывами 17- и 18-летних молодых людей. Конечно, это не были еще воины в полном смысле этого слова. Один только тяжелый переход с места их призыва к стоянкам войск с большой ношей пешком уже подорвал силы этих еще полудетей, и среди них было много отсталых и тяжело больных. За время отдыха на широких квартирах они могли бы закалиться в походной жизни и укрепиться в военном искусстве. С падением Адрианополя шансы болгар на дальнейшие успехи значительно повышались, так как они могли бы располагать свободными двумя дивизиями 2-й армии, а также сербами и их крепостной артиллерией. По этому поводу с сербами, как говорят, велись уже переговоры. За помощь сербов на Чаталдже им проектировалось дать земельную компенсацию.

Новый план не был опасен для болгар, так как турки находились в таком же тяжелом, если не худшем, положении. Лишения и болезни, и кроме того, и неудачи совершенно измучили их, убили их дух, и они также нуждались в отдыхе. Они не в состоянии были воспользоваться уходом болгар и перейти в наступление, так как с оставлением Чаталджинских позиций они могли и не вернуть их обратно. Болгары с возобновлением кампании могли бы захватить эти позиции, преследуя турок по пятам и ворвавшись туда на их же плечах. Наконец, у турок не было еще одного условия, необходимого для ведения наступательной кампании, а именно перевозочных средств для движения в горах по невылазной грязи в дождливую осеннюю пору. Уже давно их кавалерия была спешена, и лошади взяты для нужд армии. Теперь и этот источник⁶² иссяк, так как животные падали от бескормицы в большом количестве. Наконец, у турок не было достаточно и легкой артиллерии.

26 ноября, в 4 час[а] утра, в исполнение нового плана главнокомандующего обе армии скрытно, приняв все меры предо-

---

⁶² Слово вымарано.

сторожности, начали отходить на широкие квартиры и к 29-му заняли линию Синекли–Странджа. На фронте Чаталджинских позиций каждая армия оставила по одной дивизии со своей артиллерией с целью наблюдать за неприятелем. Между прочим, генерал Радко Дмитриев, вполне разделяя этот план, признавал, однако, более целесообразным отход войск дальше, вглубь страны по линии Эрекли, Чорлу, Мидие, [н]а фронте Чаталджинских позиций оставить лишь слабые части не более 1 бригады на армию. По его мнению, нужно было дать туркам оторваться от Чаталджинских позиций, дабы легче овладеть последними. Февральские события, когда турки пробовали атаковать болгар на правом фланге и последние поспешно бросились на турок и снова уперлись в Чаталджинские позиции, показывает справедливость мнения, высказанного генералом Радко Дмитриевым. С какими трудностями пришлось бы считаться туркам в наступательном бою — видно хотя бы из того, что переход войск, например, 1-й армии, назначенной, согласно приказу по армии, в 2 дня, фактически был сделан в 4 дня, а расстояние было всего около 40 километров. Как пример, 2-е отделение 2-го с[корострельного] полка 4 километра от позиции до Чаталджи сделало в 4 ч[аса] 10 м[инут], т.е. по 1 кил[ометру] в час. От Чаталджи движение 1-й армии было все-таки по дороге на Серион-Делинос, Силиврия, Кинекли⁶³, Сеймен. 3-я армия двигалась или без дороги, или же по узким проселочным и горным дорогам, и ей пришлось значительно хуже. Зато в районе 1-й армии местность была совершенно заражена от тысячи павших трупов лошадей и буйволов, а также и людей. Последние, впрочем, попадались сравнительно редко.

На этом, собственно, кончились и все операции, и наступило затишье, хотя и необходимое для болгар, но все же вынужденное. Все болгары были согласны в том, что затяжной войны Болгария не может выдержать и что к весне последняя должна быть так или иначе кончена, так как большая часть полей не была обработана, скота уже не было, и стране грозил призрак голода. К этому периоду кампании относится блестящий штурм Адрианополя и его падение, повлекшее за собою заключение мира⁶⁴. В неудаче

---

⁶³ Видимо, Синекли.

⁶⁴ Отрывок из трех предшествующих предложений помечен крестами в начале и в конце.

болгар под Чаталджой среди всех причин, о которых я упоминал раньше, большое значение приходится отвести также моральному состоянию армии. При выработке условия перемирия Назим-паша сказал генералу Савову, что 6 ноября приказ об отступлении турецких войск уже был написан, но когда болгары в последнюю минуту повернули, момент был упущен и дело их навсегда было проиграно. Для иллюстрации можно привести слова одного из болгарских военачальников русскому офицеру-добровольцу: «Вы приехали к нам к Чаталдже, когда дух войск пал, когда армия уже не та, что раньше. Причина этому — те ужасные болезни, которые развили в армии. Кроме того, болгары отлично знают, что они не получают ни пяди той земли, которую они должны были облить своей кровью. Здесь Вы видите только греков, которые не нуждаются и не хотят никакого освобождения, считая нас варварами. Солдатам не за что сражаться. Очень жалею, что Вы не видели их при Лозенграде, а в особенности при Люле-Бургасе. И все же, несмотря на это, вспомните, что когда я посылал этих оборванных, голодных солдат на верную смерть 4, 5 и 6 ноября, я не услышал ни малейшего ропота. Из этого Вы найдете, как ошибочно было бы судить о нашей армии по ее настоящему состоянию». А состояние это было действительно печально...

Действительно, идея, за которую с радостью шли на смерть, была изжита. Нужно быть в Болгарии, чтобы понять, что такое для каждого болгарина Македония и⁶⁵ что мог сделать боевой клич «За Македонию». Не было, кажется, границ того воодушевления, которое охватило всех, когда раздался этот призыв. Точно электрическая искра пробежала. Шли дети, шли увешанные крестами Черняевские солдаты⁶⁶. Окончились партийные счета, ради общего дела все партии забыли о них. Теперь этого клича не стало — Македония давно была освобождена. Необходимость взятия Константинополя ради закрепления мира и по другим мотивам была непонятна рядовым бойцам, тем более что они знали, как много претендентов было среди великих держав на этот город. Были также серьезные мнения офицеров, которые считали, что взятие Константинополя равносильно гибели, ибо 5-миллион-

⁶⁵ Далее два слова вымарано.

⁶⁶ Здесь, видимо, имеются в виду болгарские ополченцы, участвовавшие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

ный народ не мог бы владеть 1 ½-мил[лионным] мировым городом, не растворяясь в нем и не испытывая на себе пагубного влияния восточного мира. История показала, что царства и более сильные, чем Болгария, разлагались и погибали, владея Константинополем. Наконец, самих болгар было очень мало в Адрианопольском и Константинопольском вилайетах, греки же, как я уже говорил, сжились с турками, экономических поработили их и к болгарам относились враждебно. Все вышесказанное не оставляет сомнения в том, что винить болгар за неудачу Чаталджинской операции нельзя.

Заканчивая настоящий очерк и подводя итоги минувшей кампании, я позволю себе сделать следующие выводы. [Армию⁶⁷] болгар высоконравственного качества, в общем блестяще обученную, хотя и небольшую сравнительно, следует считать грозной силой на Балканах, способной в мировой войне играть ответственную роль. Тактика болгар «наперед на нож» — тактика бессмертного Суворова — выше всяких похвал. Военное искусство можно сравнить с шахматной игрой. Помимо прочих причин залог успеха лежит в том, чтобы начать игру белыми, т.е. с наступления, а не наоборот. Личный состав болгарской армии в общем очень хорош. В частности, о высших начальниках можно сказать, что среди них очень много храбрых людей, а также талантливых, имена которых всем известны. Низшие начальники на высоте своего положения. Корпус младших офицеров великолепный, но крайне малочисленный. Корпус запасных офицеров слабее, но все же хороший. Нижний чин как материал для войны весьма хорош. Отсутствие внешней дисциплины выкупается сознательным отношением к службе. Несмотря на поистине тяжелые условия жизни, не считая последнего периода войны, это были безропотные люди, горячо любящие свою родину и воодушевленные высокой идеей освобождения Македонии. Характерно также полное отсутствие хотя бы единичных случаев пьянства. Несмотря на все эти качества, все же люди нуждались в одобрении и поддержке. В этом отношении младшие офицеры владеют в совершенстве тайной влияния на нижних чинов, которые пойдут за ними куда угодно; при этом нельзя сказать, чтобы отношение их к нижним

---

⁶⁷ Слово зачеркнуто, предложение без него не согласовано.

чинам отличалось мягкостью. Младшие начальники с офицерами держат себя просто, почти все на «ты». Младшие начальники между собой живут не дружно. Причина — карьеризм; в армии мало движения по службе, а между тем необходимо пополнить кадры запасных офицеров. Вот почему часты случаи увольнения офицеров от службы, правда, с соблюдением льготных условий для пенсии, которая дается не за 20 лет, а за 15.

Сама война еще и еще раз показала все значение стремительного наступления, резко подчеркнула значение нравственного элемента, показала, что война настоящего времени должна быть идейной, и выяснила необходимость разведки и изучения противника еще в мирное время. Отрицательные примеры, приведенные выше при описании боев при Лозенграде и Люле-Бургасе, доказывают, чего не отрицают с глубокой горестью сами болгары, что война давно была бы кончена, что турецкие войска можно было отрезать от линии наступления и тем уничтожить возможность сопротивления турок на Чаталдже. Роль конной артиллерии, которой у болгар не было, а также конницы, также хорошо выяснилась из этих отрицательных примеров. Как на положительный пример надо указать на стремительный натиск болгар у Кирк-Килиссе против превосходных силу турок, выяснивший насколько хорошо еще в мирное время болгары изучили состояние и дух турецких войск.

В национальных чертах болгар мы имеем пример высокой уверенности в себе, в своих силах. Они всегда хотят войны, готовы к ней, не избегают ее, в литературе и в печати вы не встретите горячей полемики на тему о неподготовленности к войне или несвоевременности ее. Они знают из мировой политики, хотя бы на примере Австрии, что иногда одно только решительное слово, подкрепленное подчас даже раздутой силой, как это видно из примера той же Австрии, все имеет успех⁶⁸. У болгар эта уве-

⁶⁸ Видимо, имеются в виду действия Австро-Венгрии, требовавшей создания независимой Албании на землях, на которые рассчитывали Сербия и Греция, в определенный момент подкреплявшей свои заявления недвусмысленными военными угрозами. Уступки России были довольно болезненно восприняты обществом. См.: *Котов Б.С.* Политика Австро-Венгрии во время Балканских войн 1912–1913 годов в оценках российской прессы // Новая и новейшая история. 2019. № 4, № 5.

ренность в себе настолько велика, что они готовы бросить вызов даже великой державе. В войне с турками болгары, между тем, располагали нищенскими средствами. Можно утвердительно сказать, что если бы болгарам не удалось захватить у турок огромных запасов, в особенности провианта и фуража, а также не получить помощи от России, то успех был бы если не сомнительным, то, во всяком случае, затыжным, так как пришлось бы ждать подвоза припасов, что, как мы видели, было сопряжено с невероятными затруднениями, да, кроме того, каждый лишний день изменял соотношение сил противников в неблагоприятную для болгар сторону. Все же, несмотря на это, Болгария решилась на войну и победила.

Культурно-историческое значение этой победы, и в особенности для славянского мира, было велико. Болгарии по справедливости принадлежит честь первой доказать насколько призрачно могущество Турции, которая держится до сих благодаря только своекорыстному покровительству держав-кредиторов. Она подвинула восточный вопрос к практическому разрешению, вновь показала воочию, всем и каждому — *urbi et orbi*⁶⁹ — как позорно и преступно для Европы и всего христианского мира их отношение к Турции. Она вновь дала толчок идее всеславянского союза, осуществив его отчасти и практически, несмотря на историческое противодействие Австрии и Германии, несмотря на то что союз этот казался химерой. Она, наконец, пробудила вновь славянское самосознание не только наше русское, но и бывших до сих пор враждебно настроенных к нам славян австрийских. Речь Крамаржа в чешском парламенте по поводу предполагавшегося выступления Австрии, показывает всю глубину затронутых чувств австрийских славян и дает уверенность, что в войне славян с Австрией эти чувства сыграли бы не последнюю роль. Подумать об этой войне пора. Немцы нисколько не скрывают своих притязаний, явно направленных против славян, и как известно, многое уже сделали в этом направлении. Острый вопрос об отношениях немцев к славянству Болгария выдвинула во всей полноте. В этом, еще раз повторяю, великое историческое значение

---

⁶⁹ «К городу и к миру» (лат.) — формула, с которой в Древнем Риме начинались важные объявления, затем была заимствована римской католической церковью.

ее, а также всего Балканского союза. Несомненно, что будущая история оценит героические подвиги маленьких стран, а Болгарии, как вдохновительнице и инициатору всего союза, отведет в нем первое место.

Честь ей и слава!

Записная книжка П.Н. Милюкова о поездке на Балканы зимой 1912–1913 гг.*

В данной статье воспроизводится записная книжка лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, которую он вел во время своей поездки на Балканы во время думских каникул, совпавших с объявлением перемирия на полуострове. В ней приводятся беседы с первыми лицами Сербии и Болгарии, российскими, болгарскими и сербскими дипломатами и политиками. Они делились информацией об истории складывания Балканского союза, а также своим мнением о нараставших противоречиях между союзниками по поводу раздела Македонии.

Ключевые слова: Павел Милюков, Балканские войны, Македония, Болгария, Сербия, Россия, Балканы

Павел Николаевич Милюков в России больше известен как политический деятель, лидер кадетской партии и министр Временного правительства. Однако он являлся и хорошим знатоком Балкан. После ссылки за антиправительственные высказывания в 1897–1899 гг. Милюков жил и преподавал в Софии, совершил путешествия по Македонии в 1898 с Ф.И. Успенским и в 1900 г. с Н.П. Кондаковым, в 1904 и 1908 гг. вновь посещал полуостров. Однако наиболее значимы в рамках нашей темы его поездки 1912–1913 и 1913 гг. Специалисты, изучающие внешнеполитические взгляды партии кадетов и ее лидера, зачастую вовсе обходят своим вниманием данные события¹, или же их описывают, основываясь на мемуарах Милюкова². Но есть серьезные

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

¹ Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010; Румянцев А.И. Взгляды П.Н. Милюкова на балканскую политику России накануне Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2012. № 4; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

² Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.) СПб., 2017. С. 42.

основания для сомнений в верности и точности приведенного там рассказа. Как известно, Милюков писал мемуары, оторванный от собственного архива и библиотек, основываясь лишь на воспоминаниях³, потому неточности в датах и деталях вполне вероятны. Как нами было ранее показано с привлечением российских и болгарских архивов, мемуаров и прессы, они касаются не только деталей встреч, но и даже дат первой поездки⁴. При этом она менее известна, нежели вторая, осуществленная летом 1913 г. в связи с работой Комиссии Фонда Карнеги по расследованию военных преступлений⁵.

Павел Николаевич совершил поездку с 20 декабря 1912 г. по 20 января 1913 г. Он, видимо, совершил турне на Балканы в рождественские каникулы Думы во время перемирия, действовавшего с 20 ноября 1912 г. по 23 января 1913 г. Он проехал по маршруту Петербург — Вена — Белград — София — Салоники — Белград — Вена — Прага — Берлин — Петербург⁶, его принимали на высшем уровне. Он дважды имел беседы с сербским престолонаследником

³ Думова Н.Г. Предисловие к настоящему изданию // Милюков П.Н. Воспоминания. С. 3.

⁴ Гусев Н.С. Поездка П.Н. Милюкова на Балканы зимой 1912–1913 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1.

⁵ Илчев И. Карнегиевата анкета през 1913 г. // Исторически преглед. 1989. № 10; Бирман М.А. Звездный час П.Н. Милюкова — балканиста (П.Н. Милюков — член Международной комиссии Карнеги по изучению причин и последствий Балканских войн 1912–1913 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15: Россия и славяне: Политика и дипломатия / отв. ред. Е.К. Вяземская. М., 1992; Kennan F.G. Introduction // The Other Balkan wars. A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect, with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict. Washington, 1993; Akhund N. The Two Carnegie Reports: From the Balkan Expedition of 1913 to the Albanian Trip of 1921 // Balkanologie. 2012. Vol. XIV. № 1–2; Свирчевић М. Пропаганда против Србије за време Балканских ратова и после њих 1912.–1914. године // Летопис Матице српске. 2013. Књ. 491. Св. 3; Simić P. Balkans and Balkanisation: Western Perceptions of the Balkans in the Carnegie Commission's Reports on the Balkan Wars from 1914 to 1996 // Perceptions: Journal of International Affairs. 2013. Vol. 18. № 2; Тимофеев А.Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2; Todorova M. Scaling the Balkans. Essays on Eastern European Entanglements. Leiden, Boston, 2018.

⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 1.

Александром и премьером Н. Пашичем, болгарский царь Фердинанд удостоил его двухчасовой аудиенции, в Софии с ним делились информацией действующий и бывший премьеры И. Гешов и А. Малинов, на обратном пути в Петербург — чешские общественные деятели К. Крамарж и Т.Г. Масарик. Помимо этого Милюкову удалось поговорить с российскими посланниками в Белграде и Софии, болгарским и сербским представителями в Греции, а также рядом болгарских и македонских деятелей национального движения. Милюков смог ознакомиться с подоплекой формирования Балканского союза, выступившего войной против Турции, с деталями австро-сербского конфликта. Болгарские и сербские официальные лица представили ему свой взгляд на конфликт между этими странами и Грецией из-за раздела Македонии. С ним делились и конфиденциальной информацией, использовали как канал связи между балканскими государствами и Россией, воспринимали как представителя российского МИД. Примечательна при этом информация о долгом пути к болгаро-сербскому сближению, редко становившаяся предметом изучения в российской науке.

На протяжении всей поездки лидер кадетов отправлял в «Речь» статьи, объединенные общим заголовком «Война или мир»⁷, в них он поделился с читателями частью собранной информации, однако многое осталось лишь на страницах записной книжки. Хотя при этом в прессе П.Н. Милюков делился рассказами о встречах на Балканах, которые не нашли отражения в блокноте.

Автор вел записи явно впопыхах, записывая лишь для себя. Об этом говорит большое количество сокращений, неполных предложений, вставок, а также весьма и весьма небрежный почерк. Это обусловило то, что, к сожалению, при публикации многократно пришлось указывать на неразборчивость того или иного слова (*нрзб*)⁸, некоторые страницы нами опущены, поскольку в них в почти бессистемном виде содержались перечни тех, с кем он планировал встретиться, с указанием адресов.

⁷ Речь. 1912. 29 декабря; Там же. 1912. 3, 6, 8, 17, 27 января, 2 февраля. Статьи от 17 и 27 января воспроизведены в сборнике: Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 г. в зеркале русской прессы / сост. Н.С. Гусев, Б.С. Котов. СПб., 2023.

⁸ Автор выражает благодарность Б.С. Котову за помощь в расшифровке нескольких таких мест.

Опущены приведенные в конце скрупулезные записи о расходах во время поездки, включая паспорт, билеты, чай, кофе, завтраки, извозчиков, кондукторов и т.д. Всего, как подсчитал П.Н. Милюков, он истратил 235,20 франков и 58 рублей. Также в конце дан список тех, кого он планировал повидать в Салониках. Среди них сотрудники российского консульства, болгарский представитель Х. Хесапчиев, а также четники Александров, Олчев и Санданский, причем последний почему-то под вопросом. В Битоле он хотел увидеться с русским земским врачом Б. Велимировичем, редактором газеты «Македония» К. Дзековым, четниками П. Христовым, Г. Поп Христовым, М. Ивановым, А. Джорлевым. Подробно записаны и встречи в Софии: «1 января 12 часов у Малиновых, 8 ч. у Тодорова. 2 января — 1 час у Калины, 8 у Топорова. 3 января 1 час у Шишмановых. 4 января 1 час у Неклюдова. 5. 11–1 у Фердинанда; 4–6 у Гешова, 7–8 у Бельчевой вечер у Богдановых». Далее приводятся напоминания отправить номера «Речи» со своими статьями Л. Стояновичу, написать о статьях Л.М. Драгомановой-Шишмановой в «Речь», а также запись о встреченном в поезде сербском офицере «Милутин Радисавлевич, артилер. майор, Белград», а также финансовый расчет, видимо, касающийся оплаты услуг корреспондентов газеты. Заканчивается дневник записью о проезде населенных пунктов после Праги, последние слова «С. Петербург, 7 ч. вечера».

Оригинал и микрофильмированная копия записной книжки хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде П.Н. Милюкова (Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 3541. Л. 1–61). При публикации текст приведен к нормам современной орфографии и пунктуации, однако сохранены особенности передачи слов собеседников, поскольку нередко граница между прямой и косвенной речью не очевидна, авторские подчеркивания в тексте сохранены.

Поездка на Балканы

20 дек. 1912 — 20 янв. 1913.

Вена — Белград — Скопье — Белград — София — Солунь —
Белград — Вена — Прага — Берлин — СПб. <...>⁹

Разговор с Пашичем¹⁰, 26 декабря.

Союз был заключен уже в 1904 году: в нем были указания на автономию вилайетов, как на общую цель. Но самостоятельное, без предварит[ельного] согласия с Сербией выступление Болгарии с целью провозглашения независимости (*нрзб* с Веной) было равносильно разрыву союза. Новый союз заключен в феврале 1912 г. за подписью короля, царя и министров. В нем было указание в общих чертах, линия раздела в Македонии, предусмотрен арбитраж России в случае споров (25-летнего срока не было) и указано, что борьба за Скодрский вилайет¹¹ должна на таких же основаниях считаться общей целью союза, как и борьба за Одринский вилайет¹². Гартвиг и Неклюдов¹³ участвовали во всех стадиях переговоров о союзе, но тогда еще не было решения, что союзники будут воевать. Мысль о необходимости войны явилась лишь тогда, когда (в июне) албанское движение, созданное Веной, привело турок к решимости дать автономию Албании в пределах четырех вилайетов. Пашич был тогда в России на торжествах¹⁴ и часа полтора убеждал Сазонова¹⁵, что албанская автономия — дело

⁹ Опущен перечень сербских имен без дат, видимо, планы о встречах: Люба Йованович, Стоян Протич, «Люба Стоянович (с [Александром] Беличем)», [Йован] Цвиич, [Марко] Цемович. Также упоминается предложение некоего Нотовича телеграфировать из Парижа и Лондона за определенный гонорар.

¹⁰ Пашич Никола — сербский политик, многократный премьер страны, в т.ч. в 1912–1913 гг., лидер Радикальной партии.

¹¹ Шкодер, Скутари.

¹² Эдирне, Адрианополь.

¹³ Гартвиг Николай Генрихович — российский посланник в Сербии в 1909–1914 гг.; Неклюдов Анатолий Васильевич — российский посланник в Болгарии в 1911–1913 гг.

¹⁴ Имеются в виду торжества, связанные со столетием Отечественной войны 1812 года.

¹⁵ Сазонов Сергей Дмитриевич — российский министр иностранных дел в 1910–1916 гг.

австрийцев, и что славяне должны скорее воевать, чем допустить создание «великой Албании». Сазонов, казалось, понимал и соглашался.

Затем, в конце августа, заключена была военная конвенция с обязательством взаимной защиты от нападения. *Нрзб* (*casus foederis*¹⁶ указан был в февральском договоре). В начале сентября Берхтольд¹⁷ не знал о договоре, сделал предложение о реформах. Россия была осведомлена лишь в общих чертах — требование референдума, думала, что дело обойдется общими заявлениями и балканцы останутся спокойны. Он не знал о степени решимости союзников воевать. Шаги Пуанкаре¹⁸ и Сазонова — первый и второй — *нрзб*¹⁹, отлично понимая, что этим дана возможность побить турок без вмешательства Австрии. Австрия (такое здесь общее мнение) только потому воздержалась, что рассчитывала на поражение славян, которых ей же придется «спасать» от турок. Когда она в этом разочаровалась, начинаются придирки. На уступке со стороны Сербии в вопросе о гавани настаивали не только державы, но и болгары (Данев²⁰ «слишком поспешил» — «мы держимся иначе с Адрианополем»), п[отому] ч[то] иначе будет европейская война. Мы уступили, п[оскольку] считаем, что этим изменены условия договора, за что мы должны получить новые уступки (не Битоль, а Прилеп, м[ожет] б[ыть] Велес (Нет, г[оворит], настаивать не будет; пусть отдадут добровольно)). Возможность, что Австрия вмешается, очень вероятна, ибо — при всем плохом положении для Австрии — дальше будет еще хуже. Вмешательство это (после перерыва Лондонских переговоров 24 декабря) *нрзб* в поощрении Румынии вмешаться и взять свою часть (по сведениям, т[олько] что полученным болгарским майором, Силистрия уже взята румынами, но Пашич не верит, что

¹⁶ Условие, при котором стороны договора обязаны приступить к выполнению оговоренных в нем действий.

¹⁷ Берхтольд Леопольд — австро-венгерский министр иностранных дел в 1912–1915 гг.

¹⁸ Пуанкаре Раймон — французский премьер в 1912–1913 гг., президент в 1913–1920 гг.

¹⁹ Речь о статус-кво.

²⁰ Данев Стоян — болгарский премьер и министр иностранных дел в 1913 г., глава парламента в 1911–1913 гг., лидер Прогрессивно-либеральной партии.

это можно сделать без предупреждения, и что Румыния захочет испортить свои отношения со славянами. Пашич 25[-]го виделся между Нишем и Пиротом с Тодоровым²¹ и говорили о Солуни (condominium²², если не удастся вытеснить греков), о возможности открытия новой войны (пусть он долго совещался утром с ген[ералом] Путником²³), об уступках румынам (если захватят, бороться сейчас не будем, но рассчитаемся по окончании войны), о своем согласии поддерживать до конца требования Адрианополя. Австрия может бросить в Сербию до 400 тыс[яч] войска (в Нов[о-]Базар[ский] Санджак, где 25 тыс[яч] сербов, немного), а главные силы на Мораву. Если это случится, сербы будут убеждать болгар поскорее заключить мир с турками (даже поступиться Адриано-полем). Вопрос решится до пятницы. В случае, если Австр[ия] не решится воевать, а румыны не возьмут Силистрии, турки уступят. Если будут наоборот, значит Австрия решила.

В будущем Пашич ожидает м[ежду] балкан[скими] державами Zollunion²⁴ и союз для совместной защиты приобретенного. Австрия в самом начале (через Redlich²⁵) предлагала Zollunion и в таком случае готова была отдать всю Албанию. Пашич готов был дать и наиболее благоприятную клаузу (и теперь готов), под условием гавани на Адриатич[еском] море (Масарик²⁶). (Протич сказал мне, что под величайшим секретом приезжал и Крамарж²⁷, но они отвечали, что все это — после заключения мира).

Данев в Будапеште не должен бы был говорить по существу об адриатич[еской] гавани — только сослаться на то, что поддерживает то, что об этом будет г[ово]рить Сербия. О возможности торг[ового] союза мог говорить, но не м[ежду] Австрией и Болгарией, а Австрией и Балкан[ским] союзом. Хотел говорить о Ру-

²¹ Теодоров Теодор — болгарский министр финансов в 1911–1913 гг.

²² Совместное владение, совладение (лат.)

²³ Путник Радомир — начальник штаба Верховного командования Сербии с начала Балканских войн и до 1916 г.

²⁴ Таможенный союз (нем.).

²⁵ Редлих Йозеф — австрийский юрист и государственный деятель.

²⁶ Масарик Томаш Гарриг — чешский государственный деятель, публицист, депутат австрийского парламента первый президент Чехословакии.

²⁷ Крамарж Карел — чешский государственный деятель, публицист, депутат австрийского парламента, первый премьер Чехословакии.

мынии, теперь вопрос о границах Албании. Сербия окончательно решила свои границы и сообщила державам 2–3 дня назад. От них она не отступит; отказ от гавани был последней уступкой (для определения водораздела и славянских деревень на зап[адном] берегу Дрина был вызван Томич (военный *нрзб*). Рассказ Цемовича²⁸, как были разочарованы, когда некоторые деревни он называл албанскими). <...>²⁹

Разговор с престолонаследником.

Он расспрашивает, повторяя все темы Пашича. Одобряет политику Сазонова, но, когда я говорю, что сам возражал против неопределенности его позиции, говорит, что и он не одобряет ее. Я говорю, что потом согласился, что С[азонов] был прав. Почему? Потому что определенность была бы против вас, была бы меньше вашего минимума, и с течением времени температура поднялась, С[азонов] стал требовать больше, а размер компромисса определились постепенно. Подумал и сказал: Да, я теперь понял.

Граница с Болгарией: Я: Если вы возьмете Прилеп, невозможно провести границу. Смотрю карту, он вынимает свою, пробует провести границу карандашом, соглашается, что выходит искусственно «Я браню уже Марко Кралевича; везде, где он, там д[олжны] б[ыть] и мы. Я: Тем хуже, что отн[осительно] Прилепа — это легенда. Он: Я знаю, что легенда. Как будет держаться Россия? Я: Теперь твердо, тогда хорошо, что уступили. Объясняю психологию положения. Он: Это хорошо, что твердо; колебания на нас отражаются; требуют все больше и больше. Я рассказываю, что знаю. О военной партии в Вене: я указываю на серьезность ее аргумента (далее хуже), что ей тоже трудно. Он соглашается. О Румынии он думает, что не надо отдавать Силистрии. Я г[оворю], что что-ниб[удь] уступить надо. Он спрашивает, получают ли болгары Адрианополь. Я: думаю, что получают. Я г[оворю], надо соблюдать постепенность, нельзя от болгар требовать вдруг перемен. Молчит. <...>³⁰

²⁸ Цемович Марко — сербский государственный деятель, дипломат.

²⁹ Далее отчеркнутые упоминания о беседах с Марко Цемовичем, Живоином Балугжичем и Стояном Протичем. Отрывочные сведения о настроениях, финансовой стороне войны.

³⁰ Опущены краткие заметки о встрече с македонскими священниками и сербским военным агентом в Константинополе, «Цифры Цвичича», указывающие на размер приобретаемых странами территорий.

Разговор с Пачу. Он прямо начинает с опасности со стороны Австрии. Редлих приехал после Кумановской битвы, он требовал Zollunion или когда отказался — распространить условия Grenzverkehr³¹ на всю страну.

Это значило бы — сделать невозможными никакие договоры с другими государствами. Пачу ответил, что сперва нужно установить дружественные отношения и успокоить умы. Что будет через 20–30 лет (Я: вы назначили долгий срок. Он: ответил: чтобы успокоить), мы не знаем: тогда будет другое поколение. Но на 20 лет можно было бы гарантировать мир в случае улучшения отношений. А то австрийцы требуют изменения отношений немедленно, тогда как договор можно заключить лишь через 3 года. Редлих не пошел на дальнейш[ие] разговоры. Масарик приехал с полуофициальной миссией. Спрашивал, могут ли конкурировать русские товары с чешскими в случае выхода к морю. Приезжал и Крамарж, который уверял, что порта не дают не потому, что боятся России, а потому что боятся Италии. Только последнего нельзя говорить. Жаловался, что в Сербии — самомнение и что уверены в возможности побить двойное количество австрийцев. Чем вызвано заявление о выходе из Дураццо? Державы хотели этим успокоить triple alliance³². Сперва было показано entente³³ и одобрено. Но это ведь не обещание, а отказ уйти — до заключения мира? Не может ли Австрия ответить ультиматумом? Нет, теперь ультиматума не боимся. Если Россия будет настойчива, Австрия не нападет. Приготовляетесь ли к возможному нападению? Нет, не хотим давать повода обвинять в провокации. Сколько времени нужно для передвижения войск к Дунаю? (Месяц? 7–8). Нет, дней 16 (мобилизация). Германский консул дней десять назад послал донесение в Берлин, что выгодно для германской торговли дать выход Сербии к морю. Жаль, что поздно. Я: напрасно вы пренебрегаете. Он: не пренебрегаем. Отчего не сговорились с Болгарией о поддержании взаимных требований? Не сговорились и теперь это дело благоразумия. Мы им помогли. Без Куманово было бы движение на Софию, в тыл.

³¹ Zollunion — Таможенный союз (нем.), Grenzverkehr — пограничное сообщение (нем.).

³² Тройственный союз — военный альянс Германии, Австро-Венгрии и Италии.

³³ Согласие (фр.).

С Гартвигом

Завтра (31) Дмитров день. Державы произведут давление, делегатам не придется больше торговаться. Конференция послов теперь решает о границах Албании. Подробности решит комиссия на месте. Но прежде всего вопрос об Адрианополе. Все державы поддерживают болгарское требование: *нрзб* продержится долго. Затем идет вопрос о румынском требовании. Сперва это было исправление границы (с Силистриею), какое теперь (без Силистрии) предлагает и Болгария (зигзаг ниже Силистрии). Но Румыния, подстрекаемая Австрией, усилила свои требования. Теперь она уже ведет линию от Силистрии до моря и отсекает мыс, господствующий над Варной. Невозможно отдать. Что касается границ Албании, Россия стоит за сербское предложение. Австрия имеет свое, а решит — конференция.

Заявление о выходе из Драча сделано по желанию тройств[енного] союза, чтобы успокоить Австрию, к[ото]рая на конференции заявила, что Сербия формально не заявила о согласии на уход. Подтверждает весь текст рейтерова телеграмма (корреспондент Freie Presse³⁴ видел *нрзб* что там только обещание уйти, для заявления о невозможности дальнейших уступок)

Я: Опишите темное место в прошлом? Почему вы знали о серьезности положения осенью, а Сазонов не знал?

1) Вся Европа ошибалась относительно турецкой воен[ной] силы *нрзб нрзб* Здесь уверяют, что разобьют. Я докладывал обратное, уже давно. Затем, 2) думал что bluff Пашич. Не употребил слово «шантаж», «шантажирует Европу». На самом деле, если бы было сербское требование реформ, войны не было бы. Я уезжая в отпуск в Карлсбад³⁵, заявил, что до моего возвращения все будет спокойно, а с 15 сентября не ручаюсь. Мне недавно (австрий[ский], анлий[ский]?) посланник напомнил эту дату. Дело решилось окончательно между 7–15 сентября. Но *нрзб* уже нельзя было изменить, а раньше — можно. Главный толчок шел из Болгарии, но г[ово]рит, что 13 августа.

Если бы Австр[ия] хотела воевать, то ей невыгодно было бы доводить до возобновления войны: тогда она, по старому дого-

³⁴ Видимо, имеется в виду одна из ведущих венских газет «Neue Freie Presse».

³⁵ Карловы-Вары.

вору, уже не может вмешаться. Я: но если она выждет заключения мира, то условия для вмешательства будут хуже? — Да, тут трудное для нее положение. Гартвиг, во всяком случае, не м[ожет] допустить, ч[то]б[ы] Австрия могла начать войну против славян вместе с Турцией. Если же она нападет на Сербию после, то это будет наступат[ельная] война и, следовательно, не будет casus foederis для Черногории.

В Болгарии <...>³⁶

Прецедент Балкан[ского] союза.

Милованович³⁷ в 1909 [году], объезжая Европу, входит в разговор с Малиновым. Вновь требует Скопье и Куманово (следовательно, тем самым считает соглашение Стоилова³⁸ (1897)³⁹ несуществующим. Малинов не соглашается, но решено вести переговоры — при поддержке послов. С Симичем⁴⁰, после долгих споров, уговариваются на формуле: «раздел согласно международным актам (т.е. гл[вным] обр[азом] Сан-Стефанскому миру). В Белграде на эту формулу не согласны. Разговор вновь заходит в С[анкт-]Петербурге весной 1910 г., по поводу границ «Великой Болгарии» (Извольский г[ово]рит: конечно, будем работать с вами. Если придется жертвовать, то, конечно, не вами. Но формально не можем. Предлагают формулу: признание права Сербии расширяться на юг. Болгары не принимают, п[отому] ч[то] это хуже того, что г[ово]рит Милованович и Симич (Штип, Кратово, Эгри-Паланка — не входят в Скопско⁴¹, допускается возможность раздела Скоп[ского] вилайета). — Симич заболел — в Давосе.

³⁶ Приводятся подсчеты убитых и раненых, мобилизованных. Цифры набросаны небрежно, есть исправления.

³⁷ Милованович Милован — сербский министр иностранных дел в 1908–1912, премьер-министр в 1911–1912 гг.

³⁸ Стоилов Константин — болгарский политик, премьер-министр в 1894–1899 гг.

³⁹ В выноске на другой странице текст: «(Пашич намекал на 1904 — торговую конвенцию — сербский парламент отказался — нормального политич[еского] союза нет). М[ожет] б[ыть], знает военный министр и царь». Упоминается соглашение между Сербией и Болгарией 1897 г. о совместных действиях в Европейской Турции в области церкви и образования.

⁴⁰ Симич Джордже — сербский политик, подписавший соглашение 1897 г. Являлся посланником Сербии в ряде столиц великих держав.

⁴¹ Болгаризм, имеется в виду район Скопье.

Переговоры с Грецией при Малинове.

По инициативе Венизелоса поверенный в Софии Панас⁴² 6 сент[ября] 1910 обращается с предложением союза (против Турции).

М[алинов] прежде, чем войти в разговоры по существу, ставит условия: 1. Начать войну тотчас по заключении договора; 2) определить сферы влияния. Формула Делиянниса⁴³: Кавала, Серес, до Кукуша (все). Водена, Костур и Лерин. Если эта формула, говорить не будем. Тогда, оставляя вопрос о сферах влияния открытым, обсуждают 4 пункта: 1) Соглашение о спорных церковных и школьных имуществвах. 2) общее выступление консулов в случае обид со стороны турок 3) устранение схизмы⁴⁴ и 4) мелкие споры. <...>⁴⁵

Австро-румынский договор передается в копии при обсуждении вопроса о возобновлении военной русско-болгарской конвенции мая 1902 года. В австро-рум[ынском] договоре предусматриваются совместные действия против Болгарии с тем, чтобы Румыния получила Силистрию с линией до Балчика (соответствует теперешним притязаниям).

Русско-болгарская военная конвенция 1902 г.

Заключена на 5 лет с правом денунциации⁴⁶ за месяц до срока, два?

Предусматривает 3 случая.

1) В случае войны с Австрией (и Румынией) Болгария поддерживает Россию всеми силами.

⁴² Панас Димитриос — греческий посланник в Софии в 1910–1913 гг.

⁴³ Видимо, Дилияннис Теодорос — греческий политик.

⁴⁴ Имеется в виду греко-болгарская схизма 1872 г.

⁴⁵ Дополнение на другой странице, не ясно, то ли относящееся к формуле Дилиянниса, то ли предложений 1910 г.: «1) Влияние на население, ч[то]б[ы] приостановить борьбу между пропагандами в Макед[онии] и Фр[акии]. 2) Положить конец вражде двух рас путем соглашения о нрзб схизмы или иным путем. Впрочем, правительство м[ожет] лишь обязаться повлиять на патриарха. 3) Соединение греков и болгар для совместного противостояния произволу и злоупотреблениям турецких властей (заменена формулой — добиваться равного стат[уса] согласно конституции, в случае когда понадобится — совместно противодействовать и т.д.).». На следующей странице продолжение этих мыслей, рассуждений А. Малинова об этих пунктах на французском языке.

⁴⁶ Видимо, «денонсации».

2) В случае войны Турции против Болгарии Россия как найдет нужным по необходимости мобилизуется на Кавказе и Одесский корпус и делает демонстрацию на Пруте, предоставляя Болгарии воевать один на один.

3) В случае если Россия перебросит часть армии в Болгарию или Малую Азию, вопрос об общем командовании (300–400 тыс[яч] болгар[ской] армии). При разговорах по обновлении с Сементовским⁴⁷ — назнач[ается] начальником штаба русский.

Не упоминается ничего о том, из-за чего не будет воевать Болгария. Во время петербургских переговоров в марте-феврале 1910 г. болгары предложили пересмотреть конвенцию (*нрзб* считали не существующей, а русские — существующей⁴⁸) и включить указания на границы «Великой Болгарии». Русские предложили признать за Сербией право расширения к югу. Восточная Болгария предложили от Мидии до Сароса по Эргене. Извольский⁴⁹ сказал, что согласиться не может. На другой день принес границу, по к[ото]рой Адрианополь и Дедеагач оставались на стороне Турции (начиналась от Мидии или Базилика безразлично) потом на Марицу.

Объявление независимости Болгарии

Решено еще 2 августа (1908). Несправедливо потому обвинение, что Фердинанд договорился с Веной. Конечно, знали о предстоящей аннексии (проговорилась в Париже Минчевым⁵⁰, к[ото]рого пришлось отставить, и Фальер⁵¹ узнал 19-го сент[ября]). Но действовали независимо и самостоятельно. Опустили к 22 сентября и провозгласили всего за день до аннексии вследствие разногласий м[ежду] министерством и короной (зеленая книга⁵², до с[их] п[ор] не издана).

⁴⁷ Сементовский-Курило Дмитрий Константинович — российский посланник в Софии в 1907–1911 гг.

⁴⁸ Видимо, имеется в виду русско-болгарская военная конвенция 1902 г.

⁴⁹ Извольский Александр Петрович — российский министр иностранных дел в 1906–1910 гг., посол во Франции в 1910–1917 гг.

⁵⁰ Не удается идентифицировать.

⁵¹ Фальер Арман — президент Франции в 1906–1913 гг.

⁵² Имеется в виду издание дипломатических документов, тогда традиционно именовавшиеся по цвету обложки. Так, книга «Сборник дипломатических...» в обиходе именовалась оранжевой книгой.

Разговор с Неклюдовым⁵³

О прошлом союза. Фердинанд сложил ответственность на министров и не сопротивлялся переговорам о соглашении. Но когда соглашение было готово, обнаружил колебания, продолжавшиеся 24 часа. Говорил: «Что скажет Франц-Иосиф». Он может уничтожить меня. Лучше надо ждать его смерти (Милетич: договор подписан 29 февраля).

В договоре арбитраж предусмотрен только для небольшой области между Стругой и Охридом. В остальном граница определена совершенно точно — от урочища к урочищу (Харлаков⁵⁴: пересекает Вардар и Зелениково) Если теперь сербы хотят пойти вперед, то разрушают все соглашение. Болгары едва согласились и на Скопье. Отрицает сообщение Пашича, что упоминалось о совместном добывании Скодрского вилайета.

Болгары сделали ошибку, что не приняли турецкого предложения о перемирии до наступления на Чаталджу. Тогда получили бы и Адрианополь. Савов⁵⁵ был против, Радко Дмитриев⁵⁶ не решился высказаться. Фичев⁵⁷ — за. История с румынскими требованиями продолжается уже целый месяц. Он Н[еклюдов] постоянно настаивал, ч[то]б[ы] уступили. Болгары готовы отдать один форт и полосу земли, выходящую к морю севернее Калиакра. Румыны требовали от Туртукая через Добрич до Балчика, но в крайности соглашались и на Каварну. Одно время думали, что за то уступят Силистрию, но нет. Требуют и Силистрии. Допустить румын до оккупации было бы крайне неосторожно, п[отому] ч[то] они распространились бы дальше требуемых теперь границ и заняли бы крепости. М[ежду] т[ем] уступать болгары не хотят.

⁵³ На л. 17 начинается запись о разговоре с царем Фердинандом. Затем она прерывается рассказом о беседе с А.В. Неклюдовым. Видимо, П.Н. Милюков начал фиксировать аудиенцию у монарха, не обратив внимания, что далее уже есть записи. При публикации даем текст без разрыва, поставив их в очередность в соответствии с хронологией.

⁵⁴ Видимо, Никола Харлаков (1874–1927) — болгарский политик, социалист, активный участник ВМОРО.

⁵⁵ Савов Михаил — болгарский военачальник, политик, заместитель главнокомандующего во время Первой балканской войны.

⁵⁶ Дмитриев Радко — болгарский военачальник.

⁵⁷ Фичев Иван — болгарский начальник Генерального штаба в 1910–1914 гг.

Царь с советом министров отправился в Мустафа-пашу⁵⁸ для совещания с генералами (на случай продолжения войны). Нота не представлена — известный Неклюдову текст был решителен и краток. Но Германия требовала смягчения (Мушанов⁵⁹: а затем отказалась участвовать в передаче коллективной ноты, пока болгары не уступят румынам).

Прочитал мне свое последнее письмо (18 дек[абря]) к Чарыкову. Не имеет уверенности в сохранении мира. Но Россия д[олжна] вмешаться только в случае серьезной выгоды для собств[енно] русских интересов. Такой выгодой явилось бы занятие проливов и азиатской стороны Босфора. Но для этого надо активно готовиться к войне, приготовить флот с десантом, п[отому] как только Австрия начнет военные действия против Сербии, начать паралл[ельные] действия. Дать возможность болгарам на Черн[ом] море обойти турок у Деркоса и взять К[онстантино]поль, предварительно сообщив друзьям и союзникам, что занимаем временно. Тогда державы сами употребят все усилия, чтобы заставить Австрию воздержаться от оффензивы⁶⁰. Сербию нельзя бы поддерживать на Адриатике, но можно и нужно поддержать в вопросе об албанских границах. Однако вступление австрийцев на сербскую территорию еще не должно стать casus belli⁶¹ со стороны России⁶².

У Неклюдова 4 января. Он только что был у Гешова и сказал ему, что уступки Румынии недостаточны («личное мнение»). Гешов сослался на Петербург, где не т[олько] одобрили, но сами предложили эти уступки. Почему Россия берет на себя посредничество? Несколько недель тому назад рум[ынское] правительство обратилось с просьбой о посредничестве в Петербург. Но Гика⁶³ отрицал категорично, когда Гешов ему сказал это. «Мы никог-

⁵⁸ Свиленград.

⁵⁹ Мушанов Никола — болгарский политик.

⁶⁰ Наступление.

⁶¹ Повод к войне (лат.).

⁶² Отчеркнутая вставка, не относящаяся к разговору с А.В. Неклюдовым: «Карта разделения вилайетов опечатана серб[ским] правительством и после 21 окт[ября] распространялась в Македонии (Велес и Прилеп входили — идет к Охриду)».

⁶³ Гика Димитрие Ион — румынский государственный деятель, дипломат.

да не просили о посредничестве». Неклюдов при мне получил и прочел копию телеграммы Сазонова к бухарестскому нашему послу: там подтверждается, что рум[ынское] правительство обращалось действительно с просьбой к русскому. — Неклюдов думает, что Вена хочет участвовать в посредничестве. Перемена произошла недели 2 назад (Я сказал ему соображения Трубецко-го⁶⁴). Он не сказал, что у нас решили по военным соображениям не отдавать болгарам Адрианополя. Но он ответил в Петербург, что это будет — второе Симоносеки⁶⁵. Болгары возненавидят Россию. Телеграмму, вероятно, показали царю (и распоряжение было отменено).

Салоники останутся за греками, п[отому] ч[то] там сидит Ольга Конст[антиновна]⁶⁶ с чадами и грудными младенцами (За это болгары будут торговаться в Костурском и Леринском).

5 января от 11 до 1 ч. 5 разговор с Фердинандом

Ф[ердинанд]: Как вы хорошо говорите по-болгарски.

Я: Был здесь два года профессором, но теперь говорю плохо, мешаю — в Сербии пытался г[ово]рить по-сербски, как югослав. Язык, как *нрзб* мой приятель Белич⁶⁷.

Ф[ердинанд]: И я тоже, когда говорю по-русски, путаю и потом затрудняюсь с болгарским. По-сербски могу читать газеты, но не говорю. Они меня не любят, не доверяют мне, считают (затрудняется в форме слова, я подсказываю) «австриянец», хотя могли бы знать, куда уходят мои корни. Болгары — простые люди, с хорошими качествами, но и с отрицательными, *нрзб* в *нрзб*. Я считаю себя регулятором их жизни.

⁶⁴ Видимо, Трубецкой Григорий Николаевич — глава Азиатского департамента МИД Российской империи в 1912–1914 гг.

⁶⁵ Симоносекский мирный договор завершил японо-китайскую войну 1894–1895 гг. и положил начало борьбе держав за раздел территории Китая на сферы влияния. Возможно, в данном случае Неклюдов имел в виду, что болгары воспримут попытку России не пустить их в Адрианополь, как стремление Петербурга навязать Болгарии столь же неравноправный и грабительский договор, который Япония навязала Китаю в 1895 г.

⁶⁶ Российская великая княжна, супруга греческого короля Георга I.

⁶⁷ Белич Александр — сербский ученый, академик, выпускник Московского университета.

5 января — Фердинанд

А как у вас дела в России?

Я: Вы разумеете внутреннюю или внешнюю политику?

Ф[ердинанд]: Внутреннюю.

Я: Постепенно дело налаживается. Уже теперь нет резкого деления на 2 лагеря, власть и революционеров, народное представительство за 7 лет пустило корни, и крайности постепенно сближаются, хотя еще не совсем сошлись.

Ф[ердинанд]: У вас богатый запас сил парализован, и государственные люди (особенно по внешней политике) очень редки.

Я: Да, они выбираются из очень тесного круга.

Ф[ердинанд]: Здесь, напротив, в[есьма] б[ольшие] таланты находят себе выход и доступ, и понемногу приобретают опытность. А как ваш Сазонов. Каково его происхождение?

Я: Он дворянин из внутр[енних] губерний.

Ф[ердинанд]: Я думал, что он нерусского происхождения.

Я: Если хотите, он «чиновник». Но во всяк[ом] случае, его политику я считаю удачнее политики Извольского, и защищал ее, хотя принадлежу к оппозиции.

Ф[ердинанд]: ?

Я: Сазонов не повторяет ошибок Извольского. Тот выступал один, без поддержки союзов. А Сазонов все время опирается на Пуанкаре. Поэтому удалось нейтрализовать Австрию. Это для вас большое счастье.

Ф[ердинанд]: Я очень рад, что Пуанкаре удалось стать президентом республики. Памс⁶⁸ — человек неизвестный. А Пуанкаре себя показал. Я ему послал телеграмму (произносит на память французский текст телеграммы).

Я: Да, Пуанкаре действовал очень хорошо. Хотя, правда сказать, Австрия все-таки вмешалась бы, если бы знала, что Турцию будет легко разбить. Вся Европа ошиблась.

Ф[ердинанд]: Не думайте, что это б[ыло] так легко. Я настаивал на ускорении борьбы, потому что Турция быстро усиливалась и сделалась бы очень опасной через несколько лет. И теперь, вы видите, она стала сильна. Этот неистощимый резервуар, сокро-

---

⁶⁸ Памс Жюль (1852–1930) — французский политик, претендент на выборах президента Франции 1913 г. Победу на них одержал Р. Пуанкаре.

вищница людей из Анатолии, Сирии, долины Иордана. К несчастью, ей помогли румыны. Я никогда этого не прощу королю Карлу.

Миллионы *нрзб* хлеба и брашна⁶⁹, 300 слишком (320–60?) артиллерийских орудий — все это доставлено через Констанцу. Шкоды — даже Шнейдеры⁷⁰ — утверждают, будто «старые заказы» — ...⁷¹

В Румынии — это какая-то неискоренимая зависть, *l'envie*⁷², против меня со стороны короля Карла⁷³. Я стою за гегемонию славянской идеи, они завидуют сильной Болгарии. У них мало-численный высший класс, эти боляре (поправляется болере) выжимают все, что могут из бедного, разоренного низшего класса. У нас — широкий демократический базис.

Я: Но тут есть и давление Австрии

Ф[ердинанд]: Да, давление Австрии, это так, но все-таки большая часть, что они делают, эти посылки в Турцию, поездки Филипеску⁷⁴ и другого министра (не м[ожет] вспомнить фамилии), это желание захватить что-нибудь. Силистрия, Каварна — это направлено лично против меня, из зависти. Король Карл нашел момент, когда нам придется считаться со всеми трудностями. Вот и Греция.

Я, так сказать, *un dilettante prime*⁷⁵ по части эллинизма, люблю его, это мое увлечение, мой дед и прадед (Луи-Филипп и Карл X⁷⁶) столько сделали для освобождения Греции, дали им Ипсиланти и Каподистрию⁷⁷. Я хочу для них что-нибудь сделать, но... Я пони-

⁶⁹ Мука (ст.-слав. и болг.).

⁷⁰ Шкода и Шнейдер-Крезо — австро-венгерский и французский оружейные заводы.

⁷¹ Так в тексте.

⁷² Зависть (фр.).

⁷³ Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген — румынский король в 1881–1914 гг.

⁷⁴ Филипеску Николае — румынский военный министр в 1910–1912 гг. и министр сельского хозяйства в 1912–1913 гг.

⁷⁵ Первоклассный дилетант (фр.).

⁷⁶ Французские короли из рода Бурбонов.

⁷⁷ Ипсиланти Александр Константинович (1792–1828) — российский военачальник и лидер Греческой национальной революции. Иоанн Антоний Каподистрия (1776–1831) — российский государственный деятель и первый правитель независимой Греции.

маю Салоники, они утверждают, что это нужно для династии, что династия будет вырвана с корнем, если они не получат Салоник. В один прекрасный день, я сохраняю надежду сказать королевской греческой чете, что климат для нее нездоровый в Солуни, но теперь... мой сын был выведен из себя их поведением⁷⁸, *нрзб* Салоники, пусть... Но ведь они лезут и в Кавалу, и в Драму, и в Серес, и еще неведомо куда... Теперь приходится сдерживаться. Благодаря мне, исключит[ительно] мне, совершилось это соглашение с греками, в которое никто не верил, и вот...

Я: Я думаю, что гораздо труднее будет соглашение с сербами? Там такие старые разногласия.

Ф[ердинанд]: Да, сербы и теперь ведут себя, по нашим сведениям, безобразно.

Я: К сожалению, и в Болгарии общественное мнение не знает истинного смысла соглашения. Здесь думают, что спорной и подлежащей арбитражу остается вся область на север от условленной границы — до Шар-планины, тогда как в Сербии и везде в Европе знают обратное. Это ошибка — заставить думать, что вопрос о Скопье и Куманове остается спорным. Тогда становятся возможными встречные претензии, о которых я слышал от Пашича и престолонаследника.

Ф[ердинанд]: (становится очень внимательным, вытягивает голову вперед, подпирает ее ладонью) Да, что же вы слышали от них?

Я: Пашич г[ово]рил: конечно, если болгары будут настаивать, мы соблюдаем условия договора. Но мы представим их рассудку следующее соображение. Ведь в договоре было, что Адрианоп[ольский] вилайет должен добываться на том же основании, что Скодрский, но, когда дело коснулось выхода к морю, Данев «поспешил» — это было дело держав, заявить, что болгары помогать не могут.

⁷⁸ Видимо, имелся в виду в первую очередь разговор, обсуждавшийся в болгарской прессе и переданный Милюковым в «Речи»: «Греческий король говорит болгарскому престолонаследнику: солунский климат так мне нравится, что я хочу поставить себе здесь дворец, в котором буду проводить значительную часть года. Болгарский наследник будто бы отвечает: мой отец тоже одобряет здешний климат и хочет здесь построить дворец. Последнее слово остается, однако, за греческим королем: “Зачем вам строить дворец? Мой дворец будет настолько вместителен, что вы всегда найдете в нем гостеприимство”» (Речь. 1913. 17 января).

Ф[ердинанд]: Я всегда считал и считаю, что Сербия должна иметь территориальный «коридор» — выход к морю. Я это усердно защищал. Сербы — чистые славяне, мягкие, впечатлительные, верные, но увлекающиеся. Их будущее с Австрией. Но они могут осуществить свое стремление и войдя в Австрию, если увидят невозможность бороться против нее. Я говорил престолонаследнику: не вы, но ваши наследники придут к Австрии.

Я: Мое впечатление совсем другое. Русское чувство у сербов в состоянии нетронутой сентиментальности. У них не было испытаний, охладивших болгар. У них, к тому же, крестьянская масса еще более непосредственно влияет на политику, чем здесь, нет даже *нрзб* разделяющей ее. И, наконец, для них нет выбора, они слишком ненавидят Австрию, их идеал основан на ее разрушении.

Ф[ердинанд]: Дай господи, дай господи. Но кто виноват, когда Россия потребовала уступки, ч[то]б[ы] избежать европейской войны?

Я: Подчеркиваю, что Пашич уполномочил меня заявить болгар[ским] министрам о нарушенном условии договора, указываю, что Александр согласился на то, что текст договора ему неизвестен (Ф[ердинанд] молчит, бормочет про себя что-то утвердительное по поводу последней фразы). Теперь они г[ово]рят: чтобы выйти правыми перед своими людьми (ссылаюсь на мнение офицеров, что надо взять и Битоль, за к[ото]рый они лили кровь), нам надо взять по крайней мере Прилеп (рассказываю про отзыв престолонаследника о Крале Марко, о [том, как он] показал определение границ по карте). Перевожу разговор опять на Австрию и на ее роль в возбуждении затруднений. Рассказываю о приготовлениях Австрии, о последнем затишье, о новой кампании, о брошюре Мандля⁷⁹.

Ф[ердинанд]: Я думаю, южные славяне могли бы восстать и что они могут этим заставить австр[ийского] престолонаследника⁸⁰ воздержаться от войны.

⁷⁹ Видимо: Mandl L. Österreich-Ungarn und Serbien nach dem Balkankriege. Materialien zum Verständnis der Beziehungen Serbiens zu Österreich-Ungarn. Wien, 1912.

⁸⁰ Считалось, что эрцгерцог Франц-Фердинанд был лидером кругов, считающих необходимым вооруженное вмешательство с целью предотвратить усиление Сербии.

Я.: Югославяне еще недостаточно организованы для этого, но самая мысль, что чем дальше, тем больше они станут опасны, побуждает Австрию дорожить временем и решиться разделаться с Сербией сейчас.

Ф[ердинанд]: Престолонаследник действительно, с своей придворной партией, оказывает величайшее давление на Франца-Иосифа⁸¹. Но как Россия? Что там Сухомлинов⁸², как ваше войско и общественное мнение. Я думаю, только придворная партия за мир во что бы стало? У вас великолепные финансы? И большие симпатии народа к нашему делу?

Я: Конечно, наше войско еще не вполне готово, но все гораздо готовее, чем раньше. Военные — стоят за войну, народ хочет мира и несколько спокойных годов для экономич[еского] развития. Но, конечно, есть предел всему. И я должен сказать, у нас температура повышается. Теперь Сазонов готов гораздо более защищать, чем вначале. Мы, напр[имер], стоим за границы Албании (останавливаемся на этнографии Охридского озера, немного путает восток с западом, потом понимает, что я ему г[ово]рил о славянском и арнаутском⁸³ населении озера). Австрия по одиночке поднимает, один за другим, все вопросы и заставляет уступить, но у нее еще остается достаточно предлогов, ч[то]б[ы] напасть на Сербию и уничтожить ее (рассказываю австрийский подход к Сербии — попутно излагаю сербскую жалобу, что Данев заговор[ил] об отдельном торговом соглашении, а не о всем союзе). Все это может накопиться вместе и тогда...

Ф[ердинанд]: Положение ужасное. Я встаю и не могу представить, что случится в 24 часа. Я говорил министрам, что не могу (с намеком) видеть дальше собственного носа⁸⁴. Все пружины сосредотачиваются в Австрии. Где же Россия?

Я: Россия, несмотря на миролюбие, все-таки готовится. Не помогает и Берлин.

---

⁸¹ Император Австрии в 1848–1916 гг. (с 1867 г. глава двуединого государства — Австро-Венгерской монархии).

⁸² Сухомлинов Владимир Александрович — российский военный министр в 1909–1915 гг.

⁸³ Арнауты — одно из наименований албанцев.

⁸⁴ Длина носа Фердинанда Кобурга являлась частой мишенью для шуток.

Ф[ердинанд]: Да, во время охоты в ...⁸⁵ германский император дал мне *нрзб* и престолонаследник и тот на несколько времени стал потише. Но ненадолго.

Я: Многое зависит от того, что будет с Адрианополем. Вы можете скоро взять его?

Ф[ердинанд]: Я был третьего дня в армии. Все только об одном хлопочет, ч[то]б[ы] поскорее перервать перемирие. Тогда мы можем взять Одрин в двое суток. Но сербы не соглашаются на перерыв. А я не могу прервать один, это было бы нарушение международных приличий и обязательств чести. Этот Шукри-паша⁸⁶ один только упорствует, вопреки всему, что известно о тяжелом положении города. И вот, мы должны держать 400 тыс[яч] под ружьем. Я настаивал перед министрами, чтобы конференция была в Софии, в Чаталдже. Но Даневу и грекам захотелось повидать министров в Лондоне (Я знал Данева прежде и не считал его великим дипломатом, просто *нрзб*).

Ф[ердинанд]: Соглашается, что Д[анев] не дипломат. Но вы не можете жаловаться, что он — враг России (в ответ на мои жалобы на авансы Данева австрийцам).

Ф[ердинанд]: Предстоят еще большие трудности.

Я: Напоминаю о македонском вопросе.

Ф[ердинанд] (Очевидно избегает темы). Это все второстепенное. Главное теперь — покончить с турками и избавить Сербию от уничтожения. Сладить с Румынией. Все остальное — потом.

Ф[ердинанд] возвращается (уже вставши для прощания) к вопросу о сербах. Престолонаследник встретил меня холодно. Они мне не верят. А за что? Разве не я спас Сербию в 1908 г., когда Австрия грозила ей уничтожением? Я помню еще мраморный столик с инкрустациями, подарок Pissis⁸⁷, в Зимнем дворце, за которым происходил тот разговор, в котором я отстоял сербов.

Теперь ко мне являются митрополит пелагонийский (начинает забавно его копировать) и «серьезно» меня убеждают, что происходит великий разврат с болгарскими «девушками» в Битоле: сербы хотят оставить там следы, наследство по себе (Я г[ово]рю о своих словах престолонаследнику о такте).

⁸⁵ В тексте оставлен пропуск.

⁸⁶ Турецкий начальник гарнизона Адрианополя.

⁸⁷ Точно установить не удастся. Возможно, речь об американском архитекторе Альберте Писсисе.

Дальше начинаются комплименты мне — целый акафист. Благодарность за честь говорить со мной. Просьба прислать портрет с подписью, чтобы всегда иметь перед собой на рабочем столе. Сожаление, что не знал раньше о маршруте, ч[то]б[ы] его сын мог меня проводить. Попутно похвала сыну и надежды, что он продолжит его дело, если Бог приведет царствовать. Удовлетворенный взгляд на прошлое. Болгары начинают прощать ему даже и то, что он представитель монархического начала. Он только «регулятор» народных чувств и потребностей, сдерживает и направляет, пользуется для Б[олгарии] своими связями с дворами и дипломатами. С удовлетворением м[не] сказал, что Б[олгария] — первое балканское государство. Еще раз благодарность, что я, великий знаток балканских вопросов, великий этнограф и историк, посвящаю внимание его Болгарии. Надежды на дальнейшую поддержку и помощь.

Разговор с Гешовым

Начало балканского союза положено в октябре 1911 г. в Вене. Поехал лечиться в Виши, но когда началась война Турции с Италией, пришлось возвращаться. Условились связаться с Миловановичем. Предварительно с Ризовым⁸⁸ в Вене наметили черту раздела. Милованович встретил по условию в Белграде на станции и в Лапове Гешов перешел из спального вагона в министерский. Так в два часа было положено начало союзу. М[илованович] предлагал две зоны: одна бесспорная, другая арбитраж царя (в первую д[олжен] б[ыл] войти Скопье). Гешов предложил одну зону. Затем в Софии со Спалайковичем⁸⁹ подробно была определена граница (Цвйича). В договоре, подписанном 19 февраля, было условлено взаимно защищать друг друга в случае нападения третьей стороны.

Во 2 статье тайного соглашения указывалась черта раздела, с определением, что по ту сторону Шар-планины с одной и Родопи (Струма?) с другой — бесспорные зоны, а между Шар и чертой — спорная, которая отдается на арбитраж царя. Затем болгары заявили претензии на Струту, а все остальное остается на арбитраж,

⁸⁸ Ризов Димитр — болгарский посланник в Риме в 1908–1915 гг.

⁸⁹ Спалайкович Мирослав — сербский посланник в Болгарии в 1911–1913 гг.

хотя спорить не будут. Были предусмотрены и военная конвенция. Когда с сербами было кончено, тогда начали разговор с греками. Сперва оборонительный союз. Панас сперва предлагал целью: защита прав христиан по фирманам и такрирам⁹⁰. Гешов предложил также и «по международным актам». Панас: значит, 23я статья Берлин[ского] договора⁹¹? (тогда были об этом митинги) Ни за что! Гешов все-таки убедил послать — Венизелос согласился. Понятно говорить (со стороны греков) о границах ничем не хотелось, т.к. болгары увидели, что греки требуют Солунь — и замолчали. 16 мая договор (отдельный от конвенции, 4 пункта, защита христиан по фирманам и актам) был подписан, а 18 мая Гешов с царем поехали в Вену и в Берлин. В Хофбурге⁹² решился и следующий акт балканск[ого] союза. Там оказались Ризов, Тодоров, Данев. Решают обратиться к Италии с предложением — участвовать в ее войне с Турцией. Затем приехал Николай⁹³. Ему предложили сперва осторожно — он оказался готовым. Остались Ризов, Тодоров, Данев и сговорились с ним уговор — начнут через месяц после него.

В сербо-болг[арском] договоре предусмотрено, что в два месяца по заключении мира должно с арбитражем состояться окончательное разграничение.

Договор заключен до 1920 года, т.е. еще на 8 лет.
(Гешов)

Письмо Данева с дороги, начато в Бухаресте, окончено в отеле *nrзб* и *nrзб* в Вене. Излагал свой разговор с Берхтольдом, говорит: против уступки Скутари, ... против Янины. Вы (болгары) *gute Hüter der Dardanellen*⁹⁴. Австрия решительно против гавани на Адриатике. Данев заявил, что они обязаны поддерживать сербов в требовании гавани.

⁹⁰ Указы и постановления османского правительства.

⁹¹ По ней предусматривалось введение на территории Европейской Турции органических уставов, разработка которых будет поручена «в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие».

⁹² Зимняя резиденция австрийских Габсбургов и основное местопребывание императорского двора в Вене.

⁹³ Видимо, Никола Негош.

⁹⁴ Хорошие хранители проливов (нем.).

Ссылка Пашича на договор (о Скодрском вилайете) не оправдывается. Сербь предлагали условиться об автономн[ых] вилайетах (но не о зап[адных] границах), но это оставлено в стороне. Болгары готовы были поддерживать. Удивились, когда сербы отказались.

Совместное действие против австрийских славян (с согласия вашего правительства) м[ожет] стать предметом серьезного обсуждения.

Не отвергаем а *limine*⁹⁵. Они будут в нас нуждаться: мы кончаем, они начинают.

С греками затруднения. Солунь — династич[еский] вопрос — можно и отдать, по мнению наших специалистов, но за Леринско и Костурско (особенно греки держатся за последнее). Они претендуют на полосу *Hinterland'a*⁹⁶, понимая, что без него Солунь погибла как торговый центр (показывает по карте территорию, соответств[ующую] формуле Делиянниса.

Относительно румын — произошла путаница. Сазонов уговорился с румын[ским] представителем в Петербурге о тех уступках, которые мы приняли. Но раньше, чем успели сообщить, телеграмма из Бухареста (Калинков⁹⁷), что там продолжают требовать Силистрию и Каварну. Телеграфировали в Петербург и Даневу. Ответа из С[анкт-]П[етер]б[урга] пока нет, хотя надеемся, что Сазонов когда-нибудь уговорит. Данев пробовал возобновить переговоры. Румыния грозила несколько времени позднее — оккупацией, но из России ее убедили воздержаться. Требуя от парламента 180 милл[ионов] кредитов, ссылались на Гешова, будто я сказал, что⁹⁸.

Я просил указать, в какой газете это было. Ответили: это рассказали знакомые по слухам⁹⁹.

Разговор с Неклюдовым

Я кое-что рассказываю о Ф[ердинанде]и Гешове. М. кр. и о возможности разговора о дальнейшем союзе с сербами против Ав-

⁹⁵ С порога (лат.).

⁹⁶ Тыл, тыловой район (нем.)

⁹⁷ Калинков Георги — болгарский посланник в Румынии в 1911–1913 гг.

⁹⁸ Строка пропущена.

⁹⁹ На следующей странице отдельная запись, судя по почерку, сделанная в другое время: «О кондоминиуме в Солуни говорила греческая королева. Вопрос еще не разбирался».

стрии. Он: настойчиво советует сербам — не отступать от договора. Передает свой разговор с Спалайковичем, что сербы обмануты. Слушал, слушал, потом прервал словами, что это повергает его в *profonde tristesse*¹⁰⁰.

Не верит, что Одрин скоро сдастся. Это опять Савов увлекает царя, как увлек его на Чаталджу¹⁰¹. Я г[ово]рю, что боюсь, что Австрия поодиночке заставит уступить, вместо того, ч[то]б[ы] соединить все спорные вопросы.

Он подсказывает: на конференции. Я об этом и говорю.

О будущем отношении Болгарии. У б[олгар] основано не на сентиментальности, а на третировании как равного. Мы д[олжны] признать «гегемонию» Б[олгарии] на Балканах. Проливы — нам, но в остальном мы им не мешаем. Сербия должна быть *нрзб*¹⁰² п[отому] ч[то] у ней задачи к[ото]р[ые] могут быть разрешены т[олько] вместе. С греками можно и не церемониться.

Я считал, что надо не давать Болгарии всего и оставить Македонию автономной, ч[то]б[ы] ей было чего добавить — поддержать ее «впроголодь». Я защищал идею автономии в своих записках. Но Сазонов возражал по 3 причинам: 1) Будет обострение борьбы между народностями 2) Австрия сохранит возможность пробраться к Солуни и 3)¹⁰³. Теперь, конечно, поздно к ней возвращаться.

Понятно, почему сербы не хотят прекратить перемирия. Им могут понадобиться их две дивизии.

Разговор с министром Христовым¹⁰⁴.

Рассказывает о проекте принудит[ельного] отчуждения земли у беев¹⁰⁵ за вознагражд[ение]. Капитализир[уется] из дохода, с помощью *нрзб*. Уже теперь законом остановил все сделки, ч[то]б[ы] сохранить *нрзб*.

По вопр[осу] о внешней политике останавливается на влиянии Австрии. Австрия нас пробовала отвлечь, косвенно спрашивала нас от Берхтольда: что будет с союзом после войны? Мы заявили:

¹⁰⁰ Глубокую печаль (фр.).

¹⁰¹ Речь о неудачном штурме Чаталджинских укреплений.

¹⁰² Видимо, «союзная».

¹⁰³ Не дописано.

¹⁰⁴ Христов Димитр — министр земледелия и государственных имуществ Болгарии в 1911–1913 гг.

¹⁰⁵ Бей — богатый землевладелец. В данном случае — турецкий.

союз останется. Готова была бы и Сербии дать все, что та захочет, если бы она отошла из союза. Жалобы на Данева неосновательны: мы защищали Сербию в вопросе о гавани и не знаем, отчего она уступила. В будущем необходим союз против Австрии (которая вовсе не выиграла, а проиграла). Необходим он и Румынии, и потому Румыния не должна рыть пропасть м[ежду] собой и Болгарией. Иначе через 10 лет мы отберем назад. Австрия через Румынию хочет унижить Болгарию. Вопрос, прямо направленный ко мне: России д[олжны] принадлежать оба берега залива, но отдаст ли она Родосто¹⁰⁶? Я: Вопрос нов и д[олжен] б[ыть] подробно рассмотрен. Но нам нужны северные берега проливов и Hinterland о *нрзб* д[олжны] судить наши генералы. Мое личное мнение, что кроме этого нам ничего не нужно, и Родосто м[ожно] отдать, но не сейчас, а при общем разделе. Теперь Р[одосто] должно остаться за Турцией (Х[ристов] несколько разочарован).

На станции провожают Гешов и Неклюдов (сын его едет¹⁰⁷)

Гешов отзывает в сторону и сообщает новость: черногорцы требуют Ипек, Дьяково и Призрен. Я г[ово]рю, что первые два имелись в виду для черногорцев, но не последнее. Если это компромисс: Австрия дает черногорцам, а не сербам, то те на него согласятся. «Все равно будет наше» Отрицает, что имеются новые угрозы оккупации Румынии. Повидайтесь с Тошевым¹⁰⁸.

Неклюдов отзывает в сторону. Скажите сербам, что о нарушении договора нельзя и думать.

Солунь

Разговор с Хесапчиевым¹⁰⁹, болгарским представителем при греческом правительстве.

Рассказывает о короле Георге и сыновьях. Хотел производить впечатление культурного человека, и с ним можно разговаривать. Таково было и впечатление Фердинанда, но безвольный. Но сыновья — воспитались в деморазированной¹¹⁰ атмосфере, за ис-

¹⁰⁶ Ныне — Текирдаг, город на Мраморном море.

¹⁰⁷ Неклюдов Сергей Анатольевич (1890–1916).

¹⁰⁸ Тошев Андрей — болгарский дипломат, посланник в Сербии в 1908–1913 гг.

¹⁰⁹ Хесапчиев Христофор — болгарский военный представитель при греческой Главной квартире в 1912–1913 гг.

¹¹⁰ Так в тексте.

ключением Николая, у которого жена русская, дочь Владимира¹¹¹. Диадох Константин¹¹² лаконичен и примитивен. Все обещает — ничего не делает.

Вспоминает диадох из своего пребывания в Румынии в 1906 г. Таке Ионеску, тогда вождь оппозиции, говорил ему, что после того, как Болгария стала самостоятельной от России, румыны стали уважать ее. Положение Румынии трудное, п[отому] ч[то] она должна лавировать м[ежду] двумя державами. Болгары ни с одной державой не соприкасаются. Когда Венгрия станет самостоятельной, настанет время для раздоров с ней, и тогда Румыния желала бы иметь Б[олгарию] на своей стороне. Хесапчиев: я желал бы, ч[то]б[ы] вы были министром иностр[анных] дел, а я пришел бы к вам во время затруднений с Болгарией. Если бы мы взяли что-нибудь, что стали бы вы делать? (Schön¹¹³ г[ово]рит ему: Румыния потребует вознаграждения) — Были бы очень рады, но попросили бы ректификации границы — от Силистрии до Балчика. Отправил доклад в этом смысле.

Положение с греками улучшается. Все столкновения идут теперь на решение центральных властей.

Ляпчев¹¹⁴ — Находит, что идея автономии опоздала, что осталось примириться, что если и оставят привилегии болгарам в Сербии и грекам в Болгарии, то ассимиляция произойдет — в 1-м случае скорее лет через 10–15. Но нужен такт, постепенность.

О взятии Солуни — удивлен в участии Австрии — через Каля¹¹⁵ и Хильми-пашу¹¹⁶ — при содействии младотурок. 8 дней переговаривались о сдаче, но, когда появились болгары, поспешили сдать на условиях, которые греки не исполнили (под предлогом заговора): не отпустили офицеров, а взяли в плен, не оставили турецкой полиции, не оставили и 3000 ружей.

¹¹¹ Елена Владимировна, дочь великого князя Владимира Александровича, третьего сына Александра II.

¹¹² Константин I Глюксбург — греческий король в 1913–1917 гг.

¹¹³ Шён Вильгельм — немецкий дипломат, статс-секретарь по иностранным делам Германии (1907–1910), затем германский посол во Франции (1910–1914).

¹¹⁴ Ляпчев Андрей — болгарский политик.

¹¹⁵ Видимо, Каль Виктор Федорович — российский дипломат, консул в Битоле (1903–1910), генеральный консул в Салониках (1914–1917).

¹¹⁶ Хильми-паша Хусейн — турецкий генеральный инспектор в Македонии в 1902–1908 гг., посланник в Австро-Венгрии в 1912–1918 гг.

2-й разговор с Хесапчиевым (о договоре 12 апреля 1904 г.)

Король Петр¹¹⁷, прощаясь с Х[есапчиевым], как с военным атташе, высказал надежду увидеться опять. Х[есапчиев] ответил: не в качестве военного атташе, а с специальной миссией. Король заговорил тогда о союзе и т.д. Вернувшись в Софию, рассказал Фердинанду — и послан опять — за свой страх, если удастся устроить ч[то-]н[ибудь] с Пашичем и Груичем¹¹⁸ (премьером) — предложил проект не т[олько] оборонительного, но и наступательного союза с целью добиться автономии Старой Сербии и Македонии мирным способом, и если не удастся, то и силой. Согласны вполне. На другой день: согласны, но с одним примечанием (заседание в спальне жены Пашича): под Старой Сербией разумеется Скопский вилайет в пределах турецкого административного деления (т.е. скопский санджак). Всячески убеждал из-за этого не разрушать дела. Но напрасно. Спорили 3 заседания без результата. Тогда из Софии приказали переговорить с Петром. Бесполезно, но исполнил приказание. Король заявил, что ничего не знает, спросит Груича, обещал уладить дело — ничего не сделал. Тогда предложил ограничиться оборонительным союзом, который и заключен 12 апреля (Пасха?). Предложил обменяться карточками. Груич предложил сняться вместе. Эта карточка была в тысячах экземплярах распространена в Македонии, как доказательство, что болгары стали сербами. Заключенный договор через несколько дней появился в Neue Freie Presse. Фердинанд потребовал вырезки и вернул ее с шифрованной подписью: «С этим народом больше ничего не хочу иметь общего». Х[есапчиев] полагает, что Ф[ердинанд] поддается минутным настроениям, и что в т[аком] случае лучше всего выждать. Выждал несколько дней. Потом отправился к Пашичу и потребовал отставки секретаря короля и корресп[ондента] Freie Presse Балуджича. Пашич: я ожидал, но не успел спросить короля, сейчас пойду. Балуджич отставлен в тот же день. Инцидент уладился, но добрых отношений уже не было. Они были испорчены ранее провозглашения независимости. Остались при торговом союзе.

¹¹⁷ Петр I Карагеоргиевич — сербский король в 1903–1918 гг., король Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918–1921 гг.

¹¹⁸ Груич Сава — сербский политик.

Когда теперь вопрос возобновился Х[есапчиеву] поручено представить рассказ (вся переписка осталась у него лично, в архиве нет ничего). Он заявил, что без раздела Сербия никогда не согласится на союз.

Милованович в декабре 1911 г. обратился с определенным предложением о союзе. Посмотрели недоверчиво, промолчали (Х[есапчиев] не докладывал царю) и через 10 дней через софийского представителя Милованович заявил, что формального предложения не было, и если так поняли, то это — ошибка. Тогда уже сами взялись и от себя сделали предложение, которое и обсуждалось в течение февраля.

2-й разговор с сербским престолонаследником (в вагоне)

Когда Стоянович и Балуджич оставляют нас одних.

Я передаю ему ответы на заявление Пашича о Скодрском вилайете и на его жалобу на Данева, что поспешил заявить, что не поддержат. Потом, останавливаясь на словах Фердинанда, что принял холодно и что считают австрийцем.

Александр: Напротив, мы были особенно любезны. А что Ф[ердинанд]у нельзя верить, потому что он в связях с Австрией, это сказал мне русский император. Как болгары смотрят на наш союз? Не предпочитают ли Австрию?

Я: Болгары практичны и реалисты, и потому можно было бы ожидать, что они не поддержат вас в борьбе против Австрии. Но все, что я слышал из самых разнообразных источников, говорит обратное. Болгары ценят союз и ответили Австрии, что он д[олжен] б[ыть] продолжен. Гешов и Христов сказали мне, что готовы войти в разговоры о наступательном союзе при содействии России. — О наступательном!

Ал[ександ]р: Да, именно о таком и надо говорить

Я: Только раз я слышал, что, конечно, в это дело они не могут сложить столько энергии, как в свое собственное. Но они считают, что ослабление Сербии было бы ударом и для них, не хотят иметь соседом Австрию и потому поддержат вас в своих интересах.

Ал[ександ]р: Я согласен, как вы г[ово]рите, что болгары практичны, а потому и теперь не верю в их активное участие в союзе.

Я: Но все же у них есть фонд сентиментального славянского чувства — и его надо культивировать.

Ал[ександ]р: Да, конечно, надо.

(Приезжает Николай Греческий. После его визита беседа продолжается при участии Стояновича и Балуджича).

Я: Необходимо установить прочные отношения с болгарами, этот союз был возможен. Под тот принцип, на основании которого д[олжен] произойти раздел.

Ал[ександ]р: Да, но мы много теряем *нрзб* болгар[ское] правительство предложило принцип пропорциональности жертв и расходов.

Я: у них 72 тысячи.

Ал[ександ]р, Б[алугжич] и С[тоянович] смеются — это дутый расчет, не м[огут] б[ыть] потери 1/3 всего войска. У нас 28 000.

Я: Надо держаться договора. Иначе требования с двух сторон возрастают. Б[олгария] не мирится с Скопье, вы хотите Битоля.

Ал[ександ]р: Мы дали 100 000 солдат им. Почему их дивизия пошла на Солунь, вместо Адрианополя, а туда послали нашу? Они *нрзб* поступили с греками, попросили ввести отряд, а ввели целое войско.

Я: Да, 40 тыс. Но потом ведь ушли. С греками нет договора о границах именно потому, что не хотели отдавать Солуня. Естественно, что хотели закрепить за собой. Солунь не сдался бы грекам, если бы не подошли болгары. Роль Краля.

Ал[ександ]р: Это — болгарская версия. Они г[ово]рят, что «отдают» Солунь за Лерин и Костур, как будто Солунь им принадлежит.

Я: Они не виноваты, что географически у них оказывается 300 000 греческого населения. Они бы с удовольствием отдали. Но не могут отдать то, что считают чисто болгарским. Войдите в психологию македонцев, к[ото]р[ые] сражаются на Чаталдже, когда вы тут делите Македонию. Страшное недовольство. Со Скопским готовы примириться¹¹⁹, но не требуйте больше — иначе весь вопрос *нрзб*.

Ал[ександ]р: Милованович много спорил о границе, но наконец подписал, не думая о стратегических целях, которые не понимал. Нам необходима ректификация. Неужели и от этого болгары откажутся?

---

¹¹⁹ То есть с утратой Скопского санджака в пользу Сербии.

Я: Частично изменить, конечно, возможно. Но не говорите об уступках городов (Крива Паланка) и урочищ. Я г[ово]рил им о Прилепе, но они против.

Ал[ександ]р: (горько смеется) Даже против Прилепа! Но, конечно, о городах г[ово]рить не нужно — пусть будет...¹²⁰ врѣх.

Я: Болгары очень раздражены вашей политикой борьбы против их народности. Как бы вы ни смотрели, не м[ожете] отрицать, что они пришли вперед и сделали больше вас.

Стоянович и Балуджич. Борьба ограничивается небольшими группами. *Нрзб* масса безразлична.

Ал[ександ]р: Я увидел, что плебисцит был бы в нашу пользу.

Я: Я не завидовал бы такому плебисциту. Он был бы насильственным

Ал[ександ]р: Нет, мы могли бы уйти и не влять.

Я: Тогда результат был бы ясен, так как этот плебисцит уже произведен. Он проверяется в течение десятилетий, жертвами и борьбой. Это — деление на экзархистов и патриархистов. Эта борьба проникла до самого дна в массы, люди вовсе не безразличны — и если вы будете игнорировать их церковные и школьные права, вы будете иметь у себя революционное движение. Напротив, с здоровой политикой вы можете ассимилировать их в 20 лет, как Пирот.

Ал[ександ]р: Пашич уже отдал распоряжение ч[то]б[ы] не вмешивались. Но болгары сами переходят в наступление. В Скопье на водосвятии мы их звали служить вместе, но они отказались, и мы оставили их служить одних.

Я: Я напротив слышал, что вы не допустили их к реке и им пришлось святить воду в частном дворе.

Ал[ександ]р: (горячо) я сам свидетель, что это не так.

Приглашение на обед в *нрзб*.

Сижу справа от наследника. Разговор продолжается урывками. Спрашивает о Думе, о ее работах, о Столыпине. Мое мнение о Сазонове, который холоден к сербам? Вообще мы всегда предпочитали болгар. На Берл[инском] конгрессе обидели сербов.

Я: Это старая традиция: Екат[ерина] II — делила на две сферы с австрийцами. Только с 1903 г. мы убедились, что можем распро-

¹²⁰ В тексте проставлено троеточие.

странить свою политику на западную сферу. Теперь все пойдет иначе, если союз будет прочен. Я об этом говорил же год назад в Думе. Сазонов не мудрствует, но не ведет личной политики как Извольский.

Ал[ександ]р: Тот был самолюбив, все хотел сам.

Я: А этот прост и полон здравого смысла. Не имеет предвзятых мнений, гибок, не теряет из глаз безотносительности, и уже теперь иначе относится к Балканам, чем в начале войны.

Ал[ександ]р: Я уверен, что болгары не забыли 1885 года.

Я: Нет, это неверно. Болгары вовсе не *нрзб нрзб* из-за ничто. Они понимают значение союза.

Ал[ександ]р: Как относятся к грекам?

Я: Соверш[енно] иначе, чем к вам. Вы необходимы, греки сами пойдут. Относ[ительно] военной ценности греков вы и они одинаково *нрзб нрзб*.

Ал[ександ]р: Но они и на наших солдат смотрят как на греков.

Я: Могу вас уверить, что нет. Из всех кругов я слышал только одобрение. Вы вдвоем с Б[олгарией] могли владеть Балканами.

Ал[ександ]р: Да, это верно. С болгарами и румынами мы могли одолеть Австрию, что вы думаете о Румынии.

Я: рассказываю подробности о румынск[их] требованиях, *нрзб* Ф[ердинанда] на Румынию, на короля Карла, то из обратного настроения, глубокой задаче Румынии, попытке России вовлечь Р[умынию] в группу *entente*¹²¹.

Ал[ександр]: Вы так хорошо защищали болгар, что я могу только пожелать, чтобы там, в Петербурге, вы так же хорошо защищали сербов (цитирует *нрзб* фразу из моей речи).

Я: Поверьте, что перед Б[олгарией] я защищал точку зрения сербов, тем более, что мог делать это почти в тех же выражениях

Ал[ександр]: (найдя два ореха в одной скорлупе) Это — Сербия и Болгария

Я: Я сохранию это как символ.

Интересная встреча в вагоне

Майор М. Радиславевич спрашивает о границах м[ежду] Болгарией и Сербией. Я рассказываю. Он слушает и одобряет: слава Богу, теперь все кончится; надо соблюдать договор. Переходит

¹²¹ Антанты.

в соседнее купе и развивает те же мысли другим офицерам (возвращ[аются] из Драча). Те в несогласии: требуют больше. Тогда Паскалев из *нрзб*, бывший депутат от Одрина¹²²: тур. парламент развивает им мысли о союзе, о слав[ном] будущем, об общем деле и т.д. Успокаиваются.

П[аскалев] рассказывает мне, что тоже (как Георгиев и другие) послан Христовым изучить аграрный вопрос в Македонии «*Нрзб*» *нрзб*.

В турецком парламенте я тоже защищал автономию Македонии, но сам в нее не верю. Те, кто привык говорить, что М[акедония] болгарская, забывает, что та и греческая, и турецкая. Борьба продолжалась бы.

История с водосвятием в Скопье

Мне рассказана дважды — архимандритом Игнатием и бывшим депутатом Паскалевым. Положение таково: Скопский митрополит¹²³ получает сообщение от сербских властей, что он не должен начинать службу раньше 6 час[ов] утра и приглашается совершить водосвятие вместе с сербским духовенством. Предварительно по селам были разосланы приглашения крестьянам — участвовать в торжестве (что обыкновенно не делается). Митрополит ответил, что не может участвовать вместе, так как не получил приказания от экзарха и т.к. греки считают экзархию схизмой. Место на Вардаре, где обыкновенно служили болгары, было занято для водосвятия официально, с участием престолонаследника. Полиция запретила болгарам искать другого места на реке. Болгары начали служить в 3 часа. Большая часть крестьян, конечно, пришла в болгарскую церковь, запрудив все улицы кругом. Митрополит после службы хотел идти к Вардару, но не был допущен. Тогда водосвятие было совершено в частном дворе (*Нрзб*, очевидно, этого последнего не *нрзб*)

P.S. Болгар[ский] митрополит Неофит прежде всего спросил, в каком качестве будет участвовать? первого лица или помощника.

¹²² Видимо, Паскалев Тодор (1870–?).

¹²³ Неофит (Паскалев) — болгарский религиозный деятель, митрополит Скопийский в 1910–1913 гг.

2-й разговор с Пашичем

Теперь будет ответ державам и заявим тогда, когда державы не найдут дальнейших шансов к понуждению Порты сообща (что будет значить, что они разрознились). Наступит возможность прекращения перемирия.

Настаивает на своем толковании договора 29 февр[аля]. В той самой статье, на к[ото]р[ую] указал Гешов, есть прямые указания на вилайеты (зона бесспорная: за Шар-планиной со Скадарским вилайетом и за Струмой и Родопами с Одринским вилайетом, но исключая Одрин, относительно которого знали, что Россия не допустит. Теперь, когда Р[оссия] допустила, условия меняются. Послали и еще пошлют солдат к Одрину. Целый месяц раньше могли были заключить мир и распустить войска, если бы болгары не настаивали на Одрине. Это все — основания к расширению территории. Но заранее требований предъявлять не будут.

О том, что мне показано письмо Данева, знает (по этому поводу было сделано от б[олгар] представление, что могли бы, если недовольны, заявить прямо, и не через меня. Данев не говорил прямо, что не будут поддерживать, но советовал уступить.

Толкованию, что сев[ерная] половина спорной зоны (Скопье, Куманово и т.д.) подлежит арбитражу, неверно. Только подробности. Граница проведена карандашом; конечно, подлежит ректификации (у Кривой Паланки) (это г[ово]рил, впрочем, не П[ашич], а Гартвиг и Неклюд[ов]).

Подтверждает, что послано им распоряжение в верховную команду о невмешательстве в церковные и школьные права болгар. <...>¹²⁴.

---

¹²⁴ В дневнике приводятся беседы с К. Крамаржем в Вене и Т.Г. Масариком в Праге, в которых они поведали о том, что Австро-Венгрия была в шаге от войны, но в январе 1913 г. вероятность нападения на Сербию стала низкой. Примечателен диалог Т.Г. Масарика с Л. Берхтольдом («по Масарику, ограниченного и глупого человека»), приведенный в записи о второй беседе с будущим первым президентом Чехословакии. Министр иностранных дел Австро-Венгрии начал его с вопроса: «Думаете ли вы, профессор, что есть люди, более дикие, чем сербы?». Т.Г. Масарик доказывал, что албанцы не лучше, а разнузданность сербской прессы не превышает антисербской разнузданности прессы Дунайской империи.

Беседа с Даневым 17 марта 1913 (в Петербурге)¹²⁵.

В апреле (1912) Данев привез в Ливадии текст договора 29 февраля, и тогда же говорил, что лучше, если Россия останется нейтральной, не будет мешать, и тем самым выступит в роли посредника.

В июне, после заключения договоров в Вене, Данев обратился в Румынию, но Румыния отклонила. Теперь Карла упрекают, что не сговорился и опоздал с претензиями, а румыны упрекают Данева, что не раскрыл тогда всего плана. Д[анев] отвечает: а если бы вы не согласились?

Состояние переговоров следующее.

С Турцией. Граница Мидия — Энос — по водоразделу м[ежду] Эносом и Саросом. Дальше пойдут (на Чаталджу) только тогда, если Турция заупрямится. Понимает, что выход к Мрам[орно-му] морю — вопрос международный, и для Болгарии слишком усложнит ее положение. Но Фердинанд хочет, написал об этом письмо царю и получил отказ. Назим (убитый)¹²⁶ говорил Даневу, что если болгары возьмут Адрианополь, тогда граница для турок будет безразлична.

С Румынией. Россия, очевидно, хочет дать что-нибудь Румынии. Мы предлагали гарантировать Добруджу — если хочет, пусть и Р[оссия] гарантирует. В Бухаресте предложил и два треугольника. Силистрия центр болгарской интеллигенции — добровольно отдать невозможно. Если по к[аким-]н[ибудь] соображениям Россия отдаст, то для смягчения раны, нужна «компенсация» (на западе в Македонии — в другом месте беседы говорил о Дибре, для удлинения границы с Албанией, чтобы влиять на албанские дела, что может понадобиться и России).

С Сербией. Тут три вопроса. Долго не могли сговориться, но когда сговорились, то не на дележ Македонии, а на братский, по совести, раздел: что болгарское — болгарам, что сербское — сербам. Ничего из сербского и полоса между Шар и Карадагом — у установленной линии есть спорная зона, которую может отдать

¹²⁵ Весной 1913 г. С. Данев вместе с генералом Р. Димитриевым приехали в Петербург для ведения переговоров с российским руководством. На это время пришлось взятие Адрианополя и болгарских делегатов чествовали в Государственной Думе.

¹²⁶ Назым-паша Хусейн — турецкий военный министр (1912–1913), убитый во время младотурецкого переворота 1913 г.

царь. Десять дней спустя получили сербскую ноту, с предложением отдать Сербии все, что занято сербскими войсками. Война велась из-за Македонии, и отдать Македонию — немыслимо. Сербьы выдвигают 4 аргумента:

1) по договору было условлено, что сербы выставят 150 тыс[яч], а болгары 200. М[ежду] т[ем] сербы выставили гораздо больше. Ответ болгар: а мы выставили до $\frac{1}{2}$ миллиона, в договоре указан минимум, но никто не лишился права выставить больше, если находил целесообразным.

2) по договору болгары д[олжны] б[ыли] послать 100 000 на в[осток] от Вардара, и 100 тыс[яч] оставить у себя. А послали т[олько] две дивизии. Ответ: после договора, по военной конвенции было условлено, м[ежду] Путником и болгар[ским] начальником генштаба, что будут помогать, когда, где и сколько понадобится. Судьба войны решена не в Македонии, а под Люле-Бургасом, и на болгар направлены главные турецкие силы.

3) Не предполагалось, что болгары возьмут Адрианополь, занялись этим и взяли. Ответ: нельзя было не взять, в 25 километрах от границы, первоклассная крепость. И условия такого не было; не было и указания своевременно, что за помощь сербы потребуют увеличить вознаграждение. (*нрзб*, хотя это и умаляет славу болгарского оружия; Адрианополь достался легко, и дело решили не 2 серб[ские] дивизии, и даже не 3 болгарские, а одна болгарская, вызванная из-под Чаталджи, т.к. там не было опасности артиллерийского турецкого наступления — и сделавшая опыт штурма с ю[го-]в[остока], после чего решил дело упадок морали в тур[ецкой] армии.

4) Сербия не могла найти выход к Адриатике и должна поступиться частью уже оккупированных земель. Ответ: Болгария д[олжна] б[ыла] поступиться еще большей частью — от Чаталджи до Эноса — больше всей Албании. И земля эта гораздо ценнее, чем те пустыри, из к[ото]рых д[олжны] уйти сербы и к[ото]р[ые] не стоят ни гроша. (Данев прибавляет о своих переговорах в Лондоне: там греки, черногорцы и наконец сербы выступили с своими отдельными притязаниями: выговаривал Венизелосу, что лучше — коллективно. Черногорцы потребовали не т[олько] Ипек, но и Дьяково и Призрен. Сербьы — Прилепа, Велеса и Битоля. Тогда уже и он стал защищать Дибру и думает, что именно благодаря ему Дибра была первая уступлена славянам от Албании).

Социалистическая рабочая федерация Салоник 1909–1918: пример интернационалистской альтернативы на Балканах

Балканские войны стали решающим событием в процессе возникновения системы государств-наций на Балканах. Однако это был не единственный сценарий развития событий, который предлагался социальными силами и общественно-политическими течениями того времени. Одно из влиятельных балканских политических течений начала XX века, Социалистическая рабочая федерация Салоник, отстаивало альтернативный путь, основанный на интернационализме, многонациональной и мультикультурной федерации. Эта ведущая организация рабочего и профсоюзного движения одного из крупнейших городов и промышленных центров Балкан последовательно выступала против Балканских войн и милитаризма, за федерализацию региона.

Ключевые слова: Балканы, Бенаройя, интернационализм, Османская империя, Салоники, социализм, Социалистическая рабочая федерация, федерализм

Писанная история — это, в первую очередь, история победителей. По меткому выражению известного аргентинского социолога и эссеиста Кристиана Феррера, голоса побежденных остаются в лучшем случае в виде примечаний мелким шрифтом в великой книге истории человечества¹. Но значит ли это, что они не интересны исследователям и потомкам? Если были не просто фантазии одиночек, но идеи, которые разделялись тысячами, десятками или иногда даже сотнями тысяч людей, которые боролись и готовы были отдать за них свои жизни, то для нас, потомков — это не просто предмет академического интереса. Нам важно не только понять, почему в итоге реализовался именно такой, а не иной вариант исторического развития. Не только определить, какие тенденции

¹ Ferrer C. Cabezas de tormento: ensayos sobre lo ingobernable. Buenos Aires, 2004. P. 91.

стояли за теми или иными сценариями и альтернативами развития, каковы были их силы и действия и почему средняя результирующая сложилась в тот момент именно так, а не иначе. Важно, как справедливо указывал еще философ Вальтер Беньямин, учесть традиции победенных и, возможно, именно в них искать те элементы надежды², которые могут позволить в необходимый момент нажать на стоп-кран в поезде истории, если он помчится под откос...³

Балканские войны рассматриваются как определяющий рубеж в утверждении модели государства-нации на Балканах. Речь шла ни мало, ни много о кардинальном изменении облика всего общества и определении дальнейшего пути развития региона, а возможно, всей Европы. До этого социум в европейской «пороховой бочке» мало походил на современный. «Это был классический балканский мир до глобальных этнических чисток и геноцида, когда турки жили по всей территории бывшей Ромейской империи, а ныне Высокой Порты, и на этой же самой территории *mutatis mutandis* — греки, а в городах — еще и армяне и бежавшие от Реконкисты сефарды, горные ущелья от Черногории и до самых Афин занимали албанцы, а на пустынных плоскогорьях Малой Азии кочевали курды и туркмены. В столице, миллионном Стамбуле — Константинополе, турок было чуть больше трети, чуть меньше трети — греков, пятая часть — армян, остальные в основном — болгары и евреи». Большинство представителей некоторых народов (как, например, греков) проживали вне территории соответствующих национальных государств. «Всё переменится к тому времени, <...> когда две Балканские и Первая мировая войны, а затем анатолийская, закончившаяся катастрофой, сопровождаемые депортациями миллионов ограбленных безграмотных крестьян, превратят патриархальный поствизантийский регион в конгломерат небольших, нищих, враждующих между собой мононациональных государств»⁴. С Балканскими войнами патриархальный, «поствизантийский» балканский мир с его пестрым смешением

² См.: Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. // Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 81–90.

³ Беньямин В. О понятии истории / Пер. с нем. // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 9.

⁴ См.: Завьялов С. Русский Кавафис // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 440–446.

народов, религий и культур разрушался и вступал в новую эпоху — противоборствующих государств, которые упорно и ревностно конструировали нации и национальные дискурсы. Этот путь на Балканах привел к трагедиям этнических чисток и геноцида.

Процесс национального освобождения из-под власти Османской империи принято рассматривать как процесс прогрессивный и однозначно «положительный». Сохранение прежнего мира одряхлевшей и разваливавшейся Османской империи с ее религиозно-политической и культурной иерархией, действительно, представлялось невозможным. Но существовали ли в обществе иные альтернативы, нежели курс на национально-государственное самоопределение? Хотя бы в форме проекта?

Возможным примером такого «альтернативного проекта» можно считать Социалистическую рабочую федерацию Салоник, которая, к сожалению, лишь попутно упоминается в работах советских и российских исследователей⁵. Она не только была интернациональной по своей деятельности, но и выступала против Балканских войн.

Почему такая организация появилась именно в этом городе, который до Первой балканской войны входил в состав Османской империи, а затем был занят греческими войсками и присоединен к Греческому государству? Для ответа на этот вопрос стоит для начала познакомиться с местом действия. Салоники, считавшиеся столицей исторического региона Македонии, были вторым по размерам и значению промышленным центром Османской империи и, соответственно, центром формировавшегося организованного рабочего движения страны. На август 1908 г. здесь насчитывалось около 10 тысяч промышленных рабочих, 10 тысяч постоянных или временных работников табачного производства, от трех до пяти тысяч портовых рабочих и несколько тысяч безземельных поденщиков из окрестностей⁶.

⁵ См., например: *Новичев А.Д.* Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции // Ученые записки ЛГУ. 1962. № 304. Вып. 14. С. 15–16; *Желтяков А.Д.* К истории зарождения турецкой социалистической печати // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 196–197; *Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции: актуальные вопросы идеологии и внутренней истории: от социалистических кружков к партии коминтерновского типа, 60^{-е} гг. XIX в. — 1941 г. М., 1992. С. 43–45.

⁶ *Aktsoglou I.J.* The Emergence / Development of Social and Working Class Movement in the City of Thessaloniki (Working Associations and Labor Unions) // *Balkan Studies*. 1997. Vol. 38. No. 2. P. 288.

Но к тому же это был многонациональный, мультикультурный и мультирелигиозный город. Здесь жили вперемежку еврей-сефарды, говорившие на языке ладино, турки, греки, болгары, цыгане, сербы, валахи, албанцы и другие народы империи — «в почти калейдоскопическом взаимодействии», как замечал историк Салоник Марк Мазовер⁷. При этом евреи составляли около половины населения; Салоники называли даже «Иерусалимом Балкан». В 1910 г. в городе насчитывалось 65 000 евреев, 35 000 греков и 30 000 турок⁸. Многонациональность Салоник была фактором, который противостоял тяге к тому или иному этническому сепаратизму, хотя напряженность между общинами временами возникала.

Большое воздействие на становление и развитие раннего рабочего, социалистического и анархистского движения в Салониках оказывали активисты из соседней Болгарии, и их агитация влияла и на еврейское население города⁹.

В Салониках после Младотурецкой революции 1908 г. поднялась волна бурных стачек, в которых принимали участие работники самых разных специальностей. Забастовочное движение приобрело почти характер всеобщей стачки: ее начали работники табачных предприятий и предприятий по изготовлению льда, а затем выступили докеры, работники железных дорог и трамваев, служб газового и электрического освещения, работники магазинов и т. д.¹⁰ Стали возникать общества взаимопомощи, зародыш профсоюзов. «Рабочий класс с радостью отпраздновал свое освобождение и сразу же начал использовать на благо свободы права, предоставленные каждому гражданину», — говорилось в ежегодном отчете Социалистической рабочей федерации Салоник за 1909–1910 гг.¹¹ В короткое время было создано 18–20 союзов с участием

⁷ *Mazover M.* Salonica, City of Ghosts: Christian, Muslims and Jews, 1430–1950. New York, 2006. P. 10–11.

⁸ *Hesse C., Laqueur T.W.* Bodies Visible and Invisible // *The Holocaust in Greece*. Cambridge; New York, 2008. P. 353.

⁹ См.: *Konstantinova Yu.* The Role of Bulgarians for the Spread of National, Anarchist and Socialist Ideas in Ottoman Salonica // *Etudes balkaniques*. 2018. № 3. P. 508–535.

¹⁰ *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 290.

¹¹ *Rapport annuel de la Fédération Socialiste Ouvrière de Salonique (Juillet 1909 — juillet 1910) // Le Mouvement Social*. 1963. № 45. P. 129.

тысяч людей¹². Большую роль в сплочении рабочих различных национальностей сыграли болгарские социалисты — как «тесняки», так и т.н. «анархо-либералы»¹³. Последние пользовались большим влиянием в болгарском профсоюзном движении, чем все другие фракции социал-демократии¹⁴. «Анархо-либералы» настаивали на том, что рабочий класс должен сам прийти до социалистического сознания и освободить себя, возражая против внесения сознательности в его среду социалистической интеллигенцией. Их выступление за «свободный синдикализм» может рассматриваться как проявление революционно-синдикалистских тенденций, весьма популярных в европейском социалистическом движении начала XX века.

В 1909 г. рабочие активисты выдвинули идею объединения союзов трудящихся в организацию, которая включала бы рабочих всех национальностей. Секретарь профсоюза табачников Самуэль Сауди, лидер типографов Авраам Бенаройа, лидер портных Авраам Хассон и другие сформировали группу, которая стремилась вырвать трудящихся из-под буржуазного влияния¹⁵. «Мотором» движения стал уроженец Болгарии Бенаройа (1887–1979). Он начинал политическую деятельность как член болгарской социал-

¹² *Dagkas A., Vamvakidou I.* Le mouvement professionnel et socialiste juif dans la ville de Salonique, 1908–1918. Vol. 1. Thessalonique, 2023. P. 97–99.

¹³ В 1903 г. Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП) раскололась на партии «тесных социалистов» и «широких социалистов». Первые выступали за большую организационную сплоченность и более буквальное понимание марксизма; в 1919 г. они переименовали организацию в Болгарскую коммунистическую партию. Вторые ратовали за более «широкое» истолкование социализма и работу с широкими слоями населения; они стали основой болгарской социал-демократии в собственном смысле слова. В 1905 г. из партии «тесняков» было исключено крыло, обвиненное в «анархо-либерализме» и «индивидуализме» за отстаивание права на свободу мнений, критику «засилья» интеллигентских лидеров и ориентацию на автономию профсоюзов от партийного контроля. Оно было известно также по названию печатного органа «Пролетарии» См.: *Константинова З.* Бунтът на «анархолибералите»: Бакалов срещу Благоев. София, 1995; *Todorova M.* The Lost World of Socialists at Europe`s Margins: Imagining Utopia, 1870s–1920s. London, 2020. P. 63–64

¹⁴ *Bell J.B.* The Bulgarian Communist Party from Blagoev to Zhivkov. Stanford, 1986. P. 14.

¹⁵ *Haupt G.* Introduzione alla storia della Federazione operaia socialista di Salonico // Movimento operaio e socialista. 1972. Vol. 18. No. 1. P. 104.

демократической партии «тесняков»¹⁶, но затем примкнул к «анархо-либералам». Синдикалистские элементы в его убеждениях и деятельности усилились после его переезда из Болгарии в Салоники в 1908 г. Он участвовал в забастовочном движении, а в сентябре 1908 г. стал одним из организаторов сефардского «Кружка социалистических исследований», или Социалистического клуба, преобразованного в апреле 1909 г. в Рабочую и социалистическую ассоциацию¹⁷. Она была известна также как «Рабочая ассоциация Салоник» («Асосиасьон обрадера де Салонику»). Первоначальное ядро ассоциации состояло из примерно 30 человек: пяти-шести печатников во главе с Бенаройя, помощников продавцов во главе с Альберто Дасса, портных во главе с Авраамом Хассоном и представителей других профессий. В первый исполком вошли Моисей Модяно, Самуэль Сади Галеви, Давид Хагель, Ицхак Галеви и другие¹⁸. Группа поддерживала связи с действовавшими в Салониках болгарскими «анархо-либералами» во главе с Николой Харлаковым.

Успех первоймайской демонстрации 1909 г. придал новый импульс процессу объединения социалистических и рабочих организаций. Тысячи людей приняли участие в массовых демонстрациях — в защиту прав на проведение забастовок и на создание профсоюзов 6 июня, в годовщину Младотурецкой революции 10 июля и в «интернациональный праздник трудящихся» 15 августа¹⁹. Произносились речи на турецком, греческом, болгарском и сефардском языках.

На митинге в июле Рабочая ассоциация и болгарские социал-демократы различных направлений, включая «тесных социалистов» во главе с Василем Главиновым, объявили о создании общей Социалистической рабочей федерации Салоник (СРФ; Фе-

¹⁶ *Benaroya A.* A Note on "The Socialist Federation of Saloniki" // *Jewish Social Studies*. 1949. Vol. 11. № 1. P. 70–71.

¹⁷ См. биографию Бенаройя в предисловии к публикации: *Benaroya A.* *The Socialist Frenzy of Two Decades // Discourses of Collective Identity in Central and Southeast Europe (1770–1945). Texts and Commentaries*. Vol. 3 (1) / Ed. by A. Ersoy, M. Górný, V. Kechriotis. Budapest; New York, 2010. P. 444.

¹⁸ *Sükrü Ilicak H.* *Jewish Socialism in Ottoman Salonica // Southeast European and Black Sea Studies*. 2002. Vol. 2. № 3. September. P. 125.

¹⁹ *Dagkas A., Vamvakidou I.* *Op. cit.* P. 178–182.

дерасьон социалиста лаборадера); секретарем организации был избран Бенаройя²⁰. Организация, «основанная с целью пробудить моральное и интеллектуальное состояние рабочих, вскоре превратилась в политическую группу, отвечающую за защиту юридическими и экономическими методами интересов рабочего класса»²¹. Как явствует из этого заявления, СРФ фактически совмещала в себе функции политической партии (вплоть до участия в выборах) и федерации профсоюзов. «Салоникский рабочий понял необходимость иметь политическую организацию, единственной целью которой будет трудиться ради политической и экономической эмансипации пролетариата», — говорилось в ее докладе. Вместе с ассоциациями, занимающимися повседневной борьбой с хозяевами, должна существовать организация, «которая ставит перед собой цель заставить исчезнуть эту капиталистическую мощь и реформировать общество на коллективистской основе, где принцип согласия ради жизни и чувство солидарности будут вести общество в его шестивии к прогрессу и цивилизации»²². Повседневные требования на рабочих местах федерация рассматривала одновременно как политические. Как пояснял Бенаройя, политическая организация — это винтовка, конкретный рабочий союз — пуля²³. Федерация и бюро основных профсоюзов размещались в одном здании — «Доме рабочего», арендованном в сентябре 1909 г. в центре города²⁴.

СРФ заявляла, что большинство существующих профсоюзов города создано ею. В ее докладе 1910 г. были перечислены ассоциация работников железной дороги; профсоюзы еврейских, греческих и турецких плотников; рабочих, занятых изготовлением табачных изделий; работников табачной компании «Режи»; клерков и служащих табачной отрасли; кузнецов; рабочих портового района Истира; прядильщиков; изготовителей парусиновой и джутовой ткани; болгарских типографов; еврейских типографов;

²⁰ *Sükrü İlicak H.* Op. cit. P. 125–126.

²¹ Цит. по: *Rapport annuel.* P. 131.

²² *Ibid.* P. 134.

²³ *Karpozilos K.* *Transnational Socialism Entering a Nation-State: From Ottoman to Greek Socialism // Leftist Internationalism: A Transnational Political History / Ed. by M. Di Donato, M. Fulla.* London, 2023. P. 29.

²⁴ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 177.

изготовителей стульев; изготовителей бумаги для сигарет; и еврейских портных, в которых насчитывалось в общей сложности от 4,8 до 5,3 тысяч членов. Пять из этих союзов состояли только из евреев²⁵. Тем не менее, СРФ стремилась объединить в своих рядах трудящихся всех национальностей на федеративной основе. В 1909 г. в ней были фактически две автономные секции — еврейская и болгарская («Социал-демократическая рабочая группа Салоник»), и каждая имела собственный центральный и контрольный комитеты. Однако болгарская секция практически прекратила свое существование осенью 1909 г. после ухода сторонников болгарских «тесняков». Болгарские «анархо-либералы» (как Ангел Томов) остались в «еврейской» СРФ²⁶. Отражением транснациональных ориентиров федерации было и то, что она стала выпускать газету на многих языках: ладино «Эль журнал дель лаборадор», болгарском «Работнически вестник», греческом «Эфемерис ту эргатис» и турецком «Амеле газетеси» (правда, после 5 номера, из-за трудностей, газета выходила только на ладино и болгарском). В 1910–1912 гг. лидеры СРФ Бенаройя и Альберто Ардитти издавали газету «Солидариад обрадера» / «Работническа солидарност»²⁷; некоторые из номеров выходили только на ладино, другие — на ладино и болгарском, а иногда появлялись и статьи на французском языке²⁸.

В СРФ была создана молодежная и спортивная секция, проводились курсы по социализму и синдикализму. Организация жаловалась, что начинания по проведению языковых и научных курсов, а также по созданию библиотеки, не имели успеха²⁹.

Лидеры СРФ считали ее социалистической организацией, хотя большинство рядовых членов, скорее всего, не очень хорошо понимали, что такое социализм, и видели в нем, в первую очередь, способ отстаивания своих прав³⁰. Как замечал историк Александрос Дагас, «концепции «синдикализма» и «социализма» были взаимосвязаны в психологии еврейских трудящихся. Люди, кото-

²⁵ Rapport annuel. P. 134.

²⁶ Sükrü Ilicak H. Op. cit. P. 126; Dagkas A., Vamvakidou I. Op. cit. P. 178.

²⁷ Todorova M. Op. cit. P. 63.

²⁸ Aktsoylou I.J. Op. cit. P. 299.

²⁹ Rapport annuel. P. 133.

³⁰ Sükrü Ilicak H. Op. cit. P. 127.

рые участвовали в профсоюзе, считали, что они приобрели статус полноправного социалиста»³¹. В ноябре 1909 г. организация была принята во II Интернационал (как представитель от Османской империи) и заявляла о намерении создать федеративную Османскую социалистическую партию вместе с армянской социал-демократической партией «Гнчак», армянской народнической партией «Дашнакцутюн» и палестинской социал-демократической сионистской партией «Поалей Цион»³².

Однако вряд ли СРФ можно считать марксистской организацией, несмотря на влияние болгарских социал-демократов или различных идейных тенденций западноевропейской социал-демократии. Со всей очевидностью, внутри рабочего движения Салоники неофициально существовал определенный социалистический плюрализм. Так, исследователи отмечают, что «по всему османскому Средиземноморью работники табачной промышленности участвовали в забастовках и рабочих волнениях и были вовлечены в различные политические движения левых — синдикалистские, социалистические и анархистские. В некоторых городах (Салоники, вероятно, будут возглавлять список османских городов) рабочие табачных фабрик стояли в начале XX века в центре серьезных образовательных проектов, а также усилий по политизации и пропагандистской работы со стороны социалистических и анархистских организаций»³³. В ходе организованных СРФ демонстраций протеста против казни в Испании либертарного педагога Франсиско Феррера в октябре 1909 г. развевались как красные, так и черные, анархистские флаги, а созданные после 1910 г. библиотека и книжный магазин федерации носили его имя³⁴. Редактор «Амеле газетеси» Расим Хашмет стремился к синтезу анархизма и социализма. Хотя еще на митинге 15 августа 1909 г. он заявлял, что социализм не имеет ничего общего с анархизмом и трудящиеся должны действовать в рамках закона, буквально через два месяца он с революционным энтузиазмом отзывался об анар-

³¹ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 244.

³² Rapport annuel. P. 132.

³³ *Khuri-Makdisi I.* The Eastern Mediterranean and the Making of Global Radicalism, 1860–1914. Berkeley; Los Angeles; London, 2013. P. 155.

³⁴ *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 293.

хистских акциях в мире³⁵. Наконец, стоит обратить внимание на то, что СРФ как организация именовалась не партией, а именно «федерацией», а ее газета в 1910 г. получила название «Рабочая солидарность» — именно так назывались анархистско-синдикалистский профцентр и его газета в Испании... С другой стороны, в организации ощущалось и масонское (особенно, на первом этапе), и «религиозно-гуманистическое» влияние, и воздействие идей реформистского социализма Жана Жореса, хотя в целом с осени 1909 г. официальная идеология приобрела более «марксистский» характер, и в газете СРФ «Солидарidad obrera» печатались отрывки из «Капитала» Карла Маркса и «Манифеста коммунистической партии»³⁶.

Но главная особенность политической позиции СРФ заключалась в ее отношении к национальному вопросу. Когда сторонники «тесных социалистов» покинули федерацию, они обвиняли ее лидеров в поддержке младотурок. В действительности, СРФ ориентировалась на демократизацию Османского государства и выступала за его превращение в свободную федерацию народов, культурных и языковых групп, в то время как связанная с «тесняками» Македонско-одринская рабочая социал-демократическая группа во главе с Главиновым поддерживала идею национального самоопределения народов Османской империи в их национальных государствах, с перспективой создания Балканской федеративной республики³⁷. «Тесные социалисты» отвергали и принцип разделения рабочей партии на национальные секции, добиваясь строго организационного единства. Напротив, лидеры СРФ противопоставляли национально-государственной идее принцип многонациональной федерации. «Османская нация, — говорилось в докладе федерации, — состоит из многих национальностей, проживающих на одной и той же территории, причем каждая имеет свой различный язык, культуру, литературу, нравы и особенности. По этим этническим и филологическим причинам мы сочли, что будет лучше сформировать организацию, в которую смогут войти все нацио-

³⁵ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 218–219.

³⁶ *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 294, 299.

³⁷ См.: *Добринов Д.* Македонско-одринска социалдемократическа група // Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи, 1878–1944. Т. 3. София, 1997. С. 142.

нальности, без того, что каждой нужно будет отказаться от своего языка и своей культуры. Более того, каждая смогла бы развивать свою культуру и свою индивидуальность в полной независимости, трудясь ради общего идеала: социалистического идеала»³⁸. Как вспоминал позднее Бенароя, организация должна была строиться на строго федералистских принципах признания «этнических групп как основы социалистической деятельности»³⁹. Эти принципы предполагалось в будущем перенести на общественное устройство региона — город Салоники, Македонию и Балканы в целом⁴⁰.

Уже в начале 1910 г. рабочее движение в Салониках столкнулось с жесткими репрессиями со стороны правительства младотурок. После стачек железнодорожников в Салониках и Ускюбе (Скопье) власти ужесточили трудовое законодательство и разрешили политическую деятельность только организациям, получившим официальную лицензию. В ответ СРФ провела крупную манифестацию протеста. Ей удалось также добиться оправдания судом рабочих табачной отрасли после того, как их профсоюз подвергся преследованиям, исполком арестован, а бюро закрыто. В этот период к федерации присоединились небольшая мусульманская социалистическая ассоциация, некоторые греки и болгары из Народно-федеративной партии, чей депутат в османском парламенте Дмитр Влахов теперь представлял СРФ⁴¹. Под эгидой федерации была учреждена организация «Социалистическая молодежь Салоник», которая должна была включать молодых ра-

³⁸ Rapport annuel. P. 132.

³⁹ Benaroya A. A Note on "The Socialist Federation of Saloniki". P. 71.

⁴⁰ Aktsoylou I. J. Op. cit. P. 298. Авторы отмечают влияние на эти взгляды теоретиков «австромарксизма» и Бунда; см.: Dagkas A., Vamvakidou I. Op. cit. P. 29, 209. Однако сам Бенароя позднее настаивал на том, что идея организации на основе национальных секций родилась исключительно исходя из местных условий.

⁴¹ Aktsoylou I. J. Op. cit. P. 295–296. Народная федеративная партия (болгарская секция) была официально основана в августе 1909 г. частью левого крыла Внутренней македонско-одринской революционной организации во главе с Я. Санданским и Д. Влаховым, выступив за «Восточную федерацию» на основе обновленной Турции с участием автономной Македонии. Запрещена османскими властями в августе 1910 г., после чего Влахов вступил в СРФ. См.: Todorova M. Op. cit. P. 64; Константинова Ю. Българите в османския Солун. София, 2020. С. 339.

бочих в возрасте от 15 до 24 лет и заниматься просветительской деятельностью, социалистической агитацией и продвижением синдикализма. К концу 1910 г. число ее членов выросло с 45 до 250; наряду с двумя секциями в Салониках, действовала и секция в Кавале⁴². 1 мая 1910 г. СРФ провела первомайский митинг, на котором выступили представитель Международного социалистического бюро Христиан Раковский и «опасный анархист», как характеризовал его французский консул⁴³. Предварительно Федерация распространила по городу листовку на французском и ладино с призывом к всеобщей забастовке, но организовать ее не удалось⁴⁴.

СРФ стремилась оказывать помощь рабочим выступлениям и за пределами Салоник. Уже в августе 1909 г. делегаты из Салоник посетили Кавалу, а в следующем месяце представители из Кавалы и Драмы приезжали в Салоники⁴⁵. В ноябре 1910 г. Бенаройя отправился поддержать забастовку рабочих табачного производства в македонском городе Гевгели и был арестован. Федерация готовила акции массового протеста, но они были запрещены османскими властями, которые затем закрыли штаб-квартиру организации. Однако проведенное расследование «подрывной» деятельности синдикалистов не дало результатов; Бенаройя был отпущен на свободу, а помещения федерации снова открылись⁴⁶.

Мощь и влияние СРФ в Салониках были продемонстрированы в ходе первомайских выступлений 1911 г. Федерация выпустила манифест, в котором содержались требования 8-часового рабочего дня, прав на создание объединений, проведение демонстраций и собраний, на участие в выборах, на свободу слова, печати и мнений, свободу совести. Эти права и свободы, заявляла СРФ, станут оружием в руках пролетариата в борьбе с капиталистической системой, войной и милитаризмом, против несправедливости, в защиту женщин, детей, слабых и т.д.: «Наконец, это самое оружие послужит нам для того, чтобы однажды мы смогли взять общественную власть в собственные руки, реализовать наши кол-

⁴² *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 296–297.

⁴³ *Sükrü İlicak H.* Op. cit. P. 140. Шюкрю Илиджак полагает, что речь могла идти о самом Бенаройя.

⁴⁴ *Ibid.* P. 297.

⁴⁵ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 215.

⁴⁶ *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 298.

лективные устремления». Манифест заканчивался словами: «Да здравствует рабочая организация! Да здравствует социализм!»⁴⁷. В день 1 мая бастовало около 12 тысяч рабочих. Федерация провела две манифестации на площади Свободы: в первой приняли участие около 5 тысяч, во второй — семь (а по утверждениям Влахова, даже до 20) тысяч человек всех национальностей⁴⁸.

Османские власти ответили на усиление социалистов новыми репрессиями. Предлогом послужили меры безопасности в связи с визитом османского султана в Салоники. В июне 1911 г. были в «превентивном порядке» арестованы лидеры еврейских и османских работников табачной отрасли Самуил Йонас и Ихшан, Шебатай Леви, а также Бенароя, которого выслали в Сербию⁴⁹. Функции генерального секретаря федерации взял на себя второй секретарь Иосиф Хазан⁵⁰. После отъезда монарха активистов освободили, но Бенароя не получил разрешения возвратиться. Более того, осенью преследования продолжались: была разгромлена связанная с СРФ группа османских социалистов Константинополя, а ее члены Исмаил Фаик, Хасан Намик, Хюсейн Хилми, Зия Шевки, Пертев, Хилми Шехбендерзаде и другие арестованы и сосланы⁵¹; ряд греческих активистов выслали в Грецию.

В знак протеста против репрессий СРФ устроила крупный митинг, на котором выступили также Влахов, армянский депутат османского парламента Папазян, журналист Сакарян и Ардитти⁵².

Преследования не помешали СРФ продолжить активную деятельность. В августе 1911 г. ее делегаты приняли участие в учредительном конгрессе Федерации работников табачной отрасли Македонии и Фракии. Он проходил в Кавале и собрал турецких, еврейских и греческих делегатов из Салоник, Серреса, Драмы, Кавалы и Ксанти, представлявших около 30 тысяч рабочих. На кон-

⁴⁷ Текст см.: *A Socialist Manifesto in Ladino (1911) // Sephardi Lives: A Documentary History, 1700–1950 / Ed. by J.P. Cohen, S.A. Stein. Stanford, 2014. P. 225–226.*

⁴⁸ *Aktsoglou I.J. Op. cit. P. 299–300.*

⁴⁹ *Ibid. P. 300.*

⁵⁰ *Benaroya A. A Note on "The Socialist Federation of Saloniki". P. 70.*

⁵¹ *Dumont P. Du socialisme ottoman à l'internationalisme anatolien. Istanbul; Piscataway, 2011. P. 40, 83.*

⁵² *Aktsoglou I.J. Op. cit. P. 300–301.*

грессе председательствовал Влахов⁵³. 10 октября и 4 ноября 1911 г. СРФ организовала массовые выступления против итало-турецкой войны⁵⁴. На втором из этих митингов, по предложению выступавшего Раковского, была принята резолюция в поддержку лозунга создания балканской конфедерации как способа сохранения мира в регионе⁵⁵. Бенаройя смог возвратиться из Сербии лишь в начале 1912 г.

Очередной острый конфликт между СРФ и османскими властями вспыхнул в преддверии выборов в османский парламент, назначенных на апрель 1912 г. Федерация (как и армянские социал-демократы из партии «Гнчак», османские социалисты, а также болгарское и греческое меньшинство) приняла решение поддержать разношерстную коалицию противников младотурок и провела три предвыборных митинга. Это немедленно навлекло на нее удары властей. Бенаройя был арестован 22 февраля (его пытались обвинить в шпионаже в пользу Болгарии) и выслан в Константинополь, оттуда в начале марта — в Грецию, а затем отправился во Францию. Арестам подверглись несколько социалистов-евреев: Йонаса, Леви и Амона выслали в Ксанти, нескольких активистов отправили в Драму. Власти собирались арестовать всех членов комитета СРФ и руководство «Солидариад обрадера», протестовавшей против злоупотреблений и государственного террора. Однако планировавшийся вооруженный налет на штаб-квартиру федерации не состоялся, поскольку еврейские и болгарские активисты предупредили, что будут отстреливаться. В день выборов был на некоторое время задержан Влахов, протестовавший против правительственного насилия.

Ситуация оставалась напряженной и после выборов, однако СРФ смогла провести три рабочих митинга в своем клубе, посвященных вопросам экономики и культуры. 1 мая 1912 г. СРФ в последний раз отметила день солидарности трудящихся в османских Салониках: около 7000 рабочих бастовали, и прошли два митинга (в утреннем участвовали 1200 человек). Положение Федерации несколько улучшилось после государственного переворота в Османской империи в июле 1912 г., когда правительство младотурок было свергнуто. Бенаройя вернулся в Салоники, но застал СРФ

⁵³ *Dagkas A., Vamvakidou I. Op. cit. P. 215.*

⁵⁴ *Ibid. P. 236–237.*

⁵⁵ *Dumont P. Op. cit. P. 83.*

в состоянии обострения споров между радикалами и умеренными. Впрочем, раскола удалось избежать⁵⁶.

По справедливому замечанию историка Поля Дюмона, «идея Балканской конфедерации, столь часто восторженно провозглашавшаяся, была взята в скобки с первым пушечным выстрелом балканской войны»⁵⁷. С началом Первой балканской войны Социалистическая рабочая федерация заняла интернационалистскую позицию. Совместно с армянскими партиями «Гнчак» и «Дашнакцутюн», Социал-демократической партией Румынии и «Поалей Цион» она выпустила антимилитаристский «Манифест социалистов Турции и Балкан против войны» с осуждением экспансионистских попыток европейских империалистов подорвать статус Османского государства путем разжигания национализма. Такой национализм, говорилось в манифесте, может только привести к дезинтеграции региона и усилению политической реакции. Авторы высказались против раздела Османской империи на национальные государства, предложив в качестве альтернативы федеративную политическую структуру на основе автономии национальностей при сохранении политического единства. Они призвали «уравнять права языков», «дать всем национальностям полное самоуправление в их культурных делах: школах, синагогах и т.д.; организовать систему местного управления, округов и дистриктов, вместе с провинциальными представителями элементов всех рас и партий»⁵⁸. В документе осуждались как политика младотурок, так и захватническая политика балканских монархий. Организации, подписавшие документ, призывали социалистов бороться за выполнение резолюций белградской конференции социалистов Балкан о создании Балканской федеративной республики⁵⁹. Антимилитаристы предсказывали, что эта «местная» война может

⁵⁶ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 227–230; *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 304–305.

⁵⁷ *Dumont P.* Op. cit. P. 11.

⁵⁸ Цит по: *Gorny Y.* From Binational Society to Jewish State. Leiden, 2006. P. 41–42.

⁵⁹ *Dagkas A., Vamvakidou I.* Op. cit. P. 239. Дагас утверждает, что текст был написан российско-немецким социалистом Александром Парвусом, по согласованию с Раковским; см.: *Ibid.* P. 185. Некоторые исследователи приписывают авторство Раковскому, который представлял СРФ.

стать прелюдией к всеобщему хаосу, войнам и революционным потрясениям по всей Европе⁶⁰. Взбешенные османские власти города закрыли газету «Солидаридад обрадера»; вместо нее СРФ начала выпускать газету «Аванти».

Занятие греческими войсками Салоник 9/10 ноября 1912 г. Социалистическая рабочая федерация осудила как оккупацию и катастрофу. «Это был, если можно так выразиться, конец нашего движения», — говорилось в циркуляре, который был отправлен Федерацией во Второй Интернационал⁶¹. Старый интернационалистский проект споткнулся о всемирные тенденции роста национализма в XX веке.

«Начали совершаться ужасные акты, достойные Средневековья», — писал 12 ноября Иосиф Хазан Международному социалистическому бюро, призывая социалистов мира протестовать против «актов прямого нарушения гуманности»⁶². Болгарские активисты федерации, как и сторонники «тесняков» срочно покинули город, бежав в Болгарию. Влахов был депортирован в 1913 г.

В письме от 1 февраля 1913 г. Хазан перечислял факты жестокостей, совершенных греческими, сербскими и болгарскими войсками, и сетовал на бездействие Интернационала социалистов: «Несмотря на слабость нашей организации, мы, социалисты Турции, не переставали протестовать через посредство нашей печати против готовящейся войны и были, вместе с румынской партией, инициаторами манифеста, который вам хорошо известен. Мы выполнили наш долг имеющимися у нас слабыми средствами, несмотря на чрезвычайный режим, с которым сталкивались. Протест социалистов Балкан — даже если бы он не смог отвратить войну — мог бы быть более внушительным и впечатляющим. К сожалению, этого не произошло <...> Пусть это станет уроком на будущее»⁶³.

В последующих письмах в Международное социалистическое бюро, написанных весной 1913 г., СРФ сетовала на катастрофическое положение беженцев, наводнивших город, безработицу, охватившую 7 тысяч членов федерации, пустые кассы профсою-

⁶⁰ *Aktsoglou I.J.* Op. cit. P. 305–306.

⁶¹ *Karpozilos K.* Op. cit. P. 26.

⁶² *Dumont P.* Op. cit. P. 107.

⁶³ Цит. по: *Ibid.* P. 108.

зов, бедность и нищету трудящихся. «Поскольку мы находимся в завоеванной стране, мы лишены самых элементарных свобод, мы подчинены чрезвычайному режиму, и в любых возможностях для действия нам отказано». Федерация просила материальной помощи у Интернационала⁶⁴. Она сообщала, что из-за цензуры тираж газеты упал с 5600 до 1500–1800 экземпляров⁶⁵. Социалисты Салоник сообщали также о произвольных арестах и пытках рабочих...

Первоначально Федерация призвала к интернационализации Салоник в рамках послевоенного урегулирования. Однако пришлось считаться с новыми реалиями. Как пишет в этой связи историк Костис Карпозилос, «консолидация греческой гегемонии вслед за окончанием Балканских войн заставила группу вступить в процесс пересмотра своей роли в новом государстве <...> Понимание необратимого характера итога Балканских войн соединялось с похожим на катаклизм эффектом, который имел приход греческого национализма в рядах еврейской общины»⁶⁶

СРФ пыталась работать в новых условиях. В разгар войны она отметила 1 мая 1913 г. К Первомаю следующего года был выпущен специальный номер газеты, причем федерация пригласила зарубежных социалистов присылать для него статьи. В соответствующем письме, направленном Г.В. Плеханову, говорилось: «Мы, салоникские социалисты, испытали на себе больше, чем наши товарищи любой части Балканского полуострова, разрушительные последствия трех последних войн. Мы и сейчас находимся под властью исключительного режима, который связывает нас и лишает всякой активности нашу партию»⁶⁷.

В 1914 г. произошел решающий конфликт между СРФ и новыми греческими властями. В марте федерация возглавила крупную забастовку работников табачной отрасли, которая сопровождалась ожесточенными столкновениями с полицией и штрейкбрехерами. В них принимали участие даже женщины. Хотя забастовка закончилась частичным успехом, власти расправились с ее организато-

⁶⁴ Цит. по: Ibid. P. 109.

⁶⁵ Ibid. P. 111.

⁶⁶ *Karpozilos K.* Op. cit. P. 26.

⁶⁷ Письмо опубликовано: *Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. В трех томах. Т. 2. М., 1975. С. 89–90.*

рами. Главный редактор «Аванти» Ардитти, лидер СРФ Бенаройя и лидер работников отрасли, председатель стачкома Йонас подверглись преследованиям⁶⁸. Первого пресса именовала «анархо-социалисто-еврее-болгарином», двух других суд приговорил к ссылке на остров Наксос...⁶⁹

Форсированная эллинизация Салоник оказала огромное воздействие как на все интернациональное население города, так и, в частности, на его еврейскую общину. С одной стороны, реакцией на нее стал рост сионизма, который был, скорее, маргинальным среди евреев в регионе. С другой, социалисты Салоник стали укреплять связи с социалистами «старой» Греции. В последующие годы Федерация интегрировалась в греческое рабочее движение, приняла участие в создании греческой соцпартии, а в 1918 г. — вместе с рядом других левых организаций — Социалистической рабочей партии (будущей Компартии Греции). В рамках коммунистического движения 1920-х гг. снова появились идеи Балканской социалистической федерации, но уже на совершенно иной идеологической основе.

---

⁶⁸ О забастовке 1914 г. см.: *Avdela E. Class, Ethnicity, and Gender in Post-Ottoman Thessaloniki: The Great Tobacco Strike of 1914 // Borderlines: Genders and Identities in War and Peace, 1870–1930 / Ed. by B. Melman. New York; London, 1998. P. 421–438.*

⁶⁹ *Karpozilos K. Op. cit. P. 29.*

Иван Хрибар и Балканские войны 1912–1913 гг.

На основе воспоминаний И. Хрибара и материалов словенских архивов в статье рассматривается деятельность этого словенского либерального политика во время Балканских войн 1912–1913 гг. Прежде всего уделяется внимание его посреднической миссии — попытке достичь мирного разрешения сербско-болгарских противоречий путем проведения переговоров с премьер-министрами Болгарии и Сербии — И. Гешовым и Н. Пашичем накануне II балканской войны. Эта миссия Хрибара провалилась, однако некоторые из его начинаний того времени, направленные на развитие славянских культурных и экономических связей, оказались более успешными. Война между «братьями-славянами», которую Хрибар, как и другие словенские национальные деятели, воспринял с разочарованием и горечью, все же не поколебала его веры в будущее югославянское объединение и стремления привлечь словенцев к активному участию в этом процессе.

Ключевые слова: Балканские войны 1912–1913 гг., югославянские идеи, Сербия, Болгария, словенские либералы, Иван Хрибар, Иван Гешов, Никола Пашич

Иван Хрибар (1851–1941) был одним из наиболее известных словенских политиков конца XIX — начала XX в. и личностью неординарной. Он происходил из многодетной крестьянской семьи, закончил только 5 классов гимназии. Несмотря на это, благодаря своим дарованиям он смог занять достойное положение в обществе и сделать политическую карьеру, что в Австро-Венгрии для человека без высшего образования было, скорее, исключением из правил. В 1870 г. он стал служащим чешского банка «Славия», проявил себя как талантливый финансист и через несколько лет ему предложили должность генерального представителя этого банка в словенских землях. Он был очень успешным банкиром. В 1880-е годы Хрибар смог реализовать и на поприще политики и энергично боролся за национальные права словенцев, их экономическое и культурное развитие. Он стал одним из ос-

нователей и руководителей словенской либеральной партии. Пик политической карьеры Хрибара пришелся на 1896–1910 гг., когда он занимал должность жупана¹ г. Любляны и провел широкомасштабную модернизацию города. Он и поныне считается лучшим люблянским жупаном.

«Все время своей общественной деятельности я был проповедником и защитником наитеснейшего сближения славян», — писал Хрибар в воспоминаниях². С юности он был убежден, что будущее для словенцев возможно лишь при опоре на другие славянские народы и в сплочении с ними. Он пропагандировал изучение славянских языков и культур, по мере сил способствовал развитию связей словенцев с другими славянскими народами, а в начале XX в. стал одним из идеологов неославистского движения и лидером словенских неославистов. Близки словенскому политику были и югославянские идеи. После Майского переворота 1903 г. в Сербии, когда к власти в стране пришел Петр I Карагеоргиевич, Хрибар проникся убеждением, что «это маленькое государство когда-нибудь окажет решающее воздействие на судьбу нашего народа»³. Он использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть свои симпатии к сербскому народу, в том числе и выступая в австрийском рейхсрате против антисербской политики Австро-Венгрии. Так, в речи на заседании палаты депутатов австрийского рейхсрата 16 марта 1909 г. он обвинил австрийское правительство в том, что оно «всегда экономически выжимало Сербию, пыталось препятствовать таможенному союзу Сербии с Болгарией». Хрибар призвал изменить австрийскую политику, дать Сербии возможность свободного экономического развития и установить с ней «добрососедские отношения», ведь «сербский народ свою самостоятельность и независимость завоевал собственной кровью в героической борьбе, в отличие от других балканских народов, за освобождение которых потоками лилась чужая кровь»⁴.

¹ Глава муниципальной общины (прим. ред.).

² *Hribar I. Moji spomini. II. del. Osvojevalna doba.* Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. S. 11.

³ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Od 1853. do 1910. leta.* Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. S. 237.

⁴ *Govor poslanca Ivana Hribarja v seji poslanske zbornice, dne 16. marca 1909.* Ljubljana, 1909. S. 5–7.

В 1910 г. блестящая карьера Хрибара потерпела полный крах — из-за его неославистской деятельности и резкой критики им австрийского военного командования и армии император не утвердил его вновь на должности жупана Любляны. Вскоре он лишился и других своих полномочий: перестал быть членом Совета общины города, депутатом австрийского рейхсрата, главой Национально-прогрессивной (либеральной) партии. После отставки Хрибар сначала находился в смятении. В августе 1910 г. он писал другу И. Врховнику: «Что буду делать, я еще сам не знаю, т.к. во мне борются два душевных стремления: первое, которое мне велит искать после многолетнего тяжелого труда отдыха на склоне моей жизни, второе, которое снова зовет меня к политической борьбе против того правительства, которое изо дня в день наносит нам, славянам, такие удары»⁵. Оправившись от удара, Хрибар посвятил все свои силы делу славянского сближения и югославянского объединения. Показательна в этом плане его деятельность во время Балканских войн, которая будет рассмотрена в данной статье прежде всего на основе его мемуаров (в которых дается достаточно четкое и скрупулезное описание событий, хотя их последовательность и некоторые даты иногда приходится уточнять), а также архивных материалов фонда Хрибара, хранящихся в Отделе рукописей Национальной и университетской библиотеки г. Любляны.

Балканские войны 1912–1913 гг. нашли живой отклик среди словенской общественности. Когда началась Первая балканская война, словенцы восприняли ее с энтузиазмом, уверенные в победе славянских народов над Османской империей. По справедливому замечанию словенского историка В. Мелика, той осенью в словенских землях наступил пик воодушевления югославянством⁶. Все словенские партии высказывались в поддержку борьбы балканских славян против турок и выражали уверенность в их победе, словенские добровольцы отправлялись воевать в сербскую, болгарскую, черногорскую армии⁷.

⁵ И. Хрибар — И. Врховнику. Церкле, 27.08.1910 // Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее — RZ NUK). Ms. 1207. Vrhovnik Ivan. Zapuščina. Korespondenca VII.

⁶ Melik V. Slovinci v času Cankarjeva predavanja o jugoslovanstvu // Melik V. Slovinci 1848–1918. Razprave in članke. Maribor, 2002. С. 691.

⁷ Подробнее о восприятии словенцами Балканских войн см.: Кирилина Л.А. Влияние Балканских войн 1912–1913 годов на национально-

Союз болгар и сербов словенские либералы оценивали восторженно-идеалистически. Их партийный орган ежедневная газета «Словенски народ» («Slovenski narod») писал: «Балканский союз крепок. Особенно Сербия и Болгария, которые как будто бы стали сейчас единым государством. <...> То, что еще месяц назад казалось пустыми мечтами некоторых идеалистов, вдруг за ночь обретает теперь кровь и плоть, становится живой реальностью. Никакой вражды, никакого антагонизма больше нет, все печальное прошлое стерто из памяти и забыто — все смотрят только с ясным лицом в радостное и прекрасное общее будущее, когда балканские народы станут счастливы»⁸. А Иван Хрибар писал в воспоминаниях: «Сразу после битвы при Куманове мне стало ясно, что мы, югославы, нашли свой Пьемонт, и что день кумановского сражения означает дату начала югославянского национального объединения»⁹. И он стал готовить для него почву в словенских землях.

В Любляне по его инициативе был создан благотворительный комитет в поддержку антитурецкой коалиции. На первом (учредительном) заседании в магистрате 24 октября 1912 г. Хрибар призвал словенцев доказать «свои симпатии нашим братьям, сражающимся на Балканах», собирая «добровольные пожертвования для Красного креста балканских государств»¹⁰. Председателями комитета стали жупан Любляны и глава Национально-прогрессивной партии И. Тавчар и В. Шлаймтер, заместителями — И. Хрибар и заместитель жупана К. Триллер, секретарями — редактор газеты «Словенски народ» журналист Р. Пустослемшек, писатель и редактор либеральной газеты «Дан» («Dan») И. Лах. В тот же день в газете «Словенски народ» был напечатан призыв комитета к словенцам и словенкам «откликнуться на голос крови и по мере возможностей нести жертвы на алтарь братства и человеколюбия». Война на Балканах в нем характеризовалась как «война за свободу,

политические процессы в словенских землях // Славяноведение. 2014. № 1. С. 3–11.

⁸ *Zvezdan. Vojna na Balkanu* // Slovenski narod. Ljubljana, 12.10.1912. Št. 235. S. 1–2.

⁹ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 13.*

¹⁰ Протокол I заседания Комитета по сбору пожертвований для Красного креста балканских государств 24.10.1912 // RZ NUK. I. Hribar. Zapuščina. Ms. 1411. VIII.2.13.

за цивилизацию»¹¹. Либералы, основавшие комитет, после долгих дебатов решили не привлекать к сотрудничеству представителей других словенских партий¹². Это в какой-то мере ослабляло позиции комитета, но все равно он добился в своей деятельности значительных успехов — за несколько месяцев им была собрана немалая для словенцев сумма в 50 000 крон¹³. Большую часть организационной работы взял на себя Хрибар. Он вспоминал: «<...> как заместитель председателя я руководил всеми сборами сам и также имел решающее слово относительно распределения собранных пожертвований между сербами, болгарами и черногорцами»¹⁴.

Весной 1913 г. ситуация на Балканах стала накаляться, назревал сербско-болгарский конфликт. Когда в Лондоне начались мирные переговоры, Хрибар рассчитывал на то, что дипломатам удастся достичь договоренностей, приемлемых и для болгарской, и для сербской сторон. «В этом отношении я возлагал все надежды на опытнейшего государственного деятеля Николу Пашича и на хитроумного болгарского премьер-министра Ивана Гешова. Естественно, что я с напряженным вниманием следил за ходом мирных переговоров в Лондоне. Когда они были завершены, мое убеждение в начале югославянского объединения стало твердым, как скала. Даже разногласия, которые выявились между союзниками уже в ходе мирных переговоров, меня не поколебали. В своем идеализме я думал, что само собой разумеется, что эти несогласия благодаря здоровым инстинктам союзных народов и тому, что программа освобождения еще не полностью осуществлена, постепенно со временем должны утихнуть»¹⁵. Как показало время, словенский либерал был настроен излишне оптимистически.

Сложившейся критической ситуацией были обеспокоены и симпатизирующие борьбе южных славян против турок общественные круги в России и славянских землях Австро-Венгрии, но и они еще надеялись на мирное разрешение балканских проблем.

¹¹ Slovinci in slovenke! // Slovenski narod. 24.10.1912. Št. 245. S. 1.

¹² Протокол I заседания Комитета по сбору пожертвований...

¹³ Dobrovoljci — kladivarji Jugoslavije. 1912–1918. Ljubljana, 1936. S. 122.

¹⁴ Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 475.

¹⁵ Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 13.

В апреле 1913 г. Хрибар по своим делам посетил Петербург, Москву и Киев. Его знакомые еще по неославистским мероприятиям члены Клуба общественных деятелей в Петербурге при встрече выразили большую обеспокоенность развитием сербско-болгарского противостояния, при этом Хрибар заметил, что Сербии они «симпатизируют меньше, чем Болгарии». Словенского политика попросили постараться уладить разгоравшийся конфликт. На его возражения, что словенцы ничего не могут сделать, кроме как критиковать позиции и сербов, и болгар и призывать их к согласию в своей прессе, а Россия может повлиять на них значительно весомее, ему ответили, что русская дипломатия и так сделает все, что должно, однако все, кто участвовал в неославистских съездах, должны поддержать ее усилия. Темпераментный граф В.А. Бобринский, услышав, что Хрибар собирается посетить по делам Киев, воскликнул: «Вас сам Бог послал сюда. Вы не смеете возвращаться домой. Вы должны непременно из Киева ехать в Софию и Белград, куда Вам, конечно, недалеко»¹⁶.

Хрибар согласился и сразу же обратился в сербское и болгарское посольства в Петербурге, чтобы получить рекомендательные письма к Пашичу и Гешову. В сербском посольстве его приняли настороженно и рекомендаций не дали, в болгарском – приветливо, поскольку посол Стефан Бобчев был его хорошим знакомым и противником войны с Сербией. От него Хрибар получил рекомендательное письмо к Гешову, которого посол охарактеризовал как «убежденного славянофила». Он уезжал «с осознанием того, что берет на себя важную историческую задачу и <...> с надеждой, что удачно ее решит»¹⁷.

Из России Хрибар сначала направился в Софию. Остановившись по дороге в Руцук (Русе), он посетил больницу с ранеными болгарскими воинами. Послушав, как он восхваляет их подвиг, осуществленный в сотрудничестве с братским сербским народом, и призывает к тому, чтобы «скрепленная кровью дружба» осталась навечно, врач Колев попытался охладить его пыл, заметив, что болгарскую общественность раздражают чрезмерные требования Сербии и конфликт будет трудно погасить, если та не уступит.

¹⁶ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 26.*

¹⁷ *Ibid. S. 26–27.*

На упрек Хрибара: «подумайте, что бы сказала ваша великая северная покровительница» Россия, если бы началась эта позорная война, Колев ответил, что «значительная часть болгарского народа начала отворачиваться от России и многие выступают за прочную опору на Австрию». Идеалистические представления Хрибара были поколеблены, когда он понял, что болгар заразили «ядом» австрийская и немецкая дипломатия и политика болгарского царя Фердинанда Кобурга. А по его мнению, не было «более вероломного и аморального государства, чем Австрия»¹⁸.

В Софии Хрибар немедленно получил аудиенцию у Гешова, премьер-министра и лидера партии народняков, «второй по значимости фигуры» в Болгарии после царя Фердинанда¹⁹. Гешов заверил словенца, что является «убежденным славянофилом» и «он лично против любого вооруженного конфликта с Сербией». Даже если сербы не смягчат свои требования, он «ни в коем случае не допустит войны с ними». Он попросил Хрибара убедить Пашича не выдвигать «чрезмерных требований» и выразил желание встретиться с сербским премьер-министром, чтобы «попробовать урегулировать существующие противоречия». Хрибара порадовали слова Гешова: «Каким бы ни был результат этой встречи, я обещаю вам, что до тех пор, пока я возглавляю правительство, я ни при каких обстоятельствах не допущу войны». Лишь через некоторое время он понял, что они были «скорее смирением перед неизбежностью» его отставки, нежели поручкой устранения опасности. Во время беседы Хрибар, убеждая болгарского премьера в возможности мирного разрешения конфликта, высказал любопытную мысль, что «по всей видимости сербы и так имеют возможность расширить свое государство, присоединив Боснию и Герцеговину». Тот согласился со словами словенца и попросил его привести этот аргумент Пашичу. Из дальнейшего разговора с Гешовым Хрибар также понял, что Фердинанд решительно настроен на войну и не желает «предоставить разрешение конфликта и составление договора русскому императору», на чем особо

¹⁸ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 42–44.*

¹⁹ *Куманов М.К. Иван Евстратиев Гешов и «делёж Македонии»: к истории дипломатической подготовки Болгарии к Балканской войне 1912–1913 гг. // Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 204. С. 203–217.*

настаивал словенец. Встречи с Гешовым, а также с министром внутренних дел А. Людскановым убедили Хрибара в том, что министры не могут реально противостоять царю: «хотя в Болгарии действительно славянофильское правительство, однако <...> хозяин положения — король Фердинанд. Который вовсе не является славянофилом»²⁰.

Приехав в Белград, Хрибар сначала посетил министра финансов Лазаря Пачу, который поддержал его инициативу и организовал ему прием у Пашича, близким другом и единомышленником которого являлся. Это была первая встреча Хрибара с сербским премьером, к деятельности которого он относился с большим уважением. Словенец сразу предложил ему свой вариант урегулирования конфликта: Сербии следует удовлетвориться территориальными приобретениями в соответствии с заключенным еще до войны в марте 1912 г. при одобрении России болгарско-сербским договором, по которому Белград должен был получить территории к северу и западу от Шар-Планины, а раздел западной Македонии подлежал арбитражу русского императора. Аргумент у Хрибара был простой: зачем Сербии македонские земли, если она уже скоро сможет присоединить к себе Боснию и Герцеговину? Пашич не отрицал такой возможности, но справедливо заметил, что сербы уже завоевали то, что хотят иметь (т.е. территории Вардарской и Эгейской Македонии. — *Л. К.*), будущее же «неизвестно и, возможно, потребует от нас больших жертв». Сербский премьер подчеркнул, что главные успехи в войне достигнуты благодаря сербскому оружию и храбрости сербских воинов. По довоенному договору подразумевалось, что сербской армии надо будет приложить значительно меньше усилий, чем ей пришлось это сделать из-за «недостатка организации и силы болгарской стороны». Болгары же отрицают заслуги Сербии и их пресса пытается обесценить полученную от нее помощь. Это «не славянские действия». Далее Пашич заметил, что он сам находится в сложном положении, поскольку должен учитывать настроение военных кругов, а генералитет и офицеры желают, чтобы Сербии достались «плоды блестящих побед»²¹. Позиция Пашича нашла свое отражение и

²⁰ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 47–48, 51–53.*

²¹ *Ibid. S. 55–56.*

в телеграмме российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига министру иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонову от 24 апреля 1913 г., где он указал на готовность сербского премьера «руководствоваться точкой зрения России в деле сербско-болгарских недоразумений» и признание им необходимости «предварительного дружеского обмена взглядами между премьерами всех союзников»²².

По мнению Хрибара, аргументы Пашича были убедительны, и опровергнуть их он не мог. Тогда он предложил, чтобы арбитром в спорных вопросах стал русский император. На что Пашич ответил, что раз царь Фердинанд и болгарское общественное мнение не хотят этого, хотя Россия больше симпатизирует болгарам и рассудит скорее в их пользу, то у сербов «нет никакого повода ратовать за такое решение». Тем более что в русском правительстве «все уже решено» и «царь подпишет то, что ему предложат». Уверенности Хрибара в беспристрастности решений русского императора сербский премьер не поддержал. Однако ряд его предложений все же принял. Так, он согласился встретиться с Гешовым, заметив, что успех их переговоров возможен, если у того «будут развязаны руки». У Хрибара возникла мысль, что нужно, чтобы каждая из конфликтующих сторон составила меморандум, в котором обосновала бы свои позиции, и они одновременно подали бы его русскому царю. Русское правительство рассмотрело бы их в течение 14 дней и вынесло свое суждение. Пашич не возражал и предложил Хрибару сообщить об этом Гешову. «Если он согласится, соглашусь и я»²³.

В конце аудиенции Хрибар поведал Пашичу о том, что победы сербской армии убедили его в том, что Сербия станет югославянским Пьемонтом, и попросил: «Прошу Вас, ведите в дальнейшем не только сербскую, но и югославянскую политику». «Хочу», — ответил Пашич²⁴. Преисполненный надежд, что войну предотвра-

²² Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове. (Август 1912 г. — июль 1913 г.) // Русская старина. 1915. № 8. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XX/1900-1920/Sb_dipl_dok_balk_pol/text4.htm (Дата обращения: 15.09.2023).

²³ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 56–57.*

²⁴ *Ibid. S. 58.*

тить удастся и что в лице сербского премьера идеи югославянского объединения получили мощную опору, 1 мая Хрибар уехал из Белграда. С тех пор между словенским политиком и Пашичем завязались достаточно тесные контакты, их связывали не только схожие взгляды на югославянское объединение, но и любовь к России²⁵. Хрибар стал доверенным лицом сербского премьера среди словенцев, и впоследствии, уже в Королевстве СХС, по его протекции смог вновь упрочить свои политические позиции — в 1919–1921 гг. он был послом в Чехословакии, в 1921–1923 гг. областным наместником в Словении.

Откуда у Хрибара возникла высказанная им и Гешову, и Пашичу идея о том, что в ближайшем будущем Сербия сможет присоединить к себе Боснию и Герцеговину? Ответ на этот вопрос можно найти в ряде высказываний политика в предшествовавшие годы. «Пиррова победа» австрийской дипломатии в 1908 г. — аннексия Боснии и Герцеговины — привела к резкому обострению отношений Австро-Венгрии с Сербией, считавшей эту область своей исторической территорией, Черногорией и Россией, для дипломатии которой она стала своего рода «дипломатической Цусимой»²⁶. Так был сделан шаг на пути к Первой мировой войне. И Хрибар понял это одним из первых. Уже в речи на заседании австрийского рейхсрата 16 марта 1909 г. он призывал австрийское правительство приложить все силы, чтобы избежать войны с Сербией, последствия которой «были бы непредсказуемы»: «А если бы из сербского лука прилетела стрела, которая бы попала нам в сердце? Я имею в виду общеевропейскую войну, которая причинила бы нам неисчислимы беды»²⁷. В 1911 г., когда по просьбе министра финансов Цислейтании Л. Билинского Хрибар в Сараеве убеждал сербских оппозиционеров не выступать против правительственных планов строительства железных дорог в Боснии и Герцеговине (те резонно

²⁵ Об отношении Пашича к России см.: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 46–48.

²⁶ *Павленко О.В.* Славянский фактор в идеологии и внешней политике Российской империи и монархии Габсбургов (1830-е гг. — 1914 г.): дисс. ... докт. ист. наук. М., 2022. С. 427.

²⁷ Govor poslanca Ivana Hribarja v seji poslanske zbornice, dne 16. marca 1909. S. 5–6.

опасались, что их будут использовать в вероятной войне с Сербией), он привел им следующий довод: «Если бы началась война, в которой Сербия одна бы противостояла Австрии, первая наверняка потерпела бы от последней поражение, даже если бы та не имела в Боснии и Герцеговине никакой железной дороги для транспортировки своих армий. Но на сторону Сербии встанет Россия, и в этом случае потерпит поражение Австрия. Вследствие этого Босния и Герцеговина перейдут к Сербии (курсив мой. — Л. К.). Железные дороги, которые планирует Австрия в двух ваших областях, таким образом будут построены для будущей Великой Сербии»²⁸. Такими были мысли Хрибара о будущей войне. Делился ли он ими со своими знакомыми из петербургского Клуба общественных деятелей? Неизвестно, но вполне вероятно, что нет. Во-первых, по его наблюдениям, они симпатизировали не Сербии, а Болгарии. Во-вторых, у Хрибара сложилось впечатление, что российская общественность недооценивает опасность общеевропейской войны. Когда в Клубе общественных деятелей он высказал свои опасения, что Германия готовится к войне, то, к своему удивлению, обнаружил, что «большинство политиков судит об этом деле довольно легкомысленно, даже спокойно». «Со всех сторон я слышал заверения, что Россия готовится к этому моменту и что в России война с Германией будет точно так же популярна, как были войны с Турцией. А может и больше». Войны раньше 1917 г. не ожидали. На предупреждения Хрибара, что Германия может начать войну раньше, ему ответили, что и в этом случае русские будут готовы²⁹.

Однако в вопросе о встрече двух премьеров и о русском арбитраже Хрибар, вероятно, по согласованию с русскими единомышленниками, поддержал политическую линию, проводившуюся российской дипломатией³⁰. 1 мая министр иностранных дел России Сазонов призвал Сербию и Болгарию передать на арбитраж России все спорные вопросы, но ни та, ни другая не готовы были идти на уступки³¹. Сазонов писал посланнику в Софии

²⁸ *Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 387.*

²⁹ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 25.*

³⁰ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском Полуострове...

³¹ *Искендеров П.А. Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 496.*

А.В. Неклюдову 3 мая 1913 г., что Сербией «руководило глубокое сознание внутренней солидарности интересов обеих славянских стран, в то время как для болгар характерен «узкий национальный эгоизм». «В судьбах Балканского Полуострова Болгарии суждено, быть может, сыграть самую серьезную роль. Но если она не поймет необходимости обосновать свое положение на чувствах солидарности с единоплеменными и единоверными государствами, то она рискует продать свое первенство ради чечевичной похлебки». 17 мая Неклюдов писал, что убеждал Гешова, чтобы болгарское правительство согласилось на некоторые уступки в пользу сербов. В начале мая Гешов обратился к российскому правительству с формальной просьбой об арбитраже, которая была принята, 19 мая произошла его встреча в Цариброде с Пашичем. Она выдалась «невыразимо холодной» — «казалось, что мы едем присутствовать на погребении Балканского союза», — писал один из свидетелей³². Уже 6 июня, вскоре после подписания Лондонского мирного договора (17 мая), кабинет Гешова ушел в отставку. И Хрибар понял, что его миссия не привела к успеху: «Я знал, что это означает войну, и проклинал царя Фердинанда, которому захотелось славянской крови»³³. Как и большинство словенских либералов, виновным в развязывании войны он считал прежде всего болгарского царя.

Когда началась Вторая балканская война, словенцы были разочарованы. Их иллюзии относительно «братских чувств» и единения сербов и болгар потерпели крах. Словенские политики справедливо полагали, что война во многом была инспирирована правительствами Австро-Венгрии и Германии, стремившимися разрушить Балканский союз. Большинство католиков, поддержав политику австрийского правительства, встало на сторону болгар, опасаясь чрезмерного усиления Сербии, которое угрожало бы австро-венгерским интересам на Балканах. Большинство либералов, напротив, симпатизировало сербам.

Когда близился конец Первой балканской войны, Хрибар считал, что наступил подходящий момент для реального вовлечения сло-

³² *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне // Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 352.

³³ *Hribar I.* Moji spomini. II. del. S. 58.

венцев в дело югославянского объединения, и предпринял ряд шагов в этом направлении. В мае 1913 г. он создал в Любляне «Славянский клуб», целью которого было развитие славянских культурных и экономических связей. Он стал председателем клуба, его заместителем был избран И. Оражен, секретарем И. Лах, среди членов комитета были председатель Словенской матицы и идеолог словенского неоиллиризма Ф. Илешич, Р. Пустослемшек и другие видные либеральные деятели. Клуб взял на себя заботу о приеме приезжавших в Люблян славян, распространении сведений о славянских культурах, литературах и языках. Политика по уставу была исключена. С помощью клуба Хрибар надеялся, по его словам, пробудить в словенцах чувство сопричастности к победам славян на Балканах, повысить их информированность о болгарях и сербах, о которых словенцы знали мало, и завязать с ними реальные связи. «Эта организация работала действительно активно и устанавливала связи со славянскими государствами на Балканах, особенно с королевством Сербией»³⁴.

В Сербии многие инициативы Хрибара действительно получили поддержку. Еще в начале 1913 г. Хрибар составил петицию сербскому правительству³⁵, в которой предложил приглашать в Сербию словенских ремесленников, чтобы они научили сербов тем ремеслам, которые в Сербии еще не были развиты, а также смогли бы заменить немцев и венгров в работах на сербских железных дорогах. Помимо этого, он посоветовал привлекать на службу в Сербию как можно большее число представителей словенской интеллигенции, а «в интересах национальной экономики и государственного кредита Сербии» составить земельный кадастр. Также он посоветовал заселять словенцами присоединенные территории в Старой Сербии и Македонии. Сербский премьер-министр Н. Пашич предложил петицию словенского политика для обсуждения на совете министров, и ее одобрили³⁶.

³⁴ *Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 475–476.*

³⁵ О времени отправки петиции Хрибар приводит противоречивые данные. Так, на с. 14–15 второго тома воспоминаний он указывает, что послал петицию сербскому правительству после создания «Славянского клуба», а на с. 58 пишет, что это произошло в начале 1913 г. Учитывая содержание его переговоров с сербскими министрами в апреле 1913 г., по-видимому, можно считать верной именно эту дату.

³⁶ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 14–15.*

Во время апрельского визита в Белград Хрибар встретился, помимо Пашича, с министром внутренних дел Стояном Протицем, с министром народного хозяйства Велизаром Янковичем, с главой железнодорожного ведомства Дероком и с министром просвещения Любой Йовановичем. Разговоры с ними касались осуществления предложений, выдвинутых Хрибаром в меморандуме сербскому правительству в январе 1913 г. Эти встречи сам Хрибар охарактеризовал как успешные. Йованович поддержал его идею привлечь в Сербию словенских учителей, но указал, что она может осуществиться только постепенно, по мере открытия в Сербии новых школ. Сразу он смог устроить на работу учителей физкультуры, поскольку этот предмет как обязательный только недавно ввели в начальных школах и специалистов не хватало. Вскоре пять словенских учителей физкультуры стали преподавать в сербских школах. Много служащих было тогда принято и на работу на сербских железных дорогах. Ряд словенских студентов стал учиться в Белградском университете³⁷.

На следующей встрече Хрибара с Пашичем, состоявшейся в июне 1913 г., они обсудили вопрос о земельном кадастре в Сербии. Пашич сказал, что для ускорения этого дела надо бы основать частную организацию, которой государство за определенную сумму предоставило бы проводить необходимые измерения и составление кадастра. Хрибар предложил часть расходов возложить на землевладельцев, которые могли бы взять ссуды и погашать их в течение 10 или более лет. Пашич попросил его просчитать расходы. Хрибар, еще в мае 1908 г. на подготовительном совещании о Первом съезде неославистов (состоявшемся в июне того же года в Праге) предлагавший создать Славянский банк как противовес немецкому «Дойче Банк» (Deutsche Bank), активно распространявшему свое влияние на славянские земли, отделения которого функционировали бы во всех славянских странах, просил Пашича поддержать эту идею, в том числе и при ведении переговоров с русским правительством. Он считал, что, если такой банк будет создан, ему можно будет доверить ведение финансовых дел, связанных с кадастром. Пашич согласился оказать содействие в этом вопросе. Словенские специалисты Ружичка и Ф. Весел уже

³⁷ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 15–16, 58–59.*

в январе 1914 г. представили проект земельного кадастра для всей Сербии (с учетом присоединенных территорий) и составили смету на проведение работ³⁸.

Как вспоминал Хрибар, ранее словенцы значительно больше поддерживали контакты с чехами и хорватами, с Сербией же их почти не было. По его мнению, они начали развиваться именно благодаря деятельности «Славянского клуба» и «в 1914 г. в Белграде уже было такое многочисленное словенское поселение, что оно основало свое словенское общество»³⁹.

Но в Болгарии Хрибару не удалось продвинуть свои инициативы. Об этом, в частности, свидетельствует его переписка с Антоном Безеншекком (1854–1915), словенским лингвистом и журналистом, с 1879 г. жившим в Болгарии и во многом способствовавшим развитию словенско-болгарских связей. С Хрибаром он поддерживал связи еще с середины 1880-х гг., когда начал активно сотрудничать со словенскими либеральными печатными органами, посылая в них сведения о политической обстановке в Болгарии, ее литературе и культуре. По всей видимости, еще во время поездки в Болгарию в апреле 1913 г. Хрибар сделал ее министрам ряд экономических и финансовых предложений, в том числе касающихся создания Славянского банка, затем послал им их в письменном виде. 4 июня Безеншек сообщил ему, что лично передал его письма министрам Гешову и Христову, но те были очень заняты и ответа не дали. «Сейчас все министры так заняты политическими вопросами, что не настроены заниматься финансовыми предложениями. <...> Лучше Вы сами опять приезжайте в Софию, поскольку они не привыкли отвечать на письма», — написал он Хрибару. Безеншек посоветовал обсудить все вопросы на личной встрече и материально заинтересовать министров «акциями, избранием в совет банка или каким-либо другим способом», поскольку «Болгары — реалисты и материалисты!». «Надеюсь, даже убежден, что Вашу прекрасную идею удастся реализовать, поскольку она очень полезна для страны...»⁴⁰.

³⁸ *Hribar I. Moji spomini. II. del. S. 16, 63–64.*

³⁹ *Ibid. S. 16.*

⁴⁰ А. Безеншек — И. Хрибару. София, 04.06.1913 // RZ NUK. I. Hribar. Zaruščina. Ms. 1411. IV.1. Korespondenca.

15 сентября 1913 г., уже после поражения болгар во Второй балканской войне, Безеншек писал Хрибару: «На самом деле многое изменилось с тех пор, как мы тут встретились в кругу избранных болгар». По его словам, наступило «тяжелое время», «насильственный мир», влиятельным политикам придется смириться с ситуацией, а «болгарская политика должна будет фундаментально измениться». Когда финансовое положение страны оздоровится, будет лучше. «Балканам потребуются деньги — как болгарам, так и сербам. Ваша идея о Славянском банке после войны будет точно так же уместна, как и была до войны между союзниками», — писал Безеншек. Свою заинтересованность в создании Славянского банка он аргументировал тем, что он «может намного больше сделать для славянского дела, чем дипломатия какого-либо славянского государства. Если болгары будут зависеть только от иностранного капитала, они еще больше отойдут от славянства». По мнению Безеншека, болгарам необходим был и строительный банк. Нужно много строить на развалинах после войны и землетрясения. Он предложил Хрибару открыть какой-нибудь банк с помощью «Славянского клуба», тогда много словенских рабочих получили бы хороший заработок⁴¹.

Энергичная деятельность И. Хрибара и его единомышленников в «Славянском клубе» вызывала у австрийского правительства резкое недовольство. 26 декабря 1913 г. правительственным указом «Славянский клуб» был распущен «из-за превышения его обозначенного статутном кругом деятельности», а именно, ведения посреднической деятельности с целью трудоустройства «особенно по заказу и по договоренности с иностранными властями». Но связей словенцев с балканскими славянами указ прервать не смог⁴².

В России понимали, что больше всего в результате Балканских войн «пострадала идея славянской взаимности»⁴³. Осознавали это и словенцы, разочарованные войной между славянскими «братьями». Среди них Хрибар оказался одним из тех немногих, кто не разочаровался и не опустил руки. Хотя его посредническая мис-

⁴¹ А. Безеншек — И. Хрибару. София, 15.09.1913 // RZ NUK. I. Hribar. Zaruščina. Ms. 1411. IV.1. Korespondenca.

⁴² Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 475–476.

⁴³ Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 470.

сия, направленная на предотвращение войны между двумя бывшими союзницами, не увенчалась успехом, это не поколебало его веры в будущее югославянское объединение, и он не прекратил попыток приблизить его путем установления культурных и экономических связей с балканскими славянами. Впрочем, югославянство всегда было для него «лишь программой минимум»⁴⁴, он по-прежнему верил в возможность тесного всеславянского сотрудничества и в миссию России как защитницы славян. Авторитет его после поездки в Софию и Белград укрепился как в Сербии и Болгарии, так и в России — там решили, что он может стать опорой прорусской политики в Австро-Венгрии⁴⁵. Идея создания Славянского банка, центральное отделение которого Хрибар хотел открыть в Петербурге, привлекла и ряд русских промышленников, а также государственных деятелей — Красовского, А.И. Гучкова, А.А. Башмакова. Его проектом заинтересовались председатель Совета министров В.Н. Коковцов и российский посол в Сербии Н.Г. Гартвиг. Поскольку русские банки выступили против, опасаясь конкуренции, дело почти не продвигалось⁴⁶. Центральное отделение банка по совету Коковцова было решено создать на нейтральной территории, в Париже, куда Хрибар и отправился для переговоров весной 1914 года. Но Первая мировая война полностью перечеркнула его планы.

---

⁴⁴ *Gantar Godina I.* Ivan Hribar in slovanska ideja Homo sum... Ivan Hribar in njegova Ljubljana. Zbornik ob razstavi Mestnega muzeja Ljubljana. Ljubljana, 1997. S. 33.

⁴⁵ *Grdina I.* Ivan Hribar. «Jedini resnični radikalec slovenski» // Hribarjev zbornik. / ur. I. Grdina. Ljubljana, 2010. S. 57.

⁴⁶ *Hribar I.* Moji spomini. II Del. S. 63.

Национальные идеалы и политический рационализм: Балканские войны через призму болгарско-греческих противоречий

В статье сравниваются цели, с которыми в 1912 г. Болгария и Греция вступили в войну с Османской империей. Прослеживается развитие этих целей, а также объясняются причины, сделавшие Вторую балканскую войну неизбежной. Параллельный анализ болгарского и греческого взгляда на случившееся позволяет избежать стереотипных представлений и оценок, зачастую доминирующих в национальных историографиях. В работе обращается внимание не только на цели, поставленные правительством, но и на те, которые диктовались общественными настроениями. Исследование вопросов внешней политики с учетом внутриполитического контекста позволяет объяснить принятие решений, казавшихся на первый взгляд абсурдными.

Ключевые слова: Балканы, Османская империя, великие державы, Салоники, Элефтериос Венизелос, Иван Гешов, национализм

В настоящей работе сопоставляются цели, с которыми в 1912 г. Болгария и Греция вступили в войну с Османской империей, акцентируется внимание на причинах, сделавших Вторую балканскую войну неизбежной. Сравнение болгарского и греческого взгляда на случившееся в синхронии позволяет избежать стереотипных оценок, часто доминирующих в национальных историографиях. Помимо целей, которые преследовало руководство стран, внимание обращено на общественные настроения, поскольку рассмотрение вопросов внешней политики в контексте внутренней зачастую является единственным способом объяснить принятие политических решений, казавшихся на первый взгляд абсурдными. Статья основывается на архивных документах¹, вос-

¹ Главным образом из Центрального государственного архива Болгарии (ЦДИА) в Софии и из Исторического и дипломатического архива МИД Греции (ΙΔΑΥΕ) в Афинах.

поминаниях и речах современников², публикациях в периодической печати и существующей болгарской и греческой научной литературе³.

Путь к войне

Изменения во внешней политике Греции, которые в конечном счете привели к войне с Османской империей, начались с прихода к власти в январе 1910 г. правительства Стефаноса Драгумиса. Одна из первых инструкций премьер-министра, направленных консулам в Турции, требовала провести сравнительный анализ отношения младотурок к греческому населению, начиная с 1908 г. и до настоящего момента. Картина, представленная в докладах, демонстрировала непрерывное ухудшение положения греков, особенно после того, как летом 1909 г. был вновь поднят критский вопрос. Заключение дипломатов являлось категоричным — никаких перспектив улучшения ситуации нет, несмотря на все демон-

² *Σουλιώτη-Νικολαΐδη Α.* Ημερολόγιον του πρώτου Βαλκανικού πολέμου. Θεσσαλονίκη, 1962; *Хесанчиев Х.* Служба на България в чужбина. Военно-дипломатически спомени (1899–1914) / Съст. П. Свирачев. София, 1993; *Шопов А.* Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995.

³ Естественно, за 100 лет накопилась богатая болгарская и греческая историография, потому здесь перечислю лишь некоторые основные и обобщающие заглавия. Военные действия представлены и проанализированные военными с обеих сторон. В болгарском случае военное министерство в 1928–1938 гг. опубликовало семитомную «Войната между България и Турция 1912–1913». Шестой том, изданный в 1935 г., содержит информацию о военных действиях на Западном фронте. Немного позднее вышел еще один труд — «Войната между България и другите балкански държави през 1913 год. Том 1. Причините и подготовката на войната и военните действия до 21 юни» (София, 1941). В нем содержится информация об отношениях между болгарской и греческой армиями. В то же время греческое военное министерство издало три тома, в приложении к которым отдельными книгами вышли документы. Информация о темах, которые рассматриваются в данной работе, содержится в: *Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού.* Ο ελληνικός στρατός κατά τους Βαλκανικούς πολέμους του 1912–1913, τ. Α, Επιχειρήσεις εν Μακεδονία κατά των Τούρκων. Παράρτημα Α' τόμου. Αθήνα, 1932; *Στρατού Γ.Ε.* Ο ελληνικός στρατός κατά τους Βαλκανικούς πολέμους του 1912–1913, τ. Γ, Επιχειρήσεις κατά των Βουλγάρων. Παράρτημα Γ' τόμου. Αθήνα, 1932. Наиболее значимые обобщающие труды болгарских и греческих историков следующие: *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя 1912–1913. София, 1989; *Katsiadakis G.* Greece and the Balkan imbroglio: Greek foreign policy, 1911–1913. Athens, 1995.

страции добрых намерений со стороны греков⁴. Согласно докладу болгарского генерального консула в Салониках, положение болгар также было тяжелым. По его подсчетам, за последние 15 лет они утратили около ¼ своего этнического потенциала в европейских вилайетах империи, и лишь за 1905–1910 гг. количество болгар в них уменьшилось на 200 тысяч человек⁵.

Твердая политика младотурецкого правительства вынудила греческих дипломатов искать другие методы воздействия на Порту. Таким образом они пришли к рассмотрению идеи о заключении с Болгарией оборонительного союза и о разделе европейских вилайетов Османской империи⁶. При этом интересно обратить внимание на то, какими видел параметры болгарско-греческого союза С. Драгумис, поскольку для него Болгария являлась синонимом угрозы греческим интересам⁷. В письмах влиятельному политику Э. Венизелосу он объяснял, что переговоры направлены на совместную защиту прав христиан в Османской империи и взаимную помощь в принуждении Порты к проведению реформ в европейских вилайетах. В развитии этой деятельности С. Драгумис предусматривал и заключение оборонительного союза между двумя государствами⁸. Задуманный им союз был нацелен, скорее, на то, чтобы избежать войны с Турцией, нежели ее начать, а также с его помощью сократить болгарские требования с автономии Македонии до проведения реформ.

Политика младотурок создала благоприятные условия для болгарско-греческого сближения. Вдобавок в июле 1910 г. акция османских властей по разоружению населения в Скопийском санджаке спровоцировала очередную волну насилия, и болгарская политика на этом направлении активизировалась, ее тон по отношению к Константинополю стал более жестким⁹. В результате

⁴ Ιστορικό και Διπλωματικό αρχείο του Υπουργείου Εξωτερικών (далее — ΙΔΑΥΕ). 1910. Φάκελος Α/9; Ibid. Φάκελος ΑΑΚ.

⁵ Γешов И.Е. Балканският съюз — спомени и документи, София, 1915. С. 10.

⁶ Katsiadakis G. Op. cit. P. 47.

⁷ Μακεδνού Γ. Μακεδονική κρίσις, Μεταρρύθμισις. Μακεδονία και Ελλάς, Β'. Αθήνησι, 1903. Σ. 9–12.

⁸ Αρχείο Στέφανου Драγούμη, υποφάκελος. 113.1. Σ. 20.

⁹ Първанова З. Между неосъществения Хюриет и неизбежната война. София, 2002. С. 248.

по предложению греческой стороны в августе — сентябре 1910 г. Болгария и Греция условились о сотрудничестве болгарских и греческих депутатов в османском парламенте, совместных действиях Константинопольской патриархии и Болгарского экзархата в вопросах, связанных с общими интересами, а также об остановке антиболгарской и антигреческой пропагандистских кампаний в прессе¹⁰. Однако обеим сторонам было ясно, что соглашения достигнуты в силу сложившейся конъюнктуры, а для того, чтобы они приобрели долгосрочный характер, требовалось заключить соглашение о сферах влияния в европейских вилайетах, которое легло бы в основу будущего территориального раздела Балкан. Пришедшее к власти в октябре 1910 г. новое правительство Э. Венизелоса не изменило парадигмы болгарско-греческих отношений¹¹. Тем не менее, политика младотурок, направленная на полное уничтожение чет, безусловное разоружение христиан в Македонии, заселение области мусульманами, отмену образовательных привилегий христиан, сохранение османского суверенитета над Критом и военную подготовку к тому, чтобы заставить балканские государства себя «уважать», неизбежно подталкивали болгар и греков к дальнейшему сближению¹².

Заключение болгарско-сербского союза в феврале 1912 г. угрожало Греции полной изоляцией, если она не изменит основные принципы своей внешней политики. Именно в этот момент монолитная до того греческая политическая элита разделилась на два течения, борьба между которыми в последующие годы в конечном счете привела к «Национальной схизме»¹³. С одной стороны находились лидеры старых политических партий С. Драгумис, Д. Ралис, Д. Гунарис и их сторонники, настаивавшие на том, что Греция должна сохранить нейтралитет в намечавшемся столкно-

¹⁰ *Katsiadakis G.* Op. cit. P. 48.

¹¹ *Ibid.* P. 50.

¹² ΓΔΑΥΕ. 1910. Φάκελος Α/5, 22. 11.1910.

¹³ Понятием «Εθνικός διχασμός» (National schism) обозначают кризисный период 1915–1917 гг., когда греческие политики и общество разделились по вопросу о том, нужно ли Греции вступить в Первую мировую войну на стороне Антанты, как настаивал премьер Э. Венизелос, или сохранить нейтралитет, как считал необходимым король Константин и поддерживавшие его старые политические партии. Подробнее см.: *Μαυρογορδάτος Θ.* Ο Εθνικός Διχασμός. Αθήνα, 2015.

вении с Османской империей и таким образом извлечь прибыль, не подвергаясь риску потерь. С другой стороны выступал Э. Венизелос, который считал, что у нейтралитета Греции может быть лишь два исхода, и оба негативные. В случае победы православных государств, что — по мнению греческого премьера — являлось более вероятным, их территории расширились бы вплоть до границ Греции, которая осталась бы без приобретений от этой войны. В противоположном случае победа Османской империи была равносильной уничтожению в ней греческого элемента и созданию серьезной угрозы греческому государству¹⁴.

Помимо принципиального вопроса, входит ли в наступательный союз против Османской империи, на повестке дня встала проблема о конкретных условиях, при которых Греция могла бы пойти на такой шаг. Э. Венизелос навязал свое видение вопроса, согласно которому договоренность о разделе завоеванного будет пересмотрена в зависимости от развития событий, поскольку в тот момент Греция была недостаточно сильна, чтобы претендовать на серьезные приобретения¹⁵. Здесь следует учитывать, что до начала Балканских войн и союзники Греции, и Османская империя скептически оценивали военный потенциал Афин¹⁶. Несмотря на это, Э. Венизелос сумел воспользоваться дурной славой греческой армии и извлечь из этого политические дивиденды. Его целью было ввести болгарских политиков в заблуждение и убедить их заключить союз с Грецией, которая, казалось, будет удовлетворена всего лишь узкой территориальной полосой близ своей границы, какую ее армия сможет занять, а взамен предлагал своим визави услуги греческого флота¹⁷.

Болгария также неохотно отказывалась от политики поддержания добрых отношений с Портой, еще с бóльшим трудом — от требования автономии Македонии. Пришедшее к власти в марте 1911 г. коалиционное правительство во главе с И. Гешовым заявило о намерениях поддерживать хорошие отношения со всеми своими

¹⁴ Οι ιστορικοί λόγοι του Ε. Κ. Βενιζέλου (1909–1936). Τ. Α'. Αθήνα, 1936. Σ. 161–165.

¹⁵ Katsiadakis G. Op. cit. P. 98–99.

¹⁶ Οι ιστορικοί λόγοι... Σ. 165–166.

¹⁷ Στεφάνος Σ. Ο Βενιζέλος όπως τον έζησα από κοντά. Τα ανθρώπινα συστατικά ενός μεγάλου. Τ. Α. Αθήνα, 1974. Σ. 56–257.

соседями и не стремиться их ухудшать с Османской империей, и уж тем более доводить до войны с ней¹⁸. В основании изменений в болгарской политике лежала итало-турецкая война и последовавшая мобилизация турецкой армии. Этот вооруженный конфликт породил в Болгарии опасения, что одна из великих держав может вмешаться в балканские дела и создать угрозу болгарским интересам в регионе¹⁹. В результате изменений международной обстановки София оказалась перед перспективой болгарско-турецкого столкновения, что ставило вопрос о шансах Болгарии отстоять в такой ситуации свои национальные интересы. В связи с этим осенью 1911 г. правительство И. Гешова стало постепенно отказываться от своей позиции и начало тайные переговоры с балканскими государствами.

В октябре 1911 г. София и Афины договорились о подготовке к заключению оборонительного союза²⁰, но приоритет отдавался переговорам с Сербией — непосредственной соседкой, располагавшей более значительным военным потенциалом²¹. Заключение болгарско-сербского союза соответствовало интересам России, чье покровительство Болгарии было основной целью русофильского правительства И. Гешова. Болгарские политики прекрасно понимали, что у страны нет шансов на успех в затяжной войне с Османской империей, обладавшей несравнимо большими ресурсами. Страх военного поражения притупляла надежда, что так же, как и в случае с греко-турецкой войной 1897 г., великие державы не допустят изменения статус-кво в регионе. Все же, чтобы уменьшить риск поражения, Болгарии было необходимо отказаться от основного принципа своей внешней политики — требования автономии Македонии. Начало переговоров с Белградом фактически означало согласие на возможный раздел области²². Несомненно,

¹⁸ *Сарафов М.* Дипломатически дневник 1909–1912. България и Турция в навечерието на Балканските войни. София, 2008. С. 226.

¹⁹ *Маджаров М.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. София, 1932. С. 40–41.

²⁰ *Гешов И.Е.* Указ. соч. С. 27–28.

²¹ *Стателова Е.* Иван Евстратиев Гешов или трънливият път на създанието. София, 1994. С. 204–205.

²² *Гешов И.Е.* Указ. соч. С. 13.

решение оказалось трудным, поскольку многие из лиц, определявших болгарскую политику, были прямо или косвенно связаны с Македонией. Однако осенью 1911 г. значительная часть болгарских политиков и дипломатов уже пребывали в уверенности, что война неизбежна, и для того, чтобы избежать изоляции страны, необходимо пойти на компромиссы в национальной программе²³.

Тяжелые переговоры с Белградом, фактическое отсутствие возможности прийти к соглашению, при котором не требовалось отступать от национального идеала, демонстрируют, сколь шатки, в сущности, были основания, на которых строился Балканский союз. Решение оставить «спорную зону» на арбитраж российского императора является отражением недостижимости консенсуса между Болгарией и Сербией. Договор был не только отступлением от требований автономии Македонии, но и фактическим отказом болгарского правительства взять на себя ответственность за будущее внутрибалканских отношений.

Аналогичные недостатки болгарской политики легли и в основу болгарско-греческого договора. И. Гешов осознавал потребность в греческом флоте для препятствования переброске турецкой армии из Малой Азии, что, как предсказывали все военные эксперты, станет серьезной проблемой. На филэллинские чувства рассчитывали и при мобилизации европейского общественного мнения для поддержки балканских православных государств²⁴. В то же время в Софии не желали уступать Греции территории, которые считали исконно болгарскими, надеясь, что в силу своего невысокого военного потенциала Афины не смогут отстоять границы, соответствующие греческой национальной программе. Неверная оценка ситуации, усиление давления общественного мнения, подогреваемого македонскими организациями, устрашающе быстро приближали военный конфликт и заставили правительство ускорить заключение болгарско-греческого договора.

Начавшиеся в апреле 1912 г. переговоры между Болгарией и Грецией показали, что обе стороны в македонском вопросе стоят на прежних позициях, и это делало соглашение невозможным. Верная своей политической линии, Греция отказывалась согласиться

²³ Стателова Е. Указ. соч. С. 205–206.

²⁴ Маджаров М. Указ. соч. С. 56, 38.

с болгарским постулатом об автономии Македонии. Болгарский премьер, находившийся уже под сильным давлением военных, дворца и общественного мнения, предложил в качестве компромисса совместное требование проведения реформ согласно 23 статье Берлинского трактата 1878 г. После уступок с обеих сторон в подписанном в мае 1912 г. болгарско-греческом договоре было указано, что государства в качестве своей цели ставят «реальное и истинное политическое равенство и уважение прав, вытекающих из договоров или другим путем предоставленных христианским народностям в империи»²⁵. Эта компромиссная формулировка продемонстрировала невозможность прийти к принципиальному согласию между двумя государствами в вопросе будущего европейских вилайетов империи. Отсутствие зафиксированных территориальных условий договора показывает, что Болгария и Греция пришли к временному соглашению, которое намеревались в дальнейшем пересмотреть. Ярко подчеркивает взаимное недоверие между союзниками тот факт, что даже в последний момент перед началом войны Э. Венизелос рассматривал ноту своих союзников к Порте с требованием реформ как шантаж с их стороны, целью которого было убедить Афины согласиться на автономию Македонии в том или ином виде²⁶. Для Болгарии и Сербии, однако, эта нота являлась лишь попыткой прикрыть перед великими державами и Румынией собственное желание начать войну с Османской империей.

Опасение, что великие державы в очередной раз решат судьбу региона, не спрашивая мнения в нем живущих, стало фактором, объединившим балканские православные государства во имя великой цели — разгрома Османской империи. Понимание слабости маленьких национальных государств, поодиночке не способных противостоять не только какой-либо великой империи, но даже и «большому человеку Европы» заставило балканских политиков забыть противоречия и протянуть друг другу руку помощи. Впрочем, они не сумели преодолеть взаимное недоверие и ненависть, накопившиеся в предыдущие десятилетия. Ни одна из сторон

²⁵ *Гешов И.Е.* Указ. соч. С. 85. Перевод цитаты из договора дан по изданию: *Гешов И.Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы / пер. с болг., Пг., 1915 (прим. пер.).

²⁶ *Katsiadakis G.* Op. cit. P. 113.

не была готова пойти на компромисс в вопросе своих национальных целей во имя установления долгосрочных добрососедских отношений. Напротив, и Э. Венизелос, и И. Гешов рассматривали подписанный болгарско-греческий договор лишь как средство, позволяющее им сделать следующий шаг в реализации национальной программы.

Принимая решение об участии в приближающейся войне, Э. Венизелос, по сути, отказывался от греческой имперской мечты, целью которой являлся захват Османской империи изнутри и превращение ее в греческую. Хотя он до последнего момента и пытался отсрочить войну, но прагматично считал, что для его страны лучше вступить в нее, поскольку развитие военных действий будет благоприятствовать реализации греческих интересов. Несмотря на очевидность ситуации с болгарскими претензиями, он предполагал, что София будет скована тяжелой военной кампанией во Фракии и вынуждена согласиться на принцип военной оккупации при распределении территорий. По его оценке, до начала войны у Греции не имелось сил для успешной защиты своих интересов перед лицом более сильных в военном плане соперников, потому он предпочитал создать для своей страны возможность, которой можно будет воспользоваться при более выгодной обстановке.

Со своей стороны, и И. Гешов прекрасно осознавал, что нельзя достичь территориального компромисса с Грецией, поскольку оба государства претендовали на одни и те же балканские земли. Однако он нуждался в греческом флоте, чтобы препятствовать переброске человеческих и материальных ресурсов Османской империи из Азии, и подписал болгарско-греческий договор без территориального разграничения, исходя из необходимости обеспечить своей стране необходимые стратегические условия в предстоящей войне. Отказавшись от требования автономии Македонии, политики в Софии не намеревались идти на другие компромиссы в деле национального объединения. Слепленные надеждой, что в случае победы в войне Болгария получит земли от Салоник до Шар-Планины, а в случае поражения не понесет территориальных потерь, они утратили чувство реальности и вступили в военную кампанию без ясно очерченных приоритетов и с непрочными отношениями с союзниками.

Скрытые фронты войны

Так оказалось, что превозносимый как «великое, эпохальное событие» Балканский союз являлся не объединением с общими целями и устремлениями, а конъюнктурным созданием, позволяющим балканским православным государствам воевать с Османской империей. Отсутствие ясности в судьбе занятых территорий уже в первый месяц войны привело к неприкрытому столкновению между болгарами и греками за овладение Салониками и их хинтерландом²⁷. Фактически параллельно с объявленной войной с султаном союзники вели еще одну, пока еще скрытую, войну между собой. Болгарские победы сыграли решающую роль в разгроме Османской империи, но также привели к тому, что на поверхность всплыли взаимное недоверие, ненависть между союзниками и их алчность.

Еще 10 ноября 1912 г. главнокомандующий греческой армией принц Константин предрек будущую войну между Болгарией и Грецией и подчеркнул, что поскольку турки уже «вне игры», то заключение перемирия с ними не пойдет на пользу Греции — в таком случае стоящие под Чаталджей болгарские части высвободятся и получают возможность сосредоточиться для противостояния с греками²⁸. Естественно, болгарские военные это осознавали, потому не желали даже приглашать греческих делегатов на переговоры, а впоследствии фактически отстранили их от подписания перемирия. Эти действия, угрожающие Греции полной военной и дипломатической изоляцией, изумили Э. Венизелоса и заставили присоединиться к мнению престолонаследника о том, что военное столкновение с болгарской армией возможно, хотя и нежелательно, в связи с чем Греция должна быть к нему готова²⁹. Подобные настроения усиливались и откровенно пренебрежительным отношением болгарских офицеров к греческим коллегам, а также их неприкрытыми намеками на то, что они изгонят союзников с занятых территорий³⁰.

²⁷ *Konstantinova Y. The Race for Salonika // Etudes Balkaniques. 2013. № 2. P. 44–67.*

²⁸ *Υπουργείον Στρατιωτικῶν, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Op. cit. Παράρτημα Α' τόμου. Σ. 377–379.*

²⁹ *Ibid. Σ. 480.*

³⁰ *ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 2.2 11.11.1912 г.; Хесанчиев Х. Указ. соч. С. 498.*

Болгария претендовала безусловно на все земли Македонии, находящиеся к югу от линии Охрид–Велес–Крива-паланка³¹. Хотя желаемая болгарами граница с Грецией и Османской империей не была озвучена, из подготовленных в ходе войны планов стало ясно, что она близка к границе, начертанной российской дипломатией в Сан-Стефано — с включением Салоник в границы болгарского государства. Этим болгарским устремлениям, не являвшимся ни для кого тайной³², греческие политики противопоставили не менее максималистские претензии. Официальное греческое предложение было направлено болгарской стороне 20 октября 1912 г. и намечало границу, начинающуюся к востоку от Кавалы, продолжающуюся по р. Месте, пересекающую р. Струму при с. Рупеле, продолжающуюся через г. Струмицу и пересекающую р. Вардар к югу от Демир-Капии (с. Бани), проходящей к северу от Крушева, включая Охрид и Морихово и достигающую Адриатического моря при Влере³³. Эта линия в известной степени совпала с границей, начертанной еще в 1884 г. К. Папаригопулосом³⁴, но с ключевым отличием, заключавшимся в том, что впервые был нарушен один из основных принципов греческой балканской политики — сохранение непрерывной сухопутной связи с Константинополем. Еще до начала военных действий греческое внешнеполитическое ведомство пришло к выводу, что Болгария неизбежно получит выход к Эгейскому морю, поскольку ее армия действует во Фракии. Естественным образом Греция также намеревалась максимально расширить свои пределы на северо-восток, т.е. включить в свои границы Салоники и Кавалу³⁵.

Данное греческое предложение в Болгарии было встречено с возмущением, поскольку до того в Софии и не представляли

³¹ Гешов И.Е. Указ. соч. С. 75–76.

³² См., напр., донесения Д. Панаса из Софии: ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 9.5.

³³ ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 2.4. 20.10.1912. Эта же позиция впоследствии была подтверждена в инструкциях к представителям Греции за рубежом. См.: ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 79.5.2. 25.11.1912.

³⁴ Αρχείο του Στέφανου Δραγούμη. Φάκελος 214.1. Σ. 7.

³⁵ Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Ορ. cit. Παράρτημα Α' τόμου. Σ. 6–7. Еще в апреле 1912 г. Венизелос сделал стратегический выбор в пользу расширения Греции к Эгейскому, а не Адриатическому морю. См.: Konstantinova Y. The Views of Eleftherios Venizelos on the Balkan Policy of Greece (1910–1916) // Etudes Balkaniques. 2012. № 1. P. 53–79.

себе размеров греческих притязаний. Премьер-министр И. Гешов попросил бывших дипломатических агентов в Османской империи Атанаса Шопова и Михаила Сарафова оценить греческий проект и выразить свою точку зрения по этому поводу. Подготовленный 1 ноября 1912 г. доклад показал, что Болгария претендует во Фракии на все земли к северу от линии Мидие-Энез, а в Македонии — на территории от границы оговоренной с Сербией беспорной зоны до сан-стефанских пределов на юге. Из приложенной к докладу статистики становилось ясным, что эти земли населяет около 2,5 млн человек, из них болгар — около 1 150 000 (из которых 150 000 являлись патриархистами, говорящими на болгарском языке), огромное большинство которых (почти 970 000 человек) сосредоточено в Салоникском и Битольском вилайетах³⁶. Сам А. Шопов признавал, что в случае с Адрианопольским вилайетом предложенная аннексия «основывается не на этническом принципе, а на необходимости»³⁷. Всего через два месяца он уже советовал И. Гешову отказаться от этого региона, в котором преобладает мусульманское население, и «добиваться Западной и Средней Македонии, у населения которых прочное болгарское самосознание»³⁸. Однако разум царя Фердинанда захватила идея присоединения Адрианополя, и он настаивал, что без передачи города под его скипетр война продолжится³⁹. На Лондонской конференции Болгария не отказывалась от требования Адрианополя и его окрестностей, из-за чего, может быть, упустила единственный шанс выйти из войны безусловным победителем.

Метания между максимализмом и реальными политическими возможностями были налицо и среди греческой политической элиты. В феврале 1913 г. С. Драгумис старался убедить Э. Венизелоса, что включение в греческие границы всей Македонии и Фракии — вопрос стратегической важности. Он настаивал, что лишь таким образом Греция получит силу и вес, в которых нуж-

³⁶ Шопов А. Указ. соч. С. 209–213. По официальной греческой статистике, представленной на Лондонской конференции, на территориях между линией Энез-Мидие и Албанией жили около 780 000 болгар, 1 105 000 греков и 1 800 000 мусульман (ΙΔΑΥΕ. 1913. Φάκελος 24.1).

³⁷ Шопов А. Указ. соч. С. 215.

³⁸ Там же. С. 220–221.

³⁹ Γεώργιος Α΄. «Φίλιππε...». Επιστολές από την Ελλάδα 1897–1913. Αθήνα, 2006. Σ. 160.

дается, а любое меньшее приобретение — лоскуток, «неадекватный приложенным для его получения моральным и материальным усилиям»⁴⁰. В принципе не оспаривая это утверждение, премьер-министр ответил крайне прагматично: неожиданный и безоговорочный триумф союзников в войне поставил его в новые условия, обязывающие пожертвовать частью эллинства во Фракии⁴¹. В сущности, Э. Венизелос следовал национальной программе, учитывавшей лишь геополитические интересы Греции и конкретную политическую конъюнктуру⁴². По его мнению, артикулирование Болгарией и Грецией своих крайних позиций необходимо, поскольку позволяет на этой основе прийти к компромиссу при арбитраже «дружественной державы»⁴³.

Для А. Шопова, однако, «крайний» компромисс, на который Болгария может пойти с Грецией, заключался в Корче и южных частях Костурской и Кайлярской каз. Он склонялся к принятию и того, что Салоники останутся вне пределов Болгарии при условии, если они и Халкидонский полуостров превратятся в отдельную территориальную единицу под управлением союзных государств⁴⁴. И. Гешов тоже был готов отказаться от Салоник, но при переговорах болгарская сторона на этом этапе демонстрировала согласие уступить Греции только города Корчу, Костур и, может быть, Воден⁴⁵. Фактически в Болгарии никогда всерьез и не обдумывали идею пойти на уступки Греции в территориях, очерченных в Сан-Стефано. Выработанный в ноябре 1912 г. в Софии принцип «соразмерности» представлял собой формулу, позволяющую Болгарии не обсуждать территории и границы до подписания мира с Османской империей. Данный принцип предполагал, что приложенные усилия и принесенные жертвы должны быть соразмерны приобретениям, которые страна получит

⁴⁰ Αρχείο Στέφανου Δραγούμη. Φάκελος, 113.1. Σ. 6.

⁴¹ Οι ιστορικοί λόγοι... Σ. 153–155.

⁴² Ελευθέριου Βενιζέλου τα κείμενα / Επμ. Σ. Στεφάνου. Τ. Α'. Αθήνα, 1981. Σ. 163–168.

⁴³ Централен държавен архив на България (далее — ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1195. Л. 6–7.

⁴⁴ Шопов А. Указ. соч. С. 213–216.

⁴⁵ Хесанчиев Х. Указ. соч. С. 460; Katsiadakis G. Op. cit. P. 141; Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Op. cit. Παράρτημα Γ' τόμου. Σ. 563.

по окончании военных действий. Следуя этой логике, Болгария, вступившая в войну с армией, по размеру втрое превосходящей греческую, и понесшая самые крупные людские потери⁴⁶, должна расширить свои пределы больше союзников. Болгарская дипломатия утверждала, что сполучением Эгейских островов, Крита, территорий в Фессалии и Эпире Греция увеличила свои земли несоразмерно много по сравнению с Болгарией⁴⁷. Основываясь на этом аргументе, последняя отказывалась от переговоров о территориальных уступках в Македонии, пока не прояснится ситуация с ее границей во Фракии. Однако, настаивая на соразмерности, софийские правящие круги «забывали», что указывали на территориальные приобретения, чье будущее включение в состав Греции было не менее проблематичным, нежели Адрианопольского вилайета в состав их страны.

Реальные греческие цели позволяли Афинам уступить города Кавалу, Драму, Сера, Дойран, Гевгелию и часть Битольской казы. Минимальные греческие претензии помимо Костура и Корчи включали в обязательном порядке Салоники с Халкидонским полуостровом. Греческое внешнеполитическое ведомство сформулировало аргументы и против предложенного Болгарией «принципа соразмерности». По мнению Л. Коромиласа, Крит нельзя считать приобретением от общей войны, поскольку еще в болгарско-греческом договоре Болгария декларировала, что не возражает против присоединения острова к Греции, вдобавок формально он не являлся поводом для войны. В вопросе Эгейских островов глава греческого МИД справедливо предполагал, что их присоединение встретит трудности, и, следовательно, сложно рассчитывать на их включение в состав страны по итогам войны. Министр также настаивал на том, что Болгария получит во Фракии земли, населенные компактным греческим населением, вдобавок namного

⁴⁶ В Первой балканской войне потери греческой армии составили 2 374 человек (*Κωστόπουλος Τ. Πόλεμος και εθνοκάθαρση. Η ξεχασμένη πλευρά μιας δεκαετούς εθνικής εξόρμησης 1912–1922. Αθήνα, 2007. Σ. 49*). В болгарской армии в Первую балканскую войну, согласно военному министру К. Бояджиеву, они составили 30 024 человек (Доклад на международната комисия за разследване причините и провеждане то на Балканските войни. София, 1995. С. 360). По сведениям Государственного архивного агентства, их было еще на 3000 больше.

⁴⁷ *Шопов А. Указ. соч. С. 213–216.*

более богатые и простые в управлении, чем территории, которые перейдут Греции⁴⁸.

В отличие от Болгарии, Греция стремилась договориться о разделе до окончания войны с Османской империей, т.е. до высвобождения болгарских частей на основном, фракийском, театре военных действий. До начала 1913 г. Афины пытались достичь такого соглашения с болгарской стороной, чтобы гарантировать свои приобретения в Македонии. В связи с этим греческие политики дважды делали Болгарии компромиссные предложения. Первое, от 3 ноября 1912 г., намечало разграничение по линии между Преспанским и Охридским озерами, близ Флорины, севернее Острова, Водена, района Караджово, до Гевгелии и Кукуша через Серскую казу, которая переходит к Греции⁴⁹. Тогда впервые Афины предложили вынести спорные территориальные вопросы на арбитраж государств Антанты⁵⁰. Второе компромиссное предложение было сделано устно Э. Венизелосом болгарскому представителю на Лондонской конференции С. Даневу, оно фактически совпадало со «средней» линией из инструкций греческого МИД. С. Данев отказался обсуждать раздел и высказал свое личное мнение, согласно которому София не будет делить Македонию и не уступит Салоники⁵¹. На встрече с российским посланником в Софии Э. Венизелос в последний раз заявил, что он готов уступить Болгарии города Кавалу, Драму, Сера, Кукуш, Битолу, но не может делать уступок в вопросе Салоник с Халкидонским полуостровом, Энидже-Вардара, Кастории, Водена и Флорины⁵². После того как с болгарской стороны не последовало положительного отклика, Э. Венизелос отказался от этих предложений, никогда их не повторял в письменном виде и вернулся на максималистские позиции греческих притязаний. С этого момента он фактически перестал всерьез дискутировать с Болгарией о разделе

⁴⁸ ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 79.5.2. 25.11.1912.

⁴⁹ Katsiadakis G. Op. cit. P. 141; Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Op. cit. Παράρτημα Α' τόμου. Σ. 470.

⁵⁰ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1195. Л. 90.

⁵¹ Katsiadakis G. Op. cit. P. 179; Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Op. cit. Παράρτημα Γ' τόμου. Σ. 480.

⁵² Балканската война или руската оранжева книга (дипломатически документи издадени от руското външно министерство, докосващи се до събитията на Балканския полуостров — август 1912 г. юли 1913 г.). София, 1914 г. С. 73.

завоеванных территорий и всецело переориентировал свои предложения на Сербию. Решение болгарского правительства в начале апреля 1913 г. обсудить с Грецией приемлемую линию разграничения уже сильно опоздало, и предложение встретило лишь уклончивый ответ⁵³.

Сама по себе подготовка «средней» линии, демонстрирующая готовность к реальным уступкам с целью поиска договоренностей с балканскими народами, — революционный шаг с точки зрения греческой внешнеполитической доктрины. Э. Венизелосу было не важно, с кем делить полуостров, он исходил из того, что Греция должна добиться максимально возможного политически и наиболее выгодного экономически распределения земель. Болгария являлась предпочтительным партнером для соглашения о территориальном разграничении, поскольку бесспорно являлась самым сильным членом Балканского союза. Однако она в реальности оказалась не готова к уступкам в переговорах об общей границе в Македонии, и Афины начали искать способы обеспечить свои интересы через сближение с Белградом. Этой переориентации помимо неуступчивости Софии способствовало и то, что сербский престолонаследник «протянул руку» грекам, когда в декабре 1912 г. посетил Салоники и прямо заявил, что Сербия не допустит чрезмерного расширения Болгарии.

С продвижением сербско-греческих переговоров слово «равновесие» стало все чаще употребляться в разговорах с болгарской стороной. Оно лежало в основе предложения о встрече четырех премьеров, выдвинутого Э. Венизелосом в середине апреля 1913 г. и сделавшего очевидным то, что греки заняли более жесткую позицию. Конечно, идея баланса сил была далеко не нова, ее заимствовали у политики, которая проводилась Великобританией еще с XVIII в. и приобрела заверченный вид после Венского конгресса 1814–1815 гг., когда появился «европейский концерт»⁵⁴. Эта идея существовала в греческой политической мысли задолго и до Э. Венизелоса. В качестве примера достаточно вспомнить хотя бы А. Ризоса Рангависа, заместителя председателя афинской организации «Восточная федерация», по мнению которого основной целью Афин должно быть убеждение Европы в том, что Греция

⁵³ Марков Г. Указ. соч. С. 236.

⁵⁴ Кисинджър Х. Дипломацията. София, 1997. С. 58–69.

«предопределена и подготовлена к превращению в фактор, более всего благоприятный для европейского равновесия на Востоке»⁵⁵. Это равновесие он видел в союзе греков и балканских славян для совместной борьбы с Османской империей⁵⁶.

Впрочем, понимание Э. Венизелоса идеи о равновесии было иным. Еще в конце 1909 г. в связи с выбором внешнеполитической линии он настаивал на том, что наиболее предпочтительный для Афин вариант — союз с Османской империей против Болгарии, которая нарушила балканское равновесие, расширив свои границы к югу от Стара-Планины⁵⁷. Тезис о том, что Болгария представляет собой нависшую над Грецией угрозу, что она своими «мега-ломанскими» претензиями на гегемонию разрушает балканское равновесие, доминировала как в пропагандистских посланиях греческой прессы, так и в греческой политике. Во время Балканских войн Афины озвучили свои опасения, что Болгария сумеет осуществить свою национальную программу в ущерб греческой⁵⁸. Именно страх перед Великой Болгарией являлся основным аргументом греческого министра иностранных дел Ламброса Коромиласа при отстаивании необходимости сербско-греческого союза⁵⁹. С военной точки зрения ту же позицию занял генерал Теодорос Пангалос, в мае 1913 г. выразивший перед Э. Венизелосом уверенность, что если Греция самостоятельно выступит против Болгарии, то «будет быстро и сокрушительно разгромлена». Генерал, однако, являлся оптимистом в вопросе совместной войны Сербии и Греции против Болгарии и советовал начать ее быстрее, поскольку в противном случае Греция никогда не сможет быть в безопасности от болгарской угрозы⁶⁰. Греческий генеральный штаб,

⁵⁵ Ραγκαβής Α. Απομνημονεύματα. Τ. 4, Εν Αθήναις, 1930. Σ. 527.

⁵⁶ *Idem*. Χειρόγραφος κώδιξ αρ. 35 από το αρχείο της οικογένειας Ραγκαβή. Αθήνα, 1997. Σ. 142, 154, 201–203.

⁵⁷ Στέφανος Σ. Ο Βενιζέλος όπως τον έζησα από κοντά. Τα ανθρώπινα συστατικά ενός μεγάλου. Τ. Α'. Αθήνα, 1974. Σ. 163–168.

⁵⁸ Βενιζέλου Ε. Το πρόγραμμα της εξωτερικής αυτού πολιτικής. Αγορεύσεις κατά τας συνεδριάσεις της Βουλής της 21^{ης}, 28^{ης} Σεπτεμβρίου και 21^{ης} Οκτωβρίου 1915. Εν Αθήναις, 1915. Σ. 22–24.

⁵⁹ Υπουργείον Στρατιωτικών, Γενικό Επιτελείο Στρατού. Ορ. cit. Παράρτημα Γ' τόμου. Σ. 564.

⁶⁰ Πάγκαλος Θ. Τα απομνημονεύματα 1897–1947. Η ταραχώδης περίοδος της τελευταίας πεντηκονταετίας. Τ. Α' (1897–1913). Αθήνα, 1950. Σ. 282.

поддерживаемый некоторыми политиками, также рекомендовал начать против Болгарии превентивную войну⁶¹, хотя и оценивал шансы Греции и Сербии на победу в ней как 60 %⁶².

Очевидно, что совместное сербско-греческое нападение на Болгарию было чрезмерно рискованным. По этой причине Э. Венизелос рассматривал подписанный с Сербией договор лишь как часть системы союзов, которую пытался создать против Болгарии, все чаще представавшей в его высказываниях ненасытным до власти и территорий соседом⁶³. Естественным продолжением такой политики стал поиск фундамента для договоренностей с Румынией. Первые шаги в данном направлении были сделаны греческим премьером еще на Лондонской конференции. Для получения румынской поддержки Э. Венизелос вновь выдвинул аргумент равновесия, настаивая на том, что Румыния «будет следовать и своим интересам, если хотя бы покажет, что не намерена безразлично наблюдать за дальнейшим разрушением балканского равновесия», и выступит против «общей опасности», воплощенной в чрезмерном усилении Болгарии⁶⁴. В самом конце мая 1913 г. румынский министр иностранных дел Таке Ионеску с удовольствием повторил Э. Венизелосу мысль о том, что его страна должна на Балканах играть роль балансира и, соответственно, «утвердить мир и равновесие на полуострове». Эту «благородную» позицию дополняла не столь бескорыстная декларация, согласно которой Румыния не только не будет сотрудничать с Болгарией в ущерб Греции и Сербии, но и перестанет занимать нейтральную позицию, если «Болгария не останется спокойной»⁶⁵.

⁶¹ *Γραδίκια-Κατσιαδάκη Ε.* Ο συσχετισμός των δυνάμεων και η Ελλάδα μπροστά στη συνθήκη του Βουκουρεστίου // Η Συνθήκη του Βουκουρεστίου και η Ελλάδα. Συμπόσιο 75 χρόνια από την απελευθέρωση της Μακεδονίας, Θεσσαλονίκη, 16–18 Νοεμβρίου 1988. Θεσσαλονίκη, 1990. Σ. 43.

⁶² Αγορεύσεις Ελευθέριου Βενιζέλου, Ρεπούλη — Πολίτου — Καφαντάρη και Ράλλη και Στράτου επί πολιτικού ζητήματος. Συνεδριάσεις της Βουλής της 10–13 Αυγούστου 1917. Εν Αθήναις, 1917. Σ. 85.

⁶³ *Οι ιστορικοί λόγοι...* Σ. 61–70.

⁶⁴ ΕΛΙΑ. Αρχείο Ελευθέριου Βενιζέλου. Φάκελος 6.1. Σ. 14; ΙΔΑΥΕ. 1913. Φάκελος 4.5.

⁶⁵ *Καιροφύλα Κ. Ε.* Βενιζέλος η ζωή του — το έργο του. Μετά πρόλογου υπό Τάκε Ιωνέσκο και γνωμών των επίσημων ευρωπαϊών περί αυτού. Εν Αθήναις, 1914. Σ. 154–155.

Крах Балканского союза

Обеспечив поддержку Румынии на случай болгарского нападения, Э. Венизелос наконец сумел установить баланс в проектируемом им равновесии сил на Балканах. Болгарские политики безответственно пренебрегли предупреждениями великих держав и четким заявлением Бухареста, что он не станет безучастно наблюдать за новой войной на Балканах⁶⁶. Нет и разумной причины, которая могла бы оправдать дипломатическое бездействие Болгарии, позволившее свершиться сербско-греческому союзу. В январе и феврале 1913 г. Никола Пашич несколько раз обращался к И. Гешову с предложением об изменении границы, указанной в союзном договоре⁶⁷, не получив удовлетворительного ответа, он стал более настойчив в стремлении прийти к соглашению с Грецией. Политики в Софии знали, что Греция и Сербия ведут за их спиной переговоры о разделе территорий, им было ясно, что претензии Афин и Белграда встретят сочувствие и поддержку у некоторых великих держав⁶⁸, но в тот момент они уже не могли отступить, поскольку оказались под сильным давлением общественного мнения в своей стране.

Необходимо учитывать, что кроме правящих кругов никто в Болгарии не знал о заключенном с Сербией договоре, по которому предполагался фактический раздел Македонии. Болгарское общество искренне верило, что ведет войну за освобождение страдающих «братьев по ту сторону Рилы», жаждущих объединиться с «матерью-Болгарией». За десятилетия, предшествующие Балканским войнам, в Болгарии сформировался образ Македонии как естественного продолжения болгарского отечества. Моментами место области в общественном пространстве становилось столь доминирующим, что даже вытесняло образ непосредственно Болгарии⁶⁹. Македония была объявлена «плоть от нашей плоти».

⁶⁶ Марков Г. Българското крушение 1913. София, 1991. С. 42, 50, 59.

⁶⁷ Гешов И.Е. Указ. соч. С. 47.

⁶⁸ Балканската война или руската оранжева книга... С. 72, 81–83, 90 и др.; Маджаров М. Указ. соч. С. 143, 148.

⁶⁹ Подробнее об образе Македонии, который выстраивался в Болгарии и Сербии посредством армии и школы см.: Кайчев Н. Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006.

ти», мученицей, которую Болгария не может позволить разорвать на части, поскольку лишь вместе с ней она может стать «счастливой», «сильной» и «свободной»⁷⁰. Сформировалась такая общественная атмосфера, что обвинениям в трусости, предательстве и измене подвергался каждый, кто пытался проявить умеренность или разумность. Политики оказывались под давлением, которому не могли противостоять⁷¹. Иная ситуация сложилась в Греции, где Э. Венизелос целенаправленно стремился подчинить прессу, посредством которой влиял на общественное мнение не только в стране, но и за ее пределами⁷². Такая политика, реализация которой началась еще в годы борьбы за Македонию, продолжала осуществляться и во время Балканских войн⁷³.

В этой обстановке наступил июнь 1913 г., когда обе стороны стояли «вооруженные с ног до головы, озлобленные друг на друга как звери», «постоянно подозревали друг друга и подкарауливали»⁷⁴. И по обе стороны военные говорили о необходимости превентивной войны, которая даст стратегическое преимущество. Несомненно, территориальные вопросы были неразрешимы между недавними союзниками и лишь категоричная позиция великих держав, угрожающих негативными последствиями для того, кто начнет войну, откладывала старт боевых действий. И, поскольку никто не хотел брать на себя ответственность за нарушение договоров, война разразилась особо безумным способом. В ночь с 16 на 17 июня 1913 г. по устному распоряжению царя Фердинанда болгарское военное командование решило «вытеснить» сербские и греческие войска из бесспорной зоны, что должно было стать «военной демонстрацией», которая укрепит позиции болгарского правительства на переговорах⁷⁵. Абсурдный приказ, в результате которого вся вина за агрессию легла на плечи Болгарии, высвободил «стихию, уничтожающую, опустошающую без смысла и результата»⁷⁶.

⁷⁰ Мир. 1913. 22 май; България. 1913. 05 април.

⁷¹ *Маджаров М.* Указ. соч. С. 115–119.

⁷² *Στεφάνου Σ.* Ο Βενιζέλος όπως τον έζησα. Αθήνα, 1974. Σ. 378–380.

⁷³ ΙΔΑΥΕ. 1912. Φάκελος 10.2.

⁷⁴ Народ. 1913. 20 юни.

⁷⁵ *Марков Г.* Българияското крушение... С. 68–69.

⁷⁶ Народ. 1913. 20 юни.

Межсоюзническая война, охарактеризованная Э. Венизелосом как «непонятное сумасшествие», вызванное «мегаломанскими» идеями болгарских военных⁷⁷, оказалась краткосрочной, но очень жестокой⁷⁸. Враждебность греческих офицеров к болгарам была сильнее, нежели к туркам, поскольку их считали более ненавистным и опасным врагом, чем разваливавшаяся Османская империя⁷⁹. Для болгар, однако, трагедия этой войны измерялась не только количеством погибших, раненых или заболевших на фронте, не только многочисленными жертвами среди гражданского населения. Межсоюзническая война стала крушением болгарского национального идеала, с потоками беженцев, ищущих спасения в Болгарии, и болгарами, оставшимися вне пределов государства⁸⁰.

В результате Балканских войн Греция успешно решила два своих главных внешнеполитических вопроса — Критский и Македонский. Основной причиной этого была ясность целей, с которыми страна вступила в военную кампанию, и понимание Э. Венизелосом того, что ради главного требуется идти на компромиссы. Мечту о создании в восточном Средиземноморье империи, в которой будут доминировать греки, заменили рациональной политической логикой, связывавшей существование национального государства с общественным и экономическим развитием. Основной целью политики Э. Венизелоса являлось обеспечение и гарантирование «жизненного пространства», необходимого для процветания Греции, и во имя этого он жертвовал не только территориями, но и интересами греческой диаспоры на Балканах и в Малой Азии. Его политика, которую можно определить как *Realpolitik*, позволила Греции увеличить свою площадь на 90 %, а население — более

⁷⁷ Οι ιστορικοί λόγοι... Σ. 61–70.

⁷⁸ Подробнее о ходе военных действий и проходивших одновременно дипломатических действиях см.: *Марков Г.* Българското крушение... С. 69–179; *Katsiadakis G.* Op. cit. P. 221–236.

⁷⁹ Ημερολόγια και γράμματα από το μέτωπο. Βαλκανικοί πόλεμοι 1912–1913. Εισαγωγή — επιμέλεια: Λύντια Τρίχα, Αθήνα, 1993. Σ. 18.

⁸⁰ Даже по официальной греческой статистике после войны в Греции осталось приблизительно 122 тыс. болгар, в Сербии — почти 360 тыс. болгар (ΙΔΑΥΕ. 1913. Φάκελος 32.1).

чем в два раза. Призрачное в плане земель и населения равновесие, сложившееся после подписания Бухарестского мира⁸¹, гарантировалось системой антиболгарских союзных соглашений государств-победительниц. Достигнутое удвоение территорий, однако, не принесло Греции успокоения, поскольку теперь в ее границах оказалось население, не отождествлявшее себя с греческой идеей, а около 1 млн греков осталось вне пределов национального государства. Система союзов, выстроенная Э. Венизелосом, также не оказалась прочной преградой перед Болгарией, в которой никто не скрывал, что знамена только «свернуты» в ожидании лучших времен, поскольку «разорванная и ограбленная» Болгария «всегда будет стремиться сбросить оковы, в которые ее заключили»⁸².

В отличие от Э. Венизелоса болгарские руководящие круги вступили на путь войны, не расставив свои цели по степени приоритетности и не найдя баланс между стратегической необходимостью воевать во Фракии и политическими целями Болгарии в Македонии. Блестящие победы армии вскружили им головы, и они поддались максимализму, воплощенному в мифе о Великой Болгарии. Отказ от традиционной болгарской политики, нацеленной на автономию Македонии, не был подготовлен ни в военном, ни в дипломатическом, ни в политическом планах. Если прибавить к тому незнание соперника и слабость политических партий, позволившую монарху при принятии решений играть определяющую роль, становится ясно, что поражение в войне было предопределено. Поражение Болгарии — следствие и того факта, что никто из болгарских политиков не посмел взять на себя ответственность за неизбежное отступление от национального идеала. Намного проще оказалось начать вторую войну, а вину за нее возложить на соседей, объявленных «врагами и грабителями, <...> жадными до добычи»⁸³. Так огромные жертвы, принесенные в «самой популярной» среди болгар войне, блестящие победы, достигнутые болгарским оружием, увеличение территории государства,

⁸¹ В результате войны площадь Болгарии стала около 122 тыс. кв. км, Сербии — 86, Греции — 121, а Румынии — 139. Население стран соответственно: 4800 тыс., 4167 тыс., 4400 тыс. и 7604 тыс. (*Марков Г. Българското крушение... С. 225*).

⁸² Мир. 1913. 31 юли; Утро. 1913. 28 юли.

⁸³ Дневник. 1913. 30 юни; Мир. 1913. 15, 22 юли.

получение исключительно ценного с экономической и стратегической точек зрения выхода к Эгейскому морю не принесли ни успокоения, ни благоденствия и не способствовали тому, чтобы болгарское общество и элита повзрослели. Напротив, бессилие, боль и бесплодный реваншизм доминировали весь следующий период болгарской истории.

Для болгар и греков Балканские войны положили конец т.н. «долгому XIX веку», но не положили конец зародившемуся в нем национальному противостоянию. Оба народа вступили в войну с небывалым энтузиазмом и с надеждой, что достигнут процветания и принесут «свободу поработленным братьям». Их лидеры, скрываясь за эвфемизмами «соразмерность» и «равновесие», стремились к максимальному увеличению национальных государств, не оглядываясь на этнический состав населения территорий, на которые претендовали. Их целью являлось не примирение национальных идеалов, а извлечение максимальных преимуществ для своей страны. Потому Балканские войны не могли быть чем-то большим, чем прелюдия к новой войне. Естественно, последовавшее военное десятилетие, коренным образом изменившее облик региона, — результат, главным образом, политики великих держав. Доминирование их роли при определении судьбы маленьких балканских государств, однако, сильно упрощалось презрением, подозрительностью и враждой, царившими между народами полуострова. Балканские войны, хотя и покончили с властью Османской империи в Европе, но не принесли народам желанное благоденствие, а лишь выстроили между ними еще более высокие стены ненависти и недоверия.

Перевод с болгарского Н.С. Гусева

Народная дипломатия в условиях Балканских войн 1912–1913 гг.

Статья посвящена реакции русского общества на Балканские войны 1912–1913 гг., ставшие последним крупным вооруженным конфликтом кануна Первой мировой войны. Российская дипломатия, действуя солидарно с союзниками по Антанте, всеми возможными средствами старалась предотвратить перерастание балканского пожара в Европейскую войну. В России такая осторожная политика разделялась далеко не всеми. Влиятельные органы печати, как консервативного, так и либерального направления призывали правительство к более решительным действиям. Общественные организации и простые граждане стремились оказать посильную помощь братским народам, сражавшимся за свою свободу. По всей стране шел сбор пожертвований. Русский Красный Крест направил на театр военных действий врачей и сестер милосердия. Обо всем, что происходило на Балканах, рассказали русские военные корреспонденты. Исследование основывается на широком круге источников: русская пресса, архивные материалы, публицистика, мемуары.

Ключевые слова: Балканские войны 1912–1913 гг., МИД России, общественное мнение, русская пресса, славянские благотворительные общества, русский Красный Крест

В истории международных отношений начала XX в. Балканские войны занимают важное место. Вооруженное столкновение на Балканах стало следствием сложных процессов, которые развивались в Ближневосточном регионе в течение трех десятилетий, со времени Берлинского конгресса, и были усугублены Боснийским кризисом 1908–1909 гг.

Упорная борьба, которую вели народы Балканского полуострова, добиваясь полного освобождения от турецкого владычества, приближалась к концу. В мае 1912 г. в Албании вспыхнуло антитурецкое восстание. Османскому правительству пришлось пойти на уступки и даровать албанскому населению ряд льгот в области

религии и школьного дела. Австро-Венгрия, воспользовавшись ситуацией, постаралась добиться для Албании автономии, чтобы, распространив там свое влияние, еще более укрепиться на Балканах. Эти действия вызвали протест славянского населения Македонии и Старой Сербии. Балканские государства потребовали от Турции проведения радикальных реформ в Македонии, предусмотренных 23 статьями Берлинского трактата¹. Вместо того чтобы побудить Порту соблюдать нормы международного права, великие державы заняли позицию невмешательства. Страны, входившие в Тройственный союз и в Антанту, имели в Османской империи собственные интересы и не спешили с коллективным вмешательством в защиту христиан.

К этому времени была завершена длительная и сопряженная с огромными трудностями работа по созданию военного-политического союза между Сербией, Болгарией, Черногорией и Грецией. Российская дипломатия надеялась, что Балканский союз послужит заслоном против австрийской экспансии в этом важном в геополитическом отношении регионе. В то же время МИД России был обеспокоен явной антитурецкой направленностью союза. Посол в Париже А.П. Извольский делился с министром С.Д. Сазоновым своими опасениями: «Конвенция, заключенная между Болгарией и Сербией, имеет, к сожалению, скорее наступательный, а не исключительно оборонительный характер». Посол в Вене Н.Н. Гирс предупреждал: «Малейшая искра на Балканах <...> может вызвать вторжение Болгарии и Сербии в турецкие владения»². Вооруженный конфликт на Балканах мог привести к большой войне, к которой Россия не была готова.

Однако миротворческие усилия российской дипломатии не встретили понимания в российском обществе — там нашлось немало сторонников решительных действий. Летом 1912 г. на Балканах побывал А.И. Гучков. Лидер октябристов, в прошлом председатель III Государственной думы, был хорошо известен в славянском мире. В Болгарии и Сербии ему был оказан теплый прием. Военный агент в Сербии полковник В.А. Артамонов докладывал:

¹ Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне, 1914–1918. М., 1940. С. 110.

² Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). Сер. 2. Т. 19, Ч. 2. М.; Л., 1938. С. 472, 513.

«Сербские деятели усмотрели в А.И. Гучкове наиболее яркого представителя русского общественного мнения, устами коего, казалось, неофициальная Россия выражала свои желания, сообщала то, чего не хотели или не могли сказать ее официальные представители». Посланник в Софии А.В. Неклюдов сообщал: «Здесь пробыл шесть дней и вернулся в Белград посланец “Нового времени” Табурно. Он рассказал Гешову, будто государь император, приняв недавно Михаила Суворина, соизволил сказать ему, между прочим, что Россия ни при каких обстоятельствах не потерпит вступления австрийских войск в Сербию. Я убедительно просил Гешова верить моим заявлениям, <...> а не тем или иным рассказам Табурно. Но я уверен, что последний сделал здесь свое дело»³.

Положение все более осложнялось. Неклюдов предупреждал, что со стороны влиятельных сил болгарского общества на И. Гешова и С. Данева постоянно оказывается давление, их обвиняют в излишнем миролюбии и даже туркофильстве. Вообще, у посланника сложилось впечатление, что в болгарском руководстве все уже решено: «С нами или без нас, но *при известных обстоятельствах* и по истечении известного времени они, несомненно, пойдут вперед и напролом»⁴.

В начале сентября в Болгарии побывал сотрудник «Биржевых ведомостей» Е.Н. Шелькинг (Инсаров). Ему удалось пообщаться с высшим политическим и военным руководством Болгарии — премьером И. Гешовым, военным министром Н. Никифоровым, начальником штаба И. Фичевым. В статье под названием «Накануне рокового решения» журналист утверждал: «Возбуждение на Балканах, очевидно, достигло своих крайних пределов, и каждый день, каждую минуту возможно наступление развязки»⁵.

Тем временем в прессе появились сообщения о чудовищных зверствах, творимых турками в отношении жителей г. Берамы в Черногории. Известный ученый М.М. Ковалевский писал в «Вестнике Европы»: «Неужели <...> мы ради самосохранения должны молчать при виде тех неистовств, того поголовного истребления мужчин, женщин и детей одной с нами веры <...>, печаль-

³ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19, Ч. 2. С. 386–387, 234, 142–143.

⁴ Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 61, 362–364.

⁵ Биржевые ведомости. 1912. 6, 7, 8, 9 сентября.

ная картина которых разворачивается перед нами чуть не ежедневно при чтении газет?». Писатель Вас. И. Немирович-Данченко негодовал: «Сейчас к крупнейшему в XX веке мировому событию всего страннее относится официальная Россия. <...> Нам следовало бы стать с ним рядом <...> мы имеем здесь силу, которая одна может померяться с Австрией». Газета московских промышленников «Утро России» предупреждала: «Внутреннее настроение общества расходится со взглядами правительства: правительство будет употреблять все усилия, чтобы успокоить славян, а общество будет посылать им добровольцев <...> Дух славянства, а с ним вместе и русский дух — за войну»⁶.

Совместное выступление России и Австро-Венгрии с целью удержать государства Балканского союза от вооруженного столкновения с Турцией были встречены в русском обществе без энтузиазма. Влиятельные органы печати не стеснялись в выражениях. «Русское слово» писало: «Для графа Берхтольда на первом месте стоят интересы Австро-Венгрии, а затем уже мир. У нашей правящей бюрократии на первом месте стоит мир, а затем уже интересы России». «Голос Москвы» и «Новое время» напомнили, что всякий раз, когда Россия выступала совместно с Австрией, ее интересы терпели ущерб⁷. Не менее сильной была реакция за рубежом. Посланник Н.Г. Гартвиг сообщал из Белграда: «В печати и в политических собраниях раздавались острые нападки на “званичну” Россию, как именуется в Болгарии и в Сербии “официальная” Россия, в отличие от массы русского народа и русского общественного мнения, всегда будто бы сочувствующих, как здесь полагают, высоким идеалам славянства. И надо сказать, наши публицистические органы за все последние дни много содействовали к распространению и утверждению таких взглядов»⁸.

Попытка предотвратить войну дипломатическим путем не имела успеха. 26 сентября 1912 г. Черногория начала военные действия.

⁶ Вестник Европы. 1912. № 11. С. 325–328; Утро России. 1912. 7 октября; Немирович-Данченко В.И. С вооруженным народом. Дневник корреспондента в болгарской армии. II. В боевом огне // Собр. соч. Т. XV. СПб., 1913. С. 6.

⁷ Русское слово. 1912. 5 октября; Голос Москвы. 1912. 30 сентября; Новое время. 1912. 23 сентября.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 528. Л. 203.

5 октября ее поддержали Болгария, Сербия и Греция. «Балканы задымились со всех сторон, — писала русская пресса, внимательно следившая за событиями, — мы накануне решительных событий на Ближнем Востоке».

Русское общество охватил небывалый подъем. Активизировались старые и возникли новые общества поддержки славян. В Москве был создан Славянский комитет. Либеральная интеллигенция объединялась вокруг Общества славянской культуры. В Московском университете и других учебных заведениях проходили собрания, в которых принимали участие студенты-славяне из балканских стран. В Петербург прибыл профессор Белградского университета Радован Кошутич. Выступая в зале Дворянского собрания, он сказал: «По своему географическому положению мы природные союзники России в будущей войне с Австрией, а по расчетам, которые у нас имеются с последней, и самые надежные»⁹.

Граждане России, сочувствовавшие славянскому делу, старались оказать посильную помощь братским народам, сражавшимся за свою свободу. Сбор пожертвований в пользу пострадавших от войны был организован по всей стране. Среди жертвователей были государственные и общественные учреждения, военные части, органы самоуправления, города, земства и сельские общества, монастыри, банки, администрация и рабочие заводов, учебные заведения и отдельные лица: духовные и светские, богатые и бедные, взрослые и дети. Славянские общества в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе соревновались между собой в сборе средств¹⁰.

В Петербурге Русско-болгарский комитет вступил в соглашение с другими славянскими организациями для устройства благотворительных концертов, лекций, базаров и других мероприятий, средства от которых передавались в посольства сражающихся балканских государств. Некоторые сведения об этой деятельности сохранились в личном фонде общественной деятельницы В.В. Пушкаревой-Котляревской. Так, 5 декабря 1912 г. был организован сбор пожертвований для снаряжения санитарного отряда имени генерала М.Г. Черняева. Устроенная в конце декабря русско-бол-

⁹ Биржевые ведомости. 1912. 19, 25 сентября.

¹⁰ Славянские известия. 1913. № 27 (20). 19 мая. С. 423.

гарская ярмарка принесла 1045 р.; 2 февраля 1913 г. в Собрании армии и флота состоялся концерт-спектакль в пользу балканских раненых и сирот; продажа билетов на лекцию, прочитанную 23 марта, дала 439 р.; еще 585 р. дал благотворительный базар, размещенный в залах Петербургской городской думы; 24 марта состоялся концерт, сбор от которого составил 2829 р.¹¹

При Дворе великого князя Константина Константиновича по инициативе греческой королевы Ольги Константиновны и великой княгини Елены Петровны был открыт сбор денежных средств в пользу семей греческих и сербских воинов, убитых и раненых на войне. За ноябрь–декабрь 1912 г. в контору Двора, находившуюся в Мраморном дворце, поступило 5233 р.¹² Суммы пожертвований были разными — от одного-трех рублей до ста и более, но это был искренний и благородный порыв. 20 ноября 1912 г. чины Управления генерал-инспектора военно-учебных заведений в Петербурге единогласно постановили: «Впредь до окончания войны Сербии с ее врагами отчислять ежемесячно один процент от содержания своего <...> в распоряжение Ее королевского высочества княгини Елены Петровны»¹³.

В столице и провинциальных городах устраивались концерты и спектакли, средства от которых шли на благотворительные цели. Такой концерт состоялся 10 ноября в Петербурге, в Малом зале консерватории. Сбор составил 2572 р.¹⁴ Комитет Соединенных русских организаций Ревеля устроил вечер в пользу пострадавших семей воинов балканских христианских держав. Вырученные средства (200 р.) были отправлены на имя великой княгини Елены Петровны. Так же поступили и две дамы-благотворительницы из г. Вытегра Олонецкой губернии — жена окружного инспектора судоходства В.М. Меньшикова и жена члена окружного суда О.Н. Амаликова, передавшие 491 р., вырученные от устроенного ими любительского спектакля. Княгиня М.В. Барятинская направила чек на 1540 франков, пожертвованных дамским Греко-славянским комитетом Ялты, жене русского посланника в Белграде

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 718. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 3, 24, 46.

¹² Там же. Ф. 538. Оп. 1. Д. 179. Л. 1, 3, 41.

¹³ Там же. Л. 69.

¹⁴ Там же. Л. 29.

А.П. Гартвиг для передачи наиболее нуждающимся вдовам сербских воинов¹⁵.

17 декабря общее собрание членов правления Земского банка Херсонской губернии, «сочувствуя геройской борьбе за свободу родственных народов, постановило оказать посильную помощь проливающим кровь за святое дело братьям и их семьям». Руководство банка обратилось к великой княгине Елене Петровне с просьбой принять чек на 15 889 франков. Деньги были переданы в распоряжение Митрополита сербского и архиепископа Белградского Дмитрия¹⁶.

Русский Красный Крест ассигновал 700 тыс. рублей на организацию помощи славянским государствам. С.-Петербургское славянское благотворительное общество со своей стороны выделило 350 тыс. рублей¹⁷. Из России шла помощь — вагоны с теплыми вещами, лекарствами и продовольствием. Писатель Вас. И. Немирович-Данченко позднее вспоминал, что русский Красный Крест «развернул помощь так широко и щедро, что все вместе взятые международные учреждения этого рода не составят и трети наших русских»¹⁸. Именно в эти дни, в обстановке всеобщего подъема, композитор В.И. Агапкин создал один из лучших русских военных маршей — «Прощание славянки».

Русское общество жадно ловило сообщения с Балкан. Редакции газет и журналов не жалели средств, стремясь обеспечить своих читателей максимально полной и разносторонней информацией. Все крупные издания направили на Балканский полуостров военных корреспондентов. Наиболее известным среди них был писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, патриарх русской военной журналистики, принимавший участие в освободительной войне 1877–1878 гг. Он был сотрудником самой распространенной в России либеральной газеты «Русское слово». Корреспондентом другой влиятельной газеты — «Биржевые ведомости» — был писатель М.А. Осоргин. Побывал на войне еще один популярный в то время писатель — Е.Н. Чириков. Профессор

¹⁵ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 179. Л. 37, 42, 81.

¹⁶ Там же. Л. 75.

¹⁷ Биржевые ведомости. 1912. 26 сентября.

¹⁸ *Немирович-Данченко В.И.* Собр. соч. Т. XV. С. 143.

права А.А. Пиленко и журналист И. Табурно представляли близкую к правительству газету «Новое время». Среди корреспондентов были офицеры русской армии: полковники Генерального штаба В.Н. фон Дрейер и А.А. Рябинин, капитан Генерального штаба Н.И. Шевалье (Гасфельд), Н.П. Мамонтов и др. Побывал на Балканах и Л.Д. Троцкий, сотрудничавший в газетах «Киевская мысль» и «День». Репортажи, посылавшиеся с театра военных действий, давали возможность русскому читателю следить за всем, что происходило на Балканах, а опубликованные впоследствии дневники и воспоминания стали ценным историческим источником¹⁹.

И. Табурно рассказал о том, как проходила мобилизация в Сербии, и дал ей очень высокую оценку. Уже в первые три дня в армию прибыли 95% призывных. Сербия, считал он, была прекрасно подготовлена к войне. Большую роль в этом сыграл лично король Петр. Н.П. Мамонтов из «Утра России», в свою очередь, отмечал отличную организацию мобилизации в Болгарии — число явившихся на призыв превысило все расчеты. Многие болгарские офицеры, в том числе высший командный состав, получили образование в России. Русскую академию Генерального штаба окончили командующие армиями: генералы Иванов, Савов и Димитриев²⁰.

Н.П. Мамонтов стал свидетелем торжественных проводов, устроенных на вокзале офицерам и студентам, прервавшим учебу в России и возвращавшимся на родину: «все отходящие на юг поезда были переполнены запасными болгарами и сербами»²¹. Известный общественный деятель, историк В.Я. Богучарский, которого начало войны застало в Софии, засвидетельствовал огромный патриотический подъем, охвативший население балканских

¹⁹ Осоргин М.А. Отрывки военных впечатлений // Вестник Европы. 1912. № 12, 1913, № 2; Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913; Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. Пб., 2011; Пиленко А.А. Около болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913; Табурно И. О сербских битвах. СПб., 1913; Дрейер фон В.Н. На закате империи. Мадрид, 1965; Рябинин А.А. Балканская война. СПб., 1913; Н. Шевалье (Н. Г-д). Правда о войне на Балканах. СПб., 1913; Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. Записки военного корреспондента. М., 1913.

²⁰ Табурно И. Указ. соч. С. 19–28; Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 9–11, 30.

²¹ Там же. С. 14.

государств: «профессора университета ушли в солдаты, вся Болгария — один клокочущий военный лагерь накануне битвы». То же, по его сведениям, происходило в Сербии, Черногории и Греции. Чуть позже, уже во Франции, Богучарский наблюдал такую картину: «Ни среди учащихся, ни в среде других слоев общества здесь, в Париже, уже почти невозможно встретить представителей этих национальностей. Все бросились домой, все схватились за оружие»²².

При первых же признаках военной тревоги в Белград выехал сотрудник газеты «Русское слово» М.М. Бойович, сербский подданный. Пообщавшись с осведомленными лицами, он предупредил редакцию о приближении рокового часа: «Вопрос даже не в неделях, а днях, и поэтому вы должны там быть готовыми, чтобы вас события не застали врасплох». Он писал, что мог бы назвать даже дату начала войны. Письмо, содержащее полученные от премьера Н. Пашича секретные сведения, пришлось отправить, в обход цензуры, через Австрию²³.

Прибывший в Белград Вас. И. Немирович-Данченко был принят премьером Н. Пашичем и наследником престола королевичем Александром. Хорошо известному на Балканах русскому журналисту была обещана полная свобода посещения позиций и помощь в доставке корреспонденций, но он решил направиться в болгарскую армию, где ожидалось главные сражения²⁴.

Условия военного времени заставили правительства воюющих государств установить режим строгой секретности во всем, что касалось боевых действий. Требования цензуры, как в Болгарии, так и в Сербии, были суровыми. Это очень быстро почувствовали корреспонденты, прибывшие на Балканы со всех концов Европы. Лишь немногим удалось попасть на боевые позиции. Из русских журналистов исключение было сделано болгарскими для Немировича-Данченко, В.Н фон Дрейера («Новое время»), Н.П Мамонтова («Утро России»), И. Кузнецова («Голос Москвы»), В. Викторова-Топорова («Речь»).

²² РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 116. Л. 23.

²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 259. Оп. 1. П. 11. Д. 53. Л. 8, 45.

²⁴ *Немирович-Данченко В.И.* Собр. соч. Т. XIV. С. 28.

На фронтовых дорогах корреспондентам довелось повстречаться с группой авиаторов-добровольцев из России. Мамонтов в своей книге упоминает имена нескольких летчиков, служивших в болгарской армии: Ефимов и Орлов из Москвы, Иванов из Одессы. Многие болгарские авиаторы окончили русскую воздухоплавательную школу. С одним из них, капитаном Казанджиевым, Мамонтов пролетел на аэростате «София» над осажденным Адрианополем, наблюдая с высоты 300 метров боевые позиции турок²⁵. Его коллега, сотрудник «Русского слова» Н.П. Брио, воспользовался знакомством с русским авиатором А.А. Агафоновым, который обещал взять его в полеты над турецкими позициями²⁶.

Помощь со стороны России была многообразной. В начале октября 1912 г., откликаясь на просьбу болгарского правительства, Главное управление почт и телеграфов командировало в Варну специалистов для организации связи с Севастополем. Одесская телеграфная контора выделила для этого лучших своих сотрудников, которые должны были обучить болгарских коллег работе на аппарате Уитстона. Операция была строго секретной. Официально Е. Кайзер, В. Дьяков, М. Ящевский, А. Морозевич, Г. Вагнер и механик А. Колосов считались уволенными в двухмесячный заграничный отпуск, в их паспортах значилось: «житель города Одессы» без указания служебного положения. Одновременно в Болгарию был отправлен груз: 18 ящиков, в которых находились два телеграфных аппарата Уитстона, другое необходимое оборудование и расходные материалы. Транспортировка людей и грузов была сопряжена с немалым риском — к этому времени уже поступили известия о блокаде Варны и о бомбардировке ее турецким флотом. Жизнь в городе, где ощущался недостаток самых необходимых продуктов и товаров, была нелегкой. Однако прибывшая из России команда успешно справилась с порученным делом. К началу декабря 1912 г. болгарские телеграфисты уже могли самостоятельно работать на аппарате Уитстона на линии Варна-Севастополь, а дирекция телеграфной конторы в Варне выразила благодарность русским коллегам за большую и скорую помощь²⁷.

²⁵ Мамонтов Н.П. Указ. соч. С. 79–80; Утро России. 1912. 6 ноября.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 259. Оп. 1. П. 11. Д. 73. Л. 4.

²⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Д. 2939. Л. 1, 5, 25–27, 39.

На Балканы были направлены русские врачи и сестры милосердия. Такая помощь была очень ценной, потому что государства Балканского союза, готовя свои армии к войне, мало позаботились об организации медицинской службы.

С началом войны С.-Петербургская городская Дума учредила Комиссию по организации санитарно-врачебной помощи войскам балканских государств. Ее возглавил П.П. Дурново. На средства С.-Петербургского славянского благотворительного общества в армии балканских государств были направлены 21 доктор и восемь сестер милосердия, которые на время военных действий поступили в распоряжение местных организаций Красного Креста²⁸.

7 ноября в Белград прибыл отряд, сформированный силами Тверской Серебряной общины. Он состоял из пяти врачей, во главе с А. Торочешниковым, шести сестер милосердия и десяти санитаров. Среди них была студентка женского медицинского института, уроженка Сербии Л. Бркич. 18 ноября этапный лазарет имени города С.-Петербурга, размещенный в здании Военной академии, был открыт. Побывавший там И. Табурно поделился своими впечатлениями: «В русской больнице образцовый порядок, чисто, гигиенично; вообще, как по устройству, так и по качеству привезенного материала мы не ударили лицом в грязь. <...> Доктора прекрасные, ласковые, работающие. — Все и вся хорошо»²⁹. В работе госпиталя приняли самое активное участие жена и дочь русского посланника Н.Г. Гартвига, жена военного атташе в Белграде В.А. Артамонова и другие русские дамы. За два месяца медицинскую помощь в госпитале получили 346 раненых.

Медики, прибывшие из России, охотно делились опытом с сербскими коллегами. В декабре, ввиду прекращения военных действий, было принято решение прекратить деятельность лазарета Серебряной общины. 25 января 1913 г. отряд медиков отбыл на Родину, передав в дар самоуправлению города Белграда все имущество и припасы лазарета³⁰. Русские врачи работали и в других городах Сербии: в Нише — Р. Жерач, В. Проскурин, К. Моисеенко, В. Маг-

²⁸ Славянские известия. 1912. № 3. 2 декабря. С. 46–48; 1913. № 8 (1). 6 января. С. 108.

²⁹ Табурно И. Указ. соч. С. 118.

³⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1497. Л. 1–2, 28–30.

ский; в Ягодине — А. Штейнфельд и И. Зухер; в Крушеваце — С. Игнатъев. В Скопье работал русский лазарет, организованный Киевским отрядом³¹.

В Болгарии, где состоялись главные сражения, русский Красный Крест развернул 13 лазаретов. Два из них: имени г. Москвы и Кишиневский имени петербургского купечества — находились в Софии. Еще два — в Пловдиве: Кауфмановский имени г. Петербурга и Святотроицкий. В Ямболе работала больница, содержавшаяся на средства г. Москвы, в Плевене — на средства земства г. Полтавы. В Любимеце были размещены два госпиталя, организованные Александровской и Евгеньевской общинами г. Петербурга. Еще два — в Мустафа-паше, на базе Киевского и Таврического отрядов. Два госпиталя в Лозенграде были организованы Георгиевской и Кауфмановской общинами. Кроме этого, в Софии был размещен большой склад медикаментов.

14 ноября 1912 г. отряд во главе с начальницей Кауфмановской общины баронессой В.И. Иксуль прибыл в Пловдив. С 20 ноября в госпиталь стали поступать раненые из-под Чаталджи и Адрианополя. Кауфмановский лазарет работал до 30 марта. За это время врачи оказали помощь 382 пациентам, ими было сделано 88 операций. В период перемирия, когда поток раненых сократился, русские врачи и сестры милосердия оказывали помощь местному населению. К началу января 1913 г. амбулатория приняла около 1200 человек, из которых 12 были прооперированы. В случае необходимости больных посещали на дому. Беднякам выдавали лекарства бесплатно³².

После возобновления военных действий из медицинского персонала лазарета Кауфмановской общины был сформирован передовой Одринский (Адрианопольский) отряд, которым руководил доктор А. Бритнев. В составе отряда были еще два врача: И.И. Душечкин и Г.Г. Стромберг, пять сестер милосердия и девять санитаров. Преодолев за трое суток 60 км, отряд в сопровождении обоза, состоявшего из 35 повозок с грузом, прибыл в расположение главнокомандующего Второй армией генерала Иванова³³.

³¹ Табурно И. Указ. соч. С. 115.

³² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1497. Л. 10, 11, 17, 36, 40, 12.

³³ Там же. Л. 18–19.

Российское общество Красного Креста сделало все возможное, чтобы обеспечить Одринский лазарет необходимым оборудованием, инструментами, средствами ухода за больными. А. Бритнев вспоминал: «К концу февраля наш лазарет представлял больницу, вполне оборудованную к ведению самых сложных хирургических больных, и получилась возможность широко оперировать»³⁴. С 12 марта, когда с поля боя пошел огромный поток раненых, точная их регистрация стала невозможной. Однако, по данным болгарских военных властей Адрианополя, их было около 3000 чел. Эта цифра основана на достоверных сведениях, полученных из полковых перевязочных пунктов и дивизионных лазаретов, направлявших раненых в Одринский лазарет³⁵.

Деятельность Одринского передового отряда во время осады Адрианополя получила высокую оценку военного командования и местных властей Болгарии. Председатель Комиссии по организации санитарно-врачебной помощи войскам балканских государств П.П. Дурново получил благодарность от командующего Второй армией генерала Иванова и от администрации Пловдива. В телеграмме генерала Иванова говорилось: «Кауфманский отряд им. г. С.-Петербурга <...> при самых нещадных условиях почти в самой боевой линии выполнил блестяще свое дело <...> и принес такую пользу раненым, что я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить благодарность и признательность отряду за его самоотверженную деятельность»³⁶.

Русские медики охотно делились опытом с коллегами. За время работы Одринского лазарета его посетили от 30 до 40 болгарских врачей. Перед отъездом в Россию Кауфмановский отряд передал в дар мэрии Пловдива весь инвентарь, медикаменты и перевязочный материал лазарета.

Корреспонденты, побывавшие на балканской войне, рассказывали о героизме и самоотверженности русских женщин, врачей и сестер милосердия, которые не гнушались любой, порой самой тяжелой и грязной работы. Ими руководило лишь одно желание — облегчить страдания раненых и больных. Вас. И. Неми-

³⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1497. Л. 18–21.

³⁵ Там же. Л. 22.

³⁶ Там же. Л. 37.

рович-Данченко в своем дневнике особо отметил роль русских медиков: «скажу одно: если наша дипломатия, как всегда, оставит за Балканами ненависть и разочарование — русские врач и сестра своими великодушными подвигами, да, именно подвигами, сотрут их из благородной памяти народа»³⁷.

Генерал Р. Димитриев, посетивший Россию весной 1913 г., на одном из славянских банкетов отдал дань подвижничеству русских врачей и сестер, многим из которых пришлось работать на передовых позициях, на линии огня. Он произнес здравицу в честь русских женщин: «Когда раненые и контуженные солдатики возвращались из госпиталей в строй, они со слезами восторга и искренней благодарности рассказывали о своем пребывании в русских госпиталях, где русские сестры милосердия не только ухаживали за ними, но и утешали их»³⁸.

Нужно сказать, что не все русские врачи покинули Балканы. Некоторые остались здесь надолго и даже навсегда. Например, приват-доцент С.К. Софотеров в годы Первой мировой войны выполнял обязанности уполномоченного Российского отделения Красного Креста при армии союзников на Салоникском фронте. После окончания войны Софотеров остался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, работал хирургом сначала в Сараево, а затем в Белграде. Во время Второй мировой войны оказывал медицинскую помощь раненым партизанам³⁹.

Иностранные аналитики единодушно предсказывали победу туркам. Однако уже первые сообщения с театра военных действий опровергли прогнозы скептиков. Войска Балканского союза в короткий срок одержали ряд крупных побед, в результате которых почти вся европейская территория Турции была освобождена. Угроза нависла над столицей Османской империи. Болгарский премьер-министр И. Гешов писал: «Свершилось чудо, которого немногие ожидали. В течение одного месяца Балканский союз

³⁷ Немирович-Данченко В.И. Собр. соч. Т. XV. С. 142–144, 213.

³⁸ Славянские известия. 1913. № 18 (11). 17 марта. С. 285–287.

³⁹ РГВИА. Ф. 15230/с. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–40; Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). Белград–Москва, 2012. С. 341–343.

сломили Оттоманскую империю. Маленькие государства с населением в 10 миллионов разбили великую державу с двадцатипятимиллионным населением»⁴⁰.

Блестящий успех Балканского союза окрылил поборников славянской идеи в России. 22 октября 1912 г. на собрании С.-Петербургского славянского благотворительного общества один из его руководителей генерал П.Д. Паренсов (в 1879 г. он стал первым военным министром Болгарии) торжественно объявил: «То, во что никто не верил, но на что твердо надеялись сами балканские христиане, — осуществилось: весь Балканский полуостров постепенно перешел в руки победителей христиан, а разбитые оттоманские полчища отступили почти к стенам заветного Царьграда»⁴¹.

Все произошедшее оказалось абсолютной неожиданностью для высокомерной Европы. Стало ясно, что отныне настаивать на сохранении status quo на Балканах невозможно. Пресса самых разных политических направлений в этом вопросе была единодушна. «Мысль об изгнании турок из Европы начинает воскресать с непостижимой быстротой и подчинять себе умы», — писало «Русское слово». «Новое время» и «Голос Москвы» предупреждали: если балканские государства победят, никто не вправе лишить их плодов победы⁴². Со стороны влиятельных сил русского общества на дипломатическое ведомство оказывалось сильное давление. А.П. Извольский в разговоре с Р. Пуанкаре заметил: «Наше общественное мнение, без сомнения, выскажется с большой силой против лишения балканских государств их завоеваний»⁴³.

Судьба славян решалась в Лондоне, где в начале декабря 1912 г. приступила к работе конференция послов европейских держав. В России не без оснований опасались подобных мероприятий и предсказывали: «это будет повторением пощечины, нанесенной России и всему славянству на Берлинском конгрессе». Эти опасения очень скоро стали оправдываться.

⁴⁰ Гешов И.Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 3.

⁴¹ Славянские известия. 1912. № 1. 18 ноября 1912 г. С. 1.

⁴² Русское слово. 1912. 16 октября; Новое время. 1912. 18 октября; Голос Москвы. 1912. 17 октября.

⁴³ Красный архив. 1926. № 3 (16). С. 13.

На первом же заседании Лондонской конференции по настоянию Австро-Венгрии и Италии было принято решение о создании автономной Албании под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. С созданием Албании Сербия лишалась выхода к Адриатическому морю, который был жизненно необходим ей для нормального экономического развития страны. Создававшееся впервые Албанское государство должно было стать оплотом австрийского влияния на Балканском полуострове. Эти планы затрагивали интересы России, сопротивлявшейся распространению австрийского влияния на Балканах и делавшей ставку на укрепление Сербии. Поэтому российское правительство было готово поддержать сербские требования. В то же время ему приходилось считаться с мнением других держав. Еще до начала Лондонской конференции австро-венгерский посол в Петербурге граф Турн заявил Сазонову, что «Австрия никоим образом <...> не могла бы примириться с расширением Сербии до моря». Тогда же австро-венгерский посол в Париже граф Сечен в категорической форме заявил Пуанкаре, что Вена, «соглашаясь на известные земельные приращения в пользу Сербии, абсолютно не может допустить, чтобы это государство получило выход к Адриатическому морю»⁴⁴.

На стороне Сербии были практически все политические силы России. От русской дипломатии требовали твердости. Газета «Утро России», выражавшая интересы российской буржуазии, писала: «Если бы, паче чаяния, оказалось, что после заключения мира Сербия как была, так и останется отторгнутым от морских путей сообщения государством, говорить о великой победе России ведомству С.Д. Сазонова не придется». «Если это осуществится, это будет разгромом всего славянства и поражением русского престижа на Балканах», — предупреждали «Славянские известия»⁴⁵.

Конфликт из-за вопроса о сербском порте на Адриатике достиг опасной остроты. Вновь, как и в 1909 г., Европа оказалась на грани войны. Австрия, поддержанная Германией, начала мобилизацию.

⁴⁴ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 276, 294.

⁴⁵ Утро России. 1912. 30 октября; Славянские известия. 1912. № 5. 16 декабря. С. 67.

Эти недружественные шаги сопровождались массовой антирусской кампанией в прессе. Посол в Берлине С.Н. Свербеев писал С.Д. Сазонову: «Невольно является мысль, что в недалеком будущем может наступить момент, когда венский кабинет уже не в состоянии был бы сдерживать военный пыл как своего общественного мнения, так и в особенности уже готовой к войне и рвущейся на поле брани армии»⁴⁶.

Вопрос о выходе Сербии на Адриатику на продолжительное время стал центральным вопросом европейской политики. С.Д. Сазонов впоследствии вспоминал: «Страстное к нему отношение сербского общественного мнения не замедлило перекинуться и в Россию»⁴⁷. Для министра это был тяжелый период, когда на него одновременно ополчились и влиятельные силы из царского окружения, и националистически настроенные круги русского общества. На министра иностранных дел обрушился поток газетных статей, обвинявших русскую дипломатию чуть ли не в государственной измене.

Премьер-министр В.Н. Коковцов, выступая перед депутатами Государственной думы, отдал должное победам, одержанным балканскими народами, но при этом предупредил: «Не следует забывать, что залогом успеха всегда является коренное правило всякой разумной политики — стремление к фактически достижимому, не поддаваясь увлечениям чувства»⁴⁸. Попытка успокоить общественность успехом не увенчалась. Политику, проводимую русской дипломатией на Балканах, назвали «слабовольной и расплывчатой», не способной отстоять жизненные интересы страны. От премьера хотели услышать совсем иные слова: «Россия есть великая славянская держава, ее честь и достоинство требуют прийти на помощь геройским балканским славянам. Свою славянскую миссию Россия будет отстаивать с оружием в руках». П.Н. Милокова, поддержавшего правительственную политику, обвинили в предательстве дела славян⁴⁹.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1912. Д. 124.

⁴⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1929. С. 87.

⁴⁸ Государственная дума. Созыв 4, сессия 1. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1912. Стб. 30–31.

⁴⁹ Утро России. 1912. 6 декабря; Русское слово. 1912. 7 декабря; Голос Москвы. 1912. 7 декабря; Новое время. 1912. 7, 14 декабря.

На переговорах в Лондоне русская дипломатия, сознававшая всю опасность положения и не вполне уверенная в поддержке союзников по Антанте, отступила. Сербия была вынуждена подчиниться воле великих держав. Такой исход дипломатического сражения был воспринят защитниками славянства как тяжелое поражение. Ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков назвал действия российской дипломатии позорным отступлением: «Лондонская формула является ужасным ударом». Газета объявила случившееся «дипломатическим Мукденом», т.е. сравнила его с тяжелейшим сухопутным поражением времен русско-японской войны и предупредила, что Россию неизбежно ждут еще более тяжелые испытания⁵⁰.

3 (16) февраля 1913 г. военные действия были возобновлены. 13 марта болгарская армия взяла Адрианополь. Российское общество охватила эйфория. Журнал «Славянские известия» писал: «Путь к Константинополю очищен <...> вопрос о занятии союзными войсками заветного Царьграда — вопрос нескольких дней, если только это захочет допустить Европа». В Петербурге одна за другой проходили многотысячные манифестации. Обстановка накалялась. Дело дошло до того, что 18 марта конная полиция рассеяла толпу демонстрантов, несколько человек пострадали. На следующий день в Думу был внесен запрос на имя министра внутренних дел. В столице началась кампания «славянских банкетов», на которых произносились зажигательные речи, раздавались призывы расправиться с врагами славянства.

Общество постепенно приучалось к мысли о неотвратимости большой войны. То, что в 1908–1910 гг. произносилось со страхом, в 1912–1913 гг. воспринималось как неизбежное. Но были и те, кто предупреждал об опасности дальнейшего обострения обстановки. В.Я. Богучарский предсказывал: «События на Балканском полуострове, где уже и теперь обильно полилась кровь, составляют лишь первый <...> акт великой драмы со многими актами <...> последствия происходящих там событий для Европы и России будут громадны, и их надо учитывать в огромной мере всякому, кто хочет хоть немного проникнуть взглядом в тьму недалекого будущего»⁵¹.

⁵⁰ Новое время. 1912. 8, 9, 10 декабря.

⁵¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 116. Л. 23–24.

Лондонский договор не обеспечил долгосрочного мира. Лишив победителей значительной доли плодов победы, он столкнул недавних союзников между собой. 1913 год принес братоубийственную вторую балканскую войну. «Славянские известия» писали: «На Берлинском конгрессе германизм вступил в энергичную борьбу со славянством и одержал блестящую победу. Ныне дело объединения балканских народов, которое должно служить препятствием немецкому *Drang nach Osten*, вновь оказалось под угрозой и нет никакой гарантии, что освобожденные от турецкого ига славяне не перейдут под иго немецкое»⁵².

Последствия разрушения Балканского союза были тяжелыми и оказали непосредственное влияние на весь дальнейший ход событий. Пророчески звучали слова писателя М. Осоргина о том, что скоро Балканский вопрос «встанет с новой силой, и возможно, что нынешняя жестокая война была лишь пустяковой прелюдией к войне гораздо более жестокой и кровавой»⁵³.

---

⁵² Славянские известия. 1913. № 23 (16). 21 апреля. С. 368–370.

⁵³ Осоргин М.А. Отрывки военных впечатлений // Вестник Европы. 1913. № 2. С. 313.

Правительственное сообщение по балканскому вопросу от 29 марта (11 апреля) 1913 г. и его значение для разрешения Скутарийского кризиса*

Данная публикация воспроизводит текст сообщения российского правительства от 29 марта (11 апреля) 1913 г. по балканскому вопросу, появившегося в разгар кризиса из-за Скутари в ходе Первой балканской войны. Текст сообщения предваряет вступительная статья, кратко излагающая причины и ход Скутарийского кризиса и разъясняющая позицию российской дипломатии, оказавшейся в непростой ситуации из-за общественного давления на нее в пользу Черногории. Подчеркивается, что значение скутарийского вопроса целенаправленно увеличивалось значительной частью российской прессы с целью дискредитации министра иностранных дел С.Д. Сазонова и мобилизации российского общества вокруг панславистской политической повестки.

Ключевые слова: Балканские войны 1912–1913 гг., Скутарийский кризис, российская дипломатия, российское общество, Черногория, Австро-Венгрия, Албания

В рамках данной публикации воспроизводится текст правительственного сообщения от 29 марта (11 апреля) 1913 г., появившегося в разгар кризиса из-за Скутари в ходе Первой балканской войны 1912–1913 гг. За первоисточник была взята официозная газета «Россия»¹, часто публиковавшая как официальные правительственные сообщения, так и инспирированные материалы, в появлении которых было заинтересовано российское прави-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

¹ Правительственное сообщение // Россия. 1913. 29 марта (11 апреля). Данное сообщение было опубликовано и в официальной газете российского Министерства иностранных дел, выходившей в Петербурге на французском языке по воскресеньям: Communication du Ministère des Affaires Etrangères // Journal de Saint-Pétersbourg. 1913. 31 mars (13 avril).

тельство, в том числе Министерство иностранных дел. Отметим, что в тот же день данное сообщение было напечатано ведущими московскими и петербургскими газетами («Речь»², «Новое время»³, «Русское слово»⁴, «Утро России»⁵ и др.), став для них важным информационным поводом для высказывания своей собственной позиции относительно российской внешней политики на Балканах. В ходе обсуждения правительственного сообщения от 29 марта (11 апреля) либеральные издания, близкие к кадетской партии («Речь», «Русские ведомости»), еще раз подтвердили свою поддержку осторожному курсу министра иностранных дел С.Д. Сазонова, стремившегося в сотрудничестве с Англией и Францией отстоять приобретения балканских стран в войне с Турцией, не доводя тем не менее ситуацию до военного столкновения с Австро-Венгрией и другими странами Тройственного союза. Панславистские издания («Новое время», «Утро России», «Голос Москвы», «Московские ведомости»), в свою очередь, использовали правительственное сообщение для очередной кампании нападок на политику российского внешнеполитического ведомства, недостаточно решительно — по их мнению — отстаивавшего интересы балканского славянства и самой России перед лицом австрийских, германских и итальянских притязаний.

Для правильного понимания публикуемого документа необходимо кратко осветить историю международного кризиса из-за города Скутари, который занимал умы дипломатов великих держав и привлекал к себе внимание европейской общественности на протяжении практически всей весны 1913 г. В ходе Первой балканской войны осенью 1912 г. черногорские войска, первыми среди армий Балканского союза вступившие в войну с Османской империей, осадили административный центр Скутарийского вилайета город Скутари. К тому времени основное население города составляли

² Правительственное сообщение по балканскому вопросу // Речь. 1913. 29 марта (11 апреля).

³ От министерства иностранных дел // Новое время. 1913. 29 марта (11 апреля).

⁴ Правительственное сообщение по балканским делам // Русское слово. 1913. 29 марта (11 апреля).

⁵ Официальное сообщение о роли России в балканских событиях // Утро России. 1913. 29 марта (11 апреля).

албанцы-католики; албанское национальное движение рассматривало Скутари и весь одноименный вилайет как неотъемлемую часть будущей Албании, которую только предстояло создать либо как автономию в составе Османской империи, либо как отдельное государство. Несмотря на это черногорский король Никола Негош намеревался присоединить Скутари и близлежащие земли к своим владениям, апеллируя при этом к историческим аргументам: в Средние века данный город принадлежал сербским государствам на территории Черногории — Дукле, Рашке и Зете. Для черногорского короля и его династии захват Скутари стал вопросом чести, тем более что в ходе продолжавшейся много месяцев осады этого города черногорская армия понесла огромные потери.

Однако у великих держав были иные планы относительно Скутари и прилегающих к нему земель. После того как на Лондонской конференции послы в декабре 1912 г. было принято принципиальное решение о создании отдельного албанского государства под протекцией всех великих держав, был решен также вопрос о включении Скутари, как крупного албанского культурного и экономического центра, в состав Албании. В марте 1913 г. правительства шести великих держав призвали черногорцев и помогающих им сербов снять осаду Скутари, прекратить боевые действия на территориях, отходящих к Албании, и немедленно вывести оттуда свои войска. Эти призывы не подействовали на упрямого черногорского короля, который надеялся, что разногласия между двумя группировками держав — Антантой и Тройственным союзом — сделают невозможным эффективное давление на Черногорию. Армия Николы Негоша продолжала осаду Скутари, гарнизоном которого командовал видный албанский военачальник Эсад-паша. В Цетинье, столице Черногории, явно хотели дожидаться падения города и поставить Европу перед свершившимся фактом, надеясь, что после этого великие державы пересмотрят свое решение о принадлежности Скутари Албании. Черногорский король неоднократно заявлял российскому посланнику А.А. Гирсу, что не уступит Скутари ни в коем случае⁶.

---

⁶ *Хлебникова В.В.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 172–173.

Компромиссному решению вопроса о Скутари мешала крайне неуступчивая позиция Австро-Венгрии, для которой изменение сложившегося на Балканах после Берлинского конгресса статус-кво стало неприятным сюрпризом. Исчезновение Европейской Турции и усиление балканских православных государств угрожало империи Габсбургов ростом сепаратистских настроений среди ее подданных югославянского происхождения. Чтобы укрепить свои позиции на Балканах и ограничить территориальные приобретения Сербии и Черногории в войне с Турцией, австрийская дипломатия осенью 1912 г. выступила с инициативой создания отдельного албанского государства. В дальнейшем — после согласия остальных великих держав с планом учреждения Албании в западной части Балканского полуострова — Вена настаивала на максимальном расширении границ создаваемого государства, пытаясь включить в его состав не только бесспорно албанские области, но и территории со смешанным населением, такие как Косово и Метохия, а также Эпир.

Скутари, по планам австрийских политиков, должен был непременно войти в состав Албании, поскольку без этого города оказывалась под угрозой жизнеспособность нового балканского государства. Была и еще одна причина, по которой австрийцы настаивали на включении Скутари в состав Албании — он издавна был центром политического и культурного влияния империи Габсбургов в албанских землях, там располагались финансируемые австрийцами духовные и светские учебные заведения: основанная еще в конце XVII в. иезуитская семинария, а также созданная в 1842 г. школа, находившаяся под сильным влиянием францисканцев. Именно в Скутари австрийский консул Т.А. Иппен в конце XIX — начале XX в. поддерживал разработку литературного албанского языка и единого алфавита, стремясь создать из отдельных албанских племен современную нацию⁷. Потерять центр своего влияния Скутари для австрийцев означало, таким образом, понести существенное поражение в борьбе за Албанию со своими союзниками-соперниками итальянцами, чьи позиции были наиболее сильными в Южной Албании и приморских городах Средней Албании (Валоне, Дураццо).

⁷ *Толева Т.* Австро-Венгрия и становление албанской нации 1896–1908. М., 2018. С. 289–291.

Перед лицом упрямства Черногории, отказывавшейся снять осаду Скутари и признать этот город албанским, Австро-Венгрия предложила остальным державам осуществить меры военного принуждения против черногорцев, угрожая, в случае отказа держав, самой принудить Черногорию к выполнению решений Лондонской конференции⁸. 18 (31) марта 1913 г. великие державы договорились провести в территориальных водах Черногории демонстрацию своих военных судов. Спустя десять дней перед черногорской гаванью Антивари появились боевые корабли всех великих держав, за исключением России (последняя хотя и одобрила совместное давление на Черногорию, но отказалась посылать против нее свои суда). Эта демонстрация повлияла на Сербию (правительство Н. Пашича приняло решение прекратить доставку под Скутари подкреплений), но не на Черногорию, не оставлявшую надежд на захват и присоединение крепости, судьба которой неожиданно стала главной проблемой европейской политики.

В России согласие ведомства С.Д. Сазонова на меры военного характера в отношении Черногории (хотя бы и такие символические, как посылка военных кораблей великих держав к черногорским берегам) было воспринято скептически. Панславистские круги не скрывали своего возмущения и использовали любую возможность, чтобы выразить солидарность с черногорцами, оказавшимися в остром конфликте с Австро-Венгрией⁹. Поддерживавшие панславистскую политическую повестку издания, такие как «Новое время», «Московские ведомости», «Утро России», «Голос Москвы», «Славянские известия», открыто обвиняли российское министерство иностранных дел в предательстве и капитуляции перед Габсбургами на Балканах. Осторожная политика, которой продолжала придерживаться российская дипломатия, не находила поддержки у значительной части российского общества, требовавшей более решительной защиты славянских интересов. Сазонов впоследствии вспоминал, что в России вопрос о судьбе Скутари

⁸ Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912–1913 гг. М., 1969. С. 327–329.

⁹ Данные настроения отразились в вышедшем в 1913 г. сборнике статей нескольких видных неославистов: Интересы на Балканах и правительственное сообщение. Статьи А.Н. Брянчанинова, В.Д. Плетнева, Д.И. Семиза и проф. М.П. Чубинского. СПб., 1913.

весной 1913 г. приобрел чрезвычайную остроту и доставил ему как министру иностранных дел немало тревожных минут. В своих мемуарах он писал, что скутарийский вопрос по существу не имел никакого политического значения, но был искусственно раздут до размеров события, от которого могло зависеть нарушение европейского мира. «Я твердо решил выйти в отставку скорее, чем уступить давлению искателей приключений и уличной толпы», — подчеркивал бывший министр иностранных дел, с удовлетворением констатировавший, что его курс в период скутарийского кризиса пользовался полной поддержкой императора Николая II¹⁰.

17 (30) марта 1913 г. в Петербурге прошли массовые демонстрации в поддержку балканских славян. Хотя они были приурочены к захвату болгарскими и сербскими войсками турецкого Адрианополя, демонстрации эти приобрели ярко выраженную антиавстрийскую направленность. Манифестанты, среди которых была разная публика — от студентов до отставных военных, попытались прорваться к зданию австро-венгерского посольства на Сергиевской улице, чтобы выразить таким образом свой протест против давления, оказываемого империей Габсбургов на Сербию и Черногорию. В некоторых районах в центре столицы дело дошло до столкновений манифестантов с конной полицией¹¹. События 17 (30) марта в Петербурге были использованы правыми политическими силами для усиления атак на министерство иностранных дел и лично С.Д. Сазонова. В Госдуме представитель националистов А.И. Савенко возмущался: «Теперь перед окриками Австрии мы отступаем поспешно и без малейшей попытки сопротивления. Мы от уступки и унижения идем к уступке и унижению, и вот Россия, надо в этом сознаться, уже более не великая держава, с Россией более не считаются»¹². Один из лидеров черносотенцев В.М. Пуришкевич обрушился с критикой на В.Н. Коковцова: «Мы знаем, что глава нашего правительства боялся не угодить в тот момент Австрии и боялся этой манифестации»¹³. Досталось и министру

¹⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 105.

¹¹ Подробнее о манифестациях в Петербурге 17 (30) марта 1913 г. см.: Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 240–258.

¹² Цит. по: Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914. М., 2007. С. 235–236.

¹³ Там же.

иностранных дел С.Д. Сазонову, который, по словам Пуришкевича, «в кулаке у Берхтольда» и проводит курс, угодный Вене.

В Петербурге началась кампания славянских банкетов, в которых принимали участие политические деятели самого широкого спектра: националисты, правые, октябристы, прогрессисты и даже часть кадетов (хотя лидер кадетской партии П.Н. Милюков через подконтрольную ему газету «Речь» продолжал поддерживать осторожный курс С.Д. Сазонова на Балканах). Принимались резолюции, требовавшие от правительства решительной поддержки славян, в том числе в скутарийском вопросе. В кампанию против министра иностранных дел включились лица, близкие ко двору, и даже великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, женатые на черногорских принцессах Стане (Анастасии) и Милице, дочерях короля Черногории Николы Негоша¹⁴. Последние пытались влиять через своих мужей на царя Николая II, рассчитывая склонить его к поддержке черногорских притязаний¹⁵. В прессе, близкой к националистическим кругам, а также партиям октябристов и прогрессистов, все настойчивее продвигалась мысль о необходимости замены министра иностранных дел более решительной фигурой, при этом называлось имя тогдашнего посланника России в Белграде Н.Г. Гартвига, создавшего себе репутацию славянофила и ярого противника Австро-Венгрии на Балканах.

В этой тревожной ситуации, когда дело дошло до столкновений прочерногорски настроенных демонстрантов с полицией, а в Госдуме недовольные депутаты подвергали жесткой критике политику Сазонова, Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати распространило правительственное сообщение по балканскому вопросу, в котором обосновывалась необходимость уступки Скутари создаваемому албанскому государству. В нем говорилось об окончательном и бесповоротном присуждении Скутари Албании и давались настойчивые советы Цетинье примириться с решением великих держав. Ссылаясь на

¹⁴ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 148–149.

¹⁵ Хлебникова В.В. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1. С. 36–38.

российского консула в Скутари Б.В. Миллера¹⁶, писавшего в своих донесениях о чисто албанском характере города Скутари, правительственное сообщение утверждало, что присоединение к Черногории североалбанских земель только ослабит эту маленькую балканскую страну, поскольку размоет ее племенное единство и превратит ее в «Черногоро-Албанию». В этом заявлении содержалась резкая критика поведения короля Николы Негоша, который обвинялся в стремлении вовлечь Россию и европейские державы в войну ради присоединения к своим владениям крепости Скутари. Фактически это было публичное решительное предостережение Черногории, чтобы она не рассчитывала на поддержку России в своих действиях. Другим адресатом сообщения российского Министерства иностранных дел были правительства великих держав: Петербург давал понять, что не отступит от коллективного решения держав о судьбе Скутари, несмотря на давление улицы и кампанию нападок на С.Д. Сазонова в российской прессе. Наконец, правительственное сообщение было призвано повлиять и на российское общество, которое оппозиционная Сазонову панславистская пресса пыталась мобилизовать вокруг лозунга «Скутари — черногорцам!». Как верно отмечает Н.С. Гусев, «твердая позиция, занятая правительством в вопросе Скутари, стала для общества

¹⁶ Борис Всеволодович Миллер (1877–1956) — дипломат, ученый-востоковед, филолог. Родился в семье этнографа и лингвиста Всеволода Миллера (1848–1913), крупного исследователя осетинского языка и фольклора. В 1895 г. окончил с золотой медалью 6-ю классическую мужскую гимназию в Москве. В 1899 г. окончил юридический факультет Московского университета, а в 1903 — Лазаревский институт восточных языков. В 1903–1917 гг. на дипломатической службе в МИД Российской империи, работал на Ближнем Востоке и Балканах, в том числе консулом в Скутари. Провел в Скутари весь период осады этого города черногорскими войсками в ходе Первой балканской войны. После революции 1917 г. работал в качестве ученого-филолога, став одним из крупнейших специалистов в Советской России и СССР по персидским языкам. Был заведующим сектором иранской филологии Института языкознания АН СССР. С 1922 по 1953 гг. вел плодотворную преподавательскую деятельность, читал курсы персидского языка и литературы и истории Ирана. Доктор филологических наук (1939). Профессор (1935). Основатель и первый заведующий кафедрой иранской филологии филологического факультета МГУ (1943–1953). Автор многочисленных работ по филологии живых иранских языков — персидского, талышского, татского, курдского («Персидско-русский словарь» 1950, 1960; «Талышский язык» 1953 и др.).

четким сигналом о бессмысленности давления в пользу защиты притязаний черногорского короля»¹⁷.

В последующие дни казалось, что официальное заявление российского внешнеполитического ведомства относительно Скутари никак не повлияло на позицию черногорских властей: осада крепости продолжалась. 10 (23) апреля 1913 г. между командующим скутарийским гарнизоном Эссад-пашой и черногорцами было заключено соглашение, в соответствии с которым Эссад сдавал крепость осаждающим войскам и признавал Скутари территорией Черногории, в ответ Цетинье объявил о признании Эссада, являвшегося одним из самых влиятельных албанских вождей (лидером происходившего из Тираны клана Топтани), правителем Албании. Уже на следующий день 11 (24) апреля черногорские войска вступили в Скутари. Известие о падении Скутари вызвало ярость дипломатов и военных Австро-Венгрии: в Вене на заседании имперских министров 19 апреля (2 мая) 1913 г. было принято решение наказать маленького южного соседа за неповиновение и силой отобрать Скутари у черногорцев для последующей передачи города Албании. В Боснии был введен режим чрезвычайного положения. Одновременно австрийские газеты начали ожесточенную кампанию против Черногории и Сербии, создавая тем самым информационное прикрытие предстоящей военной операции.

Российская дипломатия делала в эти дни все, чтобы, с одной стороны, не допустить принудительных мер в отношении упрямой Черногории, а с другой стороны, убедить короля Николу отказаться от Скутари за финансовые и территориальные компенсации со стороны держав. Мирное решение скутарийского кризиса осложнялось крайне неуступчивой позицией Вены и поддерживающего ее Берлина, которые и слышать ничего не хотели ни о каких компенсациях для Черногории, настаивая на безоговорочном исполнении своих условий. В конце концов, ведомству С.Д. Сазонова удалось через своего посланника в Цетинье А.А. Гирса убедить черногорского короля отказаться от Скутари и заявить о готовности вывести из крепости свои войска. Когда кризис достиг своей кульминационной точки, Черногория отступила: 21 апреля (4 мая) 1913 г. Никола Негош отправил телеграмму председателю Лондонской

¹⁷ Гусев Н.С. Указ. соч. С. 253.

конференции британскому министру иностранных дел Э. Грею, в которой сообщил о своем решении отказаться от Скутари без всяких условий. В ней черногорский король, в частности, заявил: «Мое достоинство и достоинство моего народа не позволяют мне выносить односторонние угрозы, и именно поэтому я передаю судьбу города Скадар¹⁸ в руки великих держав»¹⁹. Спустя десять дней этот город, существенно разрушенный в ходе многомесячной осады и бомбардировок, перешел под управление международной комиссии во главе с британским адмиралом С. Бёрнеем. В дальнейшем Скутари, согласно решению держав, был включен в состав Албании и в настоящее время является четвертым по величине городом этой страны (албан. название Шкодер).

Несомненно, что в решении черногорского короля большую роль сыграла принципиальная позиция российской дипломатии, отраженная в правительственном сообщении от 29 марта (11 апреля). Отстояв в ходе лондонских «торгов» Косово и Метохию для сербов, российское внешнеполитическое ведомство сочло необходимым уступить в вопросе о Скутари. Несмотря на всю поднятую вокруг скутарийского вопроса шумиху в российской панславистской прессе с «Новым временем» во главе, было очевидно, что спасти Скутари для черногорцев в тех условиях можно было только, рискуя войной с Австро-Венгрией и стоящей за ее спиной Германией и не имея никаких гарантий помощи со стороны партнеров по Антанте — Франции и Англии, для которых вопрос о принадлежности Скутари отнюдь не был достаточным поводом для вступления в общеевропейскую войну. Можно согласиться с Сазоновым, писавшим в своих мемуарах: «...Скутари мог отойти к Черногории не иначе, как ценой удачной войны с Тройственным союзом, настаивавшем на создании целокупной и независимой Албании. В такой политической обстановке скутарийский вопрос съезживался до своих истинных размеров вопроса исключительно временного и местного значения, ради которого было бы преступно рисковать жизнью хотя бы одного русского солдата»²⁰.

¹⁸ Славянское название города Скутари.

¹⁹ *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 491.

²⁰ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 88.

Правительственное сообщение

За время кризиса на Балканском полуострове русское общественное мнение с понятным интересом и сочувствием к единовверным государствам следило за ходом разворачивающихся событий. В оценке последних оно считалось с голосом сердца. Отсюда нередко вытекали упреки, раздававшиеся по адресу русской дипломатии, ибо наше общественное мнение судило на основании отрывочных и неполных сведений, проникавших в печать. С другой стороны, правительство нередко находилось в тяжелом положении, не имея возможности рассеять недоразумения, не повредив сущности защищаемых им интересов, ибо время не наступило еще для предания гласности совокупности данных, которые пролили бы свет на твердое и ясное сознание исторических задач и интересов России, коими неизменно руководилось правительство в своей внешней политике и от которых оно отступать не может. В пределах возможного правительство считает, однако, долгом дать некоторые разъяснения по наиболее обострившимся за последнее время вопросам. Обеспечение за победителями, насколько возможно, результатов их побед — такова главная цель, которую ставило перед собою русское правительство, как только стали выясняться успехи союзников. Иначе говоря, надлежало создать прежде всего условия, при коих оказалась бы возможной локализация балканской войны. Трудными и сложными переговорами указанная задача осуществилась. Только благодаря невмешательству других держав балканские государства могли беспрепятственно достигнуть таких успехов, которые могли казаться им самим маловероятными до начала военных действий. Нужно отдать себе отчет во всей сложности международного положения и столкновении разноречивых интересов, чтобы оценить по достоинству значение и размеры услуги, оказанной в этом отношении Россией балканским государствам.

Локализация войны могла быть достигнута лишь при соблюдении следующих условий: 1) отказа великих держав от извлечения ими из войны каких-либо особых преимуществ, территориальных и иных; 2) отказа с их стороны от каких-либо единоличных выступлений. Из этих двух условий отрицательного характера вытекало признание следующего положительного принципа: пересмотр

условий, созданных фактом войны, и согласование их с теми интересами великих держав, от которых последние не могут отказаться, — может быть делом только всего европейского концерта, решением, которое вынесено было бы от лица не отдельных государств, а всей Европы. С другой стороны, ограничение отдельных выступлений могло обусловиться только солидарным признанием обязательной силы за решениями, исходящими от лица всей Европы. Предполагалось, что авторитет подобных решений достаточен для того, чтобы с ним считались балканские государства, ибо всякое непризнание этого авторитета естественно влекло за собой властное его утверждение. Иного толкования трудно было ожидать от собрания представителей великих держав, которые не могут ставить свои постановления наряду с пожеланиями, высказываемыми на общественных собраниях. При таких условиях и в таких целях было собрано совещание послов в Лондоне. Согласие участвовать в нем было, несомненно, связано с самопожертвованием со стороны тех держав, которым представлялся случай и возможность провести свои личные виды и интересы, но которые отказались от этого ради высшей цели — сохранения мира и в силу того сочувствия, которое широко стяжали себе балканские государства в общественном мнении всей Европы. В настоящее время лондонское совещание выполнило одну из самых трудных задач, выпавших на его долю и состоявшую в определении северных и северо-восточных границ Албании.

В вопросе этом сталкивались два противоположных интереса: с одной стороны — Черногории и Сербии, естественно стремившихся расширить пределы новых своих территориальных приобретений и нашедших свою защиту в России, и с другой — интересы албанские, отстаивавшиеся Австрией и Италией. Защита последними образования самостоятельной албанской провинции могла представиться неожиданной или необоснованной только для тех, кто мало знаком с общим международным положением и направлением политики обеих держав за последнюю четверть века. Интерес сохранения *status quo* на побережье Адриатического моря представлялся для Австрии и Италии настолько жизненным, что в оценке его значения не могло возникать сомнения. С другой стороны, соблюдение этого *status quo* вызывало отстаивание другого тесно связанного с ним начала — жизнеспособности буду-

щей албанской провинции. Отсюда и вытекало стремление обеих держав к возможному расширению сухопутных границ Албании, в пределы коей вошло бы однородное албанское население. Права победителей приходили в столкновение с указанным выше интересом, выставлявшим в свою очередь право племенной целостности Албании. Если столкновение это порождало спор, то во всяком случае нельзя сказать, чтобы перевес в нем оказался на стороне теоретического начала албанского единства. К Черногории и Сербии отходят многие города и области, в племенном составе коих немало чистых албанцев. Едва ли можно упрекнуть великие державы за то, что они не дали разгореться этому спору в острый антагонизм. После долгих и упорных переговоров был достигнут компромисс. Как всегда бывает, последний явился результатом взаимных уступок. При этом, отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании города Скутари.

Уступка эта была сделана во имя сохранения мира, нарушение коего из-за указанного вопроса представлялось явно несообразным в глазах России и Европы. Едва ли многие из тех, для кого Скутари за последние дни стало каким-то лозунгом в призыве правительства к решительным действиям, отдадут себе ясный отчет в том, каково настоящее значение этого города и возбужденного вокруг него спора. На самом деле Скутари является чисто албанским городом и местопребыванием католического архиепископа с несколькими католическими учреждениями. Более года тому назад, когда нельзя было еще предполагать развернувшихся ныне событий, императорский вице-консул в Скутари Миллер, ныне самоотверженно исполняющий свой тяжелый долг в осажденном городе, доносил императорскому министерству, что, по его мнению, завоевательные стремления Черногории, имеющие предметом местности с чисто албанским и католическим населением, не должны были бы встретить поощрения с нашей стороны. Обладая крайне малочисленным населением, доносил Миллер, Черногория играет между тем в ряду других балканских государств довольно значительную роль. Таковое ее значение определяется исключительно ее военными силами и основывается на национальном единстве черногорского народа и его высоких моральных качествах. Между тем, политика асси-

милирования чуждых по расе и по религии племен для маленькой Черногории не по силам. За 35 лет черногорцы не сумели ассимилировать даже и те несколько тысяч албанцев-католиков и мусульман, которые вошли в состав их территории после войны 1877–1878 годов. Мусульманское население Дульцинье, например, еще в последние годы продолжало эмигрировать в Скутари. Даже на поприще торгово-промышленном черногорцы уступают своим новым подданным, например, албанцам Подгорицы.

Поэтому, если бы в результате своего движения на юг Черногории и удалось присоединить себе часть Скутарийского санджака, то это не только не принесло бы ей большой выгоды, но даже значительно ослабило бы ее, примешав к малочисленным черногорцам сотню тысяч людей, чуждых им по вере, крови и языку, которые никогда бы не восприняли черногорских традиций и идеалов и не усвоили бы черногорского духа. Мало того, возможно, что значительная часть таких новых подданных скоро стала бы к черногорцам в открыто враждебные отношения. Черногория перестала бы быть прежним государством и превратилась бы в Черногоро-Албанию.

По мнению нашего представителя, присоединение к Черногории значительного числа католиков подало бы лишь повод последним завязывать зарубежные связи, при помощи коих находили бы себе место посторонние влияния. Если приведенные данные, в связи с повелительной необходимостью предупредить общеевропейское столкновение, освещают причины, по которым императорское правительство не считало обладание Скутари жизненным вопросом для Черногории, то с другой стороны нельзя не указать на положение, занятое в этом вопросе королем Николаем, равно как и на отношения, в кои он себя поставил к России с самого начала кризиса. Прежде всего, король пренебрег принятым на себя обязательством в случае объявления войны предупредить о сем Россию и получить на то ее согласие. Ни предупреждения, ни испрошения согласия с его стороны не последовало. Несмотря на это, государю императору благоугодно было оказать великодушную помощь черногорскому народу отпуском средств на продовольственную помощь населению. Когда вопрос о Скутари был решен на совещании в Лондоне, императорское правительство сочло долгом поставить о том в известность черногорское

правительство и указать на бесплодность дальнейших жертв и кровопролития при осаде города, который бесповоротно приречен Албании. Король получил личное дружеское предупреждение, в коем указывалось на тяжелую ответственность, принимаемую им в случае дальнейшего упорства и бесплодных жертв, с ним сопряженных. Ему преподан был затем настойчивый совет избегнуть обвинения в преследовании личных целей, ради коих черногорский народ обрекается на бесплодное кровопролитие. Все эти предостережения пока не имели успеха. Черногорский король явно строит свои расчеты на том, чтобы вовлечь Россию и великие державы в европейскую войну.

Раз приняв участие в решении, признавшем, что Скутари отойдет к Албании, императорское правительство не могло противиться тем мерам, кои выдвигаются на очередь после того, как король Николай отказался подчиниться решению великих держав. Меры эти в настоящее время выразились в блокаде черногорского и части албанского побережья. Императорское правительство не теряет надежды, что черногорское правительство вовремя остановится в своих настояниях и что для самолюбия его окажется достойный выход в подчинении воле Европы, поддержанной внушительной морской силой. В этом случае правительству короля Николая не придется раскаяться, и Европа сумеет найти средства облегчить положение черногорского народа, тяжесть коего усугубляется непосильными жертвами, коими ознаменовалась осада Скутари. В оценке положения, занятого императорским правительством в данном вопросе, нельзя увлекаться одним чувством естественного сострадания к доблестному черногорскому народу, все прошлое коего вызывает невольный отклик в русских людях. Правительство не может забывать своей ответственности, прежде всего, перед русским народом. Оно должно бережно взвешивать свои решения, чтобы ни одна капля русской крови не была пролита, иначе как если интересы родины того потребуют.

Россия — великая славянская православная держава и в качестве таковой она никогда не скупилась на помощь и жертвы своим братьям. Но отношения России к единоверным и единоплеменным государствам не могут быть построены на обязанности русского правительства всегда и во всех случаях исполнять все

их желания и требования. У наших младших братьев есть также обязанности, о которых им не всегда умеет напоминать наша печать — относиться с уважением к советам, коими Россия не злоупотребляет, и помнить, что, если мы гордимся их успехами, то эти последние не могли бы осуществиться без России, призвавшей их к жизни и ныне необходимой для них в горе и в радости и, в особенности, для взаимного примирения, без которого не может утвердиться крепость и сила этих народов. Таковы отношения России к славянским и православным народам. Они исключают враждебное отношение к другим государствам и народностям. Племенное различие не ведет непременно к племенному антагонизму, и едва ли дело мира выиграет от противоположения одной расы другой. В сознании своей внутренней правоты и силы России не приходится переходить от тревоги к угрозам, ибо это не есть проявление народной силы (ОБ²¹).

«Россия». 29 марта (11 апреля) 1913 г.

---

²¹ Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати.

Чешский сокольский союз и Первая балканская война 1912–1913 гг.: националистическая благотворительность

Статья посвящена благотворительной кампании членов чешских гимнастических обществ «Сокол», направленной на предоставление медицинской и иной гуманитарной помощи южным славянам в ходе Первой балканской войны 1912–1913 гг. Данная помощь в первую очередь заключалась в финансировании и организации отрядов врачей и санитаров. Автор задействовал общеполитические и сокольские периодические издания, а также другие исторические источники. Обращение к предшествующему периоду развития сокольского и всего чешского национального движения позволило выявить предпосылки появления и успеха исследуемой кампании. Среди прочего была изучена возникшая в среде чешских националистов в середине XIX в. традиция проведения сборов средств для помощи представителям воюющих наций, воспринимавшихся как родственные или дружеские. Далее, были рассмотрены такие вопросы, как учреждение Благотворительного врачебного комитета в 1912 г., формы, источники и динамика сбора средств, возможные причины его замедления и общая сумма сокольских пожертвований. В конце статьи автор обратился к последующим событиям, включая восприятие данной кампании в период Первой мировой войны, и представил дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: Балканские войны, военная медицина, гуманитарная помощь, славянская взаимность, сокольское движение, чешские земли, чешский национализм, чешско-южнославянские отношения

«Historie millionových sbírek, nejpádňějšího to — dle úsudku našich nepřátel — důkazů české zdatnosti a obětavosti, bude vyličená jinde perem povolánějším».

Emanuel Rychlík¹

Введение

Во второй половине «долгого XIX в.» заметным фактором развития монархии Габсбургов было чешское национальное движение. Одной из наиболее значимых составляющих сети чешских националистических структур являлись добровольные сокольские общества². Возникшие в начале 1860-х гг., эти организации, подобно немецким обществам «Турнферайн» (нем. Turnverein), объединяли политическую деятельность и занятия «гимнастикой». Хотя семантические рамки этого понятия (чеш. tělocvík, нем. Turnen) постепенно сужались, в изучаемый период словом «гимнастика» обозначали широкий набор спортивных практик, включавший, например, легкоатлетические дисциплины и борьбу. Чешские сокольские общества являлись независимыми друг от друга организациями, однако их члены образовывали единое движение и разделяли общую субкультуру. При этом с начала 1880-х гг. ускорилось создание региональных объединений сокольских организаций — жуп. В 1889 г. в Праге был учрежден Чешский сокольский союз (далее — ЧСС)³. Изначально в него входили лишь богемские жупы и отдельно — «Пражский Сокол», первое и наиболее влиятельное сокольское общество. Постепенно ЧСС также объединил моравские, австро-силезские и нижнеавстрийские организации.

¹ Rychlík E. Na Černé Hoře a v Srbsku: vojensko-chirurgické zkušenosti z balkánské války 1912–1913. Praha, 1914. S. 7.

² См. Jandásek L. Přehledné dějiny Sokolstva. Č. I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889). Praha, 1936; Jandásek L., Pelikán J. Stručné dějiny Sokolstva. 1862–1912. Praha, 1946; Nolte C.E. The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002. DOI: 10.1057/9780230288683; Waic M. Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha, 2013.

³ В изучаемый период в текстах русских (российских) «соколов» название ЧСС (чеш. «Česká obec sokolská») передавалось как «Чешская Община Сокольская» (Чехия для воюющих южных славян // Сокол. 1912–1913. № 3. С. 55).

В ходе Первой балканской войны 1912–1913 гг., которая велась между странами Балканского союза и Османской империей, чешские «соколы» осуществили масштабную благотворительную кампанию, направленную на предоставление медицинской и иной гуманитарной помощи южным славянам. Историография чешского восприятия и участия в Балканских войнах не столь обширна относительно аналогического пласта исследований о Первой мировой войне. Старт изучению этого круга проблем дала научно-популярная статья начинающего историка Милады Пауловой, изданная в юбилейный 1922 г.⁴ Известно, что обращение византиниста Пауловой к исследованию истории чешско-югославянских отношений начала XX в. (в первую очередь — в период Первой мировой войны) стало следствием «политического заказа» чехословацкого министерства иностранных дел, связанного со сближением с Королевством сербов, хорватов и словенцев⁵. В упомянутой статье и ряде других работ о Балканских войнах историк исходила из идей единства национальных интересов всех южных славян и чехов как двух родственных угнетенных народов, правоты сербской стороны болгаро-сербского конфликта и негативной роли внешней политики австро-венгерского государства, сыгравшего, по её мнению, центральную роль в разжигании этого конфликта.

Наиболее подробно чешская реакция на события 1912–1913 гг., в т.ч. благотворительные сборы и отношение к ним государства, была освещена в монографии Пауловой «Балканские войны 1912–1913 гг. и чешский народ» (1963 г.), в которой также затронуты вопросы истории дипломатии. Изданная в иных политических условиях, данная книга, в отличие от статьи полувековой давности, также включала материалы об антивоенных демонстрациях чешских социал-демократов и «ритуальные» цитаты В.И. Ленина во введении и заключении⁶. Настоящим марксистским исследованием данного вопроса представляется статья историка Даны Шлаисовой (1955 г.), обратившей внимание на экономические

⁴ *Paulová M. Ohlas balkánské války v české veřejnosti // Československo-jihoslovanská liga. 1922. № 10. S. 104–109.*

⁵ *Brádlarová D. Milada Paulová a pražská univerzita: historická slavistika // AUC Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 2019. № 1. S. 104. DOI: 10.14712/23365730.2019.18*

⁶ *Paulová M. Balkánské války 1912–1913 a český lid. Praha, 1963. S. 6, 55–58, 104.*

последствия Первой балканской войны в т.н. чешских землях⁷ и влияние классовых отношений на восприятие изучаемых событий. Кроме того, она затронула отражение этой войны в чешском литературном творчестве⁸. Что касается различий в позиции условных классов по балканским событиям, следует отметить важное уточнение в короткой статье болгариста Ружены Гавранковой (1962 г.): «Было бы непростительным упрощением сводить интерес чешской буржуазии к Балканам только к экономическим интересам, потому что они были нераздельно связаны и с интересами политическими, а также с традициями нашего общества»⁹.

Длительный и нелинейный процесс проблематизации и ослабления влияния националистических и марксистских установок позитивно сказался на чешскоязычной историографии. В связи с исследуемыми проблемами необходимо отметить монографию Франтишека Шистека о чешском образе черногорцев (2011 г.), в первую очередь затрагивающую проявления и функции этого образа в националистическом мышлении второй половины «долгого XIX в.» и знаменующую переход от следования или отвержения дискурсов к их изучению. Вопрос о чешском восприятии и следе в Балканских войнах также получил отдельное рассмотрение в данной работе¹⁰. Кроме того, он связывался историками с развитием чешско-македонских¹¹, чешско-болгарских¹² и чешско-сербских¹³ связей. Далее, следуют упомянуть региональные исследова-

⁷ В начале XX в. уже не существовало особой административной связи между Богемией, Моравией и Австрийской Силезией, анахронично обозначаемых в историографии как «чешские земли». В части исследований Богемия (лат. Bohemia, нем. Böhmen, чеш. Čechy) упоминается как «Чехия».

⁸ Šlaisová D. Ohlas první války balkánské 1912–1913 v českém prostředí // Slovanské historické studie. Roč. 1. / ed. O. Říha. Praha, 1955. S. 227–263.

⁹ Havránková R. Padesáté výročí balkánských válek. Všestranné sympatie našeho lidu // Slovanský přehled. 1962. № 4. S. 211.

¹⁰ Šístek F. Junáci, horalé a lenoši: Obraz Černé Hory a Černohorců v české společnosti: 1830–2006. Praha, 2011. S. 156–168.

¹¹ Dorovský I. České země a Balkán: kapitoly z dějin česko-makedonských a makedonsko-českých styků. Brno, 1973. S. 183–198.

¹² Dějiny československo-bulharských vztahů / ed. Č. Amort. Praha, 1980. S. 175–177.

¹³ Havránková R. Češi mezi Srbskem a Vídní před 1. světovou válkou // Češi a Jihoslované v minulosti / ed. V. Žáček. Praha 1975. S. 619–630.

ния, посвященные области вокруг города Бенешов в центральной части Богемии¹⁴, а также Моравии и Силезии¹⁵, а кроме того, работы по истории чешской политики¹⁶, медицины¹⁷ и публицистики¹⁸. Помимо чешских (чехословацких) авторов, на эту группу проблем обращали внимание болгарские¹⁹, сербские²⁰, российские²¹ и ан-

- ¹⁴ *Pánek J.* K ohlasu balkánských válek 1912–1913 na českém venkově: (možnosti využití regionálního studia v historické balkanistice) // *Studia Balkanica Bohemoslovaca II (Příspěvky přednesené na II. celostátním balkanistickém symposiu v Brně 28.–29. května 1974)*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1976. S. 251–258; *Pánek J.* Ohlas balkánských válek 1912–1913 na Benešovsku // *Středočeský sborník historický*. Sv. 7. Praha, 1972. S. 20–34.
- ¹⁵ *Nečas C.* Odezva první balkánské války mezi českou veřejností na Moravě a ve Slezsku // *Studia Balcanica Bohemo-Slovaca*. VI. Sv. 1. Sekce historie, politologie a etnologie: příspěvky přednesené na 6. mezinárodním balkanistickém sympoziu v Brně ve dnech 25.–27. dubna 2005 / ed. P. Boček, L. Hladký, P. Krejčí, P. Stehlík, V. Štěpánek. Brno, 2006. S. 267–275.
- ¹⁶ *Křen J.* Konfliktní společenství: Češi a Němci 1780–1918. Praha: Karolinum, 2013. S. 304–305; *Tobolka Z.* Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. D. III. 1879–1914. Č. 2. 1891–1914. Praha, 1936. S. 627–630.
- ¹⁷ *Káš S.* Čeští lékaři v balkánských válkách 1912–1913 // *Praktický lékař*. 2006. № 3. S. 176–179; *Smrčka V., Mádllová V.* Český lékař, válečný chirurg a zakladatel plastické chirurgie v Československu František Burian (17.9.1881–15.10.1965) // *Čas zdravého ducha v zdravém těle: kapitoly z kulturních dějin přelomu 19. a 20. století* / ed. D. Blümllová, P. Kubát. České Budějovice, 2009. S. 101–105, 118.
- ¹⁸ *Mičiaková T.* Helena Malířová jako reportérka v balkánských válkách v letech 1912 a 1913. Bakalářská práce. Pardubice, 2020 (URL: https://dk.upce.cz/bitstream/handle/10195/76214/MiciakovaT_Helena_Malirova_IR_2020_.pdf (data обращения: 19.01.2024)); *Linda J.* Helena Malířová a její účast v Balkánských válkách v letech 1912–1913 // *Zbornik na трудови од VII Македонско-чешка научна конференција*. Скопје, 2018. С. 201–216.
- ¹⁹ *Gotovska-Henze T.* Karel Kramář a jeho politické vazby k Bulharsku v roce 1912 // *Karel Kramář (1860–1937): život a dílo* / ed. J. Bílek, L. Velek. Praha, 2009. S. 248–260; *Trošev K.G.* Čeští lékaři v Bulharsku v době balkánských válek (1912–1913). Praha, 1984 (болгарское название двуязычного издания: «Чешки лекари в България през Балканските войни (1912–1913)»).
- ²⁰ *Urič N.* Pomoč Čeha i Slovaka Srbiji u prvom balkanskom ratu // *Zgodovinski časopis*. 1989. № 4. S. 547–553.
- ²¹ *Ненашева З.С.* Идејно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914 / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1984. С. 189–195; *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи

глейские²² исследователи. Предметом научного изучения также стали подобные чешской русская (российская)²³ и другие акции помощи жертвам Балканских войн.

Благотворительная кампания чешских гимнастических обществ была затронута в ряде вышеупомянутых исследований²⁴, а также упоминается в работах о сокольском движении²⁵. Тем не менее данный вопрос не стал предметом специального рассмотрения в историографии. Помимо уточнения отдельных обстоятельств, связанных с этой масштабной кампанией (например, динамика сбора средств и их общая сумма), обращение к этой проблеме представляет интерес с точки зрения исследования, во-первых, благотворительности как практики т.н. неполитической политики и, во-вторых, мышления чешских националистов, а именно их территориальных идентификационных установок, включая идею славянской взаимности.

Пресса играла ключевую роль в политической жизни Австро-Венгрии. Именно она выступила в качестве основной платформы для обсуждения сокольской кампании, информирования о способах участия в ней, а также публикации отчетов. Соответственно, общеполитические (в первую очередь «Национальная газета» (Národní listy)) и сокольские (в первую очередь журнал «Сокольский вестник» (Věstník sokolský)) периодические издания были привлечены в качестве основных исторических источников.

с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 181–184.

²² Vyšný P. Neo-Slavism and the Czechs, 1898–1914. Cambridge, 1977. P. 219–223, 225–226.

²³ Артюшкова Е.Е. Балканский опыт РОКК: отчет о Первой Балканской войне // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2018. С. 87–91 DOI: 10.31168/2619-0869.2018.1.5.2; Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 56–58, 64, 119–124. DOI: 10.31168/91674-592-4; Шевицова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

²⁴ Havránková R. Češi mezi... S. 622–623; Nečas C. Odezva první... S. 267–269; Pánek J. K ohlasu... S. 254; Idem. Ohlas... S. 22, 25; Paulová M. Balkánské války... S. 49, 84; Eadem. Ohlas balkánské... S. 106–107; Trošev K.G. Čeští lékaři... S. 41, 95; Urič N. Pomoc Čeha... S. 551.

²⁵ Fikar A. Stručné dějiny Sokolstva. 1912–1941. Praha, 1948. S. 10–12; Jandásek L., Pelikán J. Stručné dějiny... S. 67.

Чешский национализм, сокольская благотворительность во время неавстрийских войн и восприятие южных славян во второй половине «долгого XIX в.»

Помимо занятий гимнастикой, существенной характеристикой чешского сокольства была приверженность националистической идеологии и национальному движению. Образ мышления чешских националистов строился на наборе символов, представляющих категории «Мы» и «Другое», а также на таких взаимосвязанных принципах, как историзм, органицизм, прогрессизм, эгалитаризм и тотальность (всеобщность). Последний из этих принципов, характерный для всех политических религий, заключался в восприятии своего воображенного сообщества²⁶ как наивысшей ценности, исходя из приоритета которой должны были совершаться все умозаключения и действия. Руководствуясь принципом тотальности, националисты стремились к определению свойств всех идентичностей, что привело к возникновению системы идентификационных установок, которые можно разделить на вторичные идентичности и антиидентичности. В число вторичных идентичностей чешских националистов, а значит и чешских «соколов», входила идея славянской взаимности, то есть представление о славянском происхождении чешского национального «организма» и его «родственной связи» с другими славянами²⁷. Влияние этой идеи проявилось в распространении сокольского движения среди представителей других славянских наций. При этом в каждом конкретном случае сокольская культура приспосабливалась к местным условиям, что проявлялось в том числе в неодинаковых объеме и формах элементов военной подготовки.

Что касается чешского восприятия собственно южных славян в изучаемый период, следует отметить, что, во-первых, оно во многом было недифференцированным (то есть не подразумевавшим или не придавшим значения разделению на сербов, болгар и т.д.)

²⁶ Автор имеет в виду отсылку к пониманию Б. Андерсона наций как «воображаемых сообществ» (прим. ред.).

²⁷ *Котов В.В.* Идея славянской взаимности в мышлении чешских националистов в 1860-е — начале 1870-х гг. (на примере сокольского движения) // Русин. 2022. № 69. С. 233–255. DOI: 10.17223/18572685/69/13

и, во-вторых, что одним из элементов чешской националистической культуры являлся дискурс, определяемый вышеупомянутым балканистом Ф. Шистеком как юнацкий²⁸. Данный дискурс был связан с восхищением героями антиосманской вооружённой борьбы за национальную независимость. Он оказал значительное влияние на формирование сокольской субкультуры, проходившее в 1860-х — начале 1870-х гг., включая происхождение названия сокольства, возникшего в результате южнославянско-чешского трансфера образа мужчины-«сокола» — сильного и смелого воина-патриота, «юнака» («молóдца»)²⁹. В чешской общественной мысли также встречались альтернативные, критические суждения о балканских реалиях³⁰, которые, однако, не оказали заметного влияния на изучаемую кампанию 1912–1913 гг.

Одной из политических практик чешских «соколов» была организация и участие в публичных сборах средств на различные важные с националистической точки зрения цели. Эти цели являлись условно неполитическими, то есть прямо не связанными с принципами подданства или представительства. Хотя концепция «неполитической политики» Томаша Гаррига Масарика возникла лишь в конце XIX в., она отражала утвердившиеся в предыдущий период практики³¹. Наиболее длительной и известной благотворительной кампанией чешских националистов XIX в. был своего рода «краудфандинг» строительства Национального театра в Праге, стартовавший в середине 1840-х гг.³² и продолжавшийся до первой половины 1880-х гг.³³ Первое сообщение об участии членов «Пражского Сокола» в этой кампании появилось к концу

²⁸ Šístek F. Junáci... S. 241.

²⁹ Котов В.В. Южнославянско-чешский культурный трансфер образа сокола как формы репрезентации нации // Люди, львы, орлы, куропатки... Антропоморфные и зооморфные репрезентации наций и государств в славянском культурном дискурсе / под ред. М.В. Лескинен, Е.А. Яблокова. М., 2020. С. 61–88. DOI: 10.31168/0441-1.02

³⁰ Šístek F. Junáci S. 133.

³¹ Havelka M. «Nepolitická politika»: kontexty a tradice // Sociologický časopis. 1998. № 4. S. 460–461.

³² Černý F. Idea Národního divadla // Divadlo v české kultuře 19. století: sborník sympozia v Plzni 10. — 12. března 1983. Praha, 1985. S. 22–23.

³³ Čakrtová E., Holec F. Sbírky na Národní divadlo // DOCUMENTA PRAGENSIA. Č. III / sest J. Pešek, V. Ledvinka. Praha, 1983. S. 144–207.

марта 1862 г., то есть уже через полтора месяца после учреждения первого сокольского общества³⁴. Для коллективного финансирования националистических проектов были характерны публикация отчетов о ходе сборов в газетах и разнообразие типов жертвователей (анонимные или именные, индивидуальные, коллективные или институциональные) и форм осуществления взносов (разовые или регулярные, обычные или совершенные в ходе специальных мероприятий и иных националистических акций).

Специфическим типом данной практики являлись сборы денежных средств и медицинских материалов для помощи представителям воюющих наций, воспринимавшихся как родственные или дружеские по отношению к чехам коллективные организации. Вероятно, первая кампания этого типа была связана с чешской поддержкой словаков, сербов и хорватов, противостоявших венграм в революционный период 1848–1849 гг.³⁵ Уже в период формирования сокольской субкультуры члены чешских гимнастических обществ приняли участие в кампаниях в поддержку черногорцев, ведших боевые действия против турок в 1862 г., поляков, поднявших восстание в Российской империи в 1863 г.³⁶, и французов, воевавших с Пруссией в 1870–1871 гг.³⁷ Характерно, что в т.н. чешских землях одновременно с последней кампанией чешских националистов проводился сбор средств «для германских воинов», в котором в т.ч. участвовали члены пражского «Турнферайна»³⁸. Необходимым условием успеха сбора средств данного типа представляются значительное внимание прессы к ходу боевых действий и их соотнесение с внутривосточным межнациональным и межпартийным противостоянием в монархии Габсбургов.

³⁴ Oudové tělocvičné jednoty Pražské // Národní listy. 1862. 29. března.

³⁵ Dušan W. W Záhřebu 12. srpna 1848 // Národní nowiny. 1848. 18. srpna; Hawlíček W., Wagner J.V. Z Turnowa dne 30. srpna // Ibidem. 1848. 1. září; Škoda. J. Z obce Kobylské u Českého Dubu // Ibidem. 1848. 16. listopadu; Žáček V., Havráňková R. Srbové a Češi v době řešení «Východní krize» // Češi a Jihoslované v minulosti / ed. V. Žáček. Praha 1975. S. 323–324, 339. Этот конфликт, разумеется, не относится к вышеобозначенной категории неавстрийских войн.

³⁶ Котов В.В. Идея славянской... С. 239; Žáček V., Havráňková R. Srbové a Češi... S. 361.

³⁷ Z Velími. (Zvl. tel.) // Národní listy. 1871. 24. ledna.

³⁸ Der deutsche Turnverein in Prag // Bohemia. 1871. 20. Februar.

В текстах чешских националистов, возникших в рамках благотворительной кампании 1862 г., помощь черногорцам связывалась с идеалами борьбы за национальную свободу и со славянской, христианской и общечеловеческой (гуманистической) солидарностью³⁹. В последующие десятилетия Балканы, в отличие от Центральной Европы, оставались пространством регулярных военных конфликтов. Чешские националистические благотворительные кампании различного масштаба, подобные сборам в ходе событий 1862 г., имели место в ходе Восточного кризиса второй половины 1870-х гг.⁴⁰, сербско-болгарской войны 1885 г.⁴¹ и столкновений, последовавших за Илинденским восстанием 1903 г.⁴²

Стартом последней кампании послужило собрание, созданное в декабре 1903 г. пражским Славянским клубом (СК), на котором была принята резолюция с призывом оказывать материальную помощь «болгарам и сербам в Македонии и Старой Сербии»⁴³. Данное мероприятие было организовано юристами и политиками Вратиславом Черным и Иозефом Шейнером⁴⁴. Шейнер являлся старостой (главой) «Пражского Сокола», тогда как Черный был сыном бывшего приматора (бургомистра) Праги Томаша Черного, получившего первоначальную известность именно благодаря деятельности в составе и позднее во главе правления первого сокольского общества. СК был основан в 1900 г. Он объединял чешских представителей т.н. творческих профессий и был призван организовывать их встречи со славянскими деятелями, приезжавшими в Прагу, способствовать межславянскому культурному взаимодействию и проводить дискуссии, посвященные событиям в условном славянском мире⁴⁵. Эта организация играла заметную

³⁹ Příspějme raněným Černohorcům // Národní listy. 1862. 21. června.

⁴⁰ Dary raněným Jihoslovanům // Ibidem. 1877. 28. července; «Sokol» slanský // Sokol. 1875. № 12. S. 91; Z Hořovic // Ibidem. 1875. № 10. S. 79; Jandásek L. Přehledně... S. 73; Žáček V., Havránková R. Srbové a Češi... S. 382–383.

⁴¹ Sbírky pro raněné Bulhary a Srby // Národní listy. 1885. 15. prosince.

⁴² Pro Slovany v Makedonii // Ibidem. 1904. 2. ledna (odpolední vydání); Paulová M. Balkánské války... S. 48.

⁴³ Lid český pro Makedonce // Národní listy. 1903. 21. prosince; Dorovský I. České... S. 150–151.

⁴⁴ Na pomoc Makedonským // Národní listy. 1903. 17. prosince.

⁴⁵ Českému vzdělanstvu! // Ibidem. 1900. 17. ledna; Slovanský klub // Ibidem. 1900. 5. března.

роль в неославянском движении 1900–1910-х гг. Идеология неославизма была связана со стремлением преодолеть межгосударственные и межконфессиональные противоречия славянских наций на демократической основе и развивать экономическое и культурное сотрудничество⁴⁶.

Сокольские организации в чешских землях и за их пределами также были вовлечены в неославянское движение⁴⁷. В июне 1907 г. в Праге в рамках масштабного гимнастического фестиваля — V всесокольского слета — прошло обсуждение учреждения Союза славянского сокольства (ССС), на котором в т.ч. присутствовали сербские и болгарские представители⁴⁸. В феврале 1908 г. в Вене прошло учредительное собрание СССР, который возглавил староста ЧСС Й. Шейнер. На этом собрании было принято решение о созыве летом 1912 г. VI всесокольского слета, который также обозначался как I слет СССР⁴⁹. К моменту проведения этого мероприятия в состав СССР вошли объединения сербских и болгарских гимнастических обществ, носившие названия «Душан Сильный» и «Юнак»⁵⁰. Согласно сокольским статистикам, в слете приняли участие 336 болгар (включая жителей как Болгарского царства, так и Османской империи) и 1169 сербов (включая жителей как Королевства Сербия и Королевства Черногория, так и монархии Габсбургов)⁵¹. В чешской сокольской периодике отмечался символизм сербской хореографической картины, в которой приняло участие более 400 «соколов»: «Каждый из зрителей понял, что третья композиция представляет поражение и порабощение сербов... Четвертая композиция была продолжением предшествовавшей. Гимнасты встали на колени в молитве, после чего, как

⁴⁶ См. *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба...

⁴⁷ *Nolte C.E.* All For One! One For All! The Federation of Slavic Sokols and the Failure of Neo-Slavism // *Constructing Nationalities in East Central Europe* / eds. P.M. Judson, M.L. Rozenblit. New York, 2005. P. 126–140. DOI: 10.1515/9781782388579-013

⁴⁸ Pátý slét všesokolský v Praze 1907 // *Sokol*. 1908. № 2. S. 37.

⁴⁹ Schůze výboru Svazu slovanského Sokolstva, konána dne 2. února r. 1908 ve Vídni // *Ibidem*. 1908. № 3. S. 60–63.

⁵⁰ Ze Svazu slovanského Sokolstva // *Věstník sokolský*. 1911. № 19. S. 528–530. Первое название было связано с именем сербского правителя XIV в. Стефана Уроша IV Душана.

⁵¹ Výbor České Obce Sokolské // *Sokol*. 1913. № 1. S. 22.

бы прикрываясь перед врагом, перешли в упор лежа. Затем были продемонстрированы стрельба с колена и штыковой бой и, наконец, радость от победы — прыжок и хлопок по бедрам»⁵².

Благотворительная кампания ЧСС в период Первой балканской войны 1912–1913 гг.

Через несколько месяцев на Балканах начались настоящие «стрельба с колена и штыковой бой». Согласно данным М. Пауловой, 10 или 11 октября 1912 г. В. Черный обратился в полицию от имени пражского СК с просьбой разрешить начать сбор средств на помощь раненым. Положительный ответ на это обращение поступил лишь через 10 дней. Историк также сообщила о предшествовавшей переписке между богемским наместничеством и венскими министерствами внутренних и иностранных дел по поводу обращения Черного⁵³. Уже 16 октября вопрос о необходимости организации помощи стал предметом обсуждения в чешской националистической прессе⁵⁴. Согласно еще одному межвоенному историку Зденеку Тоболке, принимавшему активное участие в политической жизни изучаемого периода, инициатором сборов выступил работавший в Болгарии чешский журналист Эмил Чермак⁵⁵.

22 октября в «Национальной газете» был опубликован призыв СК от 21 октября к чешскому народу жертвовать средства Красному Кресту в Черногории, Болгарии и Сербии, подписанный В. Черным как главой клуба и его заместителем Й. Шейнером⁵⁶. Как и в текстах, возникших в ходе вышеупомянутой благотворительной кампании 1862 г., необходимость участвовать в сборах средств связывалась с идеалами борьбы за национальную свободу и со славянской и христианской солидарностью. Еще одним мотивом, близким к текстам 1860-х гг., была идея о недостаточной солидарности Европы с южными славянами⁵⁷.

⁵² Slet Sokolstva slovanského v Praze // Věstník sokolský. 1912. № 18. S. 596.

⁵³ Paulová M. Balkánské války... S. 47–48; Eadem. Ohlas balkánské... S. 105.

⁵⁴ Na pomoc Slovanům balkánským! // Národní listy. 1912. 20. října; Ze Slovanského klubu // Ibidem. 1912. 16. října.

⁵⁵ Tobolka Z. Politické dějiny... S. 627. Ср. Proces Dra Kramáře a jeho přátel. Sv. 2. Výsledky obžalovaných / red. Z.V. Tobolka. Praha, 1918. S. 317.

⁵⁶ Lide český // Národní listy. 1912. 22. října.

⁵⁷ Cp. Řeč faráře Frant. Žužela // Ibidem. 1862. 29. července.

22 октября 1912 г. был учрежден Благотворительный врачебный комитет (БВК) во главе с хирургом Отакаром Кукулой, целью которого была организация отправления чешских медицинских работников на Балканы на средства, собираемые СК⁵⁸. Хотя соответствующие призывы звучали еще в ходе черногорской кампании 1862 г.⁵⁹, а отдельные чешские врачи действительно отправились на Балканы в ходе событий второй половины 1870-х гг.⁶⁰, в 1912 г. впервые были организованы и профинансированы специальные отряды врачей и санитаров. 22 октября на первом собрании БВК присутствовали представители Врачебного отдела ЧСС, заявившие о намерении «соколов» оказывать комитету помощь и об организации самостоятельных сборов⁶¹. Позднее в исполнительный комитет БВК вошли староста ЧСС Й. Шейнер и его заместитель Франтишек Машек⁶².

23 октября 1912 г. на совещании, созванном СК, Й. Шейнер заявил о том, что сумма средств, собранных ЧСС, достигнет 100 000 крон, и о решении союза предоставить заем в размере 40 000 австро-венгерских крон для ускорения подготовки первого медицинского отряда⁶³. Согласно данным М. Пауловой, позднее этот заем был прощен⁶⁴, однако не вполне ясно, не был ли он де-факто оплачен за счет пожертвований сокольских обществ. В тот же день правление ЧСС приняло решение о пожертвовании 10 000 крон от имени союза⁶⁵. Таким образом, за один вечер чешские «соколы» предоставили 50 000 крон, то есть столько же, сколько, по дан-

⁵⁸ Na pomoc slovanským bratřím // Ibidem. 1912. 22. října. В изучаемый период в текстах русских (российских) «соколов» название БВК (чеш. «Pomocný lékařský sbor») передавалось как «Вспомогательный врачебный отдел» (Чехия для...).

⁵⁹ Přispějme...

⁶⁰ Zpráva o dosavad. průběhu pomocné akce české ve prospěch raněných Jihoslovanů // Národní listy. 1912. 8. prosince; Žáček V., Havránková R. Srbové a Češi... S. 382.

⁶¹ Čeští lékaři na Balkán // Národní listy. 1912. 23. října.

⁶² Zpráva o dosavad. Průběhu...

⁶³ Na pomoc bratřím jihoslovanským // Národní listy. 1912. 25. října; Zpráva o dosavad. Průběhu...

⁶⁴ Paulová M. Ohlas balkánské... S. 106.

⁶⁵ České Sokolstvo pro raněné bojovníky jihoslovanské // Národní listy. 1912. 25. října; Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovaný (1) // Věstník sokolský. 1912. № 21. S. 698.

ным историографии, словенские деятели собрали на эти же цели за несколько месяцев⁶⁶. Стоимость одной кроны или 100 геллеров (филлеров) примерно соответствовала 40 российским копейкам, 20 американским центам⁶⁷ или, например, 4 кружкам пива марки «Пилзнер Урквелл» в пражских ресторанах⁶⁸.

В тот же день 23 октября СК призвал жертвователей направлять средства не напрямую на Балканы, а на специальный счет клуба в чешских банках: Предпринимательском (возникшем в 1868 г. и известном также как «Живнобанка»), Чешском промышленном (1898 г.) и Центральном банке чешских сберкасс (1903 г.)⁶⁹. Все они имели экономические интересы на Балканах⁷⁰. Известно, что в середине октября отдельные сокольские общества и жупы отправляли средства напрямую в Черногорию⁷¹. 25 октября в прессе был опубликован призыв правления ЧСС к чешскому сокольству посылать деньги через союз, который в свою очередь должен был согласовать свои действия с СК и БВК. Кроме того, объявлялось о добровольном сборе с каждого сокольского общества в сумме 1 кроны за одного члена любого пола. Помимо аргументов, содержащихся в призыве СК от 22 октября, в обращении правления ЧСС и сопроводительном тексте первого секретаря союза Карела Геллера упоминались участие болгарских и сербских «соколов» в войне, особое значение идеи славянской взаимности для сокольского движения, а также гуманистические мотивы. Геллер также подчеркивал, что сокольская кампания не является проявлением «внутринационального сепаратизма» и не имеет целью выделить «соколов» в «особый класс или касту». Помимо сборов денеж-

⁶⁶ Кирилина Л.А. Влияние Балканских войн 1912–1913 годов на национально-политические процессы в словенских землях // Славяноведение. 2014. № 1. С. 4.

⁶⁷ Селезнев И.И. Начальный курс коммерческих вычислений в связи с общими сведениями о торговле. М., 1913. С. 12; Batovcův almanach: politický kalendář a adresář, schematismus a statistika zemí koruny České na rok 1913. Praha, 1913. S. 98.

⁶⁸ P.T. Dovolují si uctivě oznámiti // Národní listy. 1912. 12. ledna.

⁶⁹ České veřejnosti! // Ibidem. 1912. 23. října; Na pomoc slovanským...

⁷⁰ Nečas C. Organizační síť a obchodní činnost českých bank v jihovýchodní Evropě (ve čtvrtstoletí před rokem 1918) // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada historická. Č. C46. Brno, 1999. S. 97–112.

⁷¹ Sokolská pomoc raněným Jihoslovanům // Národní listy. 1912. 23. října.

ных средств, ЧСС заявил о намерении оказать организационную помощь, предоставив ВНК структуры, задействованные при проведении сокольского слета⁷². Вскоре вышеупомянутое обращение правления ЧСС, а также новое воззвание СК от 26 октября (подписанное в т.ч. Карелом Крамаржем, Томашем Гарригом Масариком, Антонином Швеглой и другими известными политиками), были опубликованы в сокольской периодике⁷³.

Согласно сокольской статистике, в 1912 г. ЧСС объединял 1091 гимнастическое общество, в которых состояли 98 494 членов-мужчин, 20 698 «соколов», а также несколько десятков тысяч подростков и детей⁷⁴. Как отмечается в историографии, значительная часть «соколов» являлась сторонниками младочехов или национальных социалистов⁷⁵, и, соответственно, разделяла внешнеполитические позиции этих партий, исходившие из чешских националистических идентификационных установок. Благодаря этой ангажированности, масштабу, а также эффективности организационной структуры сокольского союза, уже в первые дни были собраны значительные средства. С ноября 1912 г. по февраль 1913 г. в «Сокольском вестнике» было опубликовано 7 отчетов казначея ЧСС Эды Варауса о денежных пожертвованиях. Ранее эти отчеты привлекались историком Цибором Нечасом⁷⁶. Они свидетельствуют о разнообразии форм сборов и источников взносов: помимо наиболее частого типа жертвователей — сокольских обществ, а также отдельно их филиалов, женских отделов, инструкторских коллективов и посещающих гимнастические занятия детей и подростков, дары осуществлялись от имени частных лиц, отделов ЧСС, редакций периодических изданий, гостей свадеб, компаний друзей, посетителей ресторанов и пивных, участников танцевальных вечеров, отмечающих религиозные праздники, преподавательских коллективов, работников промышленных предприятий, железно-

⁷² České Sokolstvo...

⁷³ Bratřím v boji! // Věstník sokolský. 1912. № 20. S. 661–662; Lide český! (1) // Sokol. 1912. № 11. S. 277–278. Cp. Lide český! (1) // Národní listy. 1912. 27. října.

⁷⁴ Prokop J., Mráz J. Statistika České Obce Sokolské za rok 1912 // Sokol. 1914. № 8–9. S. 219.

⁷⁵ Waic M. Tělovýchova... S. 81.

⁷⁶ Nečas C. Odezva první... S. 267–268.

дорожных служащих, муниципалитетов, сберегательных касс, добровольных пожарных, профессиональных и иных обществ и т.д.⁷⁷ К сокольской кампании также присоединились чешские эмигранты в Российской империи, США и других странах⁷⁸. В сокольской периодике отмечалась особая роль женских отделов сокольских обществ, занимавшихся не только сбором средств, но также шитьем белья, что соответствовало общественным представлениям о феминности⁷⁹. В общечешской благотворительной кампании также активно участвовала школьный инспектор Рената Тыршова, дочь первого старосты «Пражского Сокола» Йиндржиха Фигнера и вдова первого главного инструктора общества Мирослава Тырша — вождя сокольского движения в 1860-е — первой половине 1880-х гг.⁸⁰

Соотнесение представленных в отчетах Э. Варауса данных об отдельных взносах, поступивших с 22 октября 1912 г. по 19 февраля 1913 г., с календарными неделями позволяет изучить динамику сбора средств. Вначале наблюдался стремительный рост: в первую неделю с начала кампании с 21 (де-факто 22) по 27 октября 1912 г. было собрано 10 733 кроны (включая вышеупомянутое крупное пожертвование членов правления ЧСС), во вторую с 28 октября по 3 ноября 51 899 крон⁸¹, в третью с 4 по 10 ноября 105 825 крон⁸². В последующие недели поступление средств начало

⁷⁷ *Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovaný (1) // Věstník sokolský. 1912. № 21. S. 698–711.*

⁷⁸ *Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovaný (5) // Ibidem. 1913–1914. № 1. S. 7; Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovaný (7) // Ibidem. 1913–1914. № 4. S. 128.*

⁷⁹ *Pomocná akce pro raněné Jihoslovaný // Ibidem. 1913–1914. № 1. S. 19. См. Котов В.В. Сокольское движение, сокольская культура и гендерные отношения в Богемии и Моравии в 1860-е — начале 1870-х годов // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. / главн. ред. О.В. Хаванова. М., 2023. С. 163–207. DOI: 10.31168/2619-0877.2023.6.7*

⁸⁰ *Zpráva o dosavad. Průběhu...; Štěpánová I. Renáta Тыршовá. Praha–Lito-myšl, 2005. S. 176.*

⁸¹ *Waraus E. Podrobný výkaz... (1). S. 698–703; Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovaný (2) // Věstník sokolský. 1912. № 22. S. 755.*

⁸² *Waraus E. Podrobný výkaz... (1). S. 703–711; Waraus E. Podrobný výkaz... (2). S. 745–749, 755–756. Здесь и далее, не считая общей суммы собранных средств, число геллеров не указывается.*

замедляться: в четвёртую с 11 по 17 ноября было собрано 23 065 крон⁸³, в пятую неделю с 18 по 24 ноября 25 549 крон⁸⁴, в шестую неделю с 25 ноября по 1 декабря 17 783 крон⁸⁵, в седьмую со 2 по 8 декабря 7488 крон⁸⁶. Наметившееся снижение ускорилось в последующий период: в следующие 11 недель с 9 декабря 1912 г. по 23 (де-факто — 19) февраля 1913 г. было собрано лишь 20 193 кроны⁸⁷. Вараус отмечал, что его отчеты не учитывали пожертвования сокольских обществ, отправленные непосредственно на Балканы или через СК, БВК и редакции газет (оцениваемые в более чем 15 000 крон), а также неденежные дары⁸⁸ (включавшие перевязочные материалы, медикаменты, одежду, белье и продовольствие)⁸⁹.

Общая сумма пожертвованных в рамках всей сокольской кампании денежных средств не приводится в источниках и историографии. Суммируя данные отчетов Э. Варауса, автор исследования установил, что до 19 февраля 1913 г. в ЧСС поступило 262 538 кроны 44 геллера. После этого в апреле в «Сокольском вестнике» появилось сообщение о новом поступлении 8389 крон 9 геллеров (1705 \$) от американских чехов⁹⁰. В октябре 1913 г. на заседании ЧСС сообщалось о намерении опубликовать в упомянутом издании данные, дополняющие отчеты Варауса, которое,

⁸³ *Waraus E. Podrobný výkaz... (2). S. 748–751; Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovany (4) // Věstník sokolský. 1912. № 24. S. 833.*

⁸⁴ *Waraus E. Podrobný výkaz... (2). S. 751–755; Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovany (3) // Věstník sokolský. 1912. № 23. S. 787.*

⁸⁵ *Waraus E. Podrobný výkaz... (3). S. 787–791.*

⁸⁶ *Waraus E. Podrobný výkaz... (3). S. 791–793; Waraus E. Podrobný výkaz... (4). S. 830.*

⁸⁷ *Waraus E. Podrobný výkaz... (3). S. 793–794; Waraus E. Podrobný výkaz... (4). S. 830–832; Waraus E. Podrobný výkaz... (5). S. 5–7; Waraus E. Podrobný výkaz příspěvků na pomocnou akci Č.O.S. pro raněné Jihoslovany (6) // Věstník sokolský. 1913–1914. № 2. S. 46–48; Waraus E. Podrobný výkaz... (7). S. 128–129.*

⁸⁸ *Waraus E. Podrobný výkaz... (1). S. 711; Waraus E. Podrobný výkaz... (3). S. 794.*

⁸⁹ *Zpráva o dosavad. Průběhu...*

⁹⁰ *29. schůze 12. března // Věstník sokolský. 1913–1914. № 7. S. 218; Američtí Čechové — Americký Sokol na prospěch raněných Jihoslovánů // Ibidem. 1913–1914. № 8. S. 269.*

однако, не было осуществлено⁹¹. До обнаружения новых источников и решения вышеупомянутого вопроса о займе в 40 000 крон можно с уверенностью сказать лишь то, что к концу апреля 1913 г. посредством ЧСС было собрано не менее 270 927 крон 53 геллеров. Ранее в литературе приводились только суммы, учитывающие сокольские сборы до 7 декабря (235 000 крон)⁹², до конца 1912 г. (254 241 крон)⁹³ или до 23 января 1913 г. (258 180 крон)⁹⁴.

Что касается расходования данных средств, несмотря на вышеупомянутые установки христианской и гуманистической солидарности, чешская благотворительность не затрагивала раненых греков и турок. Отсутствие помощи грекам также контрастировало с особым значением античного наследия для сокольской культуры, включая древнегреческие гимнастику и патриотизм: так, масштабная хореографическая картина чешских «соколов» на прошедшем летом 1912 г. сокольском слете реконструировала битву при Марафоне 490 г. до н.э. и античное пятиборье. Эта картина была задумана в т.ч. как отсылка к особому отношению М. Тырша к Древней Греции⁹⁵. Тем не менее, согласно отчетам Э. Варауса, все средства были направлены в пользу южных славян, а именно: по 50 000 крон — Красному кресту в Цетинье, Софии и Белграде, а также 60 000 — БВК⁹⁶. Первый медицинский отряд БВК был отправлен в Черногорию, второй — в Сербию, третий — в Болгарию⁹⁷. Позднее в Болгарии действовало, по данным М. Пауловой, еще два, а по сведениям болгарского исследователя Константина Трошева — еще пять чешских отрядов⁹⁸. По мнению последнего

⁹¹ Z České obce sokolské // Národní listy. 1913. 14. října.

⁹² Paulová M. Ohlas balkánské... S. 107. См. Český pomocný lékařský sbor // Národní listy. 1912. 11. prosince.

⁹³ Jandásek L., Pelikán J. Stručně dějiny... S. 67. См. Waraus E. Podrobný výkaz... (5). S. 5.

⁹⁴ Fikar A. Stručně... S. 11. См. Waraus E. Podrobný výkaz... (6). S. 48.

⁹⁵ Konývková Frýbertová T. Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa. Brno, 2020. S. 105–112; Nolte C.E. The Sokol... P. 176–177; Změny v předslětovém pořadí // Věstník sokolský. 1912. № 11. S. 389.

⁹⁶ Waraus E. Podrobný výkaz... (2). S. 745; Waraus E. Podrobný výkaz... (5). S. 5.

⁹⁷ Z Českého pomocného lékařského sboru // Národní listy. 1912. 27. října.

⁹⁸ Paulová M. Ohlas balkánské... S. 106; Trošev K.G. Čeští lékaři... S. 43–44, 53–56. См. Česká výprava lékařská ve Varně // Národní listy. 1912. 22.

исследователя, масштаб чешской медицинской помощи болгарам уступал только российской⁹⁹.

Оказавшееся временным перемирие в декабре 1912 г. — январе 1913 г. представляется одной из значимых причин замедления сбора средств в т.н. чешских землях. В вышедшем 10 декабря 1912 г. «Сокольском вестнике» было опубликовано обращение правления ЧСС, в котором сообщалось о завершении благотворительной кампании¹⁰⁰. Однако в официальном сообщении БВК от 7 декабря, наоборот, подчеркивалось, что сбор еще не завершен¹⁰¹. В этом же тексте сообщалось, что ЧСС собрал вышеупомянутую сумму 235 000 крон, тогда как СК — 565 538 крон, а стоимость денежных даров оценивалась в 270 000 крон. Как уже отмечалось выше, в последующий период объем средств, собранных ЧСС, вырос незначительно. Общая сумма, собранная чешскими националистами, составила, согласно данным М. Пауловой, примерно 1 200 000 крон¹⁰².

Постепенное угасание кампании также могло быть связано с причинами внутреннего характера. Во-первых, в историографии отмечались негативные последствия Балканских войн для экспорта австрийской промышленной продукции и связанный с ними рост безработицы¹⁰³, очевидно, не способствовавший осуществлению благотворительности. С этими обстоятельствами могло быть связано оглашённое на заседании правления ЧСС 19 февраля 1913 г. решение отклонить предложение организовать сбор в поддержку сирот павших южных славян, обоснованное тем, что «наша общественность уже истощена предыдущими сборами»¹⁰⁴. В свою

---

listopadu; Český Červený kříž na bojišti // Ibidem. 1912. 12. listopadu; Zpráva o dosavad. Průběhu...

⁹⁹ *Trošev K.G.* Čeští lékaři... S. 38, 52. Русские «соколы» входили в число жертвователей денежных средств и отправившихся на Балканы врачей (Москва. О деятельности Русского Гимнастического Общества «Сокол I» в Москве // Сокол. 1912–1913. № 2. С. 38; Москва (Сокол II) // Там же. 1912–1913. № 3. С. 50).

¹⁰⁰ Dík sokolský vyslovuje předsednictvo «České Obce Sokolské» // Věstník sokolský. 1912. № 23. S. 796.

¹⁰¹ Český pomocný lékařský sbor...

¹⁰² *Paulová M.* Ohlas balkánské... S. 107.

¹⁰³ *Šlaisová D.* Ohlas... S. 229–241.

¹⁰⁴ Výťah ze zápisu o 26. schůzi předsednictva ČOS // Věstník sokolský. 1913–1914. № 55. S. 166.

очередь, случаи преследования отдельных участников кампании со стороны государства¹⁰⁵, а также возможного нецелесообразного расходования части средств и иных злоупотреблений¹⁰⁶, вероятно, не имели значительного влияния.

Во-вторых, применительно к внутренним причинам угасания балканской кампании необходимо отметить конкуренцию со стороны других приоритетов чешских националистов. В третьей декаде ноября 1912 г., когда уже было собрано более 200 000 крон, в передовице «Сокольского вестника» утверждалось, что милосердие является одним из свойств чешской нации, которая «внесла лепту» в благотворительную кампанию помощи южным славянам — «храм человечности <...> Айю-Софию братской любви». Текст завершался риторическим вопросом о том, отзовутся ли чешские сердца на подобные призывы жертвовать на «борьбу за души чешских детей»¹⁰⁷. Вопрос о школьном образовании и других аспектах жизни чешских меньшинств, расположенных главным образом в приграничных районах Богемии и Моравии (впоследствии обозначаемых как Судеты), являлся ключевой темой внутренней политики т.н. чешских земель¹⁰⁸. ЧСС проводила специальную политику поддержки сокольских организаций и вообще чешских сообществ, расположенных на т.н. находящих в опасности землях (чеш. *území ohroženě*)¹⁰⁹. Уже в ноябре 1912 г. в журнале «Учитель [чешского] меньшинства» (чеш. *Menšinový učitel*) преуменьшалось значение балканской кампании, в которой, по мнению авторов, отказались участвовать многие богатые чехи, опасавшиеся обвинений в государственной измене, тогда как поддавшиеся моде на патриотизм якобы лишили поддержки своих братьев, противо-

¹⁰⁵ 25. schůze předsednictva (5. února) // Ibidem. 1913–1914. № 4. S. 141–142.

¹⁰⁶ Příloha ku 14. číslu Věstníka sokolského. Zápis o schůzi výboru České Obce Sokolské, konané 18. května 1913 v tělocvičně Sokola Pražského. Praha, 1914. S. 6; 32. schůze 9. dubna // Věstník sokolský. 1913–1914. № 8. S. 250.

¹⁰⁷ Srdce promluvílo? // Ibidem. 1912. № 22. S. 733–734.

¹⁰⁸ Zahra T. Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948. Ithaca, 2008. DOI: 10.7591/9780801461910

¹⁰⁹ I. Sjezd menšinových pracovníků sokolských. Zvláštní příloha k 9. číslu Věstníka sokolského. Praha, 1914.

стоящих германизации¹¹⁰. Подобные тезисы неоднократно высказывались на страницах этого издания¹¹¹, однако руководство ЧСС трактовало соответствующие тексты как следствие внутреннего противостояния в педагогическом сообществе и ошибочной позиции редакции¹¹². В изучаемый период также наблюдалось уменьшение средств, собираемых в поддержку словенского школьного образования¹¹³.

Последующие события и перспективы

В конце июня 1913 г., то есть к началу Второй балканской войны, в которой Болгарии противостояли все остальные участники первого конфликта и Румыния, большая часть чешских врачей вернулась в Австрию¹¹⁴. В июле пражский «Юмористический журнал» («Humoristické listy») приводил шуточный призыв к новому сбору в помощь южным славянам, требующему работы с «удвоенной энергией», так как «раны, нанесенные братом, болят вдвойне»¹¹⁵. София и Белград действительно вновь обратились за помощью к чешскому БВК¹¹⁶. Комитет выступил с осуждением братоубийственной войны, но при этом, ссылаясь на гуманистические идеалы, заявил о готовности осуществлять посредничество, рекомендуя отдельных чешских врачей, готовых отправиться на помощь. При этом финансирование их деятельности должно было осуществляться воюющими сторонами, а не за счет чешских пожертвований¹¹⁷. Таким образом Вторая балканская война не стала поводом для новой благотворительной кампании чешских националистов.

¹¹⁰ České menšiny a válka na Balkáně // Menšinový učitel. 1912–1913. № 1. S. 15–16.

¹¹¹ Opět sbírka pro Balkán // Menšinový učitel. 1912–1913. № 4. S. 60; «Za posměchu tretu z plechu...» // Menšinový učitel. 1913–1914. № 1. S. 19–20.

¹¹² 54. schůze 29. října // Věstník sokolský. 1913–1914. № 22. S. 724; 63. schůze 14. ledna // Ibidem. 1914. № 1. S. 9.

¹¹³ Čeští učitele na valné hromadě «Družby sv. Cirila in Methoda» // Národní listy. 1913. 10. září.

¹¹⁴ Český pomocný sbor lékařský v Praze // Ibidem. 1913. 22. června.

¹¹⁵ Upozornění komitétu ku pořádání sbírek na raněné Jihoslovany // Humoristické listy. 1913. № 30. S. 416.

¹¹⁶ Čeští lékaři a jejich pomoc v případě války // Národní listy. 1913. 23. června; Z Českého pomocného sboru lékařského // Ibidem. 1913. 4. července.

¹¹⁷ Z Českého pomocného sboru lékařského // Ibidem. 1913. 4. července.

Опыт и образ масштабных сборов осени 1912–1913 гг. вновь стали актуальными в ходе Первой мировой войны. Уже осенью 1912 г. в речах австро-немецких членов Палаты депутатов Рейхсрата¹¹⁸ и в материалах австро-немецких политических периодических изданий чешская благотворительная кампания трактовалась как проявление нелояльности: так, в ноябре пражская газета «Богемия» («Bohemia») задавалась риторическим вопросом о позиции чехов в возможной войне Австрии с Россией и Сербией, если бы она была объявлена «через неделю»¹¹⁹. Эти обвинения опровергались правлением ЧСС¹²⁰. Начавшаяся не «через неделю», а через полтора года мировая война сопровождалась судебным преследованием ряда чешских политических деятелей. В 1915–1916 гг. в ходе процесса над К. Крамаржем обсуждалось участие политика в организации чешской благотворительной кампании 1912–1913 гг. и сравнивался объем средств, пожертвованных чехами в ходе Первой балканской и мировой войны¹²¹. Любопытно, что в конце 1912 г. оппоненты Крамаржа, наоборот, распространяли слухи о его якобы негативном отношении к «сокольской жертвенности»¹²². Тезис о будто бы меньшем энтузиазме чехов при участии в благотворительности в ходе мировой войны относительно Первой балканской повторялся в запросе немецких членов Палаты депутатов Рейхсрата, поданном членам правительства в декабре 1917 г., причем отдельно отмечалась позиция «соколов»¹²³. При этом известно, что с началом Первой мировой войны, с одной стороны, чешские сокольские общества оборудовали свои гимнастические залы в лазареты и проводили иные благотворительные мероприятия, но, с другой стороны, староста ЧСС Й. Шейнер принимал участие в подпольной антиавстрийской деятельности¹²⁴.

¹¹⁸ Panu posl. H. Hartlovi na pamětnou // Ibidem. 1912. 19. prosince.

¹¹⁹ Prag — Serbien // Bohemia. 1912. 24. November.

¹²⁰ 17. schůze předsednictva // Věstník sokolský. 1912. № 23. S. 799.

¹²¹ Proces Dra Kramáře a jeho přátel. Sv. 1. Obžalovací spis / red. Z.V. Tobolka. Praha, 1918. S. 57; Proces Dra Kramáře a jeho přátel. Sv. 5. Rozsudek první stolice. Č. 2 / red. Z.V. Tobolka. Praha, 1918. S. 84.

¹²² Pokoj lidem dobré vůle // Čas. 1912. 25. prosince.

¹²³ Dotaz německých poslanců o chování se českého národa za války / red. Z.V. Tobolka... D. I. Praha, 1918. S. 38, 44, 135–145.

¹²⁴ Котов В.В. Чешское сокольство накануне и в начале Первой мировой войны // Первая мировая война и судьбы народов Центральной

Вопрос о влиянии чешской благотворительности и участия членов южнославянских гимнастических обществ в боевых действиях 1912–1913 гг., во-первых, на восприятие сокольского движения различными акторами, и, во-вторых, на формулирование политических задач самими чешскими «соколами», заслуживает дальнейшего изучения. Это же касается воздействия изучаемых событий на развитие чешской военной медицины, на попытки координации всех подобных сборов средств Чешским национальным советом¹²⁵ и на взаимоотношения сокольских союзов Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии) и Болгарии в межвоенный период.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что предпосылками появления и успеха кампании чешских «соколов», направленной на предоставление медицинской и иной гуманитарной помощи южным славянам в ходе Первой балканской войны 1912–1913 гг., представляются значительная степень распространения чешских сокольских обществ, многочисленность и преимущественная политическая ангажированность их членов, эффективность организационных структур объединявшего сокольские общества ЧСС, приверженность чешских националистов идее славянской взаимности, выступавшей в функции одной из идентификационных установок, такие ее проявления и формы как чешский юнацкий курс, возникновение южнославянского сокольства и неославизм, и, наконец, вхождение в состав чешской националистической культуры и сокольской субкультуры такой политической практики, как благотворительные кампании по сбору средств, включая кампании в поддержку воюющих «родственных» или дружеских наций.

В ходе исследования был реконструирован ход событий, приведших к возникновению общечешской и сокольской благотворительных кампаний, направленных в первую очередь на финансирование и организацию отрядов врачей и санитаров. Также были

и Юго-Восточной Европы: очерки истории / отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2015. С. 307–326.

¹²⁵ 17. schůze... S. 799; Pro lepší organizaci veřejných sbírek // Národní listy. 1912. 23. října

---

изучены формы, источники и динамика сбора средств, большая часть которых поступила уже во вторую и третью неделю с начала кампании, и установлено, что к концу апреля 1913 г. посредством ЧСС было собрано не менее 270 927 крон 53 геллеров. Постепенное угасание кампании могло быть связано с заключением временного перемирия, а также с причинами внутреннего характера — неблагоприятной экономической конъюнктурой и конкуренцией со стороны других приоритетов чешских националистов, в первую очередь — с поддержкой чешских меньшинств. Данная кампания воспринималась немецкими националистами как проявление чешской нелояльности, при этом особую актуальность данный тезис приобрел в ходе Первой мировой войны.

Карикатура, фотография и рисунок с места событий: Балканские войны в изображениях журнала «Огонек»*

Статья посвящена анализу визуальной информации о Первой и Второй балканских войнах, представленной в популярном петербургском иллюстрированном журнале «Огонек». Издание с тиражом 120 тыс. экземпляров было ориентировано на самую широкую аудиторию, и его основными читателями являлись представители образованных слоев российского общества. Это позволяет судить о нем как об одном из важных каналов формирования общественного мнения о конфликтах на Балканах, их участниках и роли в них европейских держав. Публикуемые в «Огоньке» визуальные материалы часто носили уникальный характер. Представленные в форме карикатур, фотографий и рисунков с мест событий они освещали текущую ситуацию, стремясь вызвать симпатию, сочувствие или возмущение читателей, и влияли на ожидания общественности.

Ключевые слова: общественное мнение, внешняя политика России, визуальная информация, Балканские войны 1912–1913 гг., журнал «Огонек»

Внимание историков к роли визуальной информации в формировании общественного мнения в тот или иной период связано с тем, что изображения, такие как карикатуры, рисунки и фотографии, способны оказывать значительное влияние на восприятие читателями событий и проблем, закрепляя (а подчас создавая заново) и распространяя определенные стереотипы и убеждения. Несмотря на то, что в изданиях периодической печати текст является основной формой предоставления сведений

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-78-10006 Российское общественное мнение по вопросам внешнеполитического курса России и ее места в международных отношениях (конец XIX — начало XX в.), <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

о текущей ситуации, визуальные материалы могут дополнять и усиливать его, подчеркивая его значимость, делая более убедительным и легче усваиваемым.

Российская пресса конца XIX — начала XX в. отличается разнообразием изданий различной направленности. Мы остановили выбор на петербургском журнале «Огонек», первый номер которого был опубликован в декабре 1899 г. в качестве иллюстрированного приложения к газете «Биржевые ведомости», но уже с 1902 г. он стал еженедельным самостоятельным изданием, выход которого прервался только с октябрьскими событиями 1917 г. Впоследствии журнал был возрожден: в 1920-х гг. «Огонек» стал выходить в Москве.

Особенностью петербургского «Огонька» было большое количество размещаемых в нем фоторепортажей, занимавших не менее одной трети общего объема в среднем в 8 страниц. Богатый на иллюстрации, выступавшие как самостоятельный источник информации, так и сопровождавшие текстовые репортажи, журнал пользовался большой популярностью у образованной публики и выходил тиражом в 120 тыс. экземпляров. Во внимании авторов «Огонька» оказывались все значимые события внутренней и внешней политики России, международная обстановка. Это позволяет судить о журнале как об одном из важных каналов формирования общественного мнения о конфликтах на Балканах, их участниках и роли в них европейских держав.

Публикуемые в «Огоньке» визуальные материалы часто носили уникальный характер. Представленные в форме карикатур, фотографий и рисунков с мест событий, они освещали текущую ситуацию, стремясь вызвать симпатию, сочувствие или возмущение читателей, и влияли на ожидания общественности. В них находили отражение истоки конфликтов, были представлены образы участников Первой и Второй балканских войн, характеризовались позиции европейских держав в обоих конфликтах, в первую очередь Австро-Венгрии, а также роль России в происходившем.

Безусловно, позиция «Огонька» в отношении славянских государств, поднявшихся на войну с Турцией, в целом не отличалась от общероссийского общественно-политического мнения. Многочисленные фоторепортажи и рисунки с мест событий проникнуты симпатией к братьям-славянам. Примером может служить, напри-

мер, один из первых тематических снимков, сделанный на митинге в Белграде и сопровождавший заметку «Сербский народ требует войны с турками»¹. В ней сообщалось, что сербы больше не могли терпеть притеснения со стороны Турции и теперь, когда Сербия обрела возможность выставить до 150 тыс. солдат, только война кажется единственным средством изменения ситуации. Военное столкновение преподносилось читателям как неотвратимое, но справедливое. Нужно отметить, что «Огонек» коротко сообщал и о попытках европейских государств призвать славянские государства к отказу от выступления, а Турцию — к изменению политики по отношению к славянским народам, одновременно подчеркивая их тщетность и обращая внимание на то, что борьба с общим врагом заставила славян забыть о разногласиях, сплотиться и выступить сообща².

Иллюстрированный характер «Огонька» позволял использовать все преимущества визуальной коммуникации перед другими способами передачи информации, в первую очередь, это возможность за несколько секунд создать у читателей необходимые образы, увеличить их эмоциональную вовлеченность в происходившее на далеких Балканах. Так, в условиях разгоравшейся войны «Огонек» знакомил читателей с лидерами балканских стран, размещая их фотографии³. Затем регулярные фоторепортажи сообщали об ужасах, имевших место в зонах ведения боевых действий. По заявлению автора одного из сообщений, сопровождавших такие снимки, «фотографии — это человеческие документы», которые «лучше всяких слов рисуют, что происходит на Балканах»⁴.

Если фотографии фиксировали действительность, то рисунки с пояснительными подписями к ним могли служить и предвосхищению возможного развития ситуации: «Болгарские передовые посты и сторожевые огни на турецкой границе <...> где, быть может, суждено вспыхнуть первым военным действиям»⁵. Также они служили иллюстрациями к событиям, которые имели место,

¹ Огонек. 1912. 9 (22) сентября.

² Там же. 16 (29) сентября.

³ Там же. 30 сентября (13 октября).

⁴ Там же. 16 (29) сентября.

⁵ Там же. 30 сентября (13 октября).

но не были запечатлены фотокорреспондентами: «Король Николай, отъезжая на турецкую границу руководить действиями, дает последние инструкции генеральному штабу армии» или «Деревенский священник благословляет оружие и знамя призванных в строй запасных»⁶. При этом не все рисунки являлись плодами воображения художников, некоторые из них выполнялись «по наброскам корреспондентов» и, очевидно, отличались еще большей выразительностью, чем фотографии, которые можно было сделать в тех условиях. Примером может служить рисунок по наброскам корреспондента «Отступление турецкой армии по деревням Сербии» (художник Ф. Кучера)⁷.

Авторы «Огонька» стремились вызвать у читателей сочувствие к воюющим славянам, рассказывая об их подвигах и указывая на духовную близость с ними. Так, в сообщении, сопровождавшем рисунок «На вокзале в Софии. Последнее прощание отъезжающих на войну запасных с родными и близкими», автор указывал: «Сценны мобилизации и проводы запасных в Болгарии, как это видно на рисунке, напоминают картинки деревенской Руси»⁸. В журнале освещались мобилизации, проходившие во всех воюющих государствах, при этом отмечались воодушевление и боевой дух призывников. Одновременно появилась и рубрика «откликов», в которой освещалось отношение России к ситуации на Балканах: например, готовность добровольцев отправиться на помощь к «христианам, сражающимся со своим историческим врагом»⁹. При этом в отношении обстановки в Турции указывалось на затруднения с организацией призыва, что, тем не менее, не сказывалось на «громадном энтузиазме» враждебно настроенного к христианам турецкого населения, а особенно — к Болгарии¹⁰.

Освещение самих боевых действий велось по театрам. Отдельно выделялись «черногорско-турецкая война», «болгаро-турецкая война», «сербско-турецкая война», «греко-турецкая война»¹¹. На-

⁶ Огонек. 1912. 7 (20) октября.

⁷ Там же. 4 (17) ноября.

⁸ Там же. 7 (20) октября.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Напр.: Огонек. 1912. 21 октября (3 ноября), 28 октября (10 ноября), (4) 17 ноября.

равне с успехами славян порознь (рисунок «Черногорские войска под командой генерала Мартиновича <...> после ожесточенного боя берут гору с турецкими укреплениями»¹²) и сообща (снимок «Шествие македонских четников по улицам Софии»), описывались и трудности: ведение боевых действий «в полудикой местности», недостаток медицинской помощи и др.¹³. Безусловно, рассказы о доблестях, которые сопровождали фотографии и рисунки, преобладали: авторы писали о «безумной отваге» греков или о штыковой атаке славян, с точки зрения военной науки совершенно неоправданной, но заставлявшей турок обращаться в бегство. Турецкая же армия, «воспитанная немцами», напротив, описывалась как «оборванная, голодная, жалкая»¹⁴. И даже стремясь к объективности, «Огонек» неизменно оставался на стороне славян. Так, рисунок «В завоеванных христианами Салониках», выполненный художником по эскизу английского офицера, сопровождал рассказ о поведении греков и болгар по отношению к туркам: «Турок хватают на улицах и чертят мелом кресты на их фесках. Точно от этого мусульмане сделаются христианами! Но если глумление и предосудительно, то все-таки во сколько раз оно мягче зверств турок в христианских селениях!»¹⁵.

С началом мирных переговоров «Огонек» стал информировать читателей о намерениях сторон. Отмечалось, что распространяются слухи о планах болгарского «царя Фердинанда» «водрузить крест на святой Софии, отслужить там благодарственный молебен, а ключи Царь-Града послать России, которой славяне обязаны своим освобождением и возрождением»¹⁶. Одновременно указывалось на вероломство предавших сербов албанцев, которых подстрекала Австрия (рисунок художника В. Газе по фотографии офицера, участника боя «Этюд боя при Куманове»)¹⁷.

Роли Австро-Венгрии в балканских конфликтах и преследуемым ею интересам в целом уделялось значительное внимание, что соответствовало общим антиавстрийским настроениям в Рос-

¹² Огонек. 1912. 14 (27) октября.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. (4) 17 ноября, 9 (22 декабря).

¹⁵ Там же. 25 ноября (8 декабря).

¹⁶ Там же. 4 (17) ноября.

¹⁷ Там же. 11 (24) ноября.

сии в тот период. «Огонек» писал, что недовольство австрийцев успехами сербов и черногорцев может повлечь общеевропейскую войну и, размещая портреты нового военного министра А. фон Кробатина и начальника генерального штаба К. фон Гетцендорфа, известных сторонников войны, прямо заявлял, что Австро-Венгрия к ней готовится¹⁸. Однако больше всего критики в адрес австрийцев содержится в карикатурах.

Карикатуры автора Пьера-О, которые размещались на первых полосах, служили главным средством воздействия на читателя и формирования у него представления о роли европейских держав в балканских конфликтах 1912–1913 гг. Одна из первых его работ, посвященных сложившейся международной ситуации, появилась в сентябре 1912 г. и была озаглавлена «Догонит ли?» (Рис. 1)¹⁹. На ней Балканы представлены в образе воина с факелом, который на бешеной кобыле то ли разбивает щит, то ли прорывает непрочную ткань, обозначенную как «европейский мир», и уносится стремглав от «Европы» — миротворца с папкой «реформ» и «огнетушителем». Воин держит путь на указатель «Война», а за ним тянет косу костлявая смерть.

Более четкое представление об интересах европейских держав создавала карикатура «Чем теперь занимаются»²⁰: «Дипломаты — за(раз)дувают. Россия — сочувствует. Италия торжествует. Австрия выжидает» (Рис. 2). На ней дипломаты действительно дуют на указатель с табличкой «Балканы», и не ясно, пытаются ли они потушить разгорающийся огонь в зачатке или, наоборот, стремятся сделать его еще больше. Россия же в образе девушки в кокошнике вытирает слезу и наблюдает за происходящим из-за высокого забора, а на коленях у нее лежит платок со знаком Красного Креста. В свою очередь итальянец радостно размахивает штанами, подписанными как «Триполи» и снятыми им с ничего не понимающего турка. Австрия в облике хищного волка замерла на границе в ожидании удобного момента для нападения. Такую же волчью выжидательную позицию она занимает и в карикатуре «На Балканах»²¹, посвященной Второй балканской войне (Рис. 3). На ней

¹⁸ Огонек. 1912. 9 (22 декабря).

¹⁹ Там же. 2 (15) сентября.

²⁰ Там же. 14 (27) октября.

²¹ Там же. 23 июня (6 июля).

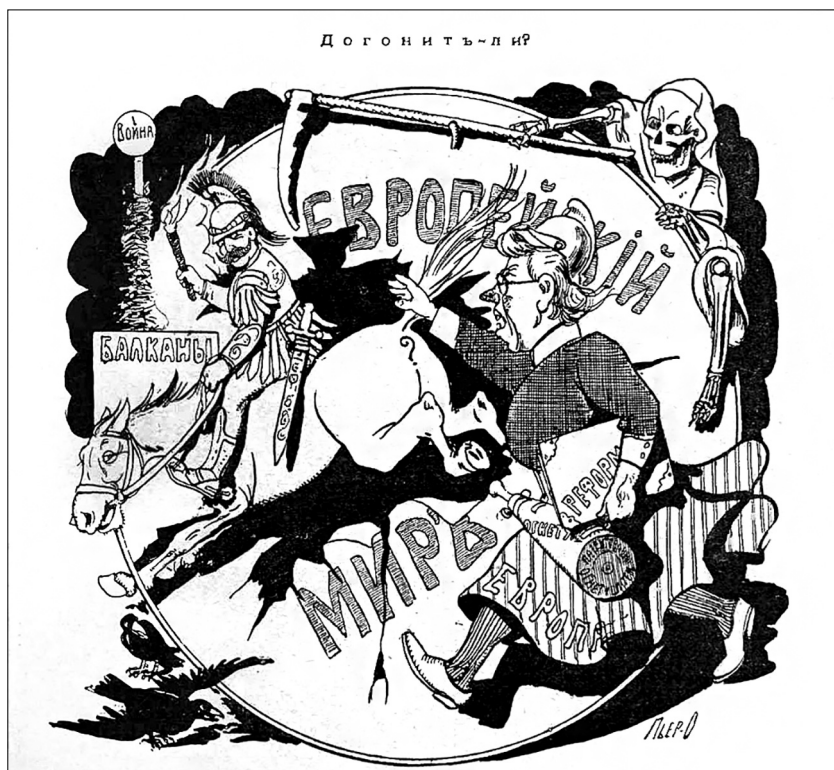

Рис. 1. «Догонит ли?»

Рис. 2. «Чем теперь занимаются»:
«Дипломаты — за(раз)дувают. Россия — сочувствует.
Италия торжествует. Австрия выжидает»

Медведь (Россия) разнимает столкнувшихся над ямой Барана-Сербию и Козла-Болгарию, в то время как голодный Волк-Австрия ждет внизу, кто из них упадет в его пасть.

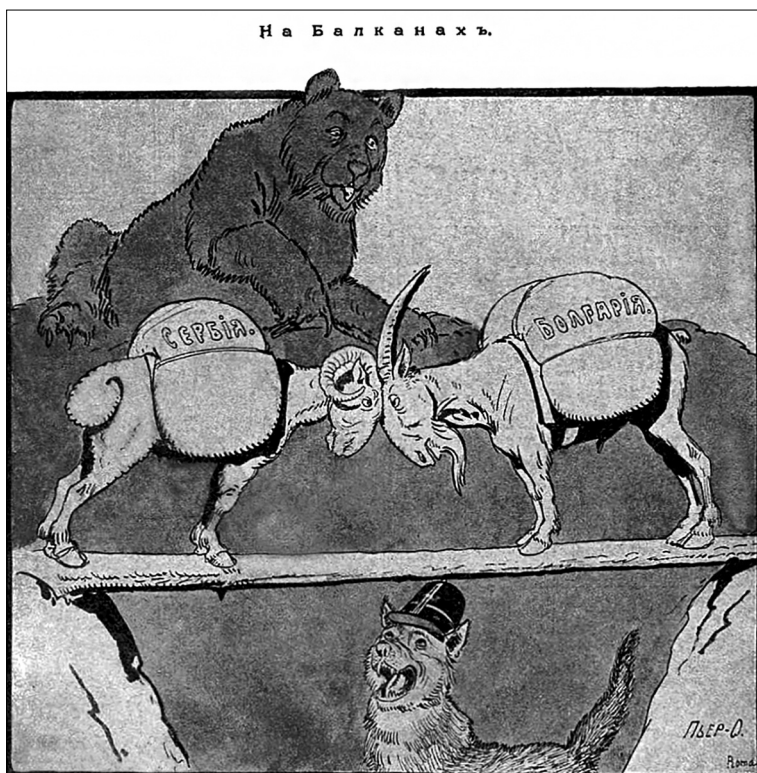

Рис. 3. «На Балканах»

Животное воплощение Австрии в исполнении Пьера-О на страницах «Огонька» имеет три варианта: волк, спрут и вепрь, — каждый из которых так или иначе олицетворяет определенную характеристику ее заинтересованности в ситуации на Балканах. Волк символизирует стремление к территориальным захватам, спрут — желание распространить влияние в регионе при нежелании участвовать в столкновениях напрямую, вепрь — агрессивность намерений в целом. Так, в образе спрута, тянущего щупальца к плодам выстраданной победы Балканского союза, она

предстала в карикатуре *Tertius gaudens*²². В «Блокаде»²³ он же занимает безопасное место на берегу и на этот раз тянется к буйку, плавающему в кишасщем акулами море, — Черногории, которая осаждает Скутари. Как вепрь Австрия представлена в карикатурах «Европейский концерт, или кто палку взял — тот и капрал»²⁴ и «Буря в Адриатическом море»²⁵. В первом случае в концерте кроме Вепря-Австрии, дирижирующего палочкой с нанесенным на нее словом «мобилизация», принимают участие играющий на тромбоне Бегемот-Германия, Мартышка-Италия с шарманкой под названием «Триполи», уткнувшийся в ноты Лев-Британия, недоумевающий Медведь-Россия и подыгрывающий на виолончели Козел-Франция. Их больше не интересует содержимое опрокинутой бочки — «Адрианополя», из которой выпали деревянные солдатики. Все внимание обращено на далекую Албанию, где сошелся в схватке воин и дракон. *Status Quo* оказался вздернутой на веревке кошкой. Во втором примере («Буря в Адриатическом море») Австрия усталилась на Ежа-Скутари. Она сидит в Адриатическом море, а на берегу находятся склонившийся над мешком «Триполи» итальянец, который не проявляет к происходящему интереса, внимательно наблюдающий немец и потирающий кулаки русский витязь.

Коллективная заинтересованность европейских держав в Балканах отражена и в карикатуре «А воз и ныне там»²⁶, посвященной мирному урегулированию ситуации (Рис. 4). На ней в телеге, управляемой богом войны Марсом, в компании «революции» и «мира» в облике младенца сидит старая Турция, пока саму телегу в разные стороны тащат Лебедь-Германия, стремящаяся нырнуть в Адриатическое море Щука-Австрия и прихвативший клешнями Триполи Рак-Италия. За ними бегут представители Балканского союза. Нужно отметить, что мир на карикатурах Пьера-О часто изображался именно в образе младенца. Так, например, на карика-

²² Огонек. 1912. 9 (22) декабря. Дословно — «третий радующийся» (лат.). Из басни Эзопа о том, как лисица унесла добычу, пока из-за нее дрались двое хищников (прим. ред.).

²³ Там же. 1913. 7 (20) апреля.

²⁴ Там же. 24 марта (6 апреля).

²⁵ Там же. 28 апреля (11 мая).

²⁶ Там же. 20 января (2 февраля).

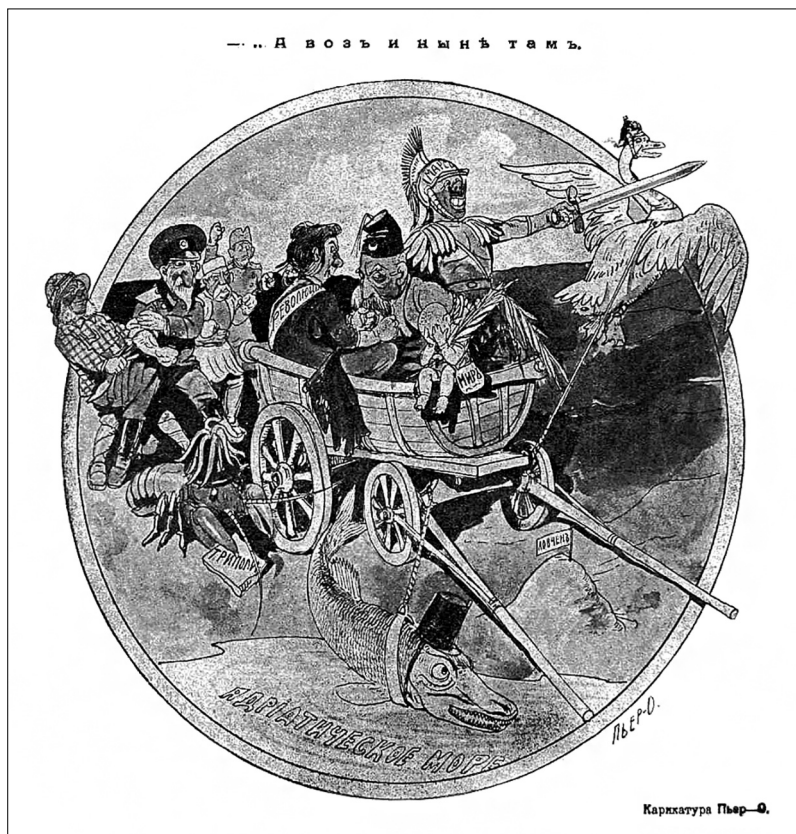

Рис. 4. «А воз и ныне там»

туре «Азартная игра в международном клубе»²⁷, которая высмеивала мирные переговоры, он вовсе оказался привязанным к детскому стульчику и отодвинутым от стола (Рис. 5).

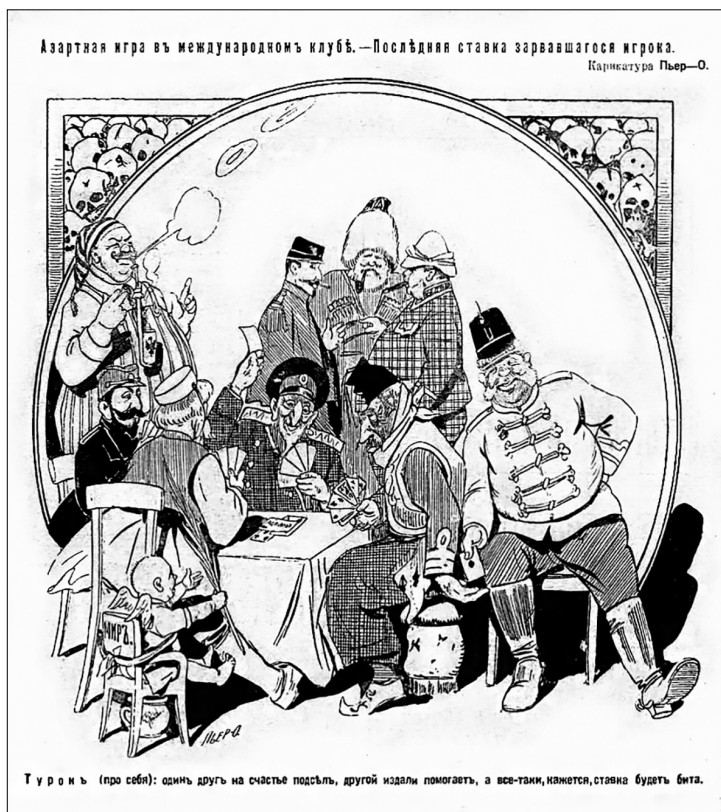

Рис. 5. «Азартная игра в международном клубе»

Способы изображения Австрии и сюжеты, в которых она играла роль, очевидно, формировали у читателей «Огонька» представление о ней как о главном заинтересованном в конфликте лице. Так, несмотря на то что в карикатуре «Первые шаги механического ребенка, родившегося у ее величества Европы» (Рис. 6)²⁸ нянь-

²⁷ Огонек. 1912. 10 (23) февраля.

²⁸ Там же. 1913. 5 (18 мая).

Первые шаги механического ребенка, родившегося у ее величества Европы.

Карикатура Пьер—О.

Рис. 6. «Первые шаги механического ребенка, родившегося у ее величества Европы»

ками Албании помимо Австрии выступают Германия, Франция и Англия, журнал, ранее освещая результаты Первой балканской войны, сообщал: «Первым плодом балканской войны является создание нового государства — Албании. Автономная Албания — это ловкая дипломатическая выдумка Австрии, не желающей, чтобы Сербия приобретала порт на албанском побережье Адриатического моря. Могла бы, пожалуй, вспыхнуть из-за австрийских угроз общеевропейская война, но международной дипломатии, вероятно, удастся устроить дело так, что Сербия получит порт, но без сухопутного подхода к нему («коридора»). Коридором же является международная железная дорога»²⁹. Именно манипуляции Австрии, по мнению авторов журнала, могли привести к новому конфликту. Характерной в этом отношении является карикатура «3-я балканская война (сербо-албанская)» (Рис. 7)³⁰. В верхней части рисунка, озаглавленном «На сцене», изображены оседлавшие пушки защитники «Великой Албании» и крепость «Болгария». В нижней — «За кулисами»: австрийцы, который управляют этими фанерными муляжами.

Не оказалась обойденной вниманием и Германия. Так, карикатура «Первые мирные переговоры»³¹ была нацелена на обличение подлинных намерений Германии, чья поддержка Турции оказалась фикцией (Рис. 8). «Мир» на этот раз не младенец, а голый человек в шляпе с пером и с фиговым листком и вооруженный только чернильницей, который наблюдает за тем, как у карты Турции собрались Германия и Смерть в белом саване. В то же время безногий и безрукий турок смотрит на них, насаженный на пику немецкого шлема.

Эти примеры показывают, что, если в отношении Австрии, Германии и Италии, которая чаще всего изображалась увлеченной Триполи и проявляющей незначительный интерес к Балканским войнам, можно говорить о закрепленных стереотипных образах, то Россия никогда не находится в центре внимания Пьера-О, а попадая в него, выглядит то сострадательной девушкой («Чем теперь занимается», 1912), то выжидающим своего часа могучим витя-

²⁹ Огонек. 1912. 25 ноября (8 декабря).

³⁰ Там же. 1913. 22 сентября (5 октября).

³¹ Там же. 1912. 2 (15) декабря.

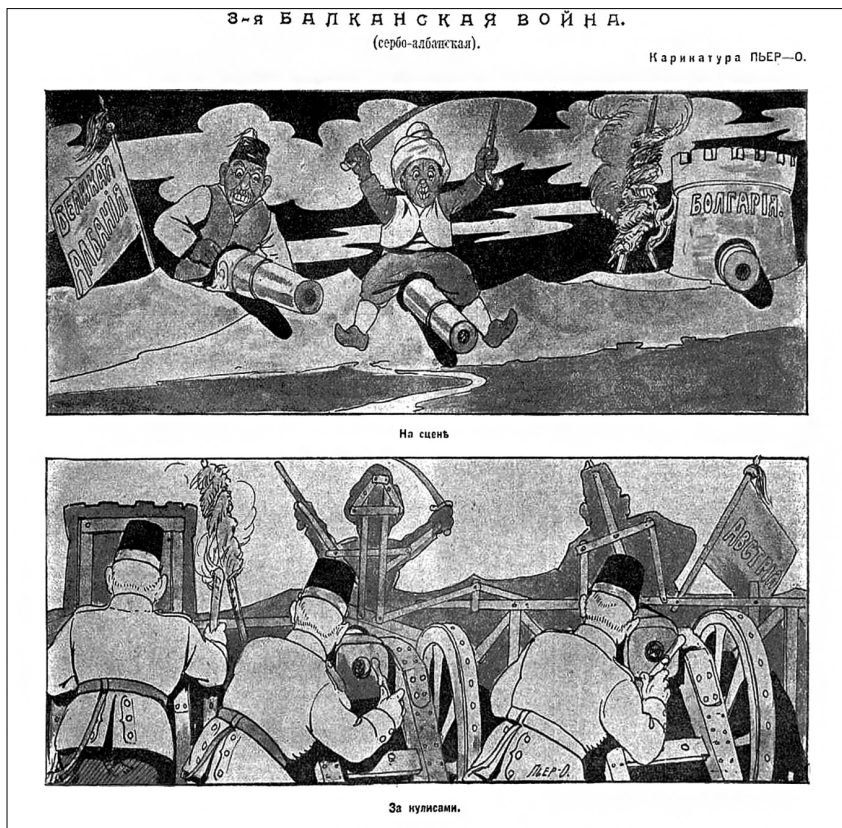

Рис. 7. «3-я балканская война (сербо-албанская)»

Рис. 8. «Первые мирные переговоры»

зем («Буря в Адриатическом море», 1913), то миротворцем («На Балканах», 1913), а то и вовсе недоумевающей участницей событий («Европейский концерт», 1912). Чуть больше, но не значит, что информативнее, об участии российской стороны сообщается в фоторепортажах об отправившихся на помощь славянам добровольцах и работе сестер милосердия³². При этом «Огонек» не высказывает никаких оценочных суждений о внешнеполитическом курсе страны, тем самым оставляя за читателями право самим сформировать мнение о достаточном или недостаточном участии России в конфликте.

Что касается освещения событий скоротечной Второй балканской войны, оно отличалось эмоциональностью и осуждающим тоном. Продолжая размещать фоторепортажи с мест событий и

³² Огонек. 1912. 14 (27) октября, 21 октября (3 ноября), 28 октября (10 ноября); 1913. 6 (19) января.

тематические рисунки, «Огонек», снабжая их названиями, характеризовал новый конфликт, например, как «Братоубийственную распрю славян на Балканах», и высказывал сомнения в прочности нового мира, «купленного ценой вероломства и предательства»³³.

Таким образом, даже самый общий анализ визуальных материалов, размещенных в популярном журнале «Огонек», позволяет судить о нем как об одном из важных каналов формирования общественного мнения о конфликтах на Балканах, их участниках и роли в них европейских держав. Карикатуры, рисунки и фотографии неизменно сопровождали важные сообщения о ситуации на фронтах и текущей международной обстановке, адаптируя их содержание для широкой аудитории и облегчая его восприятие и понимание.

---

³³ Огонек. 1913. 30 июня (13 июля).

Фонд Карнеги на Балканах: от отчета 1914 года по результатам Балканских войн до финансирования журнала «Ле Балкан» — печатного рупора Балканских конференций

В течение двадцати пяти лет (1913–1940) Фондом Карнеги были реализованы четыре крупных проекта на территории Балканского полуострова. Все инициативы носили общественно-просветительский характер и соответствовали основам проводимой Фондом политики. Идеал последней — мир без войн и образованная общественность как щит против будущих катаклизмов. Но было ли меценатство неправительственной американской организации безвозмездным? И не создавал ли Фонд Карнеги за счет активной культурно-просветительской деятельности плацдарм для появления нового внешнеполитического игрока в регионе?

Ключевые слова: Балканы, Балканские конференции, Фонд Карнеги, миротворчество, мягкая сила, неправительственные организации, внешняя политика

Начало XX века запомнилось не только полномасштабными войнами и «величайшими катаклизмами»¹, оно вошло в историю и как время нарастающего миротворческого движения в большинстве стран Европы и в Америке. Обращаясь к более позднему высказыванию Уинстона Черчилля, суммирующего итоги Первой мировой войны, «фраза “война за прекращение войн” была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность»².

Миротворчество как единственно верный способ урегулирования конфликтов поддерживалось на общественном уровне, структурами государственной власти. Проводились межгосудар-

¹ Черчилль У.С. Вторая мировая война. М., 2013. С. 18.

² Там же. С. 22.

ственные встречи, конференции, массово формировались новые организации миротворческого толка. Одной из них стал Фонд Карнеги (ФК), основанный в 1910 году как благотворительная неправительственная организация с целью защиты и действенной пропаганды мира.

Глава Фонда Эндрю Карнеги (1835–1919) — стальной магнат, бизнесмен, филантроп — верил в мягкую силу предотвращения конфликтов, делая ставку на образование и развитие сети публичных библиотек (благодаря его финансовой помощи на территории США было возведено порядка 1679 библиотек, а в англоязычных странах — до 2500³). Им основывались библиотеки и университеты, устанавливались тесные контакты с прессой — основным проводником новостей и информации в обществе, а следовательно, властителем дум и руководителем общественных настроений.

Хотя Фонд являлся неправительственным образованием, он имел самые тесные связи с американским истеблишментом: доказательством тому являлось назначение на руководящие посты отставных государственных чиновников высшего ранга, а также переписка Фонда с будущими бенефициарами (в частности, эпистолярное общение главного редактора «Ле Балкан» Ксенофонта Левкопаридиса с директором Европейского Центра Фонда Карнеги Малкольмом Дэвисом по вопросу о спонсировании общеполитического журнала. В одном из писем Дэвис отмечал: «В соответствии с Вашим сообщением и запросом от министра США, которые я получил по возвращении из Нью-Йорка в Женеву, имею удовольствие отправить Вам чек <...> для продолжения подписки на журнал»⁴. Таким образом, вопрос о финансовой поддержке балканского издания курировался на самом высоком правительственном уровне США).

Первоначально деятельность Фонда ограничивалась просветительскими проектами на территории Америки, но уже к середине 1910-х гг. ее география расширилась за счет Европы. Карнеги мечтал сломать провинциализм американских граждан, выведя

³ *Akhund N.* The work of the Carnegie Endowment in the Balkans after World War: the University Library of Belgrade, 1919–1926 // Infotheca. 2011. № 1. Vol XII. P. 6.

⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2.

политику США и взгляды ее общественности на более глобальный уровень, преодолев таким образом существующую повестку изоляционизма⁵.

Особый интерес Фонда привлекли Балканы — узел геостратегических интересов великих держав и общеизвестный пороховой погреб Европы. С середины 1910–1930-х гг. можно выделить четыре крупных проекта, осуществленных Фондом Карнеги на полуострове: две экспедиции в регион, строительство библиотеки и финансовая поддержка общевалканского журнала «Ле Балкан». Рассмотрим их подробнее.

Самая первая инициатива — спецэкспедиция на Балканы для выяснения причин Балканских войн и их влияния на местное население — была осуществлена Европейским Центром Фонда (ЕЦФ) в 1913 г. Как впоследствии напишет Николас Мюррей Батлер — основатель ЕЦФ: «Целью беспристрастного исследования с привлечением независимых экспертов являлась попытка донести до общественного мнения, какой может быть война в современных условиях жизни. Если человеческие умы хотя бы на краткий миг смогут отвлечься от страстей, расового антагонизма и национального возвеличивания к размышлениям о тех потерях личных и государственных, что несет за собой война, о ее ужасах, то будет сделан хотя бы один, пусть и крохотный шаг к замене силовых решений на арбитраж в урегулировании международных проблем»⁶.

Независимыми экспертами стали представители научно-политической элиты пяти европейских стран и один профессор из США. Люди ученые и в большинстве своем, к сожалению, пристрастные, с уже сформировавшейся точкой зрения по балканскому вопросу. Например, русский ученый, политик Павел Николаевич Милюков, не раз бывавший на Балканах, был известен как ярый болгарофил. Его взгляды не всегда находили понимание даже у однопартийцев: в то время как большинство кадетов выступало в поддерж-

⁵ Тимофеев А.Ю., Живанович М. Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник// Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 102.

⁶ Carnegie Endowment for International Peace. Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914. Preface.

ку Сербии, Милоков активно сотрудничал с болгарами, собирая их обращения, а также «сведения о насильственной сербизации населения Македонии»⁷. Неудивительно, что в своих статьях и научных работах Милоков отстаивал исключительно болгарскую точку зрения. Не проявлял своих симпатий Милоков и в отношении греков. Как отмечал российский исследователь Н.С. Гусев, позиция Милокова о том, что «греками можно пожертвовать ради интересов славян», была фактически публичной и даже в России подвергалось критике⁸, не говоря уже об общественно-политическом мнении в Греции. Таким образом, субъективность Милокова была общеизвестна, и потому ученый получал искреннюю поддержку и благодарность со стороны Софии и наоборот — враждебность и неприятие Афин и Белграда.

Следующий член комиссии — английский журналист левых взглядов Генри Ноэль Брейлсфорд — был человеком также глубоко вовлеченным в проблемы национального самоопределения на Балканах, прежде всего Македонии. В 1906 г. он издал книгу «Македония: ее нации и их будущее». В ней он подчеркивал, что истинными автохтонами на македонских землях могут считать себя только албанцы, и явно симпатизировал болгарскому этносу — в отличие от греков. Так, подчеркивая патриотизм и мужество македонских болгар, автор прицельно выставлял напоказ напыщенность и ведикодержавность греческих граждан, их жестокость «против всех других христианских элементов: болгар, валахов и даже албанцев с целью остановить любое национальное движение, кроме своего собственного, и завоевать для эллинизма как можно большую часть страны. Их методами были убийства и даже резня, что облегчалось терпимостью и попустительством турок»⁹, — писал Брейлсфорд.

Не отличались объективностью и два других члена комиссии — представители Франции — барон Поль Анри Бенжамен д'Эстурнель де Констан и Констан Жюстин Годар — будущие защитники независимой Албании. Государства, созданного, по их мнению, вопреки геополитическим аппетитам Сербии и Греции. В 1920 г.,

⁷ Гусев Н.С. Поездка П.Н. Милокова на Балканы зимой 1912–1913 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 85.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ *Braisfold H.N. Macedonia: Its Races and Their Future.* London, 1906. P. 214.

когда Албания была принята в Лигу Наций, глава ЕЦФ д'Эстурнель де Констан в одном из писем руководителю Фонда напишет: «Честь имею сообщить о рождении ребенка, которому я не отец, но крестный»¹⁰. Благодаря активной переписке и близкому знакомству с высшим эшелоном французской власти де Констан смог усилить поддержку Албании в качестве независимого государственного образования и ее прием в Лигу Наций. Стоит подчеркнуть, что офис французской делегации Лиги Наций находился в парижском офисе ЕЦФ, а часть ее представителей непосредственно сотрудничала с Фондом. Взгляды де Констана полностью поддерживал и Жюстин Годар.

Таким образом, из восьми заявленных членов комиссии лишь четверо были действительно независимыми экспертами. Правда, де-факто к началу экспедиции именно эти беспристрастные участники по тем или иным причинам оказались вне рамок полевых работ.

Субъективизм, предубежденность ученых мужей сослужили плохую службу целям и задачам поездки. Не все страны оказались готовы к сотрудничеству с Фондом. Лишь в Болгарии комиссию встречали торжественно и хлебосольно, предоставив ей все материалы по войне и военным преступлениям соседей. Дружественно международных экспертов приняли и в Турции. Напротив, Сербия и Греция повели себя настороженно, а порой даже враждебно: сербское правительство отказалось предоставить комиссии любые документы и даже статистику экономического развития, чем вызвала непонимание членов экспедиции. «Это была прекрасная возможность для Сербии сбить с толку своих врагов и проинструктировать друзей, но главное — заявить о себе на международной арене», — сетовал в итоговом коммюнике де Констан¹¹. Настороженно восприняли комиссию и греки: мэр Салоник предупредил участников экспедиции, что все они, за исключением Милокова и Брейлсфорда, свободны в своих действиях, а Афины попросту отказались сотрудничать с исследовательской группой, пока в ее составе числился Милоков.

¹⁰ *Akhund N. The Two Carnegie Reports: From the Balkan Expedition of 1913 to the Albanian Trip of 1921 // Balkanologie. 2012. Vol. XIV. № 1–2. P. 7.*

¹¹ *Carnegie Endowment for International Peace. Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. Washington, 1914. P. 9.*

В итоге две страны — Сербия и Греция — оказались вне рамок информационно-полевой работы. Их нишу удачно заполнила Болгария и частично Турция. Наравне с болгарофильством Милюкова, перу которого принадлежала четверть написанного материала, доминирование болгарских источников привело к завышенной субъективности итогового отчета. В тексте не раз подчеркивались терпимость болгар, их высокие нравственные качества по сравнению с беспричинной жестокостью тех же греков. Так, описывая деятельность греческих и болгарских банд в отношении мусульман Правишты — города Эгейской Македонии — авторы подчеркивали, что болгары могли убить одного из десяти мирных жителей, в отличие от греков, не щадивших гражданское население¹². Кроме того, болгары, по словам составителей доклада, не трогали женщин. Как говорилось в отчете: «Известно, что мусульманские женщины, дабы избежать насилия со стороны греческих военных, перебирались в города, курируемые болгарами»¹³.

Окончательный текст отчета был опубликован в 1914 г. и закономерно вызвал категоричный протест со стороны Греции и Сербии. В Фонд были направлены официальные петиции с целью опровержения опубликованной информации, с чем Фонд Карнеги был абсолютно не согласен. Начатая борьба была приостановлена лишь бóльшей битвой — началом Первой мировой войны.

В 1920–1930 гг. Фондом были осуществлены еще две инициативы на Балканах. В 1920 году была создана специальная комиссия для строительства на территории Белграда общедоступной библиотеки — организующего центра нового университетского кампуса. Как подчеркивал американский исследователь Надин Акхунд, со строительством библиотеки Фонд опосредованно выводил на сцену общественно-политической жизни Сербии нового игрока: усиливалось культурно-просветительское влияние США на сербской земле. В частности, «в нескольких отчетах упоминалось об отправке в университетскую библиотеку книг по американской истории, литературе, социальной и экономической жизни, а также всех публикаций Фонда Карнеги»¹⁴.

¹² Carnegie Endowment for International Peace... P. 73.

¹³ Ibid.

¹⁴ Akhund N. The work of the Carnegie Endowment in the Balkans after World War... P. 10.

Во время официальной церемонии закладки краеугольного камня библиотеки — символа начала строительных работ — ректор Университета подчеркнул, что Фонд Карнеги — пример величайшей гуманитарной организации XX века, и выразил надежду, что отныне Белградский университет будет связан крепкими узами с США — одной из высококультурных стран мира¹⁵. Позднее сюжет о состоявшейся церемонии был отмечен и американскими СМИ. В статье «Нью-Йорк Таймс» от 30 октября 1921 г. подчеркивалось, что торжественная церемония была полностью иницирована сербами и являлась искренним и достойным ответом гордого народа на американские усилия по уменьшению деморализующего эффекта войны¹⁶. Официальное открытие библиотеки состоялось 24 мая 1926 г. и с восторгом было воспринято общественно-политическими силами Сербии.

Третий проект Фонда на Балканах был реализован в 1921 г. По решению главы ЕЦФ де Констана была предпринята новая поездка на Балканы: Жюстин Годар, не афишируя своей цели, посетил Албанию. Там в полевых условиях он изучал ситуацию в стране, а также пограничные конфликты албанцев с Королевством СХС и Грецией. Цель его миссии заключалась в защите Албании — «золушки Балкан»¹⁷, а также в попытке убедить великие державы поддержать независимость и целостность данной страны. Опубликованный отчет вновь отличался высокой степенью субъективности. Албания — эта «Швейцария Балкан», по словам Годара, — продолжала оставаться жертвой территориальных аппетитов со стороны Афин и Белграда¹⁸. В 1922 г. Годаром была осуществлена еще одна поездка в Албанию, но ее результаты слабо освещались прессой и остались практически не замеченными широкой общественностью.

Последний проект Фонда на Балканах стал одним из самых продолжительных по времени — порядка 8 лет — и был связан

¹⁵ *Akhund N.* The work of the Carnegie Endowment in the Balkans after World War... P. 16.

¹⁶ Carnegie Gift to Belgrade // New York Time. 1921. 30 octomber. URL: <https://www.nytimes.com/1921/10/30/archives/carnegie-gift-to-belgrade.html> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁷ *Akhund N.* The Two Carnegie Reports... P. 6.

¹⁸ *Ibid.* P. 8.

с поддержкой журнала «Ле Балкан» — проводника идеи балканского единения в регионе и печатного рупора Балканских конференций.

Впервые идея общевалканского союза была озвучена в конце 1920-х гг. бывшим премьер-министром Греции Александром Папанастасиу. В ее основе лежало три равных компонента: политика, экономика и культура. Все части этого треугольника были равноценны и, по мысли Папанастасиу, лишь их триединство гарантировало мир и стабильность в регионе.

Инициатива Папанастасиу не являлась чем-то эфемерным и сугубо теоретическим. Идея балканского альянса, автономного от политики великих держав, полностью совпадала с новым внешнеполитическим курсом страны и была всецело поддержана властью. Поддержали ее и балканские государства, а также европейские миротворческие организации: идея балканского содружества была одобрена в 1929 году XXVII Международным конгрессом мира. Принятая им резолюция утвердила ежегодный созыв Балканских конференций.

Кроме конференций — официально одобренной площадки для межгосударственного диалога — греческие инициаторы балканского союза Александр Папанастасиу и его соратник Ксенофонт Левкопаридис приступили к публикации общевалканского издания «Ле Балкан». Как отмечал впоследствии Папанастасиу: «Именно для распространения идеи балканского союза мы издаем этот журнал. Он имеет объективную цель — культивировать данный идеал и работать для завоевания всего интеллектуального мира Балкан, который является лидером народов полуострова... У нашего журнала будет две установки. В наших статьях мы намереваемся изучить общевалканские связи, показать преимущества будущего сотрудничества, обсудить наиболее эффективные способы его достижения. В журнале будут публиковаться новости политической, экономической, культурной жизни балканских государств. Особо мы заострим внимание на экономике и торговле, так как, по нашему мнению, развитие экономических отношений принесет весомый вклад в политическое объединение соседних стран»¹⁹.

¹⁹ *Papanastasiou A. La conference et l'union Balkanique // Les Balkans. Athènes, 1931. № 13–14. P.1 4.*

Первый номер журнала вышел в печать осенью 1930 г. накануне созыва I Балканской конференции тиражом в тысячу экземпляров. Предполагалось, что финансирование издания будет осуществляться за счет подписчиков шести балканских стран-участниц²⁰, а также по абонементу в других странах мира. Часть номеров бесплатно распространялась среди общественных организаций, библиотек, университетов. Отдельные номера главный редактор высылал в правительственные и общественно-политические организации в качестве рекламной акции. Однако, несмотря на богатую и активную переписку, успешную рекламу, увеличить в разы количество подписки так и не удалось. Стало очевидно, что «Ле Балкан» нуждается в спонсоре.

Впервые Левкопаридис подал прошение в Фонд Карнеги в 1931 г., однако на тот момент ответ пришел отрицательный, хотя и подчеркивалось, что Фонд заинтересован в работе данного печатного органа²¹. Ситуация разрешилась в 1932 г., во многом благодаря ходатайству Александра Папанастасиу: в августе 1931 г. идеолог балканского движения провел беседу с представителями Фонда о возможном финансировании журнала, а в марте 1932 г. Фонд Карнеги приступил к спонсированию «Ле Балкан» ежегодной суммой в 2000 долларов²². «Благодаря этой поддержке журнал балканской тематики приобрел авторитет, подтвержденный многочисленными цитатами и похвалами большинства зарубежных изданий, а также авторов-балканистов», — писал Левкопаридис²³. Стоит признать, что благодаря поддержке Фонда журнал смог попросту выжить и выходить ежемесячно в течение первых пяти лет. Сохранившаяся переписка Левкопаридиса с Фондом свидетельствует о том, что несмотря на заинтересованность европейской общественности, круг подписчиков оставался нестабильным.

В 1933 г. закончилась эра Балканских конференций²⁴, а ровно через год правительства четырех балканских стран — Греции, Турции, Румынии и Югославии был подписан пакт Балканской

²⁰ Албания, Болгария, Греция, Турция, Румыния, Югославия (прим. авт.).

²¹ РГВА. Ф. 583. Оп. 1. 5-е делопроизводство. Ед. хр. 5. Л. 84.

²² Там же. Л. 82.

²³ Там же. Л. 3.

²⁴ С 1930–1932 гг. было проведено четыре Балканских конференций (в Афинах, Стамбуле, Бухаресте и Фессалониках).

Антанты, вынесший за рамки перспективного сотрудничества Болгарию и Албанию. Стало очевидно, что идея балканского единения вновь потерпела крах.

Первое время политика Фонда в отношении журнала оставалась прежней. Ситуация изменилась лишь в 1936 г.: со смертью главного идеолога балканского единения Александра Папанастасиу произошло резкое урезание финансовой помощи. Спонсирование журнала было уменьшено до 1000 долларов, что сразу же повлияло на периодичность «Ле Балкан», журнал стал выходить ежеквартально. Правда, у главного редактора еще теплилась надежда на реставрацию прежней региональной активности. В апреле 1937 г. он писал: «Я не отчаиваюсь в отношении балканского журнала, так как в последнее время вновь проявляется интерес к проекту Балканских конференций. Министры иностранных дел четырех стран, сформировавших Балканскую Антанту, признали необходимость возрождения прежнего института для межбалканского диалога. Можно предположить, что через два-три месяца Совет соберется в Белграде и примет решение о работе новой конференции. Надеюсь, что решение не заставит себя ждать, так как журнал теснейшим образом связан с работой конференций»²⁵.

К сожалению, этим надеждам так и не дано было сбыться: несмотря на награждение Ксенофонта Левкопаридиса королевской премией за поддержку балканского проекта и издание журнала «Ле Балкан», идее балканского единения не предоставили второго шанса, как и институту Балканских конференций. Эту ситуацию хорошо прочувствовал Фонд. В 1937 г. он перешел на новую систему оплаты: резервировалась лишь ежегодная подписка на журнал для 400 абонентов, что составляло 800 долларов. Это позволило сохранить журнал, пусть и в уменьшенном объеме, и продлить его жизнь еще на три года. Что интересно, в сентябре 1937 г. руководство Фонда потребовало от главного редактора «Ле Балкан» не упоминать их более в качестве спонсора: «Было бы предпочтительнее, если бы название Фонда больше не фигурировало в журнале, что к тому же соответствует действующим у нас правилам»²⁶. Можно предположить, что произошедший разворот

²⁵ РГВА. Ф. 583. Оп. 1. 5-е делопроизводство. Ед. хр. 5. Л. 48.

²⁶ Там же. Л. 37.

Фонда, пусть и словесное, но обрубание связей между ним и «Ле Балкан» объяснялось политикой дипломатического лавирования Фонда, его попыткой «залечь на дно». Идеей автономного единения балканских государств были недовольны великие державы, прежде всего Великобритания и Италия, и участвовать громогласно в популяризации данного проекта американская сторона уже не хотела. Тем не менее львиная доля средств на публикацию «Ле Балкан» продолжала поступать именно со стороны Фонда.

«Дорогой господин директор, я был очень рад получить Ваше письмо от 1 января (1941) и чек на 800 долларов, которые Фонд мне направил для возобновления подписки 400 абонентов. Эта сумма позволяет мне поднять паруса у севшего глубоко на мель журнала в сложнейший для нас и страны момент», — писал Левкопаридис директору ЕЦФ Малкольму Дэвису 5 марта 1941 года²⁷. К сожалению, деньги Фонда так и не стали панацеей для угасающего и теряющего актуальность журнала. В 1941 г. публикация «Ле Балкан» так и не возобновилась.

Итак, чем же являлась деятельность Фонда для балканских стран? И какие цели преследовал Фонд Карнеги в регионе? Изучая четыре проекта американской благотворительной организации на полуострове, можно говорить о том, что основным трендом в работе Фонда была информационно-просветительская деятельность. Не считая двух пропагандистски окрашенных отчетов по балканским государствам за 1914 и 1921 гг., миссией Фонда являлось образование общественности и миротворчество на Балканах. Ярким примером последнего стала поддержка журнала «Ле Балкан» — печатного органа Балканских конференций, пропагандирующего мир и солидарность на полуострове. Другое дело, что меценатство не являлось безвозмездным. Работа Фонда представляла собой хорошо продуманный инструмент политического воздействия, механизм, благодаря которому в дела полуострова встраивался новый геополитический игрок. С помощью культурно-просветительских мер — той самой мягкой силы — Фонд Карнеги усиливал престиж и политику США на полуострове, предоставляя балканским государствам новый альтернативный вариант сотрудничества по сравнению с жесткими правилами игры старых европейских центров силы.

---

²⁷ РГВА. Ф. 583. Оп. 1. 5-е делопроизводство. Ед. хр. 5. Л. 1.

Балканские войны 1912–1913 гг. в современных национальных СМИ Сербии как символ единения балканских народов

В данной статье рассматривается вопрос отражения событий 1912–1913 гг. в национальных СМИ Сербии в 2012–2013 и 2022–2023 гг. Опираясь на «большие данные», полученные из сервиса Google, а также на материалы качественной газеты «Политика», автор анализирует особенности освещения эпизодов Балканских войн, а также запросы пользователей интернета на территории Сербии по темам, связанным с событиями 1912–1913 гг. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в 2012–2013 гг. мотив объединения христианских народов для борьбы с иностранной гегемонией в регионе был ведущим в национальных СМИ Сербии, в то время как в 2022–2023 гг. на первый план выходит достижения сербского народа в стремлении обрести независимость.

Ключевые слова: Балканские войны, национальная идентичность, Сербия, историческая память

Введение

История является важной составляющей национальной идентичности любого народа и государства. Для стран Балканского полуострова вопросы исторической памяти всегда актуальны. Существует немало исторических событий и персон, которые одновременно несколько современных балканских государств рассматривают как часть своей идентичности. Наиболее яркий пример в данном случае — это личность Николы Теслы. Известный ученый входит в списки как самых известных хорватов, так и самых известных сербов. Родившийся на территории современной Хорватии, Тесла был выходцем из сербской семьи, что значительно затрудняет определение его национальности.

История балканских государств неразрывно связана с представлением о национальном суверенитете. Первостепенной задачей для многих стран бывшей Югославии сразу после распада

СФРЮ стал поиск исторических предпосылок государственного суверенитета. Так, например, после отделения от Югославии хорватские власти начали активно избавляться от «великосербской гегемонии». Были переименованы улицы, реорганизованы министерства, изменены государственные символы¹, которые теперь относились к разным историческим эпохам (а не только к югославскому периоду истории Хорватии) — от X до XIX в. Таким образом создавалось представление о «хорватскости», имеющей под собой историческое обоснование и, следовательно, право на самоопределение.

Предметом данной статьи стало отражение событий двух Балканских войн в национальных СМИ Сербии в контексте сербской национальной идентичности. Отметим, что в коллективном сознании сербов существует набор устоявшихся исторических мифов². Так, создание первого сербского государства связывают с деятельностью Стефана Немани. Одним из ключевых религиозных деятелей Сербии является Святой Савва. Наиболее важным для национального самосознания сербов является т.н. косовский миф, который связан с поражением князя Лазаря на Косовом поле в 1389 г. Рассматривая миф о Косово как «сложное духовное целое, отражающее различные степени сербского коллективного сознания, а также различные уровни духовной памяти»³, сербские исследователи отмечают, что он претерпел множество идеологических изменений до и после противостояния с Османской империей (и кульминацией в 1912 г. в битве под Кумановом).

Цель данной статьи — рассмотреть особенности отражения событий Балканских войн 1912–1913 гг. в интернет-пространстве Сербии, а также в национальных сербских СМИ (на примере качественной газеты «Политика») в 2012–2013 и 2022–2023 гг. и сравнить результаты двух указанных периодов в контексте проблем сербской национальной идентичности и единения балканских на-

¹ Пивоваренко А.А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI вв. М., 2017. С. 121–133.

² Базич Й.Р. Реконструкция сербской национальной идентичности в XX веке // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rekonstruktsiya-serbskoynatsionalnoy-identichnosti-v-hh-veke> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Пешић М. Косовски мит: између апотеозе и редуктивних тумачења // Политичка ревија. 2018. Бр. 4. (XXX) XVII vol. 58.

родов. В качестве эмпирического материала выступают «большие данные», полученные с помощью инструментов Google, а также материалы газеты «Политика».

Балканские войны в интернет-пространстве СМИ Сербии в 2012–2013 гг.

Обратимся к сервису Google и большим данным, которые позволяют увидеть количество запросов по определенным темам по всей территории Сербии за определенный период. В 2012–2013 гг. интерес к теме «Первая балканская война» практически на 50% превысил интерес к теме «Вторая балканская война» (Рис. 1), несмотря на то, что в исследуемый период состоялось столетие обоих событий.

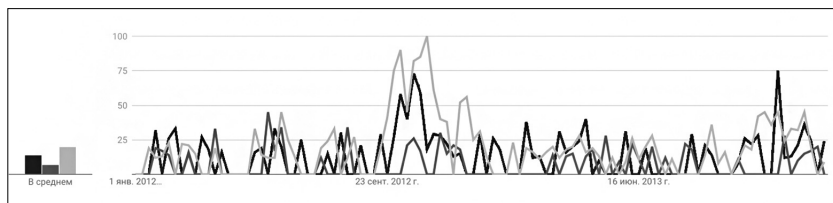

Рис. 1. Динамика относительной популярности тем «Первая балканская война» (темно-серая кривая), «Вторая балканская война» (серая кривая) и «Балканские войны» (светло-серая кривая) на территории Сербии в период с 01.01.2012 по 31.12.2013. Составлено автором

Отметим также, что тема «Балканские войны», которая включает в себя весь период с 1912 по 1913 г., пользовалась большей популярностью среди жителей Сербии. Так, например, в октябре 2012 г., в столетие битвы под Кумановом (середина графика), количество запросов по теме «Балканские войны» достигло своего абсолютного значения (100), что может быть связано как с действительным интересом граждан к этому событию, так и с освещением 100-летия битвы в национальных медиа. Отметим, однако, что в сербских национальных СМИ в 2012 г. появились публикации, критикующие действующее в то время правительство из-за отсутствия широкого освещения векового юбилея.

Наибольший интерес представляют сопутствующие запросы, которые были отнесены сервисом Google к исследуемым темам⁴. В контексте тем «Первая балканская война» и «Балканские войны» первое место по количеству пользователей, обратившихся к запросу, занимает словосочетание «первое сербское восстание». «Восстание» или «сербскую революцию» 1804–1813 гг. можно считать отправной точкой для восстановления современной государственности Сербии. В данный период зарождается династия Карагеоргиевичей, которая сыграла важную роль в дальнейшем развитии сербского государства.

Еще один запрос, который встречается в контексте темы «Балканские войны» и пользуется большой популярностью, — словосочетание «Берлинский конгресс». В российской историографии принято рассматривать подписание Берлинского трактата как поражение российской дипломатии (в силу пересмотра более выгодных условий Сан-Стефанского мирного договора), однако сербские исследователи оценивают результаты Берлинского конгресса положительно: именно Берлинский трактат утверждает суверенитет Сербии.

Таким образом, мы можем заключить, что все упомянутые выше исторические события рассматриваются жителями Сербии в контексте борьбы сербского народа за суверенитет. Тем не менее, Вторая балканская война как отдельное событие практически не рассматривается. Войны 1912–1913 гг. существуют в коллективной памяти сербского народа как единый период борьбы за собственную государственность.

Переходя к освещению Балканских войн в национальных СМИ Сербии в 2012–2013 гг., отметим, что автором было отображено только шесть публикаций по исследуемой теме. В двухлетний период больший акцент был сделан на столетии начала Первой балканской войны, которая воспринималась в медиа — и, соот-

---

⁴ Отметим, что под «сопутствующими запросами» здесь и далее понимаются запросы интернет-пользователей исследуемой страны, которые чаще всего возникают в контексте искомой темы. Так, в список сопутствующих запросов по теме «Первая Балканская война» входят исторические события разных эпох, которые на первый взгляд не относятся к центральной теме. Однако динамика популярности таких запросов по отношению к главной теме позволяют исследователям выявлять скрытые смыслы, которые придаются данным событиям не профессиональными историками, а обычными пользователями интернета.

ветственно, читателями и обществом, — как «священная война балканских народов».

Авторы отобранных статей единогласно отмечают важность Первой балканской войны, как и всех событий 1912–1913 гг. в целом, для судеб всех христианских народов Балканского полуострова. Особое внимание уделяется консолидации общества: «Первая балканская война положила начало концу столетнего периода борьбы местных народов за создание современных государств», «христианские государства на Балканах: Сербия, Черногория, Греция и Болгария вели совместную войну против Османской империи», «началась Священная война балканских народов. Она должна закончиться освобождением Балкан».

Первая балканская война в 2012–2013 гг. рассматривалась как триумф сербской армии и сербского оружия. Одна из публикаций озаглавлена следующим образом: «Война была выиграна через несколько недель»⁵, — что говорит о быстрых успехах Сербии на поле сражения. В статье «Балканы балканцам» подробно описывается значение битвы при Куманово не только для Сербии, но и для всего Балканского полуострова. Несмотря на то, что подвиг сербского народа отмечается особо, автор статьи подчеркивает важность борьбы всех христианских народов с «иностранный гегемонией»⁶.

Вторая балканская война рассматривается как логическое продолжение борьбы сербского народа за территории, которые исторически принадлежат ему. Интересно, что главным «антагонистом» в данном случае выступает не Болгария, а Австро-Венгрия, которая, по словам журналистов, «подстрекала» болгарское правительство и албанский народ на войну с Сербией: «под предлогом защиты албанского народа от „сербского погрома“ Австро-Венгрия планировала напасть на Сербию, то есть провести против нее так называемую гуманитарную интервенцию»⁷.

⁵ Антвић Ч. Пат је добијен после неколико седмица // Политика. 2012. 06 октобар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/235741/Пат-је-добијен-после-неколико-седмица> (Дата обращения: 05.12.2023).

⁶ Радун Б. Балкан Балканцима // Политика. 2012. 22 октобар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/237411/Балкан-Балканцима> (Дата обращения: 05.12.2023).

⁷ Гајић Ј. Крај балканских ратова почетак Букурештанског мира // Политика. 2013. 10 август. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/266534/>

Стоит отметить, что авторы многих публикаций указывают на ошибочное сравнение положения Балканского полуострова в начале и конце XX в. В частности, в статье «Балканские войны когда-то и сейчас» изложены тщетные попытки Фонда Карнеги связать Балканские войны 1912–1913 гг. с Югославским кризисом конца XX в. «Они (брошюры о Балканский войнах. — А. М.) гласили, что балканские конфликты угрожают миру в Европе, но что Европа только под американским лидерством может помешать им вызвать в конце XX в. европейскую войну, как они спровоцировали ее в начале XX в.»⁸. Очевидно, приведенная выше цитата осуждает попытки США найти оправдание агрессии НАТО в Югославии в 1990-х гг. События конца века стали еще одним мифом в коллективной памяти сербского народа.

Именно поэтому во всех статьях, посвященных Балканским войнам в 2012–2013 гг., прослеживается стремление авторов найти если не оправдание, то основание для начала войн на Балканском полуострове. Основными поводами для начала войны авторы публикаций называют угнетение христианских народов, отсутствие суверенитета у больших по численности этнических групп, территориальные споры, рост экономики и ослабление Османской империи. Немаловажным фактором выступает и растущее в течение более чем 100 лет освободительное движение: его отсчет ведется с восстания 1804 г.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в 2012–2013 гг. основной упор в журналистских материалах был сделан на единение балканских народов в борьбе с Османской империей, а также на влияние сильных европейских держав в регионе. Ставя на первое место вклад сербского народа в борьбу за независимость, авторы публикаций уделяют много внимания сопоставлению событий начала XX в. с Югославским кризисом, а также состоянием стран Балканского полуострова в начале XXI в.

Крај-балканских-ратова-почетак-Букурештанског-мира (Дата обращения: 05.12.2023).

⁸ *Симић П.* Балкански ратови некад и сад // Политика. 2012. 26 октобар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/237865/Балкански-ратови-некад-и-сад> (Дата обращения: 05.12.2023).

Балканские войны в интернет-пространстве СМИ Сербии в 2022–2023 гг.

Обращаясь к большим данным в период 2022–2023 гг., мы должны отметить, что в исследуемый период, по сравнению с 2012–2013 гг., значительно возрастает количество интернет-пользователей как на территории Сербии, так и во всем мире. Поэтому ожидаемо, что объем запросов по темам, как и сопутствующих запросов, будет значительно больше, чем в разделе выше.

Согласно Рисунку 2, количество запросов по темам «Первая балканская война» и «Вторая балканская война» практически одинаково. Отметим также значительный перевес числа запросов по теме «Балканские войны», что говорит о более частом использовании данного термина в медиапространстве (и, вероятно, в школах, университетах и т.д.). Абсолютный пик по теме «Балканские войны» (значение 100) приходится на май – июнь 2023 года — 110-летие окончания Второй балканской войны. Напомним, что на графике 2012–2013 гг. пик приходился на осень 2012 г. — столетие битвы при Куманово.

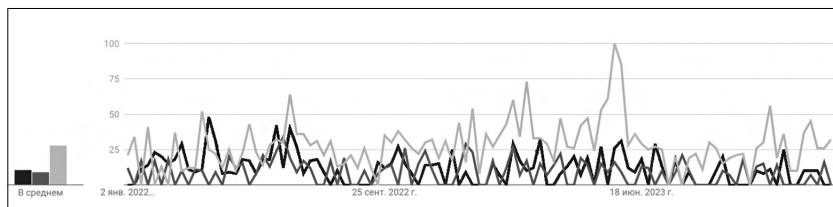

Рис. 2. Динамика относительной популярности тем «Первая балканская война» (темно-серая кривая), «Вторая балканская война» (серая кривая) и «Балканские войны» (светло-серая кривая) на территории Сербии в период с 01.01.2022 по 31.12.2023. Составлено автором

Сопутствующие запросы по каждой из тем демонстрируют смену фокуса интереса жителей Сербии с общих исторических событий (восстаний, революций) на точечные битвы. Так, например, наряду с темой «Первая балканская война» в 2022–2023 гг. чаще всего запрашивали словосочетание «битва при Цере». Дан-

ное военное сражение, первое крупное сражение времен Первой мировой войны, «золотыми буквами вписано в военную историю Сербии»⁹. Победа сербской армии стала первой победой союзников в войне, а также помогла завоевать «большое доверие сербских союзников»¹⁰.

По теме «Вторая балканская война» наиболее популярными запросами выступили словосочетания «Боснийский кризис» (он же — Аннексионный) и «Берлинский конгресс». Отметим, что во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. значительно обостряются отношения Сербии и Австро-Венгрии, что впоследствии приведет к началу Первой мировой войны.

Наконец, по теме «Балканские войны» приводится наибольшее количество сопутствующих запросов. Помимо «Берлинского конгресса» и «битвы при Цере» стоит также указать следующие словосочетания: «Битва на Косовом поле», «Майский переворот» и «Тимокское восстание».

Отметим, что битва на Косовом поле является одним из самых важных исторических событий в истории сербского народа. Отсюда начинается развитие косовского мифа, так как битва 1389 г. легла в основу народного эпоса о князе Лазаре. Вероятно, именно поэтому жители Сербии обращаются к битве на Косовом поле в контексте событий 1912–1913 гг., которые в некотором смысле поставили точку в вопросе османского влияния в Косово.

События Тимокского восстания и последовавший за ним Майский переворот также относятся к теме освободительного движения в Сербии. Восстание против политики Милана Обреновича и окончательное свержение династии Обреновичей рассматриваются сербским обществом как шаги к обретению самостоятельности и суверенитета.

В средствах массовой информации Сербии в 2022–2023 гг. значительно возрастает количество публикаций, посвященных

⁹ Гарашанин М. Битка на Церу — подвиг за легенду // Политика. 2020. 17 август. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/460532/Bitka-na-Ceru-podvig-za-legendu> (Дата обращения: 08.12.2023).

¹⁰ Значај и последице Церске битке // Официјални сајт Министарства труда, запослености, ветерана и социјалне политике Републике Србије. URL: <https://prvsvetskirat.rs/prvi-svetski-rat/ratne-operacije-1914/cerska-operacija/znacaj-i-posledice-cerske-bitke/> (Дата обращения: 10.12.2023)

Балканским войнам. Появляются материалы о судьбах отдельных офицеров¹¹, освещаются мероприятия в честь 110-летия окончания Балканских войн¹². Всего за 2022–2023 гг. было отобрано 15 материалов, которые были полностью посвящены Балканским войнам.

В статье «Для нас 11 ноября — это День победы, а не перемирия» появляется термин «освободительные войны», который относится к периоду с 1912 по 1918 г. Таким образом, под «Балканскими войнами» подразумеваются все события первой четверти XX в., включая и Первую мировую войну. Автор статьи М. Гарашанин указывает, что освободительное движение начинается в 1876 г. и заканчивается Днем победы 11 ноября 1918 г. Результаты Первой мировой войны, то есть приобретение балканскими государствами суверенитета, рассматриваются как финальная точка борьбы христианских народов за независимость¹³.

Материал «Балканы балканцам» (статья с идентичным заголовком появляется и в 2012 г.) относит дату зарождения освободительного движения к 1860-м гг. Особо подчеркивается высокий уровень консолидации правителей христианских стран на Балканах и за их пределами еще во второй половине XIX в. Автор статьи указывает, что сербский князь Михаил, понимая неравное соотношение сил между сербской и турецкой армиями, стремился заручиться поддержкой других князей и царей. Одним из главных факторов дальнейшего успеха (а именно — заключения союзных договоров с Грецией и Румынией) выступает поощрение освободительного движения со стороны Российской империи¹⁴.

¹¹ Галовић М. Погибија пилота са дозволом број један // Политика. 2023. 23 септембар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/573660/Погибија-пилота-са-дозволом-број-један> (Дата обращения: 10.12.2023).

¹² М. Г. Обележена 110 годишњица Брегалничке битке // Политика. 2023. 07 новембар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/582673/Обележена-110-годишњица-Брегалничке-битке> (Дата обращения: 10.12.2023).

¹³ Галовић М. За нас 11 новембар је Дан победе, а не примирја // Политика. 2023. 07 новембар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/582656/За-нас-11-новембар-је-Дан-победе-а-не-примирја> (Дата обращения: 10.12.2023).

¹⁴ Гарашанин М. Балкан Балканцима // Политика. 2023. 23 октобар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/579680/Балкан-Балканцима> (Дата обращения: 11.12.2023).

Завершая анализ публикаций «Политики» в 2022–2023 гг., остановимся на материале «Сербская победа или прелюдия к поражению». Данная статья была выпущена 11 ноября 2022 г. в очередную годовщину Дня победы в Первой мировой войне (или в освободительных войнах). Тональность публикации можно назвать негативной, так как в ней наряду с перечислением подвигов сербского народа прослеживается сожаление относительно дальнейшей судьбы государства.

Автор статьи, известный историк А. Растович, отмечает: «Руководствуясь высшими национальными и государственными целями, Сербия пожертвовала своей с трудом восстановленной независимостью, которую она кропотливо и филигранно построила в национально-освободительной борьбе в XIX в. и в начале XX в., утопив его первым декабрьским актом объединения в ”югославское море”. Это беспрецедентный случай в современной политической истории, когда суверенное и независимое государство после огромных человеческих и материальных жертв, которые оно принесло в Великой войне (подразумеваются все войны периода с 1912 по 1918 г. — *А. М.*), произвольно и щедро отказалось от своей международно-правовой субъектности, государственности и части национальной идентичности ради туманного и нестабильного проекта под названием Югославия, который другие народы, кроме сербов, никогда искренне не принимали»¹⁵.

Стоит указать, что Сербия — одна из немногих стран бывшей Югославии, в которой югославское прошлое не расценивается как нечто однозначно негативное. Об этом свидетельствует, например, проект 2011 г. «100 самых знаменитых сербов», в число которых вошло немало югославских деятелей. Также на официальном сайте правительства Сербии в разделе «Знаменитые сербы» среди 95 известных личностей деятельность более чем 30 персон пришлось на югославский период истории Сербии. Тем не менее, автор статьи сожалеет, что достижения сербской армии и всего сербского народа были утеряны в попытке объединить все южнославянские народы.

¹⁵ *Растовић А.* Српска победа или увод у пораз // Политика. 2022. 11 новембар. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/524450/Српска-победа-или-увод-у-пораз> (Дата обращения: 12.12.2023).

Заключение

Анализ запросов интернет-пользователей и публикаций в национальных СМИ Сербии в 2012–2013 гг. и 2022–2023 гг. по темам, касающимся Балканских войн, показал, что освещение событий 1912–1913 гг. в 2022–2023 гг. было значительно более обширным, чем десятилетием ранее. Несмотря на то, что в 2012–2013 гг. отмечалось столетие обеих Балканских войн, в национальных СМИ было выпущено лишь несколько публикаций по теме (6), в то время как в 2022–2023 гг. число публикаций выросло почти в три раза (15).

Одновременно с этим мы отметили, что в 2022–2023 гг. со стороны интернет-пользователей был проявлен больший интерес к конкретным событиям XIX–XX вв., раскрывающим суть освободительного движения сербского народа. Понимая под «Балканскими войнами» период с 1912 по 1918 г., граждане Сербии также обращаются к более ранним эпизодам истории — например, к Первому сербскому восстанию, Берлинскому конгрессу и др., связывая данные события в единую цепочку событий, во время которых страна шла к обретению суверенитета.

События 1912–1913 гг. в национальных медиа Сербии в 2012–2013 гг. были представлены с упором на консолидацию христианских народов Балкан в борьбе с турецкой гегемонией. Особо отмечается роль Балканского союза и значимость его создания для достижения главной цели — избавления региона от ига Османской империи. Напротив, в публикациях 2022–2023 гг. на первый план выходят подвиги сербского народа, а также освещается вопрос поддержки освободительного движения в Сербии со стороны крупных государств вне Балканского полуострова. Национальные средства массовой информации в 2022–2023 гг. представили разнообразную информацию по теме Балканских войн. Особое внимание уделено личностям офицеров, воевавших с 1912 г. в рядах сербской армии. События 1912–1913 гг. встраиваются в единую историю становления сербской государственности: от Первого сербского восстания 1804 г. до Югославского кризиса и положения страны в XXI в.

Отсюда прослеживается динамика изменения нарратива, что совпадает с результатами, полученными при анализе запросов интернет-пользователей Сербии.

История как оружие в Балканских войнах (1912–1913): воскрешение средневековых призраков в борьбе за Македонию

В статье рассматривается использование символов, связанных со средневековой историей, для пропаганды территориальных притязаний. Особое внимание уделяется бытованию символики царства царя Самуила, являющегося объектом споров болгар и македонцев, а также использованию греками образа Василия II Болгаробойцы. Реконструируются механизмы мобилизации образов Средневековья в целях политической борьбы болгарами, сербами, греками и македонцами.

Ключевые слова: Балканские войны 1912–1913 гг., Македония, историческая память, царь Самуил, Василий Болгаробойца

Для того чтобы понять, как в 1912–1913 гг. история использовалась в корыстных целях и даже для поощрения насилия, нам следует сначала взглянуть на истоки переоткрытия средневекового прошлого в балканском контексте. Балканские нарративы в значительной степени игнорировали царя Самуила (980–1014) и Василия II (976–1025) вплоть до середины XIX века. Именно благодаря России возник интерес к этой эпохе. Александру Гильфердингу (1831–1872), выдающемуся русскому слависту, дипломату и идеологу панславистского движения, приписывают первоначальное формирование исторической памяти о государстве Самуила. Изображая этого царя безжалостным правителем, которому не удалось объединить славян под своим скипетром, Гильфердинг на самом деле отражал современное ему стремление России освободить своих православных братьев-славян от османской власти¹. Это историческое послание стало актуальным

¹ Гильфердинг А.Ф. Письма об истории сербов и болгар. Т. 1. М., 1855. С. 1–242; Т. 2. М., 1859. С. 1–154; *Он же*. История сербов и болгар // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1868. С. 3–280.

для проекта «Великая Болгария», сформировавшегося благодаря непосредственному влиянию России на переоткрытие средневековой истории Балкан и ее последующему участию в управлении нарративами, особенно касавшимися Болгарии. Это привело к изменению восприятия Самуила в Болгарии до освобождения, а затем было усилено влиянием России при создании болгарского княжества. Благодаря получившему российское образование болгарскому историку Марину Дринову в 1870-х годах Самуил превратился из зловещего, уродливого армянина в национального героя².

В ответ на «возрождение» Самуила в Болгарии сербские националисты продемонстрировали свои собственные устремления в отношении Македонии. Они утверждали, что образование государства Самуила было результатом объединения сербских славянских племен, живших в Македонии с VII века³. В результате к концу 1870-х годов Самуилово царство стало неотъемлемой частью формирующихся болгарских и сербских националистических концепций, направленных на узаконивание исторических прав на территорию Македонии и населяющих ее людей. Греческий националистический дискурс получил развитие в середине XIX в. с привлечением забытого византийского наследия, начало чему положили работы Константиноса Папарригопулоса (1815–1891)⁴. В результате Василий II был вновь провозглашен национальным героем, благодаря чему Греция нашла оправдание для своего проекта «Мегали Идея», включавшего и Македонию.

Провал проекта «Великая Болгария» и пересмотр Сан-Стефанского мирного договора подтолкнули балканских националистов к «возрождению» призраков Самуила и Василия II, ставших истори-

² *Дринов М.* Три грамоти дадени от импер. Василий II на българский охридски архиепископ Иоан около 1020 лято // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. 1873. Вып. 7–8. С. 14–25; *Он же.* Южные славяне и Византия в X веке // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1875. Вып. 3. С. 1–152; *Он же.* Началото на Самуиловата държава // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. 1875. Вып. 9–10. С. 41–70.

³ *Бацовић Д.* Којој словенској грани припадају Словени у горњој Албанији и у Македонији. Београд, 1878; *Поповић Ђ.* Стара Србија. Београд, 1878.

⁴ *Папарригопулос К.* Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Αθήνα, 1853. С. 95–96; *Idem.* Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἔθνους. Αθήνα, 1871. Т. 4. С. 232–254.

ческими синонимами Македонии — земли, где притязания соседей вступали в противоречие. Поэтому вполне понятно, что специальные российские экспедиции в Македонию в 1898 и 1900 гг. имели целью определить «историческое значение Сербии и Болгарии в истории и культуре различных мест Македонии»⁵. Это четко отражало политическое направление исследований, направленных на поиск выгодного для России решения македонского вопроса. Благодаря ключевому открытию, сделанному в этих экспедициях — кириллической надписи из деревни Герман близ Преспы⁶, которую опубликовал Ф.И. Успенский — произошел историографический сдвиг в интерпретации империи Самуила. Это создало благоприятную почву для корректировки балканских нарративов о ней, использовавшихся для борьбы за «национальное самосознание» в Македонии⁷.

Сербские историки немедленно отреагировали. Божидар Прокич (1859–1922), с 1903 занимавший должность профессора кафедры Средних веков в белградской Высшей школе, продвигал термин «Македонско-славянская империя», утверждая, что государство Самуила не имело никакого отношения к болгарскому этническому элементу. Прокич даже утверждал о невозможности смешения болгарских завоевателей с покоренными славянами в Македонии из-за их этнических различий. Однако ключевой его аргумент проистекал из воображаемой этногеографической конstellации в империи Самуила. Так, Прокич пришел к выводу, что «в Македонской империи сербский элемент был самым могущественным». По его словам, сербско-болгарский конфликт на Балканах зародился на руинах империи Самуила. Утверждая, что в этом обширном средневековом государственном образовании доминировал сербский этнический элемент, Прокич тем самым

⁵ Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1898 г. // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1899. Т. 4. Вып. 3. С. 1–155; Сонкин В.М. Результаты македонской ученой Экспедиции 1900 года // Византийский Временник. Т. VIII. Вып. 3–4. С. 687–691.

⁶ Речь идет о надгробной надписи царя Самуила на могиле родственников. Она состоит из 11 строк, датирована 993 г., считается древнейшей сохранившейся кириллической надписью (прим. пер.).

⁷ Успенский Ф.И. Надпись царя Самуила // Известия Русского Археологического института в Константинополе. 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 1–4.

доказывал, что и в его время Македонию населяют его соплеменники. Это перекликается с притязаниями современных сербов на территорию Македонии и самобытность ее жителей⁸.

Созданный Прокичем этнический образ Самуилова царства на современной карте Македонии дополнил сербские этнографические теории Йована Цвийича (1865–1927) о македонцах как «колеблющейся народной массе»⁹. Цвийич утверждал, что македонские славяне не обладали собственным национальным самосознанием. Он стремился показать, что несмотря на то, что сербская культура имеет значительно более сильное присутствие, чем болгарская, «устойчивое историческое сознание в отношении национальности у македонцев» так и не возникло. С точки зрения Цвийича, македонцам еще предстояло обрести историческое и этническое самосознание, что зависело от того, кто получит контроль над македонской территорией и повлияет на их идентичность¹⁰. Фактически территориальные устремления балканских государств в Македонии предопределили историографическую конфронтацию, поскольку они использовали историю для легитимации своих современных политических проектов и националистических программ.

Болгарский географ и этнограф Васил Кынчов (1862–1902) в ответ выдвинул встречное утверждение о том, что западная часть болгарского государства в Македонии на самом деле стала называться Болгарией во времена Самуила. Таким образом, он демонстрировал историческую роль «македонских болгар» в сохранении болгарского названия и этнического самосознания со времен

⁸ Prokić B. Početak Samuilove vlade // Glas srpske kraljevske akademije. 1901. T. 64. C. 109–145; *Idem*. Postanak jedne slovenske carevine u Mačedoniji u X veku // Glas Srpske kraljevske akademije. 1908. T. 76. C. 213–307; *Idem*. Jovan Skilica kao izvor za istoriju mačedonske slovenske države // Glas srpske kraljevske akademije. 1910. T. 84. C. 62–156; *Idem*. Prvi ohridski arhiepiskop Jovan // Glas srpske kraljevske akademije. 1911. T. 88. C. 267–303; *Idem*. Postanak Ohridskog Patrijarhata // Glas srpske kraljevske akademije. 1912. T. 90. C. 175–267.

⁹ При переводе используем термин Й. Цвийича из русскоязычного издания его книги (Заметки по этнографии македонских славян. СПб., 1906. С. 7).

¹⁰ Цвијић Ј. Проматрања о етнографији македонских словена. Београд, 1906.

Средневековья¹¹. Анастас Иширков (1868–1937) и Йордан Иванов (1872–1947) придерживались этой концепции, стремясь доказать, что этническое название «болгары» было навязано македонским славянам именно на рубеже X–XI вв. Иширков напрямую связал окончательное складывание болгарского характера Македонии с империей Самуила¹². Иванов, со своей стороны, посвятил себя сбору археологического, эпиграфического и книжного материала из Македонии, прежде всего, средневекового. Он стремился доказать, что все, обнаруженное в Македонии, являлось болгарским и, как следствие, Македония, ее история и жители тоже были болгарскими.

Македонская интеллигенция, разочарованная политикой России и озлобленная пропагандой соседних стран, в ответ представила собственную картину средневекового прошлого. Крысте Петков Мисирков (1874–1926), ведущий македонский национальный идеолог, открыто противопоставил сербской и болгарской пропаганде македонскую автохтонность Самуила в книге «Македонские вопросы», опубликованной в Софии в 1903 г. Мисирков продолжил свой исторический экскурс риторическими вопросами: «Может ли Македония превратиться в отдельную этнографическую и политическую единицу, сделала ли она это уже, делает ли это сейчас?» На все это он отвечал утвердительно. Мисирков характеризовал Самуила как центральную историческую фигуру, доказывающую легитимность македонской самобытности, тем самым обосновывая историческую оправданность стремлений к политическому сепаратизму и национальному суверенитету. Усилия Мисиркова сопровождались четкой идентификацией государства Самуила как

¹¹ *Кънчов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1900; *Он же.* Битолско, Преспа и Охридско // Сборник за народни умотворения. 1891. Кн. IV. С. 35–36, 59; *Он же.* Град Скопие. Бележки за неговото настояще и минало // Избрани произведения. София, 1970. Т. II. С. 101–103.

¹² *Иширков А.* Принос към етнографията на македонските славени. Отговор на проф. д-р Цвиич. София, 1906. С. 61–63; *Иванов Й.* Северна Македония: исторически издирвания. София, 1906; *Он же.* Български старини из Македония. София, 1908; *Он же.* Царь Самуиловата столица в Преспа. Историко-археологически бележки // Известия на българското археологическо дружество. 1910. Т. I. С. 79–80; *Он же.* Беласичката битка, 29 юли 1014 г. // Известия на българското археологическо дружество. 1911. Т. 3. С. 13–15.

македонского, без славянских атрибутов и упоминаний о древних героях. Историографическая концепция Мисиркова была оригинальной и независимой от панславистского историографического мировоззрения и влияния России. В повествовании Мисиркова Самуил был вписан в исторический канон македонцев, возведен в ранг символа средневековой государственности и свободы, которую им еще предстояло обрести.

Естественным результатом этого стало то, что болгарский профессор Александр Теодоров-Балан (1859–1959) указал на опасность «македонской теории» Мисиркова, направленной на то, чтобы убедить «своих братьев-македонцев в том, что они должны бороться за свою национальность, за свой литературный язык, за свою македонскую культуру». Теодоров-Балан особенно раскритиковал исторический и политический силлогизм Мисиркова, который рассматривал македонских славян со времен Средневековья как «отдельную историческую общность», отличную от болгар¹³. Естественно, книга Мисиркова была немедленно запрещена болгарскими властями.

Россия продолжала поиски исторического обоснования собственной позиции в «македонском вопросе», тем не менее сохраняя свою позицию в отношении интерпретации истории средневековых Балкан. Это нашло отражение в результатах экспедиции Н.П. Кондакова, опубликованных в 1909 г. в книге «Македония: археологическое путешествие». Хотя Кондаков поднял несколько вопросов о современной этнографии македонских славян, он использовал создание государства Самуила, чтобы продемонстрировать «родственные связи болгарского славянства со славянами Охриды, а стало быть, и вообще со славянством; Македония, точнее говоря, удостоверяет восточно-болгарское происхождение македонского славянства»¹⁴. Экспедиция Кондакова ясно раскрыла свою политическую подоплеку в его замечании о том, что «только история, следящая за всеми подробностями культурной жизни Балканского полуострова, дает ключ к истинному разуме-

¹³ Теодоров-Балан А. Една македонска теория // Периодическо списание на българското археологическо дружество. 1904. Т. 65. Вып. 9–10. С. 82–83.

¹⁴ Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 23.

нию Македонского вопроса»¹⁵. Таким образом, он утверждал, что древнейшее болгарское государство «избрало своим первым центром Охриду и Преспу как важнейшие передовые пункты в этом¹⁶ движении славянства»¹⁷. Другими словами, Кондаков представил Охрид и Преспу как исторические колыбели болгар, чем укрепил российскую позицию, согласно которой Македония является частью Болгарии. Он пришел к выводу, что любой непредвзятый путешественник должен решить, что следует «предоставить почти всю Македонию болгарам, за исключением некоторых северо-западных местностей, примыкающих к Старой Сербии»¹⁸. Кондаков, категорически выступающий против автономии Македонии, также выразил мнение, что Болгария нарушила бы исторический и здравый смысл, если бы решила разделить Македонию с Австрией, что привело бы к полному порабощению Сербии. Интерпретация Кондакова является наглядным примером того, как Россия использовала Самуилово царство в качестве аргумента для обоснования прав болгар на Македонию и демонстрации ее этнической принадлежности со времен Средневековья. Таким образом, средневековая история использовалась Кондаковым для того, чтобы обрисовать будущую карту Македонии, разделенной между Болгарией и Сербией. Это отражало рост вероятности войны на Балканах из-за Македонии. В ней истории суждено было послужить инструментом легитимации территориальных амбиций.

Греция не осталась в стороне от мобилизации на Балканах и подготовки к ожидаемой конфронтации с Османской империей из-за Македонии. Включение Василия II Болгаробойцы и его противостояния с Самуилом в массовое сознание греков стало неотъемлемой частью политической повестки дня. Британский историк и филолог Уильям Миллер (1864–1945) в 1905 г. утверждал, что греки считали Македонию «своим наследием», и именно поэтому они «грезят о Василии Болгаробойце, перебившем царю Самуилу голени и бедра»¹⁹. Тщательно продуманная пропаганда распро-

¹⁵ Кондаков Н.П. Македония... С. 286–287.

¹⁶ Имеется в виду «земледельческое передвижение» — расселение славянских племен и распашка ими новых территорий (прим. пер.).

¹⁷ Там же. С. 288.

¹⁸ Там же. С. 295–296.

¹⁹ Miller W. Greek Life in Town and Country. London, 1905. P. 43. Парафраз Ветхозаветной цитаты: «Самсон сказал им: хотя вы сделали это,

страняла представление о Василии II как о национальном герое в борьбе против «славянофилов в Македонии». Греция поощряла насилие и ненависть в обществе, чтобы противостоять болгарской и сербской активности в Македонии, призывая применять методы Василия Болгаробойцы, «который был неумолим и жесток, когда собственноручно взыскивал цену божественного правосудия»²⁰.

Даже дети были пропитаны пропагандой, прививавшей сознание исторического величия безжалостного Василия II. Детские романы Пенелопы Дельты (1874–1941) «Во имя родины» (1909) и «Во времена Болгаробойцы» (1911) явно были вдохновлены военными успехами Василия II в Македонии²¹. Эти работы лучше всего иллюстрируют суть греческой пропаганды, стремившейся создать и обучить новых «болгаробойцу», основываясь на образе Василия II.

Пропагандистские плакаты Сотириса Кристидиса времени Второй балканской войны 1913 г. наглядно демонстрируют, как греки проецировали прошлое на современную борьбу за Македонию. В дополнение к изображению греческих солдат, ослепляющих болгарскую армию, на плакатах были представлены действия «пожирателя болгар» (βουλαροφάγος)²². В разгар битвы греческие националисты изображали не только милосердное ослепление болгар Василием II, но и классическое уничтожение врага любыми необходимыми средствами, включая каннибализм. Новый король Греции Константин (1913–1917; 1920–1922), сменивший своего отца Георга I, был представлен на греческих плакатах как победитель в Балканских войнах. На плакате 1912 г. Константин изображен принцем, едущим верхом рядом с воскресшим по-

---

но я отмщу вам самим и тогда только успокоюсь. И перебил он им голени и бедра, и пошел и засел в ущелье скалы Етама» (прим. пер.).

²⁰ Gounaris, "Greek Views on Macedonia," P. 157.

²¹ Stephenson P. *The Legend of Basil the Bulgar-slayer*. Cambridge, 2003. P. 119–122. См. также: Mackridge P. *Macedonia and Macedonians in St. mystika tou Valtou* (1937) by P. S. Delta // *Dialogos 7* / ed. D. Ricks and M. Trapp London; Portland, 2001. P. 41–55; Gounaris, "Greek Views on Macedonia," 159–160.

²² Stephenson P. *Op. cit.* P. 123–124; Мутафов Е. *За историята в изкуството и живописното в историята // Цар-Самуиловият век в творчеството на българските художници = Age of king Samuel as treated by Bulgarian artists / Съст. Е. Мутафов. София, 2014. С. 14–16.*

следним византийским императором Константином XI²³. Другие плакаты 1913 г. содержат праздничные изображения Константина с подписями «Величайший из Константинов, Болгаробойца, XII»²⁴ и «Всегреческий прием короля Константина I, Болгаробойцы»²⁵. Подобные отсылки к прошлому прекрасно демонстрируют, что история использовалась как мощное оружие для легитимации прав на завоеванные в Македонии в результате войны территории.

В таких условиях судьба обращений македонской интеллигенции к российской общественности была предопределена, потому направляя их, не питали реальных надежд на то, что Россия окажет поддержку независимости Македонии. Накануне Второй балканской войны, 9 июня 1913 года, в издававшемся в Петербурге журнале «Македонский голос» был опубликован «Меморандум македонцев». В нем прозвучало требование независимости Македонии, обращенное к правительствам союзных балканских государств. На обложке издания была помещена этнографическая карта Македонии, составленная Д. Чуповским. Центральной фигурой своего рассказа, символизирующей свободу и объединение македонских славян, Чуповский сделал коренного македонца Самуила²⁶. Он образно обозначил, что «македонский народ должен был носить на спине тройной крест», символизирующий раздел Македонии между соседними православными балканскими государствами²⁷. Визуально это было воплощено в картине под названием «На кресте страданий», где Македония была изображена в виде женщины, несущей тройной крест, в то время как Россия

²³ The resurrection of the Marble king/Konstantinos Palaiologos 1453 — The crown prince Konstantinos. 1912 // Greek poster from 1912. Historical and Ethnological Society of Greece, National Historical Museum, Athens, ID: 4951–4.

²⁴ Stephenson P. Op. cit. P. 113 and Fig. 12.

²⁵ The Panhellenic Reception of King Constantine I the Bulgar-Slayer / and the glorious Greek fleet in Faliro, August 5th 1913. The return of King konstantinos after the end of the Balkan wars // Historical and Ethnological Society of Greece, National Historical Museum, Athens, ID: 14896.

²⁶ Чуповски Д. Македония и македонцы (культурно-исторический обзор Македонии) // Македонский голос. 1913. 9 июня; *Он же*. К македонскому народу // Там же. 27 июня; *Он же*. Сербская ложь о Македонии // Там же. 1914. 2 марта; *Он же*. Неразборчивый враг Македонии и славянства // Там же. 20 ноября.

²⁷ Чуповски Д. Македония и македонцы...

представлена в виде ангела, который должен помочь предотвратить ее раздел на три части.

«На кресте страданий».
Македонский голос. 1914. № 11. С. 204

Бухарестский мирный договор, подписанный 10 августа 1913 года, официально закрепил раздел Македонии между Грецией, Сербией и Болгарией. Однако балканские государства увидели новые возможности для реализации своих территориальных амбиций, вновь обращенных на Македонию. В своей речи перед македонскими представителями на всеславянском собрании в Одессе 6 августа 1914 г. Мисирков подчеркнул необходимость славянской солидарности в противостоянии немецкому «Дранг нах Остен», отстаивая историческое право Македонии на объединение и государственность на основе восстановления средневековой империи:

«Македония, эта вторая Польша, также имеет законное право на манифест о своем объединении и восстановлении царства царя Самуила и короля Вукашина <...> Македонский народ ждет воцарения мира, справедливости и свободы в славянском мире, а также уничтожения порождений врагов славянства — Берлинского и Бухарестского договоров, первый из них вернул Турции освобожденную русской армией и Сан-Стефанским договором Македонию, а второй сделал из Македонии вторую Польшу, разделив ее на три части и передав их Сербии, Греции и Болгарии»²⁸.

В обращении к Болгарии, Сербии и Греции, опубликованном в том же номере «Македонского голоса» и подписанном Д. Чуповским, Д. Пешковским, К. Угриновским и П. Божидарским, среди прочего говорилось, что «мы, македонцы, не сербы, не болгары и не греки», делалось заключение, что освобождение Македонии — единственный путь для обретения южными славянами полной свободы. Однако надежды на всеславянскую солидарность оказались еще одной иллюзией. Македония, как «вторая Польша», оставалась объектом завоевательных устремлений во время Первой мировой войны. Призрак Самуила остался ключевым мотивом пропаганды, которая должна была оправдать территориальные приобретения в ходе войны.

Подытоживая, отметим следующее. Использование истории в качестве пропагандистского инструмента способствовало распространению образов Самуила и Василия II как национальных героев, призванных сражаться за Македонию. В результате сред-

²⁸ Говор на претставникот на македонците К. Мисирков одржан на општословенското собрание во Одеса на 6 август 1914 г. // Nova Makedonija. 1969. 10 август.

невековое наследие использовалось в роли ключевого аргумента для оправдания войны и узаконивания территориальных притязаний, оно превратилось в инструмент навязывания идентичности современным жителям Македонии. Тенденция использовать средневековое прошлое для реализации балканских националистических планов в отношении Македонии и македонцев сохраняется даже по прошествии более чем столетия и в наши дни²⁹.

Перевод с английского Н.С. Гусева

---

²⁹ См.: *Panov M.B. The Blinded State: Historiographic Debates about Samuel Cometopoulos and His State (10th–11th Century)*. Leiden / Boston, 2019.

Жаркий август 1913 на Балканах и Сербия*

В статье представлена ситуация на Балканах сразу после заключения Бухарестского мира, положившего конец Второй балканской войне, и до конца августа 1913 г. через призму сербской внешней политики. Очень важна в этом контексте позиция великих держав относительно как самого договора, так и инициатив его ревизии, что затрагивало в том числе новоприсоединенные сербские области. В статье рассматриваются отношения Сербии с соседними государствами, дается оценка того, как на них в позитивном и негативном ключе повлияли Балканские войны, каковы были их долгосрочные последствия. Работа основывается на документах из российских и сербских архивов, опубликованных источниках, периодике, воспоминаниях, дневниках и научной литературе.

Ключевые слова: Бухарестский мир, Сербия, Россия, Австро-Венгрия, Болгария, Греция, Румыния, Черногория, Никола Пашич, С.Д. Сазонов

События, последовавшие за заключением Бухарестского мира, привлекали внимание историков как в рамках изучения Балканских войн (Стоич, Скоко), так и более пространных исследований по отдельным вопросам международных отношений Сербии (Чорович, Баин, Грабак, Искендеров, Ракочевич, Писарев, Радивоевич), а также в ходе исследования отношений Сербии с новыми регионами (Ягодич). В большинстве случаев рассмотрение этих событий носило ограниченный характер, будучи более или менее детальным в зависимости от исследуемой темы. Настоящая статья является первым полноценным анализом внешнеполитического положения Сербии в хронологически огра-

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия в рамках финансирования научно-исследовательской работы на Философском факультете Белградского университета (номер контракта 451-03-66/2024-03/200163).

ниченный период августа 1913 года. Цель настоящей работы — взглянуть на события, последовавшие сразу после заключения Бухарестского мира, найти истоки процессов, оказавших большое влияние и на развитие Балкан, и на события большого масштаба в последующий период.

С началом Межсоюзнической войны летом 1913 г. Балканский союз, состоящий из Сербии, Болгарии, Греции и Черногории, был разрушен. Случилось то, что менее всего отвечало интересам Российской империи, фактического покровителя «седьмой великой державы», как современники иногда величали объединение православных народов Балкан. В конфликт между бывшими союзниками в июне и июле 1913 г. включились Румыния и Османская империя, напав на Болгарию. На мирной конференции в Бухаресте болгарские делегаты столкнулись с огромными территориальными претензиями бывших союзников и Румынии.

Легче всего болгарским представителям удалось договориться о границе с хозяевами конференции. Официальная София согласилась на уступку Южной Добруджи, по линии от пункта на реке Дунай, выше Тутракана, до точки на Черном море южнее Экрена. Больше сложностей возникло в вопросе о границе с Сербией. По совету России, а также в связи с постоянной угрозой вмешательства извне (прежде всего Австро-Венгрии) делегация во главе с премьер-министром Н. Пашичем пошла на компромиссную линию границы в районе между Вардаром и Струмой, затем отказалась и от Струмицы. В то же время Штип, Кочани и Радовиш включались в состав Королевства Сербии. Территориальные претензии Греции были наиболее масштабными. В конечном счете Болгария уступила ей большую часть побережья Эгейского моря, вплоть до реки Месты, к востоку от Кавалы. Болгарская делегация решила на это, рассчитывая на заявления Австро-Венгрии от 4 августа и России от 6 августа, согласно которым итоги раздела территорий будут пересмотрены великими державами¹.

---

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 314; Државни архив Србије (далее — ДАС). Министерство иностранных дел — Политичко одељење (далее — МИД ПО). 1913. Р. 490. Ф. VI. д. 1. 99; British documents on the

Говоря об очередном международном дипломатическом вмешательстве в балканские дела, надо учитывать, что великие державы преследовали различные цели. Великобритания в тот момент меньше всех проявляла заинтересованность в участии в балканских делах. Франция симпатизировала Греции и отчасти Сербии, а потому не имела причин для пересмотра Бухарестского договора. Движимая соперничеством с Афинами, Италия была ближе к болгарской позиции в вопросе о Кавале, но после заключения соглашения почти сразу признала его условия как свершившийся факт. С новым положением дел согласилась Германия, желавшая не оттолкнуть Румынию и Грецию в стан противников, а привлечь к Тройственному союзу. Учитывая совокупность сил, поддержка России и Австро-Венгрии, имевшая к тому же свои нюансы, не могла сильно облегчить участь Болгарии. Обе державы сходились в том, что Кавалу не следует отдавать грекам, но принципиально по-разному смотрели на сербско-болгарскую границу. Дуалистической монархией руководило желание, чтобы Сербия получила как можно меньше, в то время как Россия считала уступки Белграда достаточными². Ситуацию усугубило

origins of the war 1898–1914. (далее — BD) / ed. G.P. Gooch, H. Temperley, L.M. Penson. London 1936. V. IX. T. 2. № 1210, 1217; Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914 (далее — ДСПКС) / прир. К. Цамбазовски. Београд, 1983. Књ. VI. Св. 3. № 165, 168, 170, 175–176, 178–179, 187, 190, 192, 196–198; Македонија во австриските документи (1910–1913) / пред. и редак. А. Трајановски, избор и превод Ѓ. Стојчевски, П. Стојчевски. Скопје, 2014. № 108, 111, 117; *Поповић Д.* Балкански ратови 1912–1913. / прир. Д. Т. Багаковић. Београд, 1993. С. 346–356; *Бајин З.* Спалајковић. Дипломата и контрареволуционар. Нови Сад, 2021. С. 123–125; *Радивојевић М.* Велики покровитељ и „прави“ савезник. Односи Србије и Русије 1913–1918. Нови Сад, Београд, 2024. С. 42–45; *Скоко С.* Други балкански рат 1913. Књига друга. Ток и завршетак рата. Београд, 1975. С. 318–327.

² АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 144. Л. 148, 152; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 385, Ф. II. Д. 6. Л. 572; Р. 409. Ф. XIX. Д. 6. Л. 472 и об; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 3007. Л. 248; BD. IX-2. № 1204, 1212, 1219, 1221–1222, 1227, 1232; Дипломатически документи по намџсата на Българија въ европeйската война 1913–1915 (далее — ДДН). София, 1920. № 8, 10, 14–15, 20, 25; Documents diplomatique français 1871–1914 (далее — DDF). Paris, 1935. 3e série. T. VIII. № 3, 7, 14, 24; ДСПКС. VI-3. № 205–206, 208–213, 216, 219–221, 226; Македонија во австриските документи... № 112,

заявление Пашича от 8 августа, что сербская сторона требует отказа от ревизии договора и полна решимости не уступить, пусть это и приведет «к более тяжелому положению», «более серьезным последствиям», чем в случае с черногорской осадой Скутари³.

Однако уже 11 августа Вена поручила Софии обратиться с призывом к великим державам с предложением о пересмотре подписанного накануне Бухарестского мира. Подлинной причиной действий Дуалистической монархии являлась не забота о жизненных, экономических или национальных интересах Болгарии. Они обуславливались победами Сербии в Балканских войнах, особенно над фаворитируемыми болгарами, ее расширением, повышением авторитета среди югославян, живущих в Австро-Венгрии, а также тем, что Вена лишилась возможности захватить коридор до Салоник. Содействие России Белграду, изначально нацеленное на «изоляция» Дунайской империи в вопросе о ревизии сербско-болгарской границы, а по заявлениям из Вены ставившее «под угрозу и саму Софию», почти сразу перешло на новый уровень. Глава МИД С.Д. Сазонов, осознавая международную обстановку и опасность намерений Австро-Венгрии в первую очередь в отношении Сербии, уже 13 августа сообщил сербскому посланнику в Петербурге Д. Поповичу, что Россия полностью отказывается от идеи ревизии договора, даже в вопросе о Кавале. Он попросил лишь сохранить эту информацию в тайне, учитывая ее болезненность для Болгарии⁴. Два дня спустя аналогичное заявление он напра-

114, 116; *Поповић Д.* Борба за народно уједињење 1908–1914. Београд, 1936. 164–169; *Скоко С.* Указ. соч. С. 331–333; *Стојић Б.* Француска и балкански ратови (1912–1913). Београд, 2017. С. 378–396; *Ђоровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1992. С. 522–526.

³ ДСПКС. VI-3. № 211. К протестам против ревизии Бухарестского договора присоединилась Греция, пожаловавшись в Лондон на высказывания британского посла в румынской столице. ВД. IX-2. № 1208; ДСПКС. VI-3. № 246.

⁴ В нем Сазонов подчеркнул, что Сербия уже сделала достаточную, бесспорно важную уступку — Струмицу, и что изменение решения по Кавале невозможно без согласия других великих держав. Вместо этого он предложил направить все усилия России и Австро-Венгрии по улучшению положения Болгарии на достижение совместного давления «европейского концерта» на Османскую империю, чтобы вернуть ей Адрианополь. *Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914* (далее *Österreich-Ungarns Außenpo-*

вил в Вену. В итоге Австро-Венгрия осталась единственной великой державой, поддерживавшей идею пересмотра Бухарестского мира. В конце августа ее министр иностранных дел Л. Берхтольд заявил сербскому посланнику Й. Йовановичу-Пижону, что державы отказались от ревизии, хотя «некоторые вещи требовалось бы предусмотреть». Тем самым он косвенно продемонстрировал, что вопрос закрыт⁵.

Несмотря на международную обстановку, Болгария не отказалась от идеи пересмотра решений Бухарестской конференции. Согласно ее общественному мнению, Адрианополь и Кавала должны быть возвращены при помощи России, а левый берег Вардара — Австро-Венгрии. Существовало несколько способов, при помощи которых болгары пытались подогреть международное внимание к вопросу о принадлежности новых сербских и греческих (и турецких) территорий. Один из них заключался в возрождении идеи автономной Македонии. На Бухарестском договоре еще не высохли чернила, а из Софии по инициативе правительства выехала делегация университетских профессоров и политиков, происходивших родом из «отторгнутых» территорий.

Их миссия в Лондоне не имела успеха из-за безразличия англичан, «перенасыщения» балканскими проблемами, а также периода летних отпусков. На всякий случай сербское посольство получило указания следить за болгарской агитацией и противодействовать ей. Так, согласно инструкции Пашича от 17 августа, на статью в «Таймс» о желании македонцев жить в автономном государстве следовало опубликовать ответ, что Бухарестским миром недовольны только «болгарские шовинисты», которые довели свою страну

---

litik — ÖUA) / Bear. von L. Bittner, H. Uebersberger. Wien, Leipzig, 1930. Bd. VII. № 8406.

⁵ ДАС. МИД ПО, 1913. Р. 401. Ф. XIV. Д. 1. Л. 33–33, 66об; България в Първата световна война. Германски дипломатически документи. Сборник документи в два тома (1913–1918 г.). / науч. ред. Ц. Тодорова. София, 2004. Т. 1 (1913–1915). № 13, 16–18, 20, 22; BD. IX-2. № 1228, 1231, 1235, 1237, 1244; ДДН. № 21, 27, 58, 76; DDF. 3-VIII. № 5, 15, 35; ДСПКС. VI-3. № 223, 228, 230, 233–236, 242, 246, 259, 272; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 2014. С. 111–113; *Митровић А.* Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 2011. С. 210–212; *Радивојевић М.* Указ. соч. С. 48–49; *Скоко С.* Указ. соч. С. 330–331; *Ђорђевић В.* Указ. соч. С. 526–527.

до «неудовлетворительного состояния». Если же они продолжают свою деятельность, то «погубят ее полностью». Реакции на болгарские действия не последовало по причине болезни сотрудника сербской миссии в Лондоне, которому было поручено этим заняться. Однако и без этого сложилось впечатление, что британское общественное мнение считало идею автономии Македонии «большим абсурдом», по поводу которого «не стоит» полемизировать⁶.

Более успешной оказалась деятельность делегации в Вене во второй половине августа. Формально ее возглавлял уроженец Скопье и член Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО) Т. Павлов. Она пробыла в австрийской столице около двух недель, постоянно делая агрессивные высказывания. Согласно им, Бухарестский мир разделит Македонию, и «болгары» там не смогут выдержать сербское и греческое «иго», которое «хуже турецкого», и будут бороться с ним при помощи бомб, кинжалов и убийств, стремясь добиться создания автономной Македонии. Делегацию тепло приняли на Бальхаусплац, ее аргументы внимательно выслушали и передали непосредственно Берхтольду. Именно журналисты, близкие к Литературному отделу МИД Австро-Венгрии, дали членам делегации возможность сделать свои заявления публичными, предоставив пространство на страницах собственных изданий. Симпатии к ним выказывали и католические круги, а также албанские эмигранты. Берхтольд обсудил тезисы болгарских делегатов с Йовановичем-Пижоном. Тот вступил в дискуссию, назвав заблуждением мнение, что в Македонии живут болгары, как об этом «всегда говорили» министру⁷.

В последний день августа миссия болгарских ученых и политиков из новых сербских и греческих территорий прибыла в Петербург. К своему удивлению, они встретили иную, нежели ранее, атмосферу. И официальная Россия, и общественность окончательно отказались от поддержки ревизии Бухарестского договора⁸, а план автономии Македонии больше не привлекал симпатий.

⁶ АВПРИ, Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 12–13; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 386. Ф. II. Д. 7. 695; ДСПКС. VI-3. № 232, 240, 247; Македонија во австриските документи... № 113.

⁷ ДСПКС. VI-3. № 257, 269, 272, 276, 280; DDF. 3-VIII, № 64, 98.

⁸ Ранее, по «приказу правительства», через посольство Болгарии в Петербурге к российской общественности 15 августа обратились профессора Софийского университета. Они, считая, что Болгария не вела

Во влиятельной и близкой к МИД газете «Новое время» болгарские аргументы подвергались критике. Сербский посланник Д. Попович отказался вступать в какие-либо дискуссии, чтобы болгарские взгляды не получили широкого освещения — «убил аферу молчанием». Делегация даже не смогла получить аудиенцию у заместителя министра А.А. Нератова, ее направили к чиновнику ниже рангом, который лишь «принял заявления к сведению»⁹.

Другим способом, которым болгарское правительство пыталось поддерживать интерес великих держав и европейской ответственности к вопросу о новых границах Балкан, были открытые обращения. Председатель некоего комитета беженцев из Македонии Д. Мирчев, бывший также активным членом ВМОРО, сумел в середине августа передать немецкой дипломатии обращение от 50 000 (как было заявлено) соплеменников из Болгарии. В нем они жаловались на месть со стороны сербов и греков, которые якобы поджигали их дома, убивали и насиловали семьи, насаждали власть, противоречащую их национальным чувствам. Ради «свободного развития» македонского населения, независимо от национальности и вероисповедания, ради равновесия на Балканах они желали автономии своего края¹⁰.

Через информационные агентства европейскую общественность ознакомили с аналогичными сообщениями. В середине августа в России была перепечатана статья софийской газеты «Мир» о «тысячах» закрытых болгарских школ, убитых учителях и священниках. Пропаганда не утихала, несмотря на формальное завер-

---

наступательную войну, а шла к цели национального объединения, заявили, что «положение» дел, созданное в Бухаресте, не будет способствовать обеспечению мира, а, наоборот, вызовет «более ожесточенное кровопролитие». «С теплотой» они просили поддержки для «устранения» великой несправедливости, совершаемой давлением и насилием, а также для сохранения права всех балканских народов на национальность, свободу религии и личности (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1688. Л. 12).

⁹ ДАС. Посланство Петроград (Пс-П). Политичко одељење (По). 1913. Ф. 1. р. 19; ДСПКС. VI-3. № 285; Балканская распря. Распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы / сост. Н.С. Гусев, Б.С. Котов. М., 2023. № 196; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 450–453; *Радивоевич М.* Бугарска и јужна Србија уочи Првог светског рата // Лесковачки зборник. 2015. № 55. С. 31.

¹⁰ Българија в Първата световна война... № 21

шение конфликта. Однако и Сербия не осталась в долгу. Она ответила опровержением, вышедшим 26 августа в «Новом времени». Сложившаяся ситуация была в ее пользу — школы не работали из-за войн и, очевидно, Сербия не могла согласиться с существованием на своей территории экзархистской (являвшейся к тому же схизматической) церковной и школьной сети как инструмента болгарской агитации. Однако бывших представителей экзархии не преследовали, а позволили им поступить на службу новым властям. В конечном счете осталось чуть менее половины учителей и учительниц и большинство священнослужителей, за исключением митрополитов, которые сами пожелали покинуть Македонию¹¹.

Приход к власти в июле 1913 г. австрофильского правительства В. Радославова и Н. Генадиева говорил о многом в вопросе о внешнеполитической ориентации Болгарии, существенно затрагивавшем и интересы Сербии. После поражения во Второй балканской войне и заключения крайне неблагоприятного Бухарестского мира София систематически пропагандировала тезис о неустойчивости текущего положения дел. Ответственность за поражения возложили на предыдущие кабинеты И. Гешова и С. Данева, якобы полностью находившиеся под влиянием России. Вину возлагали и на саму Россию, где, как утверждалось, опасались чрезмерного усиления Болгарии и для противодействия ему использовали Румынию и Турцию, к тому же ставя в приоритет интересы Сербии. Для предотвращения беспорядков, мятежей в армии и государственного переворота власти прибегали к различным мерам. Среди прочего искали поддержки македонских кругов ВМОРО, убеждая их в необходимости того, чтобы на престоле остался царь Фердинанд, опиравшийся на Австро-Венгрию, роль которой в общественной жизни резко возросла¹². Болгарский

¹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1755. Л. 1–9; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 395. Ф. IX. Д. 6. Л. 580 и об; Р. 410. Ф. XX. Д. 4. Л. 317–320; Пс-П. По. 1913. Ф. I. р. 19; ДДН. № 7; *Јагодић М.* Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 453–466, 479–487.

¹² По информации российской разведки, австро-венгерский наследный принц Франц Фердинанд обещал болгарскому царю сотрудничество в реализации территориальных устремлений, материальную и финансовую помощь. Взамен Болгария должна была полностью устрани-

монарх умело обращался с населением, устраивая манифестации, приветствующие «победоносное» войско, произнося эмоциональные речи, ведя разговоры с простым народом¹³.

Политика болгарского руководства отнюдь не была нацелена на путь возвращения к хорошим отношениям с Сербией. Так, представитель Белграда в Австро-Венгрии Й. Йованович-Пижон в венском «Цайт», опубликовал статью, в которой заявил, что реванш Болгарии невозможен в силу сложившейся на Балканах ситуации. По его словам, Бухарестский мир является прочным препятствием для любых попыток дестабилизации обстановки, но возможно примирение между двумя странами и новый союз. В ответ болгарский посланник И. Салабашев сообщил своему российскому коллеге Н. Гирсу, что последнее, если и может произойти, то «не в ближайшее время»¹⁴. Начальник болгарского Генерального штаба И. Фичев на конференции в Бухаресте заметил, что после случившегося не может быть речи не только о «каком бы то ни было» союзе, но и о «нормальных добрососедских отношениях»¹⁵.

Гласом вопиющего в пустыне прозвучало мнение уходящего со своего поста посланника в Петербурге С. Бобчева, которое он высказал в докладе от 23 августа. По его словам, Болгарии для реванша необходимы союзники, а именно Россия, Сербия, при некоторых условиях — и Румыния. Первая на основании общности интересов защитит целостность Болгарии и будет покровителем

духовное и политическое влияние России, официально обвинить ее в двуличной политике во время предыдущих войн и занять противоположную ей позицию в балканских вопросах. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2868. Л. 266.

¹³ АВПРИ, Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 12–13; ГАРФ. Ф. 529. Бюро заведующего заграничной агентурой департамента полиции в Константинополе. Оп. 1. Ед. хр. 52; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 395. Ф. IX. Д. 6. Л. 562; МИД. Посланство у Софији (далее — Пс-С). Ф. II. № 51; Ф. III, рб. 13; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3002. Л. 49 и об; Д. 3048. Л. 58, 76–78 об; Балканская распря... № 181; ВД. IX-2. № 1221, 1253; ДДН. № 47; DDF. 3-VIII. № 64; ДСПКС. VI-3. № 245, 250, 255; DDF. 3-VIII. № 4; *Гусев Н.С.* Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // *Славянский альманах*. 2014. № 1–2. С. 123–126, 129–130; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. Москва, 1985. С. 176–177; *Радивојевић М.* Бугарска и јужна Србија... С. 32–33.

¹⁴ АВПРИ, Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 14.

¹⁵ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / подг. текста А.Л. Шемьякин. М., 2014. С. 199.

ее расширения до «этнических границ». Западный сосед после корректировки границы, предоставления школьных и церковных прав «болгарам» в Македонии окажет поддержку в борьбе с Грецией. Включение Румынии в комбинацию С. Бобчева, в свою очередь, было нацелено на возвращение Добруджи. Претензии двух потенциальных балканских союзников на еще не присоединенные части своих народов, тогда входивших в состав Австро-Венгрии, он воспринимал как правомерные, однако в Софии думали иначе¹⁶.

Сложившаяся в августе 1913 г. ситуация никак не могла способствовать восстановлению сербско-болгарских дипломатических отношений. Напротив, возникли новые конфликты. Поступала информация о подготовке чет к вторжению в новые районы Сербии или даже о мирной инфильтрации репатриантов ради ведения про-болгарской пропаганды при поддержке Австро-Венгрии. В ряде случаев протесты были вызваны спорадически вспыхивавшими перестрелками. Но возникла проблема даже с восстановлением границы на старом, не изменившемся, участке. Болгарская сторона обвинила Сербию в невыводе войск со своей территории, в предполагаемом насилии над населением, краже материалов, скота и захвате в плен раненых. Коммуникация осуществлялась в основном через российских дипломатических представителей. Их неприятная задача и большая загруженность работой дополнялись необходимостью защиты интересов дипломатов и подданных, передачей почты оставшихся чиновников дипмиссий двух стран, вопросом об обмене и уходе за пленными, возвращении добровольцев и беженцев из Болгарии в сербскую и греческую части Македонии¹⁷. Выглядело это так, что война не закончилась — почти все делалось через посредников.

Опасность исходила не только непосредственно от действий Болгарии, нацеленных на ревизию договора и провоцирование

¹⁶ ДДН. № 65.

¹⁷ АВПРИ, Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 317–319; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 20, 37, 49–50, 55, 77 и об; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 383. Ф. I. Д. 6. Л. 428; Р. 384. Ф. I. д. 6. Л. 492–495; Р. 386. Ф. III. Д. 3. Л. 250; Р. 395. Ф. IX. Д. 3. Л. 395 и об; Р. 396. Ф. X. Д. 4; МИД. Пс-С. Ф. II. № 50, 54–55, 71; ДСПКС. VI-3. № 210, 231, 258, 268, 270, 280–281; *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 202, 206.

беспорядков. Не завершившееся формирование государственности Албании, провозгласившей независимость в Валлоне 28 ноября 1912 г. и признанной и определенной решениями Лондонской конференции, представляло для болгарских организаций прекрасную возможность уже с той территории создавать проблемы для бывшего союзника. Государство возникло благодаря давлению Австро-Венгрии, намеревавшейся изолировать Сербию от Адриатического моря (к которому планировалось провести железную дорогу, а для сербских нужд предоставить одну нейтральную гавань). И это государство представляло собой большую угрозу безопасности Сербии. У Албании не имелось четко определенных границ. Оговоренные 11 августа решениями Лондонской конференции две комиссии по разграничению с Сербией и Черногорией, а также с Грецией только должны были быть сформированы¹⁸, как и Международная контрольная комиссия для административного и финансового управления албанским княжеством¹⁹.

Нестабильность в Албании создавала массу возможностей для проведения антисербских акций. С февраля 1913 г. Австро-Венгрия поставляла оружие, боеприпасы и деньги албанским четам, в основном состоящим из беженцев из новых сербских регионов (Косово, Метохия, Македония). На высшем военном совете в Вене 15 августа, где обсуждалась программа МИД, речь шла об усилении работы по налаживанию тесных отношений между Болгарией

¹⁸ В середине июля Пашич потребовал, чтобы в состав комиссии по демаркации северной Албании вошел один представитель Сербии. Удивительно, но из великих держав против этого, помимо Великобритании, выступила Россия. В Петербурге опасались, что инициатива приведет к отзыву участия делегатов из Албании, Черногории, Румынии и даже Болгарии, что не устраивало сербскую сторону (ДАС. МИД ПО. Р. 404, Ф. XVI. Д. 3. Л. 183; DDF. 3-VIII, № 10; ДСПКС. VI-3. № 29, 89, 158, 260; *Радивојевић М.* Велики покровитељ и «прави» савезник... С. 100). 28 августа Министерство иностранных дел России поручило своим делегатам по демаркации проконсультироваться с дипломатическими миссиями в Афинах и Белграде по спорным вопросам, что в принципе было в интересах Сербии (АВПРИ, Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 168).

¹⁹ АВПРИ, Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 146. Л. 147–148, 150; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 409. Ф. XIX. Д. 6. Л. 472 и об; BD. IX-2. № 1195, 1202, 1226; DDF. 3-VIII. № 10, 21, 73; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. Спб., 2013. С. 111–116; *Радивојевић М.* Краљевина Србија и Албанија уочи Првог светског рата / Српске студије. 2015. № V. С. 153–154; *Скоко С.* Указ. соч. С. 328.

и вновь созданной Албанией в качестве противовеса усилению Сербии. Однако генералы и престолонаследник Франц-Фердинанд предпочитали иные методы, нежели дипломаты. Они подготовили план открытого нападения албанских вооруженных чет, должного стать поводом для австро-венгерской интервенции на территорию юго-восточного соседа. В этом их поддерживал император Франц-Иосиф, но не министр иностранных дел Берхтольд. Он осознавал опасность конфликта с Италией, претендовавшей на влияние на Адриатике, и потенциальное несогласие ближайшего союзника Германии²⁰.

В Сербии знали о пребывании в Вене эмигрантов во главе с И. Болетинацем, доставке денег, оружия и боеприпасов в Албанию²¹, подготовке нападения отрядов численностью около 20 000 человек и поднятия на ее территории более широкого восстания, в организации которого принимало участие и Временное правительство Албании в Валоне. 17 и 18 августа Сербия передала эту информацию зарубежным представителям в Белграде и своим дипломатам за рубежом, тем самым оправдывая решение полностью не выводить свои войска из Албании. В случае нового вторжения сербское руководство угрожало энергичным ответом и оккупацией стратегических пунктов в глубине албанской территории — именно тем, чего венские военные круги ждали как повода для своего вмешательства. Одновременно в Белграде приняли решение о закрытии транспортных коридоров к рынкам в Дебре и Дьяковице. Это тоже оказалось плохим решением, имевшим противоположный эффект — усиление волнений среди албанского населения приграничных районов. Великие державы продолжали настаивать на эвакуации армии и свободном доступе к рынкам, объясняя, что беспорядки прекратятся с выполнением Сербией вышеупомянутых обязательств²². Напрасно российский послан-

²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2868. Л. 246–247, 266об–267, 271–272, 286–287; Д. 3045. Л. 74об–75; *Торовић В.* Указ. соч. С. 536–537; *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33–38.

²¹ Подготовленные и оснащенные таким образом отряды численностью в 20–30 человек в начале августа часто нападали на сербские аванпосты под Охридом (ДСПКС. VI-3. № 239).

²² С другой стороны, следуя по стопам Вселенского патриархата, обеспокоенного мерами Временного албанского правительства по отношению к местным православным общинам, Россия советовала дипло-

ник Н.Г. Гартвиг, следуя инструкциям из Петербурга, настойчиво обращал внимание Н. Пашича на то, что в Вене «придают особое значение» Албании, откуда также можно было ожидать «неприятные последствия балканских событий»²³.

Договоренности и планы албанских лидеров и болгарских представителей о совместных действиях накануне и во время Второй балканской войны стали реализовываться в августе. При поддержке Австро-Венгрии болгарские офицеры прибыли в Албанию и приняли участие в организации и обучении чет. Первое вторжение подготовленных ими 300 повстанцев произошло уже 3 сентября близ Призрена²⁴. Отряд был полностью разбит местными сербскими военными властями. Тем не менее, от этой идеи не отказались. Серьезность намерений Австро-Венгрии использовать Албанию лучше всего иллюстрирует то, что спустя полмесяца при содействии болгарских офицеров произошло массовое вторжение на территорию Сербии, спровоцировавшее новый международный кризис²⁵.

Процесс урегулирования ситуации на Балканском полуострове открыл множество возможностей для вмешательства Австро-Венгрии в вопросы, представляющие непосредственный интерес для Сербии. Хотя ревизия не удалась в принципе, Вена пыталась при помощи великих держав наложить на Сербию определенные ограничения. Это воплотилось в совместном дипломатическом заявлении шести европейских государств от 17 августа о необходимости уважать права меньшинств в новоприсоединенных территориях. Н. Пашич, посчитав это формальностью и отверг его. В Сербии

матически вмешаться, подчеркнув признанные интересы Сербской Церкви (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 144. Л. 171).

²³ Штрандтман В.Н. Балканские воспоминания... С. 201.

²⁴ Повышенная активность албанских банд в конце августа и начале сентября наблюдалась также в окрестностях Печа и Дьяковицы, на территории, находящейся под контролем черногорской армии (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 144. Л. 194–196).

²⁵ АВПРИ, Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 315–316; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 144. Л. 138; ДАС. МИД ПО, 1913. Р. 401. Ф. XIV. Д. 1. Л. 93 и об; Р. 404, Ф. XVI. Д. 2. Л. 120 и об, 141 об, 153; Д. 3. Л. 184 и об; Д. 4. Л. 285, 291; Р. 405, Ф. XVI. Д. 8. 770–771; ВД. IX-2. № 1226, 1234; DDF. 3-VIII. № 10, 64; ДСПКС. VI-3. № 194, 215, 225, 253–254, 256, 260, 266, 269–270, 281; Бајин З. Указ. соч. С. 126–127; Искендеров П.А. Указ. соч. С. 122–126; Храбак Б. Указ. соч. С. 35–48.

соблюдались гарантированные конституцией права всех национальностей, что также было прописано в условиях Берлинского трактата 1878 г.²⁶

Однако нельзя считать, что отношения между Сербией и Австро-Венгрией непосредственно после Бухарестской конференции заключались лишь в постоянных конфликтах. В сербском руководстве существовало стремление к улучшению взаимоотношений, обусловленное намерением консолидировать государство после изнурительных войн и полноценно интегрировать новые территории. Благожелательные послания были отправлены в Вену уже в начале августа через румынского короля и дипломатов. По возвращении в Белград Пашич снова выступил перед иностранными дипломатическими представителями, говоря о необходимости хороших отношений с Дуалистической монархией, что позволило бы достичь мира и с албанской стороной. Основой для укрепления связей могло стать сотрудничество в экономической сфере. И с другой стороны министр Берхтольд, некоторые австро-венгерские чиновники, а также часть общественности выразили желание нормализовать отношения. Проблема заключалась в том, что взаимные противоречия стали слишком велики, и агрессивно настроенные к Сербии круги в руководстве Австро-Венгрии постепенно стали преобладать²⁷.

Несмотря на все проблемы, ситуация, сложившаяся после Второй балканской войны, имела для Сербии и положительные стороны. Установилась общая граница с другим сербским государством — Черногорией, союз с Грецией укрепился благодаря совместной войне против Болгарии, значительно улучшились отношения с Румынией. Исход войны именовался «громадным успехом». Территория страны увеличилась на 81,5 % (примерно до 87 600 кв. км), а население — почти в полтора раза (с 3 до почти 4,5 млн)²⁸. Представлявших Сербию

²⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 315; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 143. Л. 36 и об; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 409. Ф. XIX. Д. 6. Л. 72 и об; DDF. 3-VIII. № 17, 98, 108; ДСПКС. VI-3. № 242, 262, 272; Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 202; Искендеров П.А. Указ. соч. С. 121–122.

²⁷ DDF. 3-VIII. № 43, 50, 69, 103; ДСПКС. VI-3. № 241, 275; ÖUA. VII. № 8201, 8240; Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 200; Ђоровић В. Указ. соч. С. 528–529.

²⁸ Јагодић М. Нови крајеви Србије... С. 113, 136–138.

на Бухарестской конференции делегатов в Белграде тепло и торжественно встречало около 300 человек. Н. Пашич почти сразу явился к Н.Г. Гартвигу и выразил огромную благодарность императорскому правительству за оказанную «мощную поддержку», без которой Сербия «никогда бы не достигла таких благоприятных результатов»²⁹.

Покровительство России имело большое значение из-за ее роли в Антанте, поскольку давало возможность обратиться к ее союзнице Франции за финансовой помощью. В переговорах о кредитах для истощенной огромными издержками предыдущих войн Сербии Россия оказала прямое содействие инициативой участия своих банков, выдвинутой во второй половине августа³⁰. Разумеется, для российской стороны успехи и качество сербской армии имели стратегическое значение, поскольку Белград рассматривали как союзника в случае конфликта с Австро-Венгрией. 8 августа Сазонов заявил посланнику Поповичу, что он «предпочитает великую Сербию, а не великую Болгарию», поскольку на первую можно положиться, а на вторую — «не всегда»³¹.

Как это бывает на Балканах, не обошлось без осложнений даже с дружественным и братским государством. На Бухарестской конференции Черногория официально заявила участникам, что будет требовать от Сербии территориальные компенсации за свое участие и понесенные жертвы во Второй балканской войне. Хотя ранее она выступила инициатором обмена мыслями о реальной унии по немецкому образцу между двумя сербскими государствами. Немного наивно черногорский король Никола и его правительство притворялись, что не знают, о какой общности идет речь, оставляя за Сербией обязанность сделать конкретное предложение³². В сербских

²⁹ Посланник в знак благодарности за помощь получил исключительно высокую для иностранного дипломата награду — Орден Звезды Карагеоргия 2-й степени (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 314; ДСПКС. VI-3. № 218; *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 200, 203–204).

³⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 323; ВД. IX-2. № 1241, 1252; DDF. 3-VIII. № 50, 68, 110; *Стојић Б.* Указ. соч. С. 400.

³¹ ДСПКС. VI-3. № 213; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3048, Л. 66–68 и об.

³² Россия также проявила внимание к возможности объединения. Ее военный агент в Цетинье генерал Н.М. Потапов предложил не продлевать ежегодную помощь черногорской армии, чтобы не препятство-

правлящих кругах же считали, что все договоренности с Цетинье носят временный характер и действуют лишь до смерти короля Николы. Черногорское население единодушно выступало в пользу объединения, а престолонаследник князь Данило «любил европейскую жизнь». Однако была и причина для соблюдения осторожности — враждебное отношение Австро-Венгрии к этой инициативе.

Тем временем Цетинье продолжал настаивать на соглашении о территориальном разграничении. Когда во второй половине августа в Белграде начались переговоры, черногорская сторона выдвинула требование всей Метохии и половины Плевальского и Сеницкого санджаков³³. Отказ Сербии пойти на такие уступки привел к необходимости обратиться за арбитражем. По условию союзного договора, его должны были осуществить Греция и Болгария. Привлечение последней к медиации стало невозможным, а близость сербско-греческих отношений не давала черногорской стороне повода для оптимизма. Возник вопрос, кого избрать вторым арбитром, причем в Цетинье в этой роли не принимали российского императора, а желали видеть в ней Румынию. Российский поверенный в делах В.Н. Штрандтман действовал осторожно, стремясь сохранить диалог между Белградом и Цетинье. При этом существовала опасность, что сербская неуступчивость приведет к развороту короля Николы в сторону Австро-Венгрии, которая уже продемонстрировала определенную готовность оказать Черногории «полную поддержку». И несмотря на это, стороны не сумели сблизиться. 7 сентября переговоры прекратились³⁴.

вать процессу слияния двух сербских государств, или организовать ее так, чтобы субсидия шла через Белград (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 152. Л. 37; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 400. Ф. XIII. Д. 1. Л. 43).

³³ Имелось подозрение, что король Черногории пытался создать нестабильную ситуацию в Албании, чтобы улучшить границу и с этой стороны (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 144. Л. 158; ДСПКС. VI-3. № 249).

³⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 328, 331, 333, 335–336; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 152. Л. 38–40; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 400. Ф. XIII. Д. 1. Л. 44–47об, 64, 79; DDF. 3-VIII. № 109; ДСПКС. VI-3. № 244, 267, 273–274, 277, 279, 283; *Штрандтма В.Н.* Указ. соч. С. 207–209; *Бајин З.* Указ. соч. С. 126; *Искендеров П.А.* Указ. соч. С. 401–406; *Радивојевић М.* Црна Гора и Србија у првих годину дана Великог рата // *Историјски записи.* 2020. № ХСІ/3–4. С. 111–112; *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије. Цетинье, 1981. С. 183–189; *Скоко С.* Указ. соч. С. 326.

Одним из несомненных приобретений Сербии от Балканских войн, как уже упоминалось, стало сближение с Румынией. Бухарест, несмотря на давление Австро-Венгрии, не встал на защиту болгарских интересов ради формирования фундамента союза с Софией. Румынские правящие элиты стремились к нейтралитету и желали окончательного мира, условия которого затем не будут пересмотрены. Это желание было умело сообщено королем Каролом I 7 августа своему августейшему кузену, находящемуся на немецком престоле. На следующий день император Вильгельм II очень тепло поблагодарил за предложение внести свой вклад и поприветствовал установление мира, дав понять, что он против его ревизии. Такая позиция была на пользу Сербии, где вызвала многочисленные симпатии вопреки чаяниям немецкого союзника Австро-Венгрии. Более того, в разговоре с Н. Пашичем и его заместителем М. Спалайковичем румынский король конфиденциально заявил, что у двух стран есть «общие политические задачи» — Трансильвания и Босния и Герцеговина³⁵. Премьер-министр Сербии вернулся из Бухареста очень довольным. Он рассчитывал, что отношения с Румынией прочно налажены и, как выразился Кароль I, ее внешнеполитический курс не изменится, и не будет возврата к «старым традициям» — опоре на Австро-Венгрию³⁶.

³⁵ Примечательно, что об этой версии событий узнала только российская дипломатия, хотя в верхах Австро-Венгрии имелись реальные опасения по поводу подходящего сценария. Как будто румынский король предполагал что-то подобное. Через своего министра иностранных дел он отправил в Вену (и Берлин) сообщение, что Спалайкович сообщил ему о желании Сербии посвятить себя решению других важных задач и быть в хороших отношениях со своим большим соседом, как уже ранее говорилось в настоящей статье. Кароль I выразил намерение помочь лично. Точно так же, как на австро-венгерско-румынские отношения не влияли три миллиона румын в Трансильвании, из Белграда бы дали доказательства что не будут проводить агитацию в тех частях Дуалистической монархии, где проживают сербы, и откажутся от «великих сербских устремлений». Взамен Австро-Венгрии пришлось пойти на уступки в направлении развития экономических связей. (OUA. VII. № 8201; *Bajin Z.* „We'll break your teeth“ or the splendors and miseries of the Balkan League. Miroslav Spalajković at the Peace Conference of Bucharest // *Balkan Entanglements — Peace of Bucharest* / ed. M. Gheboianu, C. Ionita. București, 2016. С. 187).

³⁶ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 314; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 409. Ф. XIX. Д. 5. Л. 400; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2868. Л. 220 и об-221;

И при обмене поздравительными телеграммами по случаю заключения мира было подчеркнуто единение в сохранении общих интересов и планов на более тесные дружеские отношения. Во второй половине августа для короля Петра привезли Орден Кароля I, а в противоположном направлении уехала Звезда Карагеоргия. Получив награду, в начале сентября румынский король подтвердил свое намерение развивать более «интимные» связи, особенно с целью сохранения созданного Бухарестским миром баланса сил на Балканах. Подобные высказывания о защите существующего положения он делал и в беседах с российскими дипломатическими и военными представителями. Укрепление отношений было подтверждено заключением почтового союза и соглашением о соединении железнодорожных линий и строительстве моста через Дунай. Кроме того, две страны договорились о создании автономного куцо-влашского епископата в новых регионах Сербии и сохранении сети школ, финансируемых Бухарестом. 29 августа Пашич направил указание министрам образования и внутренних дел уделять особое внимание обращению с куцо-влахами в новых регионах. Помимо предоставления автономного статуса и демонстрации дружеских отношений требовалось предотвратить болгарские попытки представить ситуацию в ином ключе³⁷.

Заявления о заключении между Сербией, Грецией и Румынией (и Черногорией) секретного соглашения о взаимных гарантиях защиты присоединенных территорий, которые распространялись среди дипломатических представителей в балканских столицах в августе 1913 г., не имели под собой никаких оснований. При-

BD. IX-2. № 1221, 1229, 1237–1238, 1251, 1253, 1257; Бългaрия в Първата световна война... № 18, 20; DDF. 3-VIII. № 15, 43, 69; OUA. VII. № 8240; Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 201–202; Скоко С. Указ. соч. С. 317–321; Стојић Б. Указ. соч. С. 389–390, 393–394; Ђоровић В. Указ. соч. С. 521–529, 575;

³⁷ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 151. Л. 19–22; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 388. Ф. IV. Д. 6. 416–417об; Р. 409. Ф. XIX. Д. 5. Л. 414; Д. 7. Л. 530–531; BD. IX-2. № 1202, 1245, 1251; DDF. 3-VIII. № 17, 43, 64; РГ-ВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3039. Л. 21–22; Д. 3048. Л. 64–65; ДСПКС. VI-3. № 217, 265; Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 202–203; Гулић М. Краљевина Југославија и Дунав. Дунавска политика југословенске краљевине 1918–1944. Београд, 2014. С. 191–192; Историја Балкан. На переломе епох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2017. С. 264; Јагодић М. Указ. соч. С. 458, 487; Стојић Б. Указ. соч. С. 398–399.

чина того, что подобное соглашение официально не было подписано, возможно, заключалась в сдержанном отношении Румынии к чрезмерным притязаниям Греции, стремившейся воплотить их любой ценой. С другой стороны, даже премьер-министр Греции Э. Венизелос полностью не доверял румынской позиции из-за старого Кароля I, которому, по его словам, было трудно разорвать связи с Германией³⁸. В отношении Сербии греческая сторона считала важным сохранение взаимной дружбы. Греческий король Константин, являвшийся зятем Вильгельма II, подобно своему румынскому коллеге стремился повлиять на Вену и Берлин и добиться улучшения между Сербией и Австро-Венгрией. Пребывая в эйфории от побед, ни одна из сторон не заметила потенциальных недоразумений ни при территориальном разграничении, ни в будущих отношениях, которые рассматривались как залог прочного мира и баланса сил на Балканах³⁹.

Первые проблемы возникли сразу после конференции в Бухаресте именно из-за недовольства славянского населения линией границы. Даже некоторые куцо-влашские деревни просили остаться в составе Сербии. Нечто подобное произошло и на некоторых участках другой стороны. В беседе с российским поверенным в делах 26 августа Н. Пашич не считал это существенным вопросом, который мог бы испортить двусторонние отношения. Он настоял на том, чтобы демаркация, а также любые корректировки линии границы проводились по договоренности, в соответствии с предыдущим соглашением. Разногласия продолжали возникать. Существовала проблема вмешательства греческой церкви и органов образования в новые регионы Сербии, а также попытки

³⁸ Это было противоречивое заявление, поскольку именно Вильгельм II выступал за нерушимость Бухарестского мира и присоединение Кавалы к Греции. Свою симпатию к ней он выразил, поздравив с назначением короля Константина 10 августа фельдмаршалом германской армии, а также наградив его Большим крестом Красного Орла. Как и в случае с румынским королем, это событие также вызвало удовлетворение в Белграде.

³⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 314; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 148. Л. 30–32об; Д. 151. Л. 20–22; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 388. Ф. IV. Д. 6. 416–417об; ВД. IX-2. № 1225, 1240, 1245, 1253, 1257; Бългрия в Първата световна война... № 18, 20; DDF. 3-VIII. № 3, 25, 42, 50, 76, 94; Балканская распря... № 189; Штрандтман В.Н. Указ. соч. С. 201; Писарев Ю.А. Указ. соч. С. 176; Ђоровић В. Указ. соч. С. 521, 523, 525, 528–529.

эллинизации славянского населения по другую сторону границы. Из-за союзнических отношений многие нерешенные проблемы Греции также представляли опасность. Существовали вдобавок трения с Болгарией, откуда прибыли многочисленные греческие беженцы. Спор с Османской империей о принадлежности Эгейских островов не был урегулирован, не был установлен и крайний срок итальянской оккупации Додеканеса. Демаркация южной границы Албании еще не началась, хотя уже заранее осложнялась постоянным греческим вмешательством в Северном Эпире и соперничеством Афин и Рима. Ждал своего решения и вопрос о безопасности сербской части порта Салоник. Союз, несмотря на заявления официальных лиц с обеих сторон, подвергался серьезным испытаниям⁴⁰.

После заключения Бухарестского мира выяснилось, что самым сильным противником Сербии была Австро-Венгрия, самым упорным — Болгария, а наибольшее количество проблем рождала Албания. Конфликт с северной соседкой в июле 1914 г. перешел в открытую фазу, и в силу могущества и роли Дуалистической монархии в международных отношениях перерос в Первую мировую войну. Македонский вопрос, в свою очередь привел к долгосрочному враждебному отношению со стороны Болгарии, что обусловило ее участие в обеих мировых войнах на стороне врагов Сербии и насильственной оккупации части ее территорий. Нестабильность Албании и очевидное австро-венгерско-болгарское участие в подстрекании тамошнего населения уже в сентябре 1913 г. спровоцировали вооруженное вторжение и восстание в новых регионах Сербии. От еще одной попытки удержать стратегические пункты, только что покинутые вследствие давления

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 531. Л. 328; Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 148. Л. 33–46об; Д. 153; ДАС. МИД ПО. 1913. Р. 409. Ф. XIX. Д. 7. Л. 503–504, 544–545, 554; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3048. Л. 66–68об; ВД. IX-2. № 1193–1195, 1202, 1207–1208, 1211, 1215–1216, 1223–1224, 1226, 1234, 1254, 1255; DDF. 3-VIII. № 10, 17, 19–21, 24–25, 57, 64, 76, 81, 100, 106, 108; ДСПКС. VI-3. № 204, 209, 225, 229, 237–238, 258, 264–265, 278, 282, 284; *Штрандтман В.Н.* Указ. соч. С. 206; Балканская распря... № 193; За балканскими фронтами Первой мировой войны / ред. В.Н. Виноградов и др. М., 2002. С. 28–33; *Ягодић М.* Указ. соч. С. 458, 488; История Балкан... С. 412, 432–434; *Скоко С.* Указ. соч. С. 323–326, 332; *Стојић Б.* Указ. соч. С. 390–394.

великих держав, через месяц пришлось отказаться из-за ультиматума Вены. Однако это удалось осуществить уже в условиях войны в 1915 г., что в значительной мере помогло отступлению и сохранению сербской армии как военной силы.

Говоря же о союзниках, отметим, что степень покровительства России продолжила расти и достигла высшей точки, когда Петербург выступил на защиту Сербии в роковом июле 1914 г. С другой стороны, династический вопрос в отношениях с Черногорией сразу после Бухарестской конференции воплотился в вопросе о территориальных компенсациях, а в 1918 г. не дал произойти объединению двух сербских государств по обоюдному согласию. Агрессивная политика Австро-Венгрии явно подтолкнула Грецию и Румынию к союзу с Сербией, но в большей мере сближение обуславливалось собственными интересами двух неславянских балканских государств. Сербско-греческий союз не выдержал испытания ни в 1914 г., ни в следующем, когда выполнилось основное условие вмешательства Афин — нападение Болгарии на Сербию. Опыренные сближившим их успехом, Белград и Афины в августе 1913 г. не очень хорошо осознавали, что их разделяет. Другой неформальный союзник, Румыния, сохраняла баланс сил на полуострове сколько могла, пока обстоятельства мирового конфликта его не разрушили. Но желаемое сербами присоединение Бухареста к Антанте являлось естественным и необратимым процессом, обусловленным идеей национального объединения. Братски разделенный после Великой войны Банат, несмотря на предыдущую мегаломанию румынского политического руководства, установление династических связей и прямой союз в Малой Антанте, были признаками того, что события августа 1913 года это не случайность. Все это из-за непосредственных итогов Бухарестской и Лондонской конференций являлось основой или несло признаки и следы многочисленных процессов, имевших для Сербии долгосрочные последствия.

Перевод с сербского Н.С. Гусева

Вторая балканская война 1913 г.: взгляд из Берлина

Раскол между членами Балканского союза после подписания Лондонского мирного договора создавал благоприятные условия для решения ключевой задачи германской дипломатии по поиску потенциальных партнеров и союзников в преддверии грядущей общеевропейской войны. Наиболее перспективным в Берлине считали укрепление партнерских отношений с Румынией и привлечение на сторону Тройственного союза Греции и Османской империи. Однако последовавшее столкновение Болгарии с соседними государствами в ходе Второй балканской войны резко осложнило работу германских дипломатов, вынужденных лавировать между региональными игроками с целью привлечения их к сотрудничеству с Тройственным союзом. Вынужденный учитывать интересы Вены, выступавшей в защиту Болгарии как противовеса Сербии на Балканах, Берлин не сумел в должной мере заинтересовать Афины и Бухарест в ориентации на Тройственный союз. Как следствие, германская дипломатия была вынуждена переклочить свое внимание на Османскую империю и Болгарию и содействовать их примирению осенью 1913 г.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатия, Балканы, Балканские войны, Вторая балканская война, Германия, Румыния, Болгария, Греция, Османская империя

Балканские войны являлись прологом Первой мировой войны — это, казалось бы, донельзя очевидное наблюдение и спустя сто десять лет после окончания войн 1912–1913 гг. не теряет своей важности, поскольку позволяет проследить, как локальные конфликты на периферии Венской системы международных отношений подвели мир к Великой войне, в которую оказались вовлечены 32 государства и 74 млн человек. Нельзя не согласиться с мнением, высказанным в недавно изданном труде российским

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

историком О.И. Агансон: «Развернувшаяся между балканскими государствами борьба на региональном уровне спровоцировала новый виток гонки вооружений и вела к дальнейшей милитаризации международных отношений»¹. В связи с этим по-прежнему представляется актуальным обращение к действиям великих держав в период балканского кризиса 1912–1913 гг., поскольку оно позволяет увидеть, как региональные интересы в их политике сочетались с глобальными, в частности, связанными с противостоянием Тройственного союза и Антанты, и как предпринятые в указанный период шаги приближали начало мировой войны.

Особого внимания заслуживает позиция Германии. Если история балканской политики таких стран как Россия или Австро-Венгрия насчитывала к началу XX века уже несколько столетий, то германская дипломатия на Балканах была относительно «новичком», но весьма успешным, особенно в экономической сфере. Проникновение германского капитала в балканские страны было стремительным: по оценкам отечественного исследователя Ю.А. Писарева, объем торговли между Германией и Болгарией за несколько десятилетий возрос более чем в 19 раз, с Турцией — в 17 раз, а в экспорте и импорте Румынии накануне Первой мировой войны на долю Германии приходилось 60% и 40% соответственно². В связи со строительством Багдадской железной дороги и обучением турецких войск возрастало влияние Второго рейха в Османской империи. Важную роль играли и династические связи: в Румынии правила династия Гогенцоллерн-Зигмарингенов, в Болгарии — Саксен-Кобург-Готская династия, а король Греции Константин I был женат на Софии Прусской — сестре кайзера Вильгельма II.

Германия постепенно превращалась в крупного игрока на Балканском полуострове — но игрока дистанцированного, поскольку в геополитическом плане Балканы представлялись германскому руководству, скорее, «мягким подбрюшьем» союзника — Австро-Венгрии. Впрочем, уже в 1900-е гг. в статьях Ф. Науманна намечались контуры будущей концепции Срединной Европы, в которой

¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022. С. 309.

² Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 15.

существование монархии Габсбургов и контроль над Балканами обеспечивали рейху бóльшую часть пути «через Салоники в Малую Азию и к Суэцкому каналу»³. В то же время к началу 1910-х гг. германские правящие круги взяли курс не просто на подготовку к крупной европейской войне, но на ее скорейшее наступление в выгодный для рейха момент. «Война неизбежна, и чем скорее она начнется, тем лучше», — утверждал на заседании военного совета в декабре 1912 г. глава германского Генерального штаба Г. фон Мольтке⁴. И в этой грядущей войне Германии требовались союзники как среди великих держав, так и среди малых государств Европы.

Данные рассуждения подводят к теме представленной статьи: взгляд из Берлина на события Второй балканской войны 1913 г. Не секрет, что «мирное урегулирование 1913 г. создало условия наибольшего благоприятствования для поисков и происков великодержавной дипломатии в Юго-Восточной Европе»⁵. Однако уже в ходе самого балканского конфликта великие державы играли важную роль не просто в разрешении кризисной ситуации, но в таком ее разрешении, которое позволило бы Петербургу, Лондону, Парижу, Риму, Вене и, наконец, Берлину укрепить свои позиции и позиции своего блока на случай более масштабного, общеевропейского конфликта. В связи с распадом Балканского союза и началом Межсоюзнической войны перед каждой из великих держав, и перед Германией в том числе, стояла сложнейшая задача найти новых союзников на юго-востоке Европы, не потеряв при этом старых. Анализу действий германского правительства, рассчитанных на решение указанной задачи, и посвящена представленная статья.

Хотя подписание Лондонского мирного договора 30 мая 1913 г. было с одобрением встречено в Германии, от внимания как госу-

³ Баранов Н.Н. Становление концепции Срединной Европы Фридриха Науманна // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы научной конференции «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» (Екатеринбург, 03–09 сентября 1999 г.) / отв. ред. Н.Н. Баранов. Екатеринбург, 2001. С. 443.

⁴ Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, 2013. P. 329.

⁵ Виноградов В.Н. Накануне // За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002. С. 9.

дарственных деятелей, так и общественности не мог ускользнуть факт нарастающих противоречий между членами Балканского союза — Болгарией, Грецией и Сербией. Газета «Дойче цайтунг» уже 31 мая разместила на первой полосе статью «Подписание мирного договора и начало войны», в которой подчеркивались расхождения во взглядах Софии и Белграда на условия мира и отмечалось, что союз между ними фактически расторгнут и что сербы сближаются с греками⁶. Германский посол в Румынии Ю. фон Вальдтхаузен накануне подписания мирного договора сообщал в Берлин о том, что сербы ищут союза с румынами против болгар, и Бухарест был склонен согласиться, поскольку «не может терпеть Великую Болгарию и не возражает против Великой Сербии»⁷. Посол в Лондоне К.М. Лихновский спустя 11 дней после подписания мирного договора информировал начальство об аналогичных переговорах Белграда и Константинополя. По предположению дипломата, на этот отчаянный шаг сербов подтолкнули отказ болгар от каких-либо уступок в македонском вопросе и «тесное сближение Софии и Вены»⁸. Было очевидно, что Балканский союз разваливается и между бывшими союзниками может вспыхнуть конфликт.

Подобное положение вещей было выгодно Берлину, поскольку разъединенные балканские государства были слабее и потому в большей степени открыты для германского и австро-венгерского проникновения. О нежелательности формирования нового Балканского союза в 1913 г. в своих письмах говорил бывший рейхсканцлер Б. фон Бюлов: «Удастся ли с девизом “разделяй и властвуй” держать Сербию и Румынию, Болгарию и Грецию в разъединенном состоянии?.. Очень жаль, что не удалось сохранить прежнее положение вещей, которое во всех отношениях было для нас более благоприятным и в особенности было благоприятным для наших австрийских союзников»⁹. Ныне распад Балканского союза открывал возможности для расширения союза Тройственного.

⁶ Friedensunterzeichnung und Kriegsbeginn // Deutsche Zeitung. 1913. 31 Mai.

⁷ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 34. Die Londoner Botschafterreunion und der Zweite Balkankrieg 1912–1913. Zweite Hälfte. Berlin, 1927. S. 876.

⁸ Lichnowsky K.M. Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften. Dresden. 1927. S. 333–334.

⁹ Бюлов Б. Воспоминания. М., Л., 1935. С. 411.

Соответственно, одной из ключевых задач Вильгельмштрассе¹⁰ на балканском направлении в период между Первой и Второй балканскими войнами представлялось привлечение к Тройственному союзу Греции и Турции. Связующим звеном между союзом и балканскими странами должна была выступать Румыния, с 1883 г. являвшаяся союзником Австро-Венгрии. О том, что «ориентация греческой политики на Тройственный союз через Румынию была бы очень желательной», писал в июне 1913 г. германский статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов, в связи с чем предполагалось содействовать греческим требованиям на границе с Албанией¹¹. Параллельно с этим германские дипломаты стремились урегулировать греко-турецкий конфликт из-за островов Эгейского моря с учетом интересов как Афин, так и Константинополя. В начале июня статс-секретарь инструктировал Лихновского руководствоваться в вопросе об островах «максимальным уважением к Турции, как того требуют наша старая политика, дружественная к туркам, и наши значительные интересы в Малой Азии»¹².

Параллельно с этим Берлин был вынужден учитывать интересы своего ближайшего союзника — Австро-Венгрии, целью которой была максимальная изоляция Сербии. В связи с этим фон Ягов предупреждал румынское правительство, что союз с Сербией поставил бы Румынию «в оппозицию Австро-Венгрии и Тройственному союзу»¹³. Аналогичным образом прорабатывалась и позиция Греции: содействуя ее территориальным притязаниям, германские дипломаты рассчитывали не допустить ее сближения с Антантой или Сербией и верили в успех данного предприятия. Так, Вильгельм II написал: «Хорошо», — на полях донесения германского посланника в Афинах А. фон Квандта о готовности Греции в лице премьер-министра Э. Венизелоса, «тесно сотрудничая

¹⁰ Улица в Берлине, где находились правительственные здания, используется как нарицательное название германского правительства (прим. ред.).

¹¹ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. Der Dritte Balkankrieg 1913. Berlin, 1927. S. 95.

¹² Die Auswärtige Politik des Deutschen Reiches. 1871–1914. Bd. 4. Berlin, 1928. S. 555.

¹³ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 34. Zweite Hälfte. S. 877.

с Румынией и Турцией, быть полезной Тройственному союзу в качестве противовеса против славян»¹⁴.

Проблема состояла в том, что стремление Австро-Венгрии изолировать и ослабить международные позиции Белграда оборачивалось болгарофильской политикой Вены, вступавшей в противоречие с попытками Берлина укрепить сотрудничество с Румынией, Грецией и Турцией. Германский посол в Османской империи Г. фон Вангенхайм информировал Берлин, что с точки зрения турецкого правительства «Великая Болгария является угрозой для Константинополя, в то время как побежденной Болгарии пришлось бы искать убежища у Турции, Румынии и Тройственного союза»¹⁵. Кроме того, фон Вангенхайм и фон Квандт сообщали о настойчивых попытках греков заключить с османами союз, направленный против болгар и имеющий целью раздел Фракии¹⁶. Их донесения подкреплялись словами фон Вальдтхаузена из Бухареста о протестах Румынии против создания «Великой Болгарии», из-за чего в стране «симпатизировали Германии, но существовала антипатия к Австрии»¹⁷.

Как следствие, фон Ягов неоднократно предупреждал министра иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Берхтольда о негативных последствиях болгарофильской политики, вредившей в том числе отношениям с Румынией, перед которой Тройственный союз имел определенные обязательства¹⁸. Австрийские требования к румынам не только отказаться от сотрудничества с сербами, но и пойти на уступки болгарам в вопросе о Добрудже статс-секретарь считал чрезмерными и настаивал на том, что после обещания короля Кароля I не вступать в союз с Сербией «Австрия не может требовать от Румынии большего»¹⁹. Однако увещевания были тщетны: сосредоточенность Вены на борьбе с Сербией диктовала необходимость максимальной поддержки болгарских притязаний, что, в свою очередь, вселяло в Софию уверенность в том, что Ав-

¹⁴ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. S. 19.

¹⁵ Ibid. S. 5.

¹⁶ Ibid. S. 70–71.

¹⁷ Ibid. S. 46.

¹⁸ Ibid. S. 67.

¹⁹ Ibid. S. 62.

стро-Венгрия и Германия поддержат ее в войне против бывших союзников.

Следствием подобных расчетов стало начало Второй балканской войны 29 июня 1913 г., которую германская газета «Фоссисше цайтунг» назвала «грозным облаком на политическом горизонте»²⁰. Кроме того, редакция подчеркнула, что за «перипетией борьбы балканских народов» скрывается «противостояние России и Австрии»: в то время как Санкт-Петербург поддерживал в войне сербов, Вена делала ставку на болгар и была готова на любые действия, чтобы не допустить усиления «балканского Пьемонта». Граф Берхтольд прямо говорил германскому послу, что в случае вмешательства России в ситуацию на Балканах Вена будет противодействовать ей «либо прямыми шагами в Петербурге, либо путем оккупации Белграда»²¹. Тем самым конфликт между балканскими странами грозил обернуться войной между Тройственным союзом и Антантой, к чему германское правительство на тот момент не было готово. В данных условиях первой задачей германских дипломатов было, по словам заместителя статс-секретаря МИД А. Циммермана, «оказать успокаивающее воздействие на Вену, убедить ее воздержаться от поспешных действий и обеспечить, чтобы она постоянно информировала нас о своих намерениях и не принимала никаких решений, не выслушав предварительно нас»²².

Одновременно с этим германские дипломаты старались не допустить вступления в войну Румынии, тщетно убеждая правительство Болгарии пойти на соглашение с Бухарестом, пока в соседней стране не завершилась мобилизация²³. Во время встречи в Киле с итальянским министром иностранных дел маркизом ди Сан-Джулиано фон Ягов настаивал на том, что установление румыно-болгарской дружбы является первейшим средством для нормализации сложившейся в Юго-Восточной Европе ситуации²⁴. Однако найти приемлемый для Софии и Бухареста *modus vivendi* дипломатическим путем не удалось: 10 июля Румыния объявила

²⁰ Vorpostenkämpfe oder Krieg? // Vossische Zeitung. 1913. 1 Juli.

²¹ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. S. 115.

²² Ibid. S. 124.

²³ Ibid. S. 120–121.

²⁴ Ibid. S. 132.

войну Болгарии, продемонстрировав, по словам газеты «Берлинер тагеблатт», что проводит «исключительно румынскую политику, не совместимую с тенденциями Балканского союза»²⁵. Следовало бы добавить, что эта политика в равной степени была несовместима и с болгарофильским курсом Вены, который Берлин так и не смог скорректировать. При этом австро-венгерские власти все в большей степени подозревали Бухарест в излишне тесном сближении с Белградом, видя за их совместными действиями попытку создания «крупного балканского союза», являющегося «инструментом в руках Франции и России»²⁶.

Вслед за этим 12 июля болгарскую границу пересекли турецкие войска. Несмотря на предупреждения фон Вангенхайма, что Османская империя может «подвергнуться опасности, если она будет действовать в неизвестном направлении без какой-либо поддержки»²⁷, османы в последующие дни пересекли пограничную линию Мидие — Энос и уже 23 числа достигли Адрианополя. Как сообщалось в конфиденциальных донесениях из Константинополя, это продвижение было следствием волнений в армейской среде: турецкому правительству угрожали свержением в случае, если бы оно отказалось от наступления на Адрианополь²⁸. Стремительное продвижение турецких войск вызывало у германской общественности опасения перед вмешательством России в балканские дела при поддержке Англии и Франции. В связи с этим германское правительство официально заявило, что «не считает необходимыми какие-либо принудительные меры против Турции и предпочло бы сначала дождаться результатов мирных переговоров между Болгарией и воюющими с нею державами»²⁹.

К началу августа разгром болгарских сил был вполне очевиден, в связи с чем перед балканскими странами и великими державами вставал вопрос о проведении мирной конференции и подведении итогов войны. Размышляя над этими вопросами, МИД Германии

²⁵ Rumänien überschreitet die Donau // Berliner Tageblatt. 1913. 11 Juli.

²⁶ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. S. 188.

²⁷ Ibid. S. 155.

²⁸ Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898–1914. Bd. IX. Die Balkankriege. T. II. Der Bund und die Türkei. Zweiter Halbband. Berlin, 1935. S. 1424.

²⁹ Die Adrianopeler Frage // Vossische Zeitung. 1913. 24. Juli.

жестко выступал против проведения конференции в Санкт-Петербурге: еще в середине июля фон Ягов инструктировал фон Квандта передать греческому правительству предупреждение, что «мирные переговоры в России будут полностью отвержены российскому влиянию» и что в этом случае «Россия фактически будет играть роль арбитра на Балканах»³⁰. Появившееся во второй половине июля предложение провести конференцию в Бухаресте не вызвало протеста со стороны Германии, не желавшей еще больше испытывать терпение партнера Тройственного союза³¹.

Однако избежать подобного развития событий было трудно: Австро-Венгрия официально заявила, что «не потерпит чрезмерного ущемления Болгарии»³², в связи с чем германские дипломаты были вынуждены уговаривать своих визави в Афинах, Бухаресте, Константинополе и даже Белграде проявить сдержанность и умеренность. Примером могут послужить следующие слова фон Ягова: «Как бы нам ни хотелось, чтобы Греция вышла из войны как можно более сильной, я хотел бы предоставить г-ну Венизелосу возможность проявить как можно большую сдержанность в своих требованиях, следуя примеру Румынии, а не перегибать палку по примеру Болгарии»³³. Подобная позиция не могла принести политических дивидендов среди балканских политиков, однако иного выбора у Берлина не было: Австро-Венгрия являлась приоритетным союзником, и ее интересы на Вильгельмштрассе учитывали в первую очередь. В связи с этим фон Ягов жаловался графу Гренвиллю, секретарю британского посольства в Берлине, «какая это трудная задача — всегда поддерживать германского союзника» и какая «неблагодарная работа — заставить его сократить свои требования и сохранять спокойствие»³⁴.

Подписанный 10 августа 1913 г. Бухарестский мир был встречен германской общественностью с определенным скепсисом. Газета «Берлинер тагеблатт» писала: «Бухарестский мир заменил

³⁰ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. S. 155.

³¹ Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898–1914. Bd. IX. T. II. Zweiter Halbband. S. 1436–1437.

³² Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 35. S. 189.

³³ Ibid. S. 177.

³⁴ Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898–1914. Bd. IX. T. II. Zweiter Halbband. S. 1449.

мир Лондонский. Подошел ли к концу балканский кризис? Увы, но нет! Он лишь вступил в новую фазу. Румыния как “честный маклер” — а на деле маклер, вооруженный до зубов, — довела до конца спор о трофеях “крестового похода” против Турции»³⁵. Конечно, впоследствии фон Ягов писал, что с заключением мирного договора «Румыния приняла на себя роль арбитра и миротворца на Балканах», в чем Германия ее полностью поддержала, а кайзер Вильгельм II даже отправил Каролу I телеграмму с пожеланиями удачи в миротворческих трудах³⁶. Однако это было лишь запоздалым способом скрыть неудачи германской дипломатии, равно как и дарование греческому королю Константину I чина германского фельдмаршала³⁷. В Бухаресте и Афинах воочию увидели, что Берлин, крепко связанный союзническими обязательствами с Веной, ставит интересы последней на первое место и готов жертвовать ради них интересами малых балканских стран. Подобное отношение заставляло задуматься о сближении со странами Антанты, способными гарантировать плоды победы в Балканских войнах.

Германии, в свою очередь, оставалось рассчитывать на поддержку Османской империи, в которой немецкие позиции подкреплялись экономическим и военным проникновением, и Болгарии, в которой на волне антисербских настроений к власти пришло еще более проавстрийское правительство В. Радославова, взявшее курс на сближение с Тройственным союзом. Правящие круги Австро-Венгрии, в свою очередь, продолжали убеждать германских партнеров в необходимости сотрудничества с Болгарией, утверждая, что «если бы они отвергли Болгарию, существовал риск того, что однажды она прочно соединится с Сербией под покровительством России и против дуалистической монархии»³⁸.

Препятствием к вовлечению Османской империи и Болгарии в орбиту влияния Тройственного союза являлось сохраняющееся состояние войны между двумя государствами. В Берлине рассчитывали, что воюющие стороны удастся склонить к переговорам

³⁵ Harms P. Politische Wochenschau // Berliner Tageblatt. 1913. 10 August.

³⁶ Jagow G. von. Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges. Berlin, 1919. S. 69.

³⁷ Kaiser Wilhelm ernennt König Konstantin zum Generalfeldmarschall // Tägliche Rundschau. 1913. 11 August.

³⁸ German Diplomatic Documents 1871–1914. Vol. IV. The Descent to the Abyss, 1911–1914. London, 1928. P. 192.

без активного вовлечения великих европейских держав, чтобы не допустить усиления позиций стран Антанты (в первую очередь России) в Софии или Константинополе. Поэтому Циммерман через британского посла в Германии Э. Гошена увещевал Лондон, что великие державы должны «давать умеренные советы» и подталкивать Турцию и Болгарию к тому, чтобы они «вступили в прямые переговоры друг с другом»³⁹. Против участия великодержавной дипломатии выступала и германская пресса. Так, комментируя публикацию «Кёльнише цайтунг» о неудачном ходе переговоров между Софией и Константинополем и необходимости участия великих европейских держав в решении вопроса о болгаро-турецкой границе, редакция газеты «Дойче цайтунг» с горечью восклицала: «И снова окрик в сторону Европы! Он звучал уже столько раз и всегда с таким незначительным успехом, что и на этот раз звучит у нас в ушах самым неприятным образом»⁴⁰.

Мысль о невмешательстве великих держав внушали германские дипломаты и болгарскому правительству, рассчитывавшему на заступничество Вены или Санкт-Петербурга в разрешении пограничных споров с османами. Фон Ягов прямо инструктировал немецкого посла в Софии, что у последней «не должно быть иллюзий, будто великие державы склонны к активному вмешательству в болгаро-турецкий спор. Европа устала от Балкан»⁴¹. Поэтому болгарам рекомендовалось как можно скорее вступить в прямые переговоры с турками, чтобы «положить конец положению, что грозит Болгарии дальнейшим ущербом и потерями». Узнав о готовности правительства Радославова к переговорам с Константинополем, фон Ягов приветствовал данное решение и обещал оказать влияние на Турцию с целью скорейшего заключения мира между нею и Болгарией и «установления более тесных политических связей между двумя странами»⁴².

При этом в Берлине на тот момент не считали необходимым подключение Болгарии к Тройственному союзу — в том числе пу-

³⁹ Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898–1914. Bd. IX. T. II. Zweiter Halbband. S. 1546.

⁴⁰ Der Streit um die Grenze // Deutsche Zeitung. 1913. 31 August.

⁴¹ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 36. Die Liquidierung der Balkankriege 1913–1914. Erste Hälfte. Berlin, 1927. S. 51.

⁴² Ibid. S. 54.

тем заключения болгаро-турецкого союза. Как указывал в одном из писем статс-секретарь МИД Германии, подобный союз помешал бы параллельному урегулированию греко-турецкого конфликта (что демонстрировало сохранявшееся на Вильгельмштрассе стремление к вовлечению Греции в орбиту германского влияния), вызвал бы недовольство румынского короля Кароля I и, наконец, «втянул бы Германию в реваншистские замыслы Болгарии»⁴³. В этом отношении надежды Берлина сохранить Грецию и Румынию в числе партнеров Тройственного союза вновь сталкивались с интересами Вены, склонной поддержать болгаро-турецкое сближение, которое можно было использовать против Сербии, усилившейся по итогам Балканских войн.

При поддержке германской дипломатии болгаро-турецкие переговоры завершились подписанием Константинопольского мирного договора 29 сентября 1913 г. Реакция Берлина на заключение мира между Болгарией и Османской империей была сдержанно удовлетворенной. К примеру, «Берлинер нойесте нахрихтен» перепечатывала приветственные слова великого визиря Саид Халима-паши к участникам переговорного процесса, сумевшим «довести до конца грандиозное дело мира в духе равновесия, гармонии и миролюбия»⁴⁴. В то же время высказывались предположения о том, что Турция может использовать достигнутые договоренности с Болгарией для того, чтобы возобновить военные действия против Греции, переговоры с которой осенью 1913 г. зашли в тупик из-за спора о принадлежности островов в Эгейском море. Газета «Фоссише цайтунг», ссылаясь на афинскую прессу, предупреждала: «Болгария и Турция сторговались друг с другом и уже поделили греческую шкуру. Греция снова мобилизуется <...> Война неизбежна»⁴⁵. Подобные опасения наблюдались и на Вильгельмштрассе, на что указывает следующая пометка кайзера на донесении фон Ягова о возможности турецкого давления на греков после заключения мира с болгарями: «Это уже не переговоры о мире, а провокация! За Афины!»⁴⁶. Подобное заявление

⁴³ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914... S. 60.

⁴⁴ Die Unterzeichnung des türkisch-bulgarischen Friedensvertrags // Berliner Neueste Nachrichten. 1913. 30 September.

⁴⁵ Ein neuer Orientbluff // Vossische Zeitung. 1913. 30 September.

⁴⁶ Die Auswärtige Politik des Deutschen Reiches. 1871–1914. Bd. 4. S. 623.

вновь подчеркивало надежды Вильгельма II вовлечь Грецию (вместе с Румынией) в орбиту германского влияния.

Соответственно, заключение Афинского мирного договора между Грецией и Турцией 14 ноября 1913 г. германские дипломаты восприняли с намного большим облегчением, чем заключение мира между Турцией и Болгарией. «Невыносимое состояние напряжения подошло к концу», — писал в Берлин поверенный в делах в Афинах граф Р. фон Бассевиц⁴⁷. «Норддойче альгемайне цайтунг» назвала подписание греко-турецкого мирного договора важным шагом к «консолидации на Востоке», отметив, что оно стало возможным «благодаря интересу, проявленному всеми великими державами к удовлетворительному исходу греко-турецких переговоров, и особенно благодаря тихому, но эффективному вмешательству Румынии»⁴⁸.

Сравнивая оценки, данные германскими наблюдателями Константинопольскому и Афинскому мирным договорам, нетрудно заметить, что как дипломатия, так и общественное мнение Второго рейха были склонны придавать бóльшую ценность партнерству с Грецией и Румынией, чье сближение тот же фон Бассевиц называл «гарантией баланса сил и мира на Балканах»⁴⁹, нежели Болгарии и Османской империи — странам, потерпевшим поражение в Балканских войнах и демонстрировавшим определенную непредсказуемость и неуправляемость в своей внешней политике. В то же время в Берлине не могли сбрасывать со счетов Софию и Константинополь: за сотрудничество с болгарями открыто высказывались австрийские союзники, видевшие в Болгарском царстве партнера по сдерживанию великодержавных устремлений Сербии, а сотрудничество с турками было обусловлено глубоким проникновением немцев в военно-политические и экономические структуры Османской империи, приносившим немалые дивиденды и обеспечивавшим присутствие Второго рейха в таком ключевом регионе, как Ближний Восток.

⁴⁷ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 36. Erste Hälfte. S. 125.

⁴⁸ Berlin, den 15. November. Wochen-Rundschau // Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 1913. 16 November.

⁴⁹ Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Bd. 36. Erste Hälfte. S. 125.

Таким образом, можно утверждать, что в период Второй балканской войны 1913 г. усилия германской дипломатии были направлены на расширение партнерских связей между Тройственным союзом и такими балканскими державами, как Румыния, Греция и Османская империя. Однако к моменту окончания войны 1913 г. Германия оказалась в определенной степени зависимой от интересов своего более слабого партнера — Австро-Венгрии, что было обусловлено стремлением Берлина сохранить ключевого союзника и не допустить ослабления его геополитических позиций. Следствием этой зависимости стали снижение германского влияния в Румынии и Греции и постепенная переориентация политики Вильгельмштрассе на вовлечение в орбиту своего влияния Болгарии и Турции (хотя в Берлине сохранялись определенные надежды на сохранение партнерских отношений между Тройственным союзом, с одной стороны, и Бухарестом и Афинами — с другой). Дальнейшее сращивание германских и австро-венгерских интересов на Балканах, как показала история, оказалось фатальным и стало одной из предпосылок Первой мировой войны.

Белград накануне и в годы Балканских войн: особенности модернизационных процессов

После обретения в 1878 г. независимости Сербия должна была самостоятельно решать внутривосточные задачи, определять направления внешней политики. Среди современных историков возникает дискуссия о том, что нужно понимать под модернизацией, насколько уместно проводить параллели с развитием государств Западной Европы. Анализ жизни Белграда накануне и в годы Балканских войн позволит по-другому взглянуть на характер трансформации независимого государства. Необходимо ответить на вопрос, насколько город и его население были подготовлены к войне и вовлечены в военные действия. Изменение повседневной жизни и усложнение социальной структуры могут свидетельствовать о попытках выбора сербским обществом собственного пути модернизации. Балканские войны, безусловно, отразились на внутривосточных процессах всех государств этого региона. При этом важно также проследить, как международные отношения изменили сложившийся ранее вектор трансформации традиционных обществ.

Ключевые слова: Белград, модернизация, политические процессы, Сербия, Балканские войны

Модернизация на Балканах имела ряд отличительных особенностей. Некоторые исследователи называют сербский вариант трансформации «модернизацией без модерности»¹. Процесс развития Сербии, государства, получившего независимость по результатам Берлинского конгресса в 1878 г., охватывал практически все ключевые элементы повседневности: политическую, экономическую, социальную и духовные сферы. Очевидно, Белград, в силу своего столичного положения, развивался быстрее,

¹ Перовић Л. Модернизација без модерности // Перовић Л. Људи, догађаји и књиге. Београд, 2000. С. 146.

чем остальные города Сербии. Однако город по-прежнему носил черты традиционного сербского «демократического» менталитета. Важный вопрос, который остро стоит перед историками-славистами, — можно ли утверждать, что Сербия шла по пути модернизации, если у нее не получилось по-настоящему воспринять европейские представления о современном государстве. Балканские войны как первый крупный конфликт для Сербии XX в. могут стать показательными в контексте того, насколько успешной стала адаптация сербского общества к вызовам времени.

Сербское общество на рубеже XIX–XX вв. можно охарактеризовать как преимущественно аграрное (87% населения Сербии до начала Первой мировой войны занимались сельским хозяйством), которому были присущи эгалитаризм, этническая и конфессиональная однородность². Очевидно, что Белград как столица государства выделялся на фоне остальных городов Сербии: здесь проживало гораздо больше людей, занятых в сфере услуг, производстве материальных благ, чиновников и представителей элит. Это не могло не отразиться на облике города и на характере внутренних общественных отношений.

«Сербия — страна строго демократическая»³ — такое утверждение довольно часто встречается на страницах воспоминаний русских путешественников, которые в разное время оказывались в Сербии уже после обретения ею независимости.

Нельзя не отметить, что «демократизм» сербского общества ярко проявлялся и в столице. Так, важным маркером такого «демократизма» можно считать минимальную дистанцию между властью и народом. Некоторые русские очевидцы с восхищением писали, что в местных газетах можно было регулярно прочитать, «что такой-то сельский священник был принят в аудиенции короля или королевы»⁴, имея в виду короля Александра Обреновича и

² Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004. С. 14.

³ Мартынов Е.И. Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. Т. I. С. 553.

⁴ Витте Е.И. Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия // Русские о Сербии и сербах... С. 418.

королеву Драгу. Ситуация не изменилась кардинальным образом при восшествии на престол короля Петра Карагеоргиевича. Русские наблюдатели сообщали, что «вышедшая из сельской среды, чуждая всякого самовластия, скромная и проникнутая наследственным героическим духом династия Карагеоргиевичей как бы нарочно создана для демократической Сербии»⁵. Также встречаем и такое важное свидетельство: «Высший чиновник, министр или член государственного совета нередко сидит на лавке подле простого селяка, совершенно дружелюбно и просто разговаривает с ним, называя друг друга на “ты”, беседуя на политические темы и на темы чисто хозяйственного характера»⁶.

Даже в условиях внешнеполитической нестабильности и реальных военных действий, сербское общество будет сохранять традиционные институты. Например, по сообщениям Е.И. Мартынова, который в качестве корреспондента московской газеты «Утро России» обозревал события Второй балканской войны, король Петр утверждал, что в сербской армии существовала особенная близость между офицером и солдатом, «теплые, чисто дружеские отношения, соответствующие демократическому духу страны»⁷, которые, по его твердому убеждению, нужно сохранять и в будущем, чтобы еще сильнее укрепить воинскую дисциплину. Русский путешественник смог своими глазами увидеть, насколько дисциплина в армии отличается от принятой в Европе субординации между солдатами и офицерами: «В присутствии офицеров солдаты нисколько не стесняются: пьют вино, играют в карты, громко разговаривают, курят и поют, солдаты обращаются к офицерам на “ты”»⁸.

Представляется, что данные оценки, скорее, говорят об эгалитаризме, характерном для сербского общества, демократизм все же явление политическое, свидетельствующее о существовании в обществе инструментов реального участия граждан в политических процессах.

Для того чтобы говорить о степени участия сербов в политической жизни своего государства, необходимо рассмотреть вопрос

⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 555.

⁶ Кожухов А.Н. Сербия и сербы // Русские о Сербии и сербах... С. 584.

⁷ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 566.

⁸ Там же. С. 560.

образованности сербов в целом и жителей Белграда в частности. Многие исследователи настаивают, что важным этапом на пути формирования гражданского общества будет являться так называемая «читательская революция»⁹.

Некоторые историки считают, что уровень грамотности сербов был несколько завышен, сохранялась тенденция «вторичной неграмотности»¹⁰, когда молодые люди спустя несколько лет после окончания школы не могли написать ни строчки, только с трудом выводили собственный автограф. В Белграде наблюдаем более оптимистичную в данном отношении картину: в 1900 г. в сербской столице было всего 27% неграмотных¹¹. Данные статистики доказывают, что «читательская революция» в Сербии на рубеже XIX–XX вв. еще не свершилась, а значит, и гражданское общество еще только формировалось, поэтому не могло стать базой для сознательного демократического участия в политических процессах.

Воспоминания русских наблюдателей содержат важные сведения о приготовлениях горожан к началу военных действий: во время Боснийского кризиса сербы повсеместно выражают готовность к войне, потому что «лучше умереть, чем так жить»¹². Русский путешественник, публицист и драматург А.В. Амфитеатров, который в качестве корреспондента петербургской «Нашей газеты», «Киевской мысли» и «Одесских новостей» находился на Балканах в 1909 г., искренне поражался, откуда у населения, среди которого грамотных только 21%, такое прочное убеждение, что так жить нельзя. Это можно объяснить постоянным ожиданием сербами грядущей войны. Сербия с детства воспитывалась в парадигме необходимости отщипывания за Косово, «общий народный подъем коренился в целых столетиях пережитой истории, в былинах и песнях, в наглядных политических уроках момента»¹³. Совсем не удивительно, что родственники, провожая своих мужчин на войну, «не

⁹ *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Там же. С. 145

¹² *Амфитеатров А.В.* Славянское горе // Русские о Сербии и сербах... С. 462.

¹³ *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах... С. 538.

обнаруживали никаких внешних проявлений горя в виде плача, криков и причитаний»¹⁴.

Кроме того, отметим, что пламенный патриотизм и ожидание новой неотвратимой войны поддерживалось и государством, которое стремилось в мирное время призывать в качестве новобранцев практически всю молодежь, а затем на высоком уровне поддерживать ее военную подготовку, осуществляя учебные сборы для резервистов¹⁵. «Сербы знают, как надо биться на поле чести, знают и историю своей родины, и славянства, и помнят тех, кто грудью стоял за них, и в этом последнем отношении сербы — настоящие рыцари», — писал очевидец¹⁶. Таким образом, вопрос участия в военных действиях для сербов не был вопросом политическим, не являлся способом показать свое стремление повлиять на международное положение суверенной страны, а скорее, был национальной практикой, которая базировалась на традиционной идее отмщения за Косово.

Политическая жизнь Сербии на рубеже XIX–XX вв. действительно мало напоминала современные ей европейские аналоги. Ряд современных сербских историков пытаются доказать, что период с 1903 по 1914 г. был «золотым веком сербского парламентаризма»¹⁷. В 1903 г. король Александр Обренович октроировал «Апрельский Устав», согласно которому в Сербии впервые складывается двухпалатная система¹⁸, но в обеих палатах большинство было у старорадикалов, что не позволяет говорить о сербском парламенте как о политическом институте, который представлял бы различные политические взгляды. Более того, в период правления Александра Обреновича складывается радикально-напредняцкий кабинет, который использовался королем для реализации своих личных политических амбиций.

А.В. Амфитеатров утверждал, что скупщина это «мужицкая дума», сравнивал ее с крестьянским съездом в Москве¹⁹. Оста-

¹⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 556.

¹⁵ Там же. С. 558.

¹⁶ Кожухов А.Н. Указ. соч. С. 585.

¹⁷ Шемякин А.Л. Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 467.

ется согласиться с его выводом о том, что сербская скупщина — политическое явление, весьма необыкновенное в парламентской истории, это парламент без оппозиции²⁰.

Примечательно, что представители сербской политической элиты настаивали на существовании в Сербии конституционного режима: «Мы поставили наше финансовое хозяйство на строго парламентскую основу. Строгая отчетность, *гласность*, парламентский контроль — вот действительные причины оздоровления наших государственных финансов» — подчеркивал Лаза Пачу²¹, который многократно занимал пост министра финансов и был одним из ближайших соратников Н. Пашича в годы Балканских войн.

Л.Д. Троцкий, которому в 1912 г. газета «Киевская мысль» предложила написать серию репортажей с Балкан, был убежден, что «парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер, монархия не играет в Сербии в настоящее время никакой политической роли»²².

Доказательством активного гражданского участия сербов в политической жизни своего государства могло бы стать широкое распространение периодической печати. Во время Балканских войн в Белграде существовало четырнадцать ежедневных газет, при населении около 80 тысяч человек²³. Предположим, что сам по себе этот факт говорит о попытках белградского населения осмыслить происходящие перемены в политической жизни и влиять на политические процессы. Л.Д. Троцкий, однако, полагал, что пресса главной своей задачей видит поддержку «всякого раздора и скандала внутри любой партии или общественной группы»²⁴, поскольку не может самостоятельно выдвинуть к власти новую политическую партию из-за отсутствия какой бы то ни было программы или определенных политических задач.

Примечательно, что радикальная партия, которая во многом определяла политическое развитие Сербии, не контролировала

²⁰ *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 467.

²¹ *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Том 6 (Балканы и Балканская война) // Русские о Сербии и сербах... С. 508.

²² Там же. С. 526.

²³ Там же. С. 523.

²⁴ Там же. С. 524.

прессу²⁵, что можно объяснить прекращением попыток легитимизировать в глазах общественности принимаемые решения. В итоге мы наблюдаем резкое расхождение между официальным политическим курсом и прессой, которая его не одобряет. Отметим, что белградские газеты достаточно часто весьма нелестно отзывались о представителях сербской политической элиты, подвергали острой критике даже действующих министров²⁶. Свою критику сербской прессы Троцкий заканчивает словами: «Бездарная, малограмотная, низменная сербская пресса вносит гниение в идейную жизнь страны и является самым зловредным фактором сербской общественности». При этом он подчеркивал, что сербская пресса была одним из решающих факторов, создавших психологические предпосылки войны²⁷.

В контексте анализа особенностей модернизационных процессов в Сербии в целом и в Белграде в частности накануне и в годы Балканских войн необходимо рассмотреть важный вопрос: предпринимало ли молодое государство необходимые меры для ведения военных действий и организации жизни в военное время.

Безусловно, о модернизации города ярко свидетельствуют темпы изменения его внешнего облика. Накануне Балканских войн городские власти задумывались о совершенствовании городской инфраструктуры. Белград постепенно менялся и отстраивался, однако такие изменения, судя по воспоминаниям путешественников, не были кардинальными. Центральная часть города практически не менялась, город скорее разрастался, и на окраинах появлялись «нарядные улицы с домами-особняками»²⁸. Все же Белград стремился развиваться в соответствии с европейскими представлениями о столице: в городе постепенно появлялось электрическое освещение улиц, ходили трамваи, был городской театр, публичная библиотека с 80 тыс. названий, археологический и этнографиче-

²⁵ Троцкий Л.Д. Сочинения. Том 6 (Балканы и Балканская война) // Русские о Сербии и сербах... С. 523.

²⁶ Шемякин А.Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012. С. 141.

²⁷ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 523.

²⁸ Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста // Русские о Сербии и сербах... С. 489.

ский музей «с богатейшим отделом народных одежд от древнейших времен»²⁹. А.В. Амфитеатров не так лестно отзывался о Белграде, подчеркивая провинциальность сербской столицы³⁰.

Изменения, которые происходили в облике Белграда, носили, скорее, амбивалентный характер («по-настоящему сербская столица не более как село, но с известным показным блеском»³¹). Белград по-прежнему имел квазиевропейский вид³². Столица Сербии сохраняет традиционные элементы в своей повседневности: «Рядом с зеркальными стеклами нового роскошного дворца — вросшая в землю пещера из камней, хозяйин которой, пекарь из турок, на виду у всех месит тесто, тут же печет хлеб в печи доисторической кладки и тут же, прямо в окне без рам, продает свой товар»³³.

Важным очевидцем постепенной модернизации Белграда в военные годы стал Е.И. Мартынов. По его свидетельствам, Белград «имеет около 100 тысяч жителей, по внешности он напоминает русский губернский город средней руки. Собственно говоря, в нем лишь две хорошие улицы, составляющие продолжение одна другой, — улица князя Михаила и улица короля Милана»³⁴.

Многие путешественники в качестве красноречивых доказательств традиционности и патриархальности сербских нравов приводили описания конака, который, скорее, похож на частный дом, нежели на дворец, и домов представителей сербской политической элиты³⁵. Такое же впечатление производило и Министерство финансов, которое помещалось в старом запущенном доме. «У ворот и во дворе стоят на часах ополченцы в заплатанной деревенской одежде, с ружьями. Из длинного коридора ковыляет навстречу старичок-служитель, без воротника и галстука, в туфлях без задков. В приемной — обивка мебели и портьеры из сербского ковра. В окно виден прекрасный старый сад. Целый угол его подле дома завален кучей старых досок и каких-то ржавых

²⁹ *Витте Е.И.* Указ. соч. С. 415.

³⁰ *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 461.

³¹ *Кожухов А.Н.* Указ. соч. С. 586.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 550.

³⁵ *Амфитеатров А.В.* В моих скитаниях. Балканские впечатления // Русские о Сербии и сербах... С. 460.

труб. Впечатление такое, как будто мы явились к члену земской управы, — только угрюмая почти стариковская спина постового ополченца говорит о другом. Через пять минут второй служитель, во всеоружии воротника и галстука, проводит нас в кабинет министра»³⁶, — вспоминал Л.Д. Троцкий.

Российский революционер предоставил важные сведения о жизни Белграда в военное время, отмечая, что за два года, которые он не был в Белграде, столичный город «вырос, почистился, похорошел». Однако в 1912 г. город переживал застой в промышленности, мобилизация сказывалась на внешнем облике города — «приостановлены работы по укладке мостовой, трамвайные рельсы на большом протяжении сняты, мостовая разрыта»³⁷. Белграду только предстояло стать по-европейски столичным городом.

П.А. Риттих — русский офицер, «военный турист» — путешествовал по Сербии и другим балканским государствам в 1908 г. и оставил важные свидетельства о формировании и обучении сербской военной элиты. Он отмечал, что военная академия в Белграде поразила его «своей дисциплинированностью», внедрением в процесс обучения современных иностранных методик и упражнений³⁸. Также Риттих хвалил унтер-офицерскую школу в Белграде³⁹.

Сербские власти, в частности король Петр, по-настоящему гордились «высоким патриотизмом сербов», гордились тем, что «война стала общим делом всего сербского народа». Действительно, удалось сформировать армию численностью несколько сотен тысяч человек при численности военных кадров в мирное время 27 тысяч человек⁴⁰. Это стало возможным из-за широкой мобилизации, включавшей и третий призыв, солдаты которого преимущественно состояли из крестьян и даже служили в своей привычной деревенской одежде — «куртке и шароварах домотканого сукна, мягкой суконной шапке и кожаных лаптях, с повешенной через плечо на погонном ремне, или даже на веревке, старой русской

³⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 506.

³⁷ Там же. С. 499.

³⁸ Риттих П.А. Указ. соч. С. 492.

³⁹ Там же. С. 494.

⁴⁰ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 557.

берданкой»⁴¹. Однако отметим, что в армии наблюдалась широкая нехватка вооружения. Сербская мобилизация дала 395 000 солдат, но 70 000 принуждены были возвратиться, так как не хватало винтовок⁴².

Сербским властям удалось превратить Белград в «военный лагерь»: в стране было прекращено железнодорожное сообщение, поезда перевозили только солдат и боевые припасы, было мобилизовано около 300 тысяч человек (пятая часть всего мужского населения страны)⁴³. Безусловно, это могло отразиться на только формирующейся промышленности молодого государства, поскольку большая часть рабочей силы была брошена на военные нужды, промышленность в целом остановилась, функционировали только отрасли, ориентированные на производство военной продукции.

Король Петр отмечал, что обе войны удалось довести до конца безо всякого внешнего займа и что «гораздо чувствительнее жертвы людьми, чем материальные раны»⁴⁴. Такие свидетельства представляются слишком оптимистичными ввиду того, что Сербия в ходе Балканских войн остро нуждалась в поддержке союзников, в частности в поддержке со стороны России.

Согласно русским источникам, в Белграде не хватало врачей. Многие госпитали открывались благодаря поддержке России и Славянских комитетов. А.П. Гартвиг — жена российского посланника в Сербии, в письме московскому городскому голове Н.И. Гучкову сообщала о большом количестве раненых и резкой нехватке докторов (в госпитале, где находилось 150 раненых, был только один «молоденький докторенок-серб») и просила повлиять на отправку новых врачей из России⁴⁵. Также из ее письма узнаем о деятельности в Сербии госпиталя Иверской общины (комитет общины состоял под председательством Ее Императорского Вы-

⁴¹ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 551.

⁴² Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917 / авт.-сост. А.Л. Шемякин, М. Перишић [и др.]. М. — Београд, 2012. С. 309.

⁴³ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 500.

⁴⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 567.

⁴⁵ Москва — Сербия, Белград — Россия... С. 313.

сочества великой княгини Елизаветы Федоровны, сестры милосердия находились в ведении Российского общества Красного Креста) и Александровского лазарета, также отправленных из России⁴⁶. С одной стороны, нехватку докторов можно объяснить ожесточенностью боев и тем, что сербские врачи находятся в непосредственной близости от мест сражений, но с другой стороны можно предположить, что Сербия даже в начале XX в. испытывала недостаток в собственных специалистах.

Кроме того, из доклада старшего врача госпиталя Иверской общины А.Х. Бабасинова узнаем о резкой нехватке в Белграде перевязочного материала (того, что есть, хватит только на три недели), гипса и других медикаментов, об отсутствии в Белграде рентгеновского аппарата, которые Бабасинов запрашивал в Главном управлении Российского общества Красного креста. Также Бабасинов просил Главное управление покрыть расходы на сербского повара, который готовит для раненых⁴⁷. Особенно примечателен данный факт, учитывая уверения сербских властей о полном порядке в сербских финансах.

Старший врач госпиталя Иверской общины отмечал, что «госпиталь помещается в большом трехэтажном здании 2-й Белградской гимназии с электрическим освещением, центральным паровым отоплением и проведенной водой»⁴⁸. По его данным, этот госпиталь оборудован несравненно богаче имеющихся в Белграде других госпиталей, что неоднократно подчеркивалось посетившими его иностранными врачами и делегатами от международной организации Красного Креста в Женеве⁴⁹.

Заметим, в интервью корреспонденту газеты «Голос Москвы» от 2 марта 1913 г., сербский митрополит Димитрий отмечал: «Помощь раненым у нас поставлена хорошо. Имеется достаточный врачебный персонал, медикаменты и белье. Но бои еще продолжаются. Будут опять раненые и больные, и помощь им необходима. Но мы надеемся, что приток пожертвований со стороны братского народа не прекратится»⁵⁰. Очевидно, что находящиеся в его рас-

⁴⁶ Москва — Сербия, Белград — Россия... С. 314.

⁴⁷ Там же. С. 317.

⁴⁸ Там же. С. 316.

⁴⁹ Там же. С. 318.

⁵⁰ Там же. С. 327.

поражении данные носили слишком оптимистичный характер. Сербские власти не смогли самостоятельно справиться с вызовами военного времени.

Таким образом, Сербия на рубеже XIX — XX вв. стремилась внедрять на своей почве новые институты, развивала инфраструктуру (особенно это было заметно в Белграде), формировались новые элиты — интеллектуальная и военная. Однако Балканские войны показали, что Сербия еще не завершила всестороннюю модернизацию общественной жизни. Постепенное внедрение достижений современной науки соседствовало с традиционностью нравов сербского населения, стремление к самостоятельности сталкивалось с необходимостью принимать помощь от союзников и покровителей. Общественно-политическое развитие базировалось на идее скорейшего внедрения западных институтов при сохранении традиционной демократичности и патриархальности сербского менталитета. Сербия и Белград в частности шли по пути альтернативной модернизации.

Михаил Николаевич Гирс — посланник Российской империи в Румынии (1902–1912 гг.)

В центре внимания статьи — важнейший этап в дипломатической карьере Михаила Николаевича Гирса (1856–1932), одного из высокопрофессиональных отечественных дипломатов конца XIX — начала XX в. Речь идет о его десятилетней службе во главе российской дипломатической миссии в Румынии, с 1902 по 1912 год. Сын многолетнего министра иностранных дел Российской империи Н.К. Гирса, М.Н. Гирс с молодых лет связал себя с дипломатическим ведомством, его карьера проходила в странах Латинской Америки и Дальнего Востока, начало Первой мировой войны застало его послом в Турции, а крушение империи — послом в Италии. Однако именно деятельность Гирса в Румынии оставила наиболее заметный след в истории российской внешней политики. В статье на основе дипломатических донесений Гирса из Бухареста рассмотрена его позиция по широкому кругу проблем международных отношений на Балканах в более широком общеевропейском контексте, включая пути разрешения Боснийского кризиса 1908–1909 гг., распутывание клубка противоречий в Македонии, активизация австро-венгерской дипломатии на Балканах (и прежде всего в Болгарии) в условиях все большего ослабления турецкого влияния в регионе и предвкусываемого полного вытеснения Турции из Юго-Восточной Европы, усиление австро-сербской конфронтации, усиление геополитического соперничества между Веной и Санкт-Петербургом в преддверии Балканских войн. Предпринята попытка показать во всем их многообразии контакты Гирса с представителями румынского королевского дома и политической элиты. Анализируется реакция Гирса на оживление румынского национализма в его неразрывной связи с положением румын в австро-венгерской Трансильвании и возникновении движения бессарабских молдаван в Российской империи. Годы пребывания Гирса в Бухаресте совпали с медленным дрейфом Румынии от ориентации на Центральные державы к сближению с Антантой, и неоспоримая его заслуга состояла в постепенном преодолении румынской элитой недоверия к России как к партнеру. Апофеозом этой тенденции явилась подготовленная во многом именно предшествующей деятельностью М.Н. Гирса встреча монархов двух стран в Констанце незадолго до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Румыния, международные отношения на Балканах, дипломатия Российской империи, Австро-Венгрия, Турция, Болгария, Греция, Боснийский кризис, подготовка Балканских войн и Первой мировой войны, М.Н. Гирс

Выходец из старинного русского дворянского рода шведско-го происхождения сын министра иностранных дел Российской империи в 1882–1895 гг. Николая Карловича Гирса (1820–1895) Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) относился к числу видных российских дипломатов начала XX в. На протяжении своей четвертьвековой дипломатической карьеры он побывал главой российской дипломатической миссии (посланником либо послом) в Бразилии (а по совместительству и в Аргентине), в Китае в период мощного Ихэтуаньского восстания рубежа века. Затем его карьера продолжалась в Румынии. Начало Первой мировой войны застало Гирса послом в Турции. В 1915 г. он стал послом в Италии, где после февраля 1917 г. представлял уже не Российскую империю, а Временное правительство. С приходом к власти большевиков М.Н. Гирс остался в эмиграции и связал себя с Белым движением, продолжая при этом заниматься дипломатией, но в несколько ином амплуа. Он был членом Русского политического совещания, образованного в Париже, возглавлял совет русских послов, созданный для представительства на международной арене зарубежных структур бывшей Российской империи, не признающих Советскую власть. В этом качестве он представлял и генерала П.Н. Врангеля на переговорах с державами-победительницами.

Наиболее длительный этап дипломатической карьеры М.Н. Гирса был связан с Румынией, где он служил десять лет — с 1902 по 1912 г. За это время в истории обеих стран произошли значительные события, которые в той или иной мере сказались на двусторонних отношениях. Это революция 1905–1907 гг. в России, оставившая свой след и в румынской истории, поскольку двукратное прибытие в румынский порт Констанцу в июне 1905 г. мятежного броненосца «Потемкин» на протяжении целой недели держало в напряжении всю страну¹, а последующее предоставление членам экипажа

¹ На переговорах с румынскими властями после первой высадки в Констанце 20 июня мятежники отказались принять требование о капитуляции на условиях военных дезертиров, не подлежащих выдаче своей

права убежища стало дополнительной нагрузкой для непростых российско-румынских отношений². Это и мощное крестьянское восстание 1907 г. в самой Румынии, которое Гирс называл в своих донесениях «отголоском печальных событий, переживаемых нашим отечеством»³, — в приграничной Бессарабской губернии в это время принимаются срочные меры в целях недопущения распространения беспорядков на территорию Российской империи, где по другую от Румынии сторону неширокой реки Прут проживало этнически родственное восставшим крестьянам население. Наиболее значительным событием международной жизни, пришедшимся на десятилетие, проведенное Гирсом посланником в Бухаресте, был Боснийский кризис 1908–1909 гг., завершившийся аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, находившейся после Берлинского конгресса 1878 г. под габсбургской оккупацией, но формально принадлежавшей Османской империи.

О М.Н. Гирсе вспоминает в своих мемуарах Ю.Я. Соловьев, один из немногих царских дипломатов, связавших себя после 1917 г. с советским Наркоминделом. По свидетельству Соловьева, который в 1906–1908 гг. был первым секретарем русской миссии в Румынии, само назначение Гирса на пост посланника в соседней и стратегически очень важной стране означало не только признание его заслуг на прежнем месте службы⁴, но и повышение значимости румынского внешнеполитического направления в глазах

стране, и вернулись в море, объявив о намерении продолжить борьбу с царизмом. В конце концов осознание бесперспективности дальнейшего сопротивления заставило их в ночь на 25 июня вновь вернуться в Констанцу и принять в ходе новых переговоров условия румынской администрации.

² «Ни одна из перипетий, пережитых Россией за последнее время, не произвела такого впечатления, как известие о бунте на нашем броненосце и распространившиеся одновременно слухи о мятежном настроении, охватившем будто бы экипажи большинства судов нашего Черноморского флота», — читаем в российском дипломатическом донесении 1905 г. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 679. Л. 19.

³ Там же. Д. 683. Л. 45.

⁴ Надо сказать, что за свою эффективную деятельность в Китае в качестве посланника в период Ихэтуаньского восстания М.Н. Гирс был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами. По его инициативе были приняты действенные меры в целях защиты Китайско-Восточной железной дороги и российских подданных.

официального Санкт-Петербурга, равно как и престижа русской дипломатии в Румынии. Гирс, пишет Соловьев, «был дипломатом старой школы и притом с определенно канцелярским уклоном»; он был не просто сыном преемника князя А.М. Горчакова Н.К. Гирса, на протяжении 13 лет возглавлявшего русскую дипломатию, но «фактически в течение 7 лет являлся личным секретарем своего отца»⁵. В силу этого он «великолепно знал все закулисные тайны министерства, но за границей выделялся лишь своей необыкновенной осторожностью, даже в разговорах с глазу на глаз». При этом М.Н. Гирс обладал физическим недостатком, в частности был несколько глуховат, что затрудняло для него общение в кругу нескольких лиц. Однако благодаря своей профессиональной компетентности он, по свидетельству Соловьева, завоевал в Бухаресте для себя и всего состава миссии весьма хорошую репутацию⁶. При Гирсе, утверждает Соловьев, с русской миссией в Бухаресте по своему влиянию могли конкурировать лишь германская и австро-венгерская.

Стоит заметить, что связи с румынскими землями были у рода Гирсов давние и, можно даже сказать, родственные — Николай Гирс начинал свою службу в 1841 г. драгоманом при российском консульстве в Яссах, а в 1848 г. являлся представителем МИД Российской империи при генерале А.Н. Лидерсе, командовавшем русскими войсками, занявшими Дунайские княжества в целях пресечения революции. В 1859 г. он был генконсулом в Молдавии и Валахии в момент объединения двух этих румынских княжеств.

⁵ Род Гирсов дал и других видных дипломатов. Так, племянник Николая Карловича и двоюродный брат Михаила Николаевича Александр Александрович Гирс (1850–1923) входил в близкое окружение главы МИД в 1906–1910 гг. А.П. Извольского, как карьерный дипломат служил во многих странах, а в период Боснийского кризиса возглавлял Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Первая мировая война застала его посланником в Черногории. В отличие от многих царских дипломатов он не гнушался участия в партийной политике, был членом Союза 17 октября.

⁶ Тем более, что его предшественником на посту главы российской дипломатии в Румынии был дипломат совершенно иного стиля, Н.А. Фонтон, склонный уделять слишком большое внимание светской жизни. Если верить Соловьеву, он жил в окружении двух француженок, «что даже для легкомысленного Бухареста было чересчур» (*Соловьев Ю.А. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 179–180*).

Александр Гирс довольно долгое время находился на дипломатической службе в Румынии в 1890-е годы. К этому можно добавить, что мать М.Н. Гирса (племянница А.М. Горчакова) относилась к румынскому боярскому и русскому княжескому роду фанариотско-греческого происхождения Кантакузен, оставившему заметный след в истории Дунайских княжеств, а родная сестра была замужем за многолетним румынским посланником в России Георге Розетти-Солеску. Сам Михаил Гирс в юности, по окончании Пажеского корпуса, стал участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Память о контактах с офицерами союзнической румынской армии он сохранял и через четверть века, периодически общаясь в Бухаресте с представителями военной элиты Румынии.

Что же касается М.Н. Гирса-дипломата, в источниках можно встретить разные, иногда весьма двойственные его оценки. Так, обосновавшийся в Италии левый русский журналист И.А. Крейнерт (1880–1948), больше выступавший под псевдонимом Ketoff, характеризует его как хотя и крепкого профессионала дипломатической службы, но прежде всего как человека системы, причем системы исторически обреченной. «Безукоризненный облик Гирса, — пишет он, — со всей определенностью выдавал в нем дипломата. Сдержанные движения, безразличная улыбка, даже манера его речи были точно выверены и придавали ему вид солидный и значительный»⁷. Конечно, Гирс выгодно отличался от своего предшественника во главе русского посольства в Риме А.Н. Крупенского, выходца из влиятельнейшего дворянского рода Бессарабии, показанного мемуаристом полным ничтожеством. Он никогда не допускал профессиональных проколов, но в целом был далек от идеала: «Однако, чтобы понять, что он был за человек, нужно было наблюдать его вблизи, видеть его в те редкие моменты, когда он занимался служебными делами и не мог ограничиться скупыми жестами и отточенными формулами дипломатического этикета, но должен был высказываться решительно и открыто. Гирс был идеальной фигурой для абсолютистского режима. Он отлично владел приемами профессионального этикета и при этом отличался исключительным невежеством в отношении собственной страны и

⁷ «Среди русских дипломатов». Из воспоминаний русского корреспондента в Риме // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2016. С. 198–199.

своего народа и совершенно определенно не был намерен вникать ни в то, ни в другое. Глубоко убежденный в мощи и жизнеспособности российского абсолютизма, он полагал излишним интересоваться всем тем, что находилось вне этой государственной формы, что ей противоречило или было враждебно. Как истинный служака российского царизма, он не видел и не мог видеть самых очевидных явлений в жизни своей страны, если они не входили в сферу его деятельности. Привыкнув существовать в замкнутой искусственной среде, он равным образом не желал узнать жизнь народа той страны, где ему довелось оказаться. Вся Италия сводилась для него к Риму, а Рим — к дворцу Консульта⁸. Причем эти особенности Гирса проистекали не из его принципов или личных убеждений, их можно, скорее, объяснить своеобразным складом ума: он всегда концентрировался на сиюминутных обстоятельствах, прямо связанных с текущим моментом, игнорируя все прочее и совершенно не задумываясь о будущем, даже самом ближайшем». Что же касается личных принципов и убеждений, то мемуарист, будучи знаком с Гирсом достаточно близко, констатировал полное их отсутствие: «...их место занимали конъюнктурные соображения и полнейшая беспринципность, что позволяло ему приспособиться к любым обстоятельствам»⁹. Очевидно, что в этих довольно едких характеристиках нашли отражение черты, присущие не только лично Гирсу и не только дипломатам его генерации.

Десятилетнее пребывание Гирса в Румынии пришлось на время, которое выдающийся российский историк В.Н. Виноградов охарактеризовал как период медленного дрейфа Румынии к Антанте¹⁰. Хотя в экономике продолжало преобладать германское влияние, во внешнеполитических ориентациях проявляются все сильнее колебания, особенно с вхождением в политическую элиту молодого Ионела Брэтиану (1864–1927), перенявшего от отца,

⁸ Последний по времени своего создания дворец эпохи позднего барокко в Риме. В рассматриваемый период в нем располагалось министерство иностранных дел Италии.

⁹ В мемуарах были приведены и конкретные примеры. См.: «Среди русских дипломатов»... С. 198–199.

¹⁰ См. его главу «Румыния: медленный дрейф к Антанте» в коллективном труде под его же редакцией: В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 135–164.

И.К. Брэтиану, главенствующую роль в наиболее влиятельном в румынской политике клане. Это открывало перспективы улучшения не только румыно-французских, но и румыно-российских отношений¹¹. В период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. в политических кругах Румынии все сильнее выражалось недовольство слишком тесной привязанностью к Тройственному союзу на фоне продолжавшихся притеснений трансильванских румын¹² и не очень дружественной таможенной политики Австро-Венгрии, обусловленной незаинтересованностью прежде всего венгерских аграриев в проникновении румынской аграрной продукции на рынки Дунайской монархии¹³. Оценивая ситуацию в 1908 г., еще до разрешения Боснийского кризиса, Гирс предлагал воспользоваться ею в российских интересах, учитывая, что «сочувствие румын к австро-германской политике ее правителей очень охладело и рядом с этим почва к возбуждению более дружественного их отношения к нам становится благоприятнее, чем она была за по-

¹¹ См.: *Каширин В.Б.* Румынские маневры: 1900–1914 гг. // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. редактор К.В. Никифоров. М., 2017. С. 231–269.

¹² Особое возмущение общественного мнения в королевской Румынии вызвал новый венгерский школьный закон (так называемый закон Аппони, 1908), осложнивший условия функционирования румынских школ в венгерской половине двуединой монархии. Из литературы см.: *Стыкалин А.С.* Межэтнические трения в Трансильвании конца XIX — начала XX в. глазами русских наблюдателей // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / отв. редактор О.В. Хаванова. М. — СПб, 2020. С. 115–135.

¹³ Как явствовало из донесений русских дипломатов, в румынском высшем обществе в это время получили все более широкое хождение разговоры о том, что Румынию заставила сблизиться с Тройственным союзом проявленная к ней несправедливость: оказавшись в стане победителей в войне 1877–1878 гг., она должна была тем не менее вернуть России Южную Бессарабию, утраченную ею по итогам Крымской войны. И даже получение в качестве компенсации Добруджи не смягчило возобладавшего после 1878 г. антироссийского вектора в румынской политике, что привело к установлению союзнических отношений с Германией и Австро-Венгрией. Однако пренебрежение в Вене интересами Румынии, по оценке российских дипломатов, сделанной на основе бесед с румынскими деятелями, давало последним основания задуматься над необходимостью более прагматичной политики, не predetermined принадлежностью страны к определенному союзу.

следние 30 лет»¹⁴. Со временем критика румынскими политиками (независимо от их партийной принадлежности) Вены продолжала усиливаться¹⁵, публикуются резолюции с осуждением сохраняющегося «венгерского гнета» над трансильванскими румынами. Российская миссия информировала свой МИД о принятых на этом фоне мерах по дополнительной охране австро-венгерского посольства.

Довольно большое внимание М.Н. Гирс уделял поддержанию монархических связей Российской империи с румынским королевским двором, не упуская случая по тому или иному поводу посетить не только бухарестский зимний дворец, но и летнюю королевскую резиденцию в Синае, на восточных отрогах Южных Карпат. В его аналитических записках и донесениях даются характеристики короля Кароля, его племянника и наследника Фердинанда; писал он и о роли самого монархического института в политической системе Румынии, принимая во внимание то обстоятельство, что ни один действительно серьезный законопроект (независимо от того, находятся ли у власти либералы или консерваторы) не выносятся на парламентское обсуждение, не получив предварительного одобрения монарха. Обеспечив за собой решающий голос в государственных делах (особенно во внешней политике), король, находящийся у власти более четырех десятилетий¹⁶ и верящий в свою миссию, вселил в своих подданных убеждение, что его влияние не только выступает залогом определенного уважения к Румынии в мире (особенно со стороны Центральных держав), но во внутриполитическом плане способно выступить противовесом узким

¹⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 688. Л. 58.

¹⁵ Большое раздражение в Бухаресте, например, вызвало то, что венский кабинет, не спросив румын, бесцеремонно обещал Болгарии румынский нейтралитет в деле провозглашения полной независимости Болгарского государства. При всем сочувствии чаяниям болгар румыны сами хотят располагать собой, а не быть пешкой в политических играх Вены, — говорили Гирсу его румынские собеседники (Там же. Л. 686. Л. 178–181).

¹⁶ Кароль Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839–1914) стал князем объединенных княжеств Молдовы и Валахии в 1866 г., после свержения своего предшественника Александру Иоана Кузы. С преобразованием этого государства (получившего полное международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г.) в 1881 г. в королевство короновался в качестве короля Румынии.

партийным стремлениям, преодолеть ситуацию, когда у партий, оказавшихся у власти, ослабленных раздорами, нет ни энергии, ни воли для принятия решительных мер¹⁷. С тем бóльшим вниманием румыны следят за здоровьем уже пожилого короля. Влияние короля на политическую жизнь, пишет Гирс, «настолько значительно и благотворно, что им вполне объясняется то волнение, которое охватывает общественное мнение при известии об ухудшении состояния его здоровья»¹⁸. Внутриполитическая борьба в таких случаях обостряется, каждая из ведущих партий надеется быть у руля в момент, когда произойдет смена монарха, опасаясь, что ее противники злоупотребят властью в свою пользу, а возможности злоупотребить на выборах были для правящей партии безграничны¹⁹. Впрочем, «возможность перемены царствования» внушала,

¹⁷ «Насколько низко пал нравственный уровень этих партий», завязших в мелких дрязгах, «настолько же возрос за последние годы авторитет короля Карла, являющегося в стране единственным элементом благоразумия и прочности», — констатировал Гирс (*Documente privind istoria românilor / Дипломатические документы российских представителей в Румынии. 1899–1905 / Ed. F. Solomon etc. București–Brăila, 2020. P. 608*).

¹⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 168. См. аналогичные рассуждения и в другом, февральском донесении того же года (Там же. Л. 24–28). Надо сказать, что по мере пребывания Гирса в Румынии его взгляд на короля Кароля менялся, становился более уважительным. В ранних своих донесениях (1903 г.) он склонен был видеть в Кароле прежде всего проводника не национальных, а чужеземных (германских) влияний, при всех своих достоинствах так и не снискавшего любви и популярности среди своих подданных: он «слишком явно обнаруживал свое пренебрежение к управляемому им народу и придал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в ее германизации и в водворении в нее германских интересов» (*Documente privind istoria românilor... P. 396–397*). Однако уже в декабре 1905 г. Гирс должен был признать: не будучи любимым в Румынии, король Карл сумел, однако, благодаря своей настойчивости и выносливости снискать авторитет и сосредоточить власть в своих руках (*Ibid. P. 608*).

¹⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 57–59. Наблюдая за румынской внутриполитической жизнью, русские дипломаты описывали случаи, когда после принятия королем решения о смене кабинета партия, на которую делалась ставка, по сути организовывала выборы «под себя», имея механизмы для обеспечения своей победы. Во время сопровождавшихся полным произволом и злоупотреблениями избирательных кампаний румынские государственные деятели, по резонному замечанию Гирса, в большей мере стремились завлечь избирателя, нежели «отстоять убеждения, редко устойчивые». См.

как замечал Гирс, не только партийным политикам, но и рядовым «румынам некоторые опасения за будущность, представляющуюся им вполне неизвестною»²⁰. Наследный принц Фердинанд при этом воспринимался румынской элитой и обществом как деятель не только менее опытный, но в принципе меньшего, нежели Кароль, масштаба, способный попасть под чужое влияние — идет ли речь о влиянии другого государства или кого-либо из сильных румынских политиков²¹.

При всем своем авторитете Кароль, дорожа своей самостоятельностью, был в то же время, по оценке Гирса, очень осторожным политиком, опасавшимся преждевременно заключать какие-либо формальные международные соглашения и «политические договоры, могущие связать Его свободу действий в будущем. Его практическому уму <...> соответствовало бы более желание подготовить почву ко всяким случайностям, сохраняя за собой возможность воспользоваться ими лишь настолько, насколько они окажутся выгодными»²². Это имело свои преимущества и с точки зрения интересов России: «С ослаблением же его воли или же с воцарением Его наследника, политический облик коего недостаточно еще выяснился, обстоятельства могут измениться и нынешние несомненно близкие отношения Румынии не только к Австро-Венгрии, но и к Германии принять более формальный и обязательный характер»²³.

Большое значение М.Н. Гирс придавал династическим контактам. Он не раз напоминал своему МИДу о том, что в условиях, когда румыны взвешивали возможности ослабить решающее влияние

также: *Documente privind istoria românilor...* P. 487–488, 496, 506–507 etc. Отношение русской дипломатии к румынской электоральной практике оставалось негативным, ведь поверхностно заимствовав некоторые западные формы организации политической жизни, румынская элита так и не сумела органично привить их на национальную почву (*Ibid.* P. 51).

²⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 143.

²¹ «Отдавая справедливость высоким качествам своего монарха», замечал Гирс, румыны особенно дорожат им в тревожное для Европы время, тем более что наследник — «далеко не выдающаяся личность, не внушающая им доверия и уважения» (*Documente privind istoria românilor...* P. 608).

²² АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 6.

²³ Там же.

Центральных держав на свою внешнюю политику, никак нельзя было задевать их самолюбие. Необходимо было считаться с тем, что румынское общественное мнение всегда было чувствительно к посещению страны высокими особами, при этом внимательно следило за жестахми уважения, проявленными Россией к другим монархиям региона (Греции, Сербии, Черногории, Болгарии). И если в Румынии проявляли настойчивое желание, чтобы на торжества по случаю 40-летия пребывания Кароля у власти (и одновременно 25-летия его коронации в качестве короля) прибыл один из наиболее влиятельных великих князей из рода Романовых, эту просьбу было бы целесообразно, по мнению Гирса, удовлетворить. Вопрос о посещении Румынии высокими особами Дома Романовых по тому или иному поводу вставал довольно часто, что находило отражение в переписке М.Н. Гирса с российским МИДом²⁴.

Вполне естественно, что в донесениях российского посланника в Бухаресте уделялось первоочередное внимание анализу положения в балканском регионе. М.Н. Гирс справедливо замечал, что румынская элита ревниво отрицает принадлежность своей страны к числу балканских, считая ее в большей мере средневропейским государством, якобы давно освободившимся от тревог, до сих пор волнующих жителей Балканского полуострова. Вместе с тем в силу уже своего географического расположения она не скрывает своих политических интересов на Балканах, не может оставаться безучастной к развитию событий в близлежащем регионе и строит свою политику здесь на основе если не сохранения статус-кво, то во всяком случае поддержания равновесия²⁵. При этом хочет

²⁴ А осенью 1909 г. Гирс лоббировал на Певческом мосту предложение Ионела Брэтиану о посещении румынской наследной четой Ливадии для аудиенции у Николая II и бесед с другими высокопоставленными особами. Правда, эта инициатива не получила поддержки российского императора, проезд был сочтен несвоевременным. В высочайшей секретной телеграмме, пересланной из МИДа Гирсу, говорилось: «Брэтиану следует дать понять, что его приверженность к сближению с Нами ценится Мною и что в будущем это посещение может состояться». Вместе с тем император выразил пожелание, «чтобы за Ливадию и впредь сохранялось значение местопребывания исключительно для отдыха», а не для встреч, имеющих политическое значение (Там же. Д. 2789. Л. 8–11).

²⁵ Требование соблюдения равновесия в отношениях между балканскими государствами стало в этот период одной из базовых идеологем румынской внешней политики.

предстать перед балканскими соседями «авангардом Европы на Балканах» и одновременно показать себя в глазах великих держав фактором стабильности, силой, способной при необходимости «возвысить свой голос» и дать элитам соседних государств «советы благоразумия»²⁶.

В годы пребывания М.Н. Гирса на дипслужбе в Румынии резко обострились румыно-греческие отношения. Причиной стали насильственные акции греческих радикалов против этнически близкого румынам населения, составлявшего определенный процент жителей балканских владений Османской империи (прежде всего Македонии)²⁷. Македонские греки при поддержке афинского правительства настаивали на богослужении в районах проживания этой этнической группы (куцовлахов) на греческом языке, препятствовали созданию румынских школ. В свою очередь, Константинопольская патриархия, будучи готовой пойти на некоторые уступки куцовлахам в школьном деле, вместе с тем категорически противилась созданию у них собственной церковной организации со своей иерархией. Все это приводило к ответным акциям: в Румынии участились случаи террора (поджоги домов, покушения на отдельных лиц) против проживавших в стране этнических греков — примерно 80-тысячного национального меньшинства, обладавшего весомыми позициями как в экономической, так и в церковной жизни в некоторых городах страны²⁸. Это привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами, и российской дипмиссии пришлось представлять в Бухаресте интересы Греции, что создавало официальному Санкт-Петербургу определенные неудобства, особенно в свете непрекращавшихся инцидентов.

²⁶ См., в частности: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Д. 219; Д. 686. Л. 223–224об.; Д. 689. Л. 94–95.

²⁷ Македоно-румыны или аромуны. В российской дипломатической корреспонденции за ними закрепился этноним «куцовлахы».

²⁸ Эти нападения совершали, как правило, выходцы из куцовлахов, переселившиеся в Румынию. О том, что «преступное своеволие македонцев» вредит доброму имени Румынии, Гирс говорил и королю в ходе периодических аудиенций (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 37). При этом в своих донесениях в МИД он обращал внимание на осторожность опытного монарха в куцовлахском вопросе, значимость которого с точки зрения интересов страны он никак не хотел раздувать.

В своих многочисленных донесениях, касавшихся этого вопроса, Гирс постоянно напоминал о том, что Россия в данном случае никак не является одной из сторон конфликта²⁹, а если и может посредничать, то крайне осторожно, тем более в условиях, когда румыны периодически прибегают к запугиванию своих оппонентов возможным русским вмешательством, чтобы побудить османские власти и Константинопольскую патриархию к уступчивости по отношению к «румынским вожделениям»³⁰. Вообще, по принципиальному убеждению Гирса, России никак не следовало поддаваться попыткам вовлечь себя в крайне запутанный клубок македонских противоречий на чьей бы то ни было (болгарской, сербской и т.д.) стороне, особенно если это угрожало ухудшением отношений с Константинопольской патриархией³¹. Требование обеспечения богослужения куцовлахов на родном языке он считал при этом вполне справедливым (против этого, по большому счету, не возражали и османские власти), а создание самостоятельной епископии для них — чрезмерным: Патриархия никогда на это не пойдет, упорство может только усугубить положение румыноязычного населения Македонии. Он понимал, что в этом конкретном вопросе румыны едва ли смогут заручиться и поддержкой извне, со стороны какой-либо из великих держав³². Со стороны официального Санкт-Петербурга предпринимались попытки воздействовать на обе стороны в целях недопущения того, чтобы

²⁹ Современные румынские исследователи Ф. Соломон и А. Кушко справедливо видят суть конфликта в «динамике конкурирующих национализмов, которые все более определяли внешнеполитические приоритеты развивающихся государств Юго-Восточной Европы и осложняли игру великих держав в данном регионе» (*Documente privind istoria românilor...* P. 48).

³⁰ Там же. Д. 680. Л. 179–180об.

³¹ Там же. Д. 680. Л. 148–149об. У России, как это подчеркивалось и в депешах МИД Гирсу, не было интереса и в том, чтобы румыно-греческие «недоразумения» негативно сказались на отношениях Санкт-Петербурга с Бухарестом (Там же. Д. 681. Л. 27).

³² Защищать перед Константинопольской патриархией право куцовлахов отправлять культ на родном языке он считал возможным, в то же время российской дипломатии, по его мнению, никак нельзя было поддерживать те «стремления, при исполнении коих Великие Державы сами создали бы новые затруднения к улажению без того уже сложного вопроса о водворении спокойствия в македонских провинциях Османской империи» (Там же. Д. 680. Л. 173–174об).

куцовлахский вопрос испортил отношения Румынии не только с Грецией, но и с Турцией. Любое резкое движение с румынской стороны, как отмечалось в одной из депеш с Певческого моста Гирсу (май 1905 г.), «при нынешних тревожных обстоятельствах создает лишь благоприятную Оттоманскому правительству почву для борьбы против балканских православных народностей»; что же касается куцовлахского населения, то «в его выгодах не устранять крайней резкостью» своей позиции «возможности полюбовного решения возникших между Румынией и Турцией недоразумений»³³.

Перспективы румыно-болгарских отношений, непростых к моменту прибытия Гирса в Бухарест, рассматривались им в контексте назревших (а с июля 1908 г., с начала младотурецкой революции, реально происходивших) внутривосточных изменений в Османской империи. Пользуясь слабостью последней, князь Фердинанд из Саксен-Кобург-Готской династии провозгласил в сентябре 1908 г. полную независимость Болгарии и продолжал править ею уже в качестве царя. Ввиду не скрывавшихся в Софии претензий на Адрианополь с Фракией, на выход к Эгейскому морю, а также на большую часть Македонии, витали в воздухе ожидания болгарско-турецкого столкновения. Предвидя еще в 1906 г. острый конфликт между Болгарией и Турцией, Гирс постоянно отмечал опасения румын, что при дележе османского наследства в Юго-Восточной Европе, на которое помимо Болгарии претендовали Греция, Сербия и Черногория, они могут оказаться в проигрыше, если нарушится равновесие сил в регионе и, в частности, Болгария усилится в ущерб Румынии и сможет даже заявить претензии на пересмотр в свою пользу границ в Добрудже³⁴. С румынской стороны в ходе контактов с болгарскими

³³ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 678.

³⁴ Стремясь сохранить добрососедские отношения с Болгарией, Румыния все же, опасаясь за участь Добруджи, по наблюдению Гирса, «не перестает относиться крайне ревниво к каждому шагу Княжества на пути к его независимости или к его усилению» (Там же. Д. 680. Л. 162–163). См. также: Там же. Л. 143–147об., 165–167об., 188–190об., 198–199. В первом из этих донесений, от 25 августа 1906 г., Гирс по итогам беседы с министром иностранных дел генералом Я. Лаховари ссылался на начатое Болгарией перевооружение, сопровождаемое возбуждением общественного мнения против турок. Во втором из них,

официальными лицами давали понять, что в Бухаресте заинтересованы в дружбе с южной соседкой и ее полной, международной признанной независимости от Турции, однако при определенных гарантиях собственной безопасности: чтобы в случае значительного территориального расширения Болгарии Румыния получила бы право на вознаграждение — речь шла об уступке ей болгарскими приданайского города-крепости Силистра (Силистрия). Румыния, прогнозировал Гирс дальнейшее развитие событий, «несомненно будет порываться, насколько позволят ей обстоятельства, противодействовать слишком быстрому развитию международного положения Болгарии или же, для сохранения нынешнего соотношения сил добиваться соответствующей компенсации»³⁵.

Постановка с румынской стороны вопроса о праве на получение компенсации от болгар в виде Силистрии (в случае их усиления) не теряла актуальности до конца дипмиссии Гирса в Бухаресте (что находило постоянное отражение в его донесениях³⁶), а особую остроту румыно-болгарский территориальный спор вокруг этой крепости и прилегающих к ней территорий Южной Добруджи приобрел вскоре после его отбытия из Бухареста, с началом осени 1912 г. Первой балканской войны, по мере успехов болгарской армии. Претензии на Силистрию послужили поводом

от 19 октября 1906 г., он писал о желании румынской элиты загодя, не доводя дело до конфликта, договориться с Болгарией о пересмотре границ в ожидании более существенных территориальных изменений на Балканах. В свою очередь, русская миссия в Софии в октябре 1906 г. излагала собственное видение событий: в румынские расчеты не входит способствовать усилению Болгарии, так как интересы и цели двух стран далеко не везде гармонируют друг с другом, существует лишь некоторое их совпадение в македонском вопросе, поскольку дело касается борьбы против общих противников — Вселенской патриархии и греческих банд (Там же. Д. 682. Л. 26).

³⁵ Там же. Д. 686. Л. 91.

³⁶ «Румынское правительство, не питая предвзятых враждебных чувств к Болгарии, живет под страхом нарушения равновесия на Балканах чрезмерным усилением соседнего молодого королевства в ущерб Румынии», — писал он в декабре 1911 г. (Там же. Д. 693. Л. 153–154). Собственно говоря, и проблемы Македонии при всей рассчитанной на отечественную публику патриотической панрумынистской риторике интересовали румынскую элиту, как не без оснований полагал Гирс, не столько в связи с судьбой этнически близких, но довольно малочисленных куцовлахов, сколько из опасений территориального расширения Болгарии (Documente privind istoria românilor... P. 406).

для вступления Румынии летом 1913 г. во Вторую балканскую (Межсоюзническую) войну, завершившуюся для Болгарии трагическим исходом. Став яблоком раздора между двумя соседними государствами, Силистрия отошла, как известно, Румынии по итогам этой войны по Бухарестскому мирному договору 1913 г. и принадлежала ей до 1940 г.

Румынско-болгарские отношения находились в тесной связи с румыно-турецкими. Декларируя свой нейтралитет там, где дело касалось болгаро-османских противоречий, румыны в то же время, по наблюдению Гирса, не прочь были иногда шантажировать турок своим возможным сближением с Болгарией, чтобы добиться от них уступок, касающихся положения куцовлахов³⁷. Если Пор-та желала видеть в Румынии определенный противовес усиливающейся и все более опасной для себя Болгарии³⁸, то София не хотела уступать Константинополю инициативу на румынском направлении внешней политики, ощущая для себя угрозу в возможном румыно-турецком сближении. Оценивая перспективы такого сближения, Гирс полагал, что король Кароль в силу присущей ему осторожности не доведет дело до заключения военной конвенции с Турцией с принятием на себя определенных обязательств³⁹, поскольку это может создать Румынии осложнения в отношениях практически со всеми балканскими государствами, а отнюдь не только с Болгарией. Скорее, он предпочтет иметь свободные руки, будет выжидать, чтобы в конце концов встать на сторону более сильного в споре между государствами региона. Вместе с тем при всей сомнительности румыно-турецкого союза Румыния не только не поддержит Софию в случае болгаро-турецкого военного конфликта, но и сосредоточит свои войска вдоль болгарской границы, что явно невыгодно Болгарии в силу имеющихся у нее с Румынией территориальных проблем. Помимо всего прочего, независимо от изменений общественных настроений, в стране сохранялось сильное австро-венгерское влияние, и Гирс считал маловероятным,

³⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 682. Л. 49. По убеждению Гирса, румыны, претендуя на Силистрию, не имели никакого интереса связывать себя с болгарями в военном отношении, но видимостью переговоров хотели произвести впечатление на Константинополь (из донесения 1906 г.).

³⁸ Гирс был прав, в своих донесениях отмечая некоторую общность Турции и Румынии в подходе к проблеме равновесия на Балканах.

³⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 44.

чтобы осторожный король согласился бы связать свою страну союзными обязательствами, которые не были бы одобрены Веной.

На рубеже 1900–1910-х годов, по мере осложнения положения в балканском регионе и назревания острых вооруженных конфликтов всё большее значение приобретала оценка потенциала румынской армии. Его анализ входил в компетенцию аккредитованных в Румынии представителей военного министерства (военных агентов)⁴⁰. Это, однако, не означало, что возглавляемой Гирсом дипмиссии приходилось полностью отстраняться от изучения таких вопросов, особенно на фоне внутривосточной нестабильности в самой России. В ноябре 1905 г., в разгар русской революции, бессарабский губернатор А.Н. Харузин⁴¹ обращался в российское консульство в Яссах за подтверждением информации о сосредоточении вдоль границы по реке Прут румынских войск. Вставал вопрос о том, представляет ли это угрозу целостности российского государства в случае возникновения в Бессарабии серьезных беспорядков в среде молдавских крестьян (чем могли бы воспользоваться прорумынски настроенные агитаторы), усиления сепаратистских тенденций в масштабе всей империи и стремления Румынии при поддержке Австро-Венгрии, используя внутренний кризис, переживаемый Россией, заявить свои территориальные претензии хотя бы на часть Бессарабии. Хотя Гирс считал такого рода опасения преувеличенными, он неустанно держал саму проблему в поле зрения⁴². Учитывая существова-

⁴⁰ Деятельность русской военной агентуры в балканском регионе в этот период подробно рассматривалась в работах: *Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 гг. М., 2003. С. 352–399; *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

⁴¹ Сегодня известный больше как видный ученый-этнограф.

⁴² Вопрос этот не раз всплывал и в дальнейшем, судя, в частности, по документам 1908 г., когда русская революция ушла в прошлое, но международные отношения осложнил Боснийский кризис. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Оп. 686. Л. 80; Ф. 169/2. Оп. 511/2. Д. 2. В Бессарабии распространились осенью 1908 г. слухи о том, что Румыния собирает 100-тысячную армию и размещает ее вдоль Прута в целях противодействия гипотетическому проходу русских войск на Балканы с тем, чтобы помочь Болгарии в войне с Турцией, а Сербии в войне с Австро-Венгрией (а кроме того вооружает население, создает отряды местной самообороны). Гирс считал такого рода предположения

ние в Румынии разного рода панрумынских «патриотических обществ», в условиях хаоса в России пускающих слух о том, что румынский корпус мог бы овладеть при благоприятных условиях Бессарабией, и более того, направляющих через Прут эмиссаров для пробуждения среди молдавских крестьян национальных чувств, бессарабским губернским властям, по его мнению, никак нельзя было упускать всё это из виду⁴³.

На годы дипломатической службы М.Н. Гирса в Румынии пришлось строительство при иностранной помощи порта в Констанце, «морских ворот» страны, в целом отвечавших современным европейским стандартам, — этой теме, а в более широком плане интеграции (довольно успешной) в румынское государство Добруджи, приобретенной в 1878 г. волей великих держав, и ее румынизации⁴⁴ в документах дипмиссии уделялось большое внимание. Проекты превращения Румынии в морскую державу предполагали и создание военно-морского флота, что, по мнению Гирса, не отвечало российским интересам как знак чрезмерного и слишком демонстративного военного усиления соседней малой страны⁴⁵.

В бытность посланником в Бухаресте М.Н. Гирс уделял должное внимание отношению румынской элиты и более широкого общественного мнения к положению этнических румын в соседних

не основанными на реальной оценке ситуации. См.: Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 688. Л. 47, 55.

⁴³ Там же. Д. 2796.

⁴⁴ Данные о менявшемся национальном составе этого поликультурного края постоянно приводились и в документах российской дипмиссии. Следует иметь в виду, что начиная со Средневековья Добруджа была пристанищем для мигрантов и на момент ее вхождения в состав Румынии здесь проживали как мусульмане (турки; потомки переселившихся крымских и буджакских татар), составлявшие в конце XIX в., по встречающимся в источниках данным, не менее трети населения края, так и православные румыны, болгары, греки, а на севере, близ устья Дуная, преобладали переселившиеся целыми селами сюда, на пустующие земли Османской империи, русские старообрядцы-липоване, а также украинцы (выходцы из Запорожской Сечи). И те, и другие проживали в Северной Добрудже компактно. После 1878 г. приглашаются и селятся также немецкие колонисты.

⁴⁵ Чтобы не поощрять такого стремления румынской стороны, он предложил оставить без внимания поступивший из Бухареста в Петербург запрос об аккредитации Россией не только военного, но и военно-морского агента (атташе). См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 169–170.

странах — Австро-Венгерской монархии, где более 3 млн румын проживало в Трансильвании, Банате, Восточной Венгрии, Буковине⁴⁶, а также в Российской империи, где они компактно проживали (численностью более 1 млн человек) не только в Бессарабской, но и в Херсонской губернии. Российский дипломат обращал внимание на всеобщность убеждения румын в том, что «этнографическая карта» (так определил он карту расселения румын) далеко заходит за пределы «карты политической», т.е. за пределы Королевства Румыния, и это внушает многим надежды на возможность расширения территории страны. Если другие балканские государства, возникшие на развалинах Оттоманской империи, как правило, ограничивают свои «вожделения» пределами этой империи, «взоры Румынии ввиду ее географического положения прикованы к сопредельным и единоплеменным ей провинциям двух политически мощных империй (т.е. России и Австро-Венгрии. — А. С.). Обстоятельство это, обнаружив всю несбыточность румынских мечтаний, тем не менее их не прекращает; лишая их всяких трезвых основ, оно ведет к болезненному процессу румынского политического мировоззрения, отымая подчас у местных политиканов всякую уравновешенность»⁴⁷. Правительство, отмечал он также, старается пробудить в своих подданных чувство единения с соотечественниками за рубежом, воспитывая в них идею о будущем соединении под одной властью⁴⁸. Аналогичный «дух румынской солидарности» поверх существующих границ деятельные агитаторы пытались развить в зарубежных единоплеменниках, получая отпор как российских, так и венгерских властей, но иногда имея успех (например, в австрийской Буковине, где румыны обильно представлены в местном сейме)⁴⁹. Главным, наиболее принципиальным врагом румын пропаганда вполне обоснованно представляла венгров, причем глубоко укорененная вражда к ним весьма причудливо сочеталась с принадлежностью

⁴⁶ В отличие от других вышеперечисленных земель Буковина входила в состав не венгерской, а австрийской половины дуалистической монархии.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 175об.

⁴⁸ Там же. Д. 680. Л. 153–155об.

⁴⁹ См. донесение о приезде делегации румын из Буковины (Там же. Д. 686. Л. 72–73; Д. 1704).

обеих стран к Тройственному союзу⁵⁰. Вена, в свою очередь, понимая взрывоопасность трансильванской проблемы, ставящей под угрозу целостность всей конструкции дуалистической монархии, стремилась по возможности переключить внимание румынской элиты с Трансильвании на Македонию и куцовлахский вопрос, а также на Бессарабию.

М.Н. Гирс особо отмечал влияние на усиление румынского национализма⁵¹ как внутренних потрясений 1905–1907 гг. в России, так и острого политического кризиса 1904–1906 гг. в Венгрии, ставшего первым серьезным внутренним вызовом системе австро-венгерского дуализма, продемонстрировав укрепление венгерских националистических сил, готовых поставить перед Веной вопрос о пересмотре базового соглашения 1867 г. Эти события, по оценке русского посланника, придали новую силу «национальным вождениям румын», причем наиболее горячие из активистов лелеяли надежды, что благодаря смутам в двух соседних империях близок час, когда можно будет «наложить руку на Трансильванию» или по крайней мере добиться пересмотра границ в пользу королевской Румынии⁵². При этом Гирс в своих депешах в Петербург показывал, что не только вышеупомянутый греко-румынский конфликт из-за македонских куцовлахов, но

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 75–78. Возбуждение трансильванских румын против венгров, усилившееся из-за неуступчивости венгерских властей их требованиям, по оценке Гирса, «находит полное сочувствие в их соплеменниках Королевства», а поскольку сношения с венгерскими румынами становятся все ближе, это порождает «здесь надежду, что трансильванцы, нисколько до сих пор не желавшие присоединения к Румынии, отнесутся благоприятнее к этой сильно лелеемой здесь мечте».

⁵¹ Уже используя, хотя и крайне редко, это понятие, он чаще прибегал к другим оборотам, такому, например, как «национальное возбуждение».

⁵² Там же. Д. 680. Л. 5–5об. Российская дипломатия в лице Гирса, хотя и с некоторой осторожностью, но в целом достаточно позитивно воспринимала румынские национальные устремления в отношении Трансильвании, видя в них (исходя из сугубо прагматических соображений) средство причинить дополнительные неудобства конкурирующей державе (Австро-Венгрии). Сложнее обстояло дело с привлечением внимания румынской элиты от бессарабского вопроса переориентацией его на Трансильванию, ведь румынский национализм, как отмечалось выше, был оружием, потенциально угрожавшим территориальной целостности обеих империй.

куда в большей мере вопрос о положении румын в Трансильвании использовался во внутриполитической борьбе королевской Румынии при частой смене правительств и правящих партий: какая бы из партий ни находилась у власти (либералы либо консерваторы с участием «третьих сил»), оппозиция обвиняла действующее правительство в уступчивости, пренебрежении национальными интересами, причем обвиняла в расчете на то, что наберет очки в предвыборной борьбе и, заручившись поддержкой короля, окажется у власти. Наблюдая за перипетиями румынской внутренней политики и критикой разными силами друг друга за невнимание к нуждам трансильванских соплеменников, Гирс неизменно видел в жесткой национальной политике Будапешта фактор в общем благоприятный для России, ибо он способствовал отдалению Румынии от Австро-Венгерской монархии, а значит, хотя бы некоторому усилению в ее внешней политике проантантовского и пророссийского вектора.

Вместе с тем «национальное возбуждение» румын, как справедливо отмечал Гирс, касалось напрямую не только западного соседа королевской Румынии, т.е. Австро-Венгерской монархии, но и (пусть в чуть меньшей степени) ее восточного соседа — Российской империи⁵³. С усилением румынского национализма он связывал заметную активизацию в условиях русской «смуты» румынофильского движения бессарабских молдаван, поддержанного извне, — она отчетливо проявилась уже в 1906 г. с возникновением в Бессарабии прорумынских печатных изданий. По оценке российской дипломатии, даже если вспомнить историю с мятежным броненосцем, бросившим якорь в румынских водах, события, развернувшиеся начиная с 1905 г. в России и «потрясающие ее внутренний строй», не произвели на румынское общество слишком уж сильного впечатления; при отсутствии у здешнего населения серьезных экономических интересов в России оно, несмотря на

⁵³ Как читаем в одном из донесений, висящая на витрине главной яской книжной лавки символическая карта исторических молдавских земель с намеком на румынскую принадлежность Бессарабии и Буковины свидетельствует «о бодрствующем ирредентизме румын, усердно насаждаемом и заботливо культивируемом здесь с молодых лет в подрастающем поколении самую школою» — в этом достаточно убедиться, полистав любой румынский учебник истории (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1704. Л. 26).

близость границы, взирает на происходящее в соседней державе с известным равнодушием, большее внимание привлекает греко-румынский конфликт. Однако это господствовавшее в местном обществе настроение пришлось не по вкусу тем, кто, «не довольствуясь успехами, достигнутыми консервативным правительством в македонском вопросе и считая, вероятно, настоящий момент особенно удобным для расширения своей националистической пропаганды», был «не прочь вызвать далеко не желательные нам осложнения в Бессарабии», считая состояние умов в этом крае благоприятным для такой деятельности ввиду «сильного ослабления русской административной власти и ее престижа»⁵⁴.

По оценкам Гирса, звучавшим в его донесениях 1906–1908 гг., эта работа румынских агитаторов в Бессарабии пока еще не представляла, как отмечалось выше, серьезной опасности для целостности российского государства, однако если она не будет своевременно обуздана, то смогла бы увлечь и «благоразумные элементы», приобретя угрожающие масштабы и приведя к совсем нежелательным последствиям⁵⁵. Поэтому не только губернские власти должны были принять соответствующие меры предосторожности; румынскому правительству также следовало бы заняться осевшими в стране поборниками радикальных национальных устремлений из числа коренных бессарабцев (типа бывшего российского политического ссыльного, а ныне ясского профессора Константина Стере, при поддержке Ионела Брэтиану «прорвавшегося» в румынскую политическую элиту)⁵⁶. И не только ими, но и эмигрировавшими в Румынию русскими социалистами и анархистами, не проявляющими особого интереса к проблеме национального единства румын поверх государственных границ, но склонными (если для этого сложатся условия) использовать и ее как орудие ослабления российской власти⁵⁷. Мощное крестья-

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511/1. Д. 188. Л. 16–20.

⁵⁵ Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 128–129об.

⁵⁶ Как говорил Гирс Я. Лаховари, в интересах самого румынского правительства «положить предел предосудительной пропаганде, могущей привести к нежелательным недоразумениям между нашими государствами» (Там же). В связи с деятельностью Стере см.: Там же. Д. 683. Л. 61–65.

⁵⁷ Как констатировал в письме Гирсу русский консул в Яссах, «соседняя страна становится все более и более излюбленным местом убежища

янское восстание весны 1907 г. в Румынии, и не в последнюю очередь в Запрутской Молдове, в непосредственной близости от российско-румынской границы, лишь усилило озабоченность как дипломатической миссии, так и губернаторской и даже центральной власти, опасавшихся, что усилиями разного рода подстрекателей волнения перекинутся и в Бессарабию с ее отчасти «одноплеменным населением» (этого не произошло)⁵⁸.

Как явствует из его депеши, относившейся к 1906 г., Гирс ожидал, что румынское правительство, заинтересованное в российской поддержке в македонском вопросе (давлении на Константинопольскую патриархию в интересах обеспечения прав куцовлахов на пользование родным языком в богослужении), до некоторой степени обуздает своих пропагандистов, в том числе нашедших прибежище в Румынии радикально настроенных выходцев из Бессарабии. Король Кароль, хотя и поощряет развитие национальных стремлений румын, поддерживая непосредственные сношения «с вожаками румынской народности в Трансильвании и Буковине», вместе с тем в силу присущей ему осторожности, приобретенной за четыре десятилетия правления, никак не решится выступить со знаменем национальных вождедений румын, пока для этого не сложатся благоприятные обстоятельства, способные обеспечить его стране безнаказанность. По мнению Гирса, не подлежало, однако, сомнению, что «благодаря крайнему развитию национальных чувств румыны в душе всегда будут сочувствовать

для известной категории русских политических выходцев, поддерживающих деятельные сношения с последователями небезопасных для нас тенденций и домогательств румынского национализма» (Там же. Ф. 169/2. Оп. 511/1. Д. 189. Л. 25–26). См. также: Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 134–136об.

⁵⁸ Волнения с каждым днем принимают все более тревожный характер, захватывая почти всю страну, телеграфировал Гирс на Певческий мост 12 марта 1907 г.: «...полагаю, что ввиду его эпидемического характера необходимо спешно принять чрезвычайные меры предосторожности, дабы оно не распространилось на Бессарабию» (Там же. Д. 684. Л. 17). См. также: Там же. Д. 683. Л. 145. Весьма показательна также телеграмма Гирсу министра иностранных дел А.П. Извольского от 11 марта: «Происходящие в Молдавии беспорядки ввиду принятых ими размеров по соседству с нашей территорией весьма озабочивают МВД. Благоволите самым тщательным образом собирать сведения о совершающемся и периодически сообщать таковые министерству по телеграфу» (Там же. Д. 684. Л. 15).

всему, что может послужить к сближению бессарабцев с их соплеменниками Королевства»⁵⁹. И сам король внимательно следил за положением в Бессарабии, «клея, может быть, мечту, что приближается время присоединения этой нашей губернии к Румынской короне»⁶⁰. Хотя обстоятельства для этого не сложились, Гирс призывал быть к ним готовыми.

В своей переписке с бессарабскими губернскими властями (а за его 10-летнее пребывание во главе российской миссии в Бухаресте в этой губернии сменилось несколько губернаторов, в том числе такие яркие фигуры, как князь С.Д. Урусов и А.Н. Харузин) М.Н. Гирс не устал им напоминать о стремлении румынского правительства к поддержанию среди румын, разбросанных по разным странам, чувств национального единства. «Оставляя в стороне тенденциозные планы о соединении в будущем румынских народностей под одной властью, я не могу не признать, что систематически проводимые в жизнь идеи эти создают в приграничных к Румынии странах весьма ненадежный элемент, тяготеющий по своим симпатиям к своим иностранноподданным сородичам. Существование означенного элемента необходимо иметь в виду при тех или иных осложнениях»⁶¹. Считая важным выявление настроений в приграничных с Бессарабией румынских уездах, Гирс снабдил консульство в Яссах необходимыми инструкциями.

В 1906–1907 гг., когда на волне революции в российских политических кругах (и в том числе в Государственной думе) дискутировался вопрос о возможном предоставлении автономии некоторым национальным окраинам империи, вести об этом дошли до российской миссии в Румынии. Исходя из своего дипломатического опыта, Гирс приходил к следующему выводу: каков бы ни был взгляд императорского правительства на возможность предоставления автономии нашим окраинам, нельзя допустить, чтобы автономные стремления были искусственно вызываемы пропагандой далеко не беспристрастной, исходящей из соседнего государства⁶².

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2796; Documente privind istoria românilor... Р. 604.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 83–84.

⁶² Там же. Д. 683. Л. 65. Если даже допустить, что Бессарабия действительно «стала уже настолько русскою губернию, что никакие сепар-

Не ограничиваясь в своих донесениях проблемами международных отношений и национальным вопросом, Гирс уделял должное внимание и внутренней политике страны, неотделимой от острой межпартийной борьбы, и ее экономическому развитию. Приоритетным для румынской элиты делом должно было стать, по его глубокому убеждению, разрешение аграрного вопроса, об остроте которого дало знать мощное крестьянское восстание 1907 г. Только принятие чрезвычайных мер могло гарантировать неповторение такого рода потрясений, угрожавших перекинуться и в Бессарабию. Гирс, однако, хорошо осознавал и трудности в преодолении социального конфликта, в котором землевладельцам из знатного боярства и выступавшим от их имени арендаторам (как правило, еврейского происхождения) противостояло обнищавшее крестьянство, по своему материальному положению и культурному уровню отличавшееся в невыгодную сторону не только от румынских крестьян Трансильвании, но и от крестьян Болгарии, где после 1878 г. было по сути ликвидировано феодальное землевладение. По его прогнозам, «немногочисленный, но европейски образованный и опытный в государственном управлении класс землевладельцев — будь то консерваторы или либералы — привыкший сосредоточивать в своих руках все политическое влияние в стране, не легко расстанется со своим привилегированным положением, а с другой стороны, темные народные массы, полные несбыточных надежд на возведенные реформы, едва ли удовлетворятся теми полумерами», на которые готово пойти правительство⁶³. На путь открытого выражения недовольства, продолжал он, их будет толкать пропаганда социализма, свившего себе гнездо в Румынии усилиями, не в последнюю очередь, выходцев из России. Вместе с тем по мере развертывания реформ, которые проводило либеральное правительство с участием молодого Брэтиану, Гирс уже был склонен предостерегать от чрезмерного радикализма реформаторов, по его мнению, чересчур увлеченных

ративные стремления не могут иметь там места, все же не следует терять из виду, что румыны Королевства иначе смотрят на дело; они нисколько не отказались еще от надежды на возможность, хотя бы в отдаленном будущем, воссоединения с Румынией этой области, населенной их сородичами», — читаем в другом донесении Гирса (1908) (Там же. Д. 688. Л. 57–60).

⁶³ Там же. Д. 683. Л. 129–130.

улучшением быта румынского крестьянина в ущерб законным интересам землевладельцев. Слишком радикальным ему показался принятый закон об ограничении площади арендуемых земель, ставивший его инициаторов из либерального лагеря в очень уязвимое положение перед лицом политических противников из стана консерваторов, которые после возвращения к власти предпримут усилия для его пересмотра, что не будет способствовать внутриполитической стабильности⁶⁴.

В донесениях дипмиссии не обходились стороной и проблемы экономических связей России и Румынии. Гирс не раз доводил до сведения Петербурга, что русским предпринимателям имело бы смысл воспользоваться очевидными трениями в торговых отношениях Румынии с Австро-Венгрией в интересах продвижения российских товаров на румынский рынок⁶⁵. По мнению дипмиссии, Россия могла бы успешно выступить в качестве поставщика железнодорожного подвижного состава, рельсов и других продуктов металлургии, причем ее более активное присутствие в экономике стало бы, как постоянно подчеркивал Гирс, и фактором расширения политического влияния в Румынии. В то же время существовала установка не оказывать прямого содействия румынским фирмам в их проникновении на российский рынок, ибо это не способствовало бы развитию отечественного производства в соответствующих отраслях экономики⁶⁶.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 60–61.

⁶⁵ Как отмечалось выше, существовало противодействие венгерских аграриев ввозу в пределы двуединой монархии конкурентоспособной румынской аграрной продукции. Тем не менее в 1909 г. после длительных проволочек Вена пошла на продление двустороннего торгового договора на достаточно выгодных для Бухареста условиях, что поставило Румынию в более благоприятное положение в сравнении с Сербией и Болгарией. Эта уступка, ставшая дипломатическим успехом румынской стороны, была связана с заинтересованностью Австро-Венгрии в том, чтобы заблокировать возникшую на фоне Боснийского кризиса возможность сближения Румынии с Сербией, а в конечном итоге и с Россией.

⁶⁶ Как писал российский консул в Яссах в декабре 1907 г. в оргбюро Всероссийского союза экспортеров и торговых посредников, «было бы однако неосновательно ожидать от русского консульства деятельного участия или хотя бы только содействия в таком предприятии, как задуманное Оргбюро систематическое поощрение и облегчение иностранного ввоза в Россию к явному ущербу родной промышленности» (АВПРИ. Ф. 169/2. Оп. 511/2. Д. 189. Л. 123).

Высокий профессионализм М.Н. Гирса как карьерного дипломата позволял ему нередко давать верные прогнозы, касавшиеся как хода внутривнутриполитической борьбы в Румынии, так и эволюции ее внешней политики. Довольно точны были его характеристики отдельных политиков. Так, в одной из телеграмм 1908 г., адресованных в МИД, он предвидел большое политическое будущее И. Брэтиану младшего, «несомненную роль его в дальнейшем направлении политической жизни страны»⁶⁷. Отмечая его крайний национализм и политический цинизм, выразившийся в готовности воспользоваться внутренними проблемами в Российской империи для активизации пропаганды в Бессарабии⁶⁸, он в то же время обращал внимание на присущие ему гибкость и тактическое мастерство, проявлявшееся в склонности к «свободе рук», нежелании связывать себя далеко идущими обязательствами ни с одной из противостоящих сторон (будь то Тройственный союз или Антанта), в умении выжидать, чтобы встать в конце концов на сторону потенциального победителя — эта тактика в полной мере использовалась в его деятельности во главе румынского правительства в годы Первой мировой войны — постоянные зигзаги Брэтиану, нарушения им договоров, измены недавним союзникам воспринимались во всем мире как апофеоз политической беспринципности, но позволили королевской Румынии не только оказаться в стане победителей, но почти вдвое увеличить свою территорию⁶⁹. В полной мере сбылись в 1918 г. и прогнозы Гирса 1906–1907 гг. касательно притязаний Румынии на Бессарабию, с которыми она не преминет выступить в условиях глубокого внутривнутриполитического кризиса в Российской империи, угрожающего ее развалом.

Говоря же об общей динамике российско-румынских отношений в период пребывания М.Н. Гирса во главе дипмиссии в Бухаресте, то она была позитивной, во многом и благодаря усилиям его как дипломата, успешно и последовательно проводившего на своем конкретном направлении общую линию российского

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 223–224об.

⁶⁸ Там же. Л. 146–148.

⁶⁹ См.: *Виноградов В.Н.* Румынский сфинкс Ионел Брэтиану // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. редактор А.Л. Шемякин. М., 2009. С. 196–220.

МИДа. Как справедливо заметили румынские историки Ф. Соломон и А. Кушко, «конечно, было бы преувеличением утверждать, что напряженность и взаимная подозрительность, настолько часто проявлявшиеся в течение двух десятилетий после Берлинского конгресса, совершенно исчезли, или что Российская империя перестала играть роль некоего “другого”, угрожающего и всегда присутствующего во внешнеполитических соображениях румынских властных структур. Это являлось, скорее, лишь началом постепенной “нормализации” образа России, которая достигнет своей кульминации лишь в период Балканских войн и будет окончательно “освящена”» визитом Николая II в Констанцу в июне 1914 г. «И все же, в эти годы появлялись многократные примеры совместности российской и румынской внешней политики, которые с трудом можно было бы представить ранее. Такая динамика была обусловлена, прежде всего, относительно осторожной политикой России в балканском регионе, начало которой было положено соглашением 1897 г. между Австро-Венгрией и Россией», — заключили они⁷⁰. Россия все более воспринималась румынской элитой как потенциальный партнер по серьезному диалогу в условиях изменения баланса сил в Юго-Восточной Европе.

Донесения и телеграммы Михаила Николаевича Гирса в МИД Российской империи в бытность его посланником в Румынии в 1902–1912 гг. — ценный источник по истории русско-румынских отношений в начале XX в., позволяющий дать их более полную картину и в определенной мере раскрывающий методы, к которым в данный исторический период российская дипломатия прибегала в этой соседней стране, имевшей немалое стратегическое значение для политики Санкт-Петербурга на балканском направлении.

---

⁷⁰ Documente privind istoria românilor... P. 45.

Сведения об авторах

Агансон Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

ORCID: 0000-0002-4736-0789

Алпеев Олег Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

ORCID: 0000-0003-4248-5811

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО), г. Москва.

ORCID: 0000-0002-2316-7116

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт славяноведения РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0002-9573-7018

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0003-2073-2850

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0001-5272-8077

Константинова Юра — доктор исторических наук, профессор, Институт балканистики с Центром фракологии Болгарской академии наук, г. София, Болгария.

ORCID: 0009-0006-6620-0779

Кострикова Елена Гавриловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва.

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН / Институт всеобщей истории РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0001-9092-1193

Котов Виктор Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0003-4262-3129

Кузнецова Светлана Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород.

ORCID: 0000-0002-2443-1185

Лубоцкая Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, г. Москва.

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Мулина Арина Алексеевна — аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

ORCID: 0009-0001-4894-8410

Панов Митко — профессор, Институт национальной истории, Университет им. святых Кирилла и Мефодия в Скопье, г. Скопье, Северная Македония.

ORCID: 0000-0001-5745-9611

Радивоевич Мирослав — PhD, научный сотрудник, Белградский университет, г. Белград, Сербия.

ORCID: 0000-0002-2218-7254

Родин Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Сорожкина Юлия Олеговна — соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0410-650X

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 ГГ.:
ДАЛЕКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ДОЛГОЕ ЭХО**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 7 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 25.11.2024)*

Ответственные редакторы:

Н. С. Гусев, Б. С. Котов

Корректоры:

Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Дизайн обложки:

П. К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 09.12.2024. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,25.

Заказ № 58.

Тираж 500 экз.